Г98 6/12

Г 98 6/12

ОЧЕРКИ

АВСТРО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

ВЪ 1866 ГОДУ.

СЪ БОЛЬШИМЪ ПЛАНОМЪ КЕНИГГРЕЦКАГО ПОЛЯ СРАЖЕНІЯ.

Составилъ М. Драгомировъ,

ПРИ СОДѢЙСТВІИ

Ѳ. А. ФЕЛЬДМАНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ. Лит. № 39.
1867.

ИСТОЧНИКИ.

1) C. von Winterfeld. Geschichte der Preussischen Feldzüge von 1866. Potsdam. 1867.

2) W. Rustow. Der Krieg von 1866 in Deutschland und Italien politisch-militärisch beschrieben 4 abtheilungen. Zurich. 1866.

3) Gv. G. Preussens Feldzug 1866 vom militärischen Standpunkt. Berlin. 1866.

4) A. Borbstaedt. Preussens Feldzüge gegen Oesterreich und dessen Verlündete im Jahre 1866. Berlin. 1866.

5) Fr. Hoffmann. Preussens Krieg für Deutschlands Einheit. Berlin. 1867.

6) Georg Hiltl. Der Böhmische Krieg. Bielefeld und Leipzig. 1867.

7) Feldzug der Nordarmee und ihre Kämpfe vom 23 Iuni bis 22 Iuli 1866. Wien. 1866.

8) Die Theilnahme der II Armee unter den Ober-Commando S-r Kon. Hoheit des Kronprinzen von Preussen am Feldzuge von 1866. Berlin. 1866.

9) Fr. von Zychlinski. Antheil des 2 Magdeburg. Infant Regim. № 27 an dem Gefecht bei Münchengrätz und an der Schlacht von Königgrätz. Halle. 1866.

10) Rud. Broecker. Erinnerung an die Thätigkeit der 11 Infanterie Division und ihrer Artillerie wahrend des Feldzüges 1866. Berlin. 1867.

11) Mr. Hozier. Der Feldzug in Böhmen und Mähren, Berichte und Schilderungen des Correspondenten der Times im Haupt quartier der ersten Armee. Berlin. 1866.

12) Der Krieg im Jahr 1866, kritische Bemerkungen über die Feldzüge in Böhmen, Italien und am Main.

13) Oesterreichs System als die einzig wahre Ursache seiner Niederlage vom militärischen Standpunkt. Leipzig. 1866.

14) Oesterreichische militär. Zeitschrift v. V. Streffleur. Wien. 1866—1867.

Всѣми этими источниками составитель могъ воспользоваться, только благодаря обязательности Ѳ. А. Фельдмана, взявшаго на себя трудъ ихъ перевода.

М. Драгомировъ.

Изъ №№ 3, 4, 5 и 6 „Военнаго Сборника“ 1867 года.

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

ВЪ 1866 ГОДУ.

I.

ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ КЪ ВОЙНѢ.

Борьба между Пруссіею и Австріею началась не въ 1866 году и едва-ли можно сказать, что она этимъ годомъ закончена. Пруссія выросла и ростетъ насчетъ Австріи. Между ними вопросъ побѣды или пораженія есть вопросъ жизни или смерти; при такомъ положеніи, борьба можетъ окончиться только съ совершеннымъ низложеніемъ которой-нибудь изъ нихъ.

Эпоха Фридриха Великаго была первымъ проявленіемъ того роста Пруссіи, который на нашихъ глазахъ поставилъ Австрію на край гибели. Но обстоятельства благопріятствовали Пруссіи и до того необыкновеннымъ образомъ. Ей все пошло въ прокъ: и тщеславіе Фридриха I, дѣда Фридриха Великаго, и скупость его отца, не говоря уже о его собственной геніяльности, и, наконецъ, впослѣдствіи, даже революціонный погромъ.

Понятно, что одни счастливо сложившіяся обстоятельства не могли дать результатовъ, достигнутыхъ Пруссіей, если бы сама прусская раса не представляла сильныхъ задатковъ на успѣхъ. Позволю себѣ отмѣтить болѣе рѣзкія черты этой расы: въ ней много есть такого, чего не представляетъ чистонѣмецкій характеръ. Отличительная черта прусаковъ—это непоколебимая юношеская увѣренность въ своихъ силахъ и превосходствѣ, доходящая въ сношеніяхъ съ чуждыми элементами до полной безцеремонности. Это непривлекательно, но даетъ большой шансъ на успѣхъ, ибо, пока противникъ озадаченъ этимъ, пріобрѣтается возможность обдѣлывать, между тѣмъ, свои дѣла.

Это струнка чисто-практическая, несвойственная нѣмецкому характеру и объясняемая въ прусакахъ историческимъ путемъ: прусская народность возникла изъ нѣмецкаго выселка въ землю чуждую; эмиграціи (*) всегда составляются изъ людей энергическихъ, которые получаютъ тѣмъ болѣе крѣпкій закалъ, чѣмъ въ болѣе трудной борьбѣ находятся съ природой и людьми; въ такомъ положеніи нельзя замечтаться, поневолѣ станешь практичнымъ. Это—общій законъ, примѣнимый ко всякой эмиграціи: вѣренъ онъ и относительно сѣверо-американцевъ, вѣренъ также и относительно великорусскаго племени въ ту эпоху, когда оно сформировалось на финскомъ востокѣ и оттуда пошло на объединеніе Россіи: та же непреклонная настойчивость въ асимиляціи чуждыхъ племенъ; та же удаль и способность рисковать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этому риску не мѣшаютъ свои же руководители. Если и есть разница, то развѣ только въ манерѣ, съ которою та или другая національность берется за дѣло.

Къ этимъ, если можно такъ выразиться, грунтовымъ задаткамъ на практичность и энергію присоединились два начала, способствовавшія развитію той и другой въ высокой степени: разумѣю отношенія въ Пруссіи къ закону въ гражданской жизни и лютеранство. Уваженіе къ закону вошло въ сознаніе прусака, *къ какому бы онъ сословію ни принадлежалъ*. Кому не извѣстенъ анекдотъ о Фридрихѣ Великомъ съ мельникомъ? Кому не извѣстна педантическая неподкупность прусскихъ чиновниковъ? Кому не извѣстенъ порядокъ прусскихъ финансовъ? Кому не извѣстно, наконецъ, то, что военная повинность ложится на прусаковъ болѣе тяжелымъ гнетомъ, нежели на кого бы то ни было, а, между тѣмъ, страна процвѣтаетъ? Все это плоды одного и того же корня—чувства законности. Впослѣдствіи увидимъ, что оно пригодилось прусакамъ и на войнѣ, ибо сознаніе воинскаго долга есть не болѣе, какъ частное проявленіе того же чувства законности. Лютеранство заставило народъ читать; а относительно массъ безусловно вѣрно то, что *гдѣ больше читаютъ, тамъ больше и думаютъ; масса же, сильная въ мысленной работѣ, всегда будетъ бить ту, которая въ этой работѣ слаба.*

Исключенія изъ этого закона могутъ имѣть мѣсто въ томъ только случаѣ, если слабо развитая масса отличается запасомъ

(*) Разумѣя это слово въ обширномъ смыслѣ.

первобытной необузданной энергіи и если она сталкивается съ массой хотя и развитой, но неимѣющей никакой энергіи. Но у прусаковъ развитіе, вслѣдствіе сказанныхъ условій, не исключило энергіи. Они понимаютъ очень хорошо его значеніе, и у каждаго изъ нихъ безпрерывно вертится на языкѣ, что сила ихъ заключается въ интелигенціи и въ томъ, что они не запутаны въ долгахъ. И эти претензіи на интелигенцію, несмотря на то, что проявляются нѣсколько можетъ быть хвастливо, очень и очень основательны: въ настоящую минуту едвали многія изъ европейскихъ государствъ могутъ похвалиться такимъ количествомъ даровитыхъ людей, какимъ обладаетъ Пруссія, начиная отъ Бисмарка и кончая его противникомъ Вирховымъ.

Обратимся къ началу борьбы между Пруссіей и Австріей. Первый сигналъ къ ней подалъ Фридрихъ Великій, который отхватилъ Силезію подъ предлогомъ правъ, выведенныхъ при помощи натяжекъ. Затѣялась война, окончившаяся тѣмъ, что Силезія перешла къ прусакамъ въ 1742 году и, несмотря на послѣдующія войны, осталась за ними.

Изъ этихъ войнъ остановлюсь на кампаніи 1757 года, интересной потому, что она представляетъ во многихъ отношеніяхъ весьма большую аналогію съ послѣдней кампаніей. Та же конфигурація театра войны, разграниченнаго между противниками Руднымъ и Судетскимъ хребтами, отчасти тотъ же планъ вторженія, показавшій, что потомки Фридриха не утратили завѣщаннаго имъ этимъ великимъ человѣкомъ пониманія австрійцевъ. Въ 1757 году Фридрихъ вторгается разомъ съ четырехъ сторонъ въ Богемію: двумя массами изъ Саксоніи, по лѣвому берегу Эльбы, двумя по правому — отъ Герлица и Глаца. Для двухъ лѣвыхъ массъ, шедшихъ по тѣмъ самымъ направленіямъ, которыя избраны прусаками въ 1866 году, пунктомъ соединенія было назначено пространство между Турнау и Гичиномъ; то же видимъ и въ прошломъ году.

Въ 1757 году смѣлый подходъ къ непріятелю въ разрозненныхъ массахъ, по горнымъ дефиле; въ 1866 году то же самое радикальное отступленіе отъ совѣта теоріи—не назначать пункта сосредоточенія тамъ, гдѣ насъ можетъ предупредить противникъ—и тотъ же успѣхъ этого блистательнаго по своей дерзости маневра.

Погромъ 1806 г. долженъ былъ, повидимому, окончатель-

но подорвать только что начинавшую усиливаться Пруссію; на дѣлѣ же онъ принесъ ей энергическое пробужденіе національнаго инстинкта, народную армію, обязательную для всѣхъ сословій государства военную повинность, освобожденіе крестьянъ, нравственный авторитетъ въ Германіи, въ качествѣ государства, возставшаго въ ней первымъ противъ наполеоновскаго ига, и, въ заключеніе, значительное территоріяльное расширеніе.

Войны начала нынѣшняго столѣтія привели и къ другому, весьма важному для Пруссіи, послѣдствію: поднявъ ея авторитетъ въ германскомъ мірѣ, онѣ въ то же время уронили авторитетъ Австріи; двуличное поведеніе послѣдней въ 1813 и 1814 годахъ осязательно для всякаго нѣмца показало, въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на нее, какъ на надежную представительницу германскихъ интересовъ. А между тѣмъ, по вѣнскому трактату, Австрія осталась офиціяльною представительницею германскихъ интересовъ, не имѣя прозорливости добровольно и заблаговременно отказаться отъ того, чего не была въ состояніи за собою удержать. Не трудно представить себѣ тотъ складъ отношеній, который долженъ былъ, вслѣдствіе этого, возникнуть между нею и Пруссіею. Онъ не замедлилъ обнаружиться при первыхъ взрывахъ, бывшихъ слѣдствіемъ реакціи, которая налегла на Европу съ низложеніемъ Наполеона.

Впрочемъ, прежде нежели дошло до открытой вражды, Пруссія дѣлала попытки, и не безуспѣшно, утвердить мирнымъ путемъ нравственный свой авторитетъ. Къ числу мѣръ, наиболѣе къ тому способствовавшихъ, конечно, должно отнести таможенный союзъ. Но всѣ подобныя мѣры по необходимости должны были вести, въ одно и то же время, и къ расширенію правъ народа, и къ стѣсненію прерогативовъ германскихъ владѣтелей. Понятно послѣ этого, что если Пруссія выигрывала въ народномъ расположеніи, то вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была возбуждать антипатію къ себѣ въ германскихъ властителяхъ. Эти послѣдніе душою и сердцемъ лежали къ Австріи, которая по собственному своему составу видѣла спасеніе только въ строгомъ консерватизмѣ, а слѣдовательно должна была поддерживать его и въ сопредѣльныхъ земляхъ.

Событія 1848 и 1849 годовъ, казалось, должны были утвердить наконецъ гегемонію Пруссіи въ Германіи; но это не состоялось. Пришлось ожидать новаго случая; но за нимъ дѣло

никогда не станетъ, если народъ чувствуетъ себя призваннымъ достигнуть извѣстной цѣли. Событія послѣднихъ десяти лѣтъ еще болѣе утвердили въ Пруссіи вѣру въ то, что призваніе ея—объединеніе Германіи. Принципъ національностей, провозглашенный въ Италіи, при содѣйствіи Наполеона III, былъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы сдѣлать попытку примѣненія его и къ Германіи, тѣмъ болѣе, что мечта о нѣмецкомъ единствѣ бродитъ уже давно. Недоставало только человѣка, который былъ бы въ состояніи провести ее въ жизнь. Этотъ человѣкъ явился въ лицѣ графа Бисмарка, назначеннаго первымъ министромъ нынѣ царствующаго прусскаго короля, въ сентябрѣ 1862 года.

Идея германскаго единства имѣетъ въ графѣ Бисмаркѣ давнишняго и настойчиваго адепта: знавшіе этого замѣчательнаго человѣка прежде утверждаютъ, что онъ проводилъ ее совершенно открыто задолго до того времени, когда сталъ въ положеніе перейти къ практической попыткѣ ея осуществленія. Желѣзная настойчивость, способность не останавливаться ни передъ чѣмъ на пути къ поставленной цѣли и такая дипломатическая ловкость, несмотря на рѣзкость тона, въ которой онъ въ настоящую минуту едва-ли имѣетъ себѣ равнаго. Вотъ отличительныя черты характера Бисмарка. Ему все служитъ для достиженія цѣли: и принципъ національностей, несмотря на то, что онъ революціонный; и крайній консерватизмъ прусской дворянской партіи, опираясь на который Бисмаркъ проводитъ вопросы высшаго государственнаго интереса, непостижимые, положимъ, и для благонамѣреннаго, но близорукаго либерализма нижней палаты; и хитрость французскихъ государственныхъ людей, попадающихъ въ собственныя сѣти; и продажность французской прессы и, наконецъ, революціонная партія венгерской эмиграціи. Изъ этого уже видно, что непопулярность его, какъ крайняго абсолютиста и консерватора, едва-ли вѣрна. Консерваторскаго не много во всемъ томъ, на что указано выше. Вѣроятнѣе предположить, что это человѣкъ, который въ данную минуту пользуется тѣмъ орудіемъ, которое ему пригоднѣе для достиженія цѣли. Онъ не изъ тѣхъ людей, которые служатъ партіямъ, но изъ тѣхъ, которые ихъ употребляютъ. Бывшую непопулярность его, сколько мнѣ кажется, скорѣе слѣдуетъ приписать не тому, что онъ проводилъ, а манерѣ, съ которой проводилъ. Отвѣчалъ онъ своимъ противникамъ почти

всегда саркастически и не останавливался при этомъ ни передъ какими рѣзкостями. Онъ не споритъ, не возражаетъ; онъ бьетъ словомъ, и вдобавокъ бьетъ не убивая, а только дразня. Въ подтвержденіе этого укажу на тотъ случай, какъ онъ примѣнилъ однажды къ палатѣ депутатовъ законъ о дерзости слугъ противъ господъ, и на депешу по адресу Австріи передъ войною, о которой буду еще говорить и въ которой онъ заявляетъ, что Австрія желаетъ войны, чтобы или поправить финансы прусскими контрибуціями, или же извинить банкротство неудачей войны.

Поводъ къ началу объединенія Германіи подали герцогства Шлезвигъ и Голштейнъ, давно искушавшія Пруссію, представляя превосходную морскую позицію; благовидный предлогъ къ войнѣ представлялся и въ двойственности положенія Голштейна, какъ датской провинціи и члена Германскаго Союза, и въ томъ, что настояла необходимость защитить нѣмецкое населеніе Шлезвига, яко бы угнетаемое датчанами.

Но Австрія понимала виды Пруссіи и рѣшилась стать имъ въ разрѣзъ тѣмъ, что приняла участіе въ шлезвигъ-голштейнской войнѣ. Австрійскіе государственные люди разсчитывали, что уже самый фактъ совмѣстнаго завоеванія дастъ имъ возможность сдѣлать изъ герцогствъ самостоятельное государство Германскаго Союза и не допустить Пруссію до захвата. Но вышло не такъ, потому что въ Пруссіи безстрашно смотрѣли на могущее возникнуть столкновеніе, желали его и были къ нему готовы. Австрійскіе дипломаты не совсѣмъ, кажется, поняли Бисмарка, считая его своимъ собратомъ въ томъ отношеніи, что онъ будетъ переговариваться сколько угодно, но отъ словъ не рѣшится перейти къ дѣлу.

Считаю небезъинтереснымъ сдѣлать краткій очеркъ шлезвигъ-голштейнскаго столкновенія, ибо оно послужило поводомъ къ австро-прусской войнѣ.

По заключеніи мира съ Даніею, 30-го октября 1864 г., Австрія и Пруссія вступили во владѣніе герцогствами, оставивъ тамъ окупаціонный корпусъ изъ прусскихъ войскъ (6 полковъ пѣхоты, 2 кавалеріи и 3 батареи) и австрійскихъ бригада Калика—7 баталіоновъ, 2 эскадрона, 1 батарея).

Вскорѣ по заключеніи мира, Австрія предложила Пруссіи уступить герцогства Фридриху Аугустенбургскому; но здѣсь и обнаружилось, что Пруссія вовсе и не думала отказываться отъ

завоеванія. Австрія, опираясь на свои права какъ завоевателя и на франкфуртскій сеймъ, думала застращать Пруссію громкими словами въ родѣ того, что „союзъ не долженъ терпѣть, чтобы въ его составъ могъ быть введенъ несамостоятельный членъ“. Но Пруссія отвѣчала на это, что бранденбургскій домъ имѣетъ также права на завоеванную территорію, и что самый фактъ завоеванія уничтожаетъ какія бы то ни было постороннія наслѣдственныя права.

Впрочемъ, въ концѣ февраля 1865 г., Пруссія сообщила австрійскому кабитету тѣ условія, на которыхъ она можетъ согласиться на уступку герцогствъ кому-либо изъ претендентовъ, *имѣя въ виду свои и общегерманскіе интересы*. По мнѣнію прусскаго кабинета, эти интересы требовали: 1) Чтобы вооруженныя силы герцогствъ, сухопутныя и морскія, составляли нераздѣльную часть прусской арміи, а желѣзно-дорожное и телеграфное управленія были слиты съ прусскими; вмѣстѣ съ тѣмъ Шлезвигъ-Голштейнъ вступаетъ въ таможенный союзъ. 2) Чтобы содержаніе вооруженныхъ силъ было предоставлено Пруссіи, за извѣстное ежегодное вознагражденіе, которое должны уплачивать герцогства. 3) Чтобы система обороны герцогствъ была опредѣлена по соглашенію ихъ правительства съ прусскимъ, но на основаніи общихъ военныхъ цѣлей и потребностей, *признанныхъ Пруссіею*. 4) Чтобы Пруссіи, за защиту герцогствъ, были уступлены: а) Зондербургъ съ пространствомъ по обоимъ берегамъ Альзунда; б) пространство для обезпеченія кильской гавани и крѣпости Фридрихсортъ; в) пространство при устьяхъ проектированнаго канала и надзоръ на протяженіи его. Видно и безъ объясненія, что, при подобныхъ условіяхъ, Шлезвигъ-Голштейнъ пользовался бы только номинальною, а не дѣйствительною самостоятельностію. Въ Австріи не могли, конечно, согласиться на подобныя условія, и Менсдорфъ, въ началѣ марта, довольно рѣшительно заявилъ это несогласіе, прямо замѣтивъ, что требованія, поставленныя такимъ образомъ, имѣютъ въ виду не германскіе, а собственно прусскіе интересы.

Переговоры на нѣкоторое время были прекращены, не только не уяснивъ положенія, но сдѣлавъ его еще болѣе натянутымъ. Австрія не могла, конечно, оставить этого дѣла такимъ образомъ, ибо не могла и думать, и по отдаленности, и по недостатку средствъ, объ утвержденіи въ герцогствахъ

такого вліянія, которое преобладало бы надъ прусскимъ или покрайней мѣрѣ равнялось ему. Вслѣдствіе этого она рѣшилась дѣйствовать чрезъ сеймъ; большинство его членовъ, какъ представителей мелкихъ владѣній, государямъ которыхъ ясно было видно, что участь, постигшая Шлезвигъ-Голштейнъ, рано или поздно ожидаетъ и ихъ, было совершенно расположено поддерживать австрійское предложеніе о кандидатурѣ принца Аугустенбургскаго. Вслѣдствіе этого, въ апрѣлѣ 1865 г., въ сеймъ поступило предложеніе о томъ, чтобы онъ высказалъ „полное надежды ожиданіе, что правительства Австріи и Пруссіи благоволятъ передать герцогства принцу Аугустенбургскому; о рѣшеніи же относительно герцогства Лауэнбургъ не откажутъ сообщить союзу“. Предложеніе это было принято большинствомъ голосовъ. Имѣлъ ли средства сеймъ поддержать это рѣшеніе, и рѣчи быть не можетъ; онъ этихъ средствъ не имѣлъ: опредѣленія его, какъ нѣкогда опредѣленія амфиктіонова судилища, тогда только могли имѣть значеніе, когда ихъ желали слушаться. Это одно уже показываетъ, что эта меттерниховская организація совершенно лишена была жизненной силы, и если не развалилась ранѣе, то благодаря только искуственной поддержкѣ.

При меньшей рѣшительности Бисмарка и при менѣе ясномъ пониманіи того, чего Пруссія можетъ ожидать отъ сейма, подобное заявленіе, можетъ быть, нѣсколько и запугало бы прусаковъ; но Бисмаркъ, ставъ на ту точку, что призваніе Пруссіи заключается въ объединеніи Германіи, видѣлъ совершенно ясно, что, кромѣ опозиціи, ничего и не можетъ встрѣтить въ сеймѣ. Главное, чего Пруссія могла опасаться, въ случаѣ открытаго столкновенія, это, конечно, иностраннаго, и именно французскаго, вмѣшательства; но съ этой стороны Бисмаркъ обставилъ себя превосходно. Онъ умѣлъ усыпить французскій кабинетъ. не связавъ себя въ то же время никакими положительными обязательствами. Можетъ быть, это ему и не удалось бы, если бы не общераспространенное во Франціи убѣжденіе, что прусаки будутъ побиты въ случаѣ столкновенія съ австрійцами. При этомъ убѣжденіи, французскому кабинету не только не было интереса останавливать прусаковъ, а, напротивъ, представлялось выгоднымъ по возможности расположить ихъ къ столкновенію. Предполагая неудачный исходъ этого послѣдняго, можно было бы явиться посредникомъ въ самую кри-

тическую минуту, конечно, за извѣстное вознагражденіе со стороны Рейна. Правда, это только гипотеза; но мы не можемъ объяснить себѣ того спокойно-созерцательнаго положенія, въ которомъ оставались во Франціи до самой кенигрецкой битвы, ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что тамъ разсчитывали на пораженіе прусаковъ. Не менѣе ловко обставилъ себя Бисмаркъ и съ другой весьма важной въ наше время стороны: со стороны такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Что это въ наше время большая сила — въ томъ и спора быть не можетъ; но что оно бываетъ нерѣдко силою слѣпою, которую можно направить газетами въ какую угодно сторону, то это тоже едвали подлежитъ сомнѣнію. Пусть припомнятъ, какъ ловко, при помощи французскихъ газетъ, было подготовлено общественное мнѣніе западной Европы противъ насъ въ эпоху польскаго возстанія, и, вѣроятно, согласятся съ нами.

Прусаки, предпринимая завоеванія, и притомъ въ центрѣ Европы, распорядились такъ ловко, что объ этомъ французскія газеты почти не говорили въ моментъ исполненія; а когда нѣкоторыя изъ нихъ начали кричать, дѣло было уже покончено.

Итакъ, и правительство, и общественное мнѣніе во Франціи если не восторгались, то, во всякомъ случаѣ, и не перечили стремленіямъ Пруссіи, тѣмъ болѣе, что исходъ ихъ никому и въ голову не могъ придти.

И въ этомъ случаѣ нельзя не отдать справедливости геніяльной ловкости, съ какою Бисмаркъ умѣлъ обставиться со всѣхъ сторонъ. Всѣмъ памятно, вѣроятно, какъ, при началѣ столкновенія, говорили, что оно затѣвается для того только, чтобы отвлечь вниманіе прусаковъ отъ внутреннихъ дѣлъ; сами прусаки вѣрили въ это; вѣроятно, по личному опыту, вѣрили въ это также и во Франціи. При такой обстановкѣ, кому же могло придти въ голову, что дѣло окончится слитіемъ большей части Германіи?

Обратимся къ Шлезвигъ-Голштейну. Столкновенія между австрійскими представителями власти и прусскими шли своимъ чередомъ. Они были неизбѣжны, ибо Пруссіи хотѣлось во что бы то ни стало овладѣть герцогствами, хотя бы даже и съ ограниченіями; Австріи же хотѣлось не допустить этого захвата, въ какой бы онъ формѣ ни состоялся.

Это должно было заставить антагонистовъ войти въ новые переговоры. Въ искреннемъ расположеніи уладить дѣло не

было недостатка, доказательствомъ чего служитъ то, что государи Пруссіи и Австріи лично съѣхались для соглашенія въ Гаштейнъ; но рядомъ съ этимъ расположеніемъ было не менѣе, если не болѣе, сильно и стремленіе съ каждой стороны добиться задушевныхъ своихъ цѣлей, діаметрально противоположныхъ другъ другу.

Тѣмъ не менѣе, соглашеніе, хотя призрачное только, состоялось въ формѣ гаштейнскаго трактата, ратификованнаго 20-го августа 1865 года.

Для Пруссіи онъ былъ положительной побѣдой, ибо сводилъ Австрію съ точки той строгой послѣдовательности основнымъ постановленіямъ Германскаго Союза, которой до того она старалась держаться.

По этому трактату управленіе герцогствами было раздѣлено между Пруссіей и Австріей: первая взяла Шлезвигъ, вторая Голштейнъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ принципѣ признавалась *общность владѣтельныхъ правъ обѣихъ державъ надо всей завоеванной территоріей.* Пруссія и Австрія обязывались въ то же время предъявить сейму о необходимости заведенія союзнаго флота, а въ ожиданіи утвержденія этого предложенія со стороны германскаго сейма кильскою гаванью могутъ пользоваться одинаково какъ прусскій, такъ и австрійскій флотъ (*); *но командованіе, полицейскій надзоръ и всѣ территоріяльныя права, необходимыя для всесторонняго обезпеченія этой гавани, предоставляются Пруссіи.* Остальные пункты касаются этапныхъ дорогъ для Пруссіи по Голштейну, телеграфныхъ линій и желѣзныхъ дорогъ, объявленія Рендсбурга союзной крѣпостію, устройства сѣвернаго канала; послѣдній пунктъ, относительно герцога Лауэнбургскаго, гласилъ, что императоръ австрійскій передаетъ свои права на него королю прусскому за 2,500,000 талеровъ. Такимъ образомъ, присоединеніе земли, составлявшей собственность Германскаго Союза, началось.

Гаштейнскій трактатъ поднялъ немалый шумъ: не говоря уже о германскихъ мелкихъ владѣтеляхъ, противъ него протестовали Франція и Англія. Какъ кажется, тамъ начали понимать, что едва-ли онѣ поступили разсчетливо, допустивъ разыграться шлезвигъ-голштейнской войнѣ. Кромѣ того, національная партія видѣла въ этомъ деспотическій захватъ союзной территоріи. Наконецъ и прусская палата также изъявила не-

(*) Только какъ было попасть послѣднему въ эту гавань?

удовольствіе на присоединеніе Лауэнбурга безъ согласія камеръ, ибо прусскій король по конституціи не можетъ быть владѣтелемъ чужихъ земель, и изъ-за обладанія которыми могутъ возникнуть затрудненія для Пруссіи.

Но къ опозиціи палатъ уже привыкли; привыкли также и къ тому, чтобы не обращать на нее вниманія. Не касаясь вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ конституціонны подобныя отношенія къ представительству страны, нельзя не замѣтить однакожъ, что они мотивировались въ значительной мѣрѣ отсутствіемъ государственнаго такта и прозорливости со стороны представителей по многимъ вопросамъ, и въ особенности по вопросу о реорганизаціи арміи, о которомъ скажу ниже.

Король прусскій уплатилъ условленную сумму изъ своей кассы, и 18-го сентября прусаки заняли Лауэнбургъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прусаки очистили Голштейнъ, губернаторомъ котораго назначенъ Габленцъ; въ помощь ему по гражданскому управленію оставленъ Гальбгуберъ; губернаторомъ Шлезвига назначенъ Мантейфель и при немъ, во главѣ гражданскаго управленія, Цедлицъ.

Первое время по заключеніи гаштейнскаго трактата сулило согласіе между союзниками: они единодушно адресовали угрожающую ноту сейму, въ отвѣтъ на протестъ противъ гаштейнскаго трактата; съ такимъ же единодушіемъ они отвѣчали отказомъ на предложеніе сейма о скорѣйшемъ созваніи чиновъ Голштейна для рѣшенія его судьбы и о содѣйствіи включеніи Шлезвига въ составъ Германскаго Союза.

Но это единодушіе не было продолжительно. Вскорѣ возобновилось то же, что было и до гаштейнскаго трактата, только съ нѣкоторыми варіантами. Между тѣмъ какъ въ Пруссіи вопросъ о правѣ владѣнія подвергли обсужденію кронъ-юристовъ, которые признали, что всѣ права на герцогства истекаютъ изъ мира 30-го октября, которымъ право аугустенбургскаго дома уничтожено, если бы оно даже и существовало, австрійскія власти въ Голштиніи продолжали не только допускать, но даже поощрять агитацію въ пользу принца Аугустенбургскаго, несмотря на заявленіе Бисмарка, что подобная агитація должна быть разсматриваема какъ измѣна, ибо направлена противъ верховныхъ правъ на герцогства австрійскаго и прусскаго государей. Взглядъ этотъ былъ выраженъ въ нотѣ отъ 20-го января 1866 г., въ которой былъ даже сдѣланъ намекъ, что поведеніе

голштейнской администраціи можетъ повести къ уничтоженію добрыхъ отношеній, установившихся между обоими кабинетами.

Бисмаркъ не остановился на этой нотѣ: собраніе шлезвигъ-голштейнскаго ферейна въ Альтонѣ, позволившаго себѣ самыя рѣзкія выходки противъ Пруссіи, подало поводъ къ новой нотѣ. Въ этой нотѣ Бисмаркъ, напомнивъ о прекрасныхъ дняхъ Гаштейна и Зальцбурга, когда онъ увлекался мыслію, что Пруссія и Австрія будутъ дѣйствовать заодно противъ революціонныхъ тенденцій, приходитъ къ разочарованію въ этой надеждѣ.

„Если въ Вѣнѣ расположены спокойно смотрѣть на революціонное перерожденіе издавна извѣстнаго своимъ консервативнымъ смысломъ превосходнаго голштинскаго населенія, то Пруссія принимаетъ окончательно рѣшимость не дѣйствовать такимъ образомъ.“

„Гаштейнскій трактатъ—продолжаетъ Бисмаркъ—только временно допустилъ раздѣленіе герцогствъ; но Пруссія имѣетъ право требовать, чтобы Австрія, въ теченіе этого переходнаго періода, сохранила statu quo въ Голштиніи на столько же, сколько обязана сохранить его Пруссія въ Шлезвигѣ. Прусское правительство проситъ вѣнскій кабинетъ обратить вниманіе на это обстоятельство и дѣйствовать сообразно съ нимъ. Въ случаѣ полученія уклончиваго или отрицательнаго отвѣта, Пруссія будетъ приведена къ убѣжденію, что Австрія, *подъ вліяніемъ традиціоннаго антагонизма*, не разсчитываетъ долгое время идти съ нею по одному пути. Убѣжденіе это было бы, конечно, крайне тягостно; но Пруссія должна же наконецъ уяснить себѣ истину. Если, такимъ образомъ, ее лишатъ возможности дѣйствовать заодно съ Австріею, то она должна тѣмъ самымъ пріобрѣсть *полную свободу* въ дѣлахъ своей политики и пользоваться ею сообразно своимъ интересамъ.“

Дѣло, кажется, становилось ясно. На столь рѣшительное заявленіе, Австріи, кажется, проще всего было бы отвѣтить, что она не намѣрена допустить утвержденія власти Пруссіи въ герцогствахъ и будетъ противодѣйствовать этому всѣми зависящими отъ нея средствами; но прямые отвѣты не въ привычкахъ австрійскихъ дипломатовъ. Отвѣтъ отъ 7-го февраля послѣдовалъ уклончивый. Австрійскій кабинетъ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность въ томъ, что эльбскія герцогства находятся еще въ неопредѣленномъ состояніи; онъ считаетъ себя въ дѣлѣ управленія Голштиніей на весь переходный періодъ

совершенно свободнымъ и не можетъ допустить въ этомъ отношеніи чьего бы то ни было контроля, и т. д. Бисмаркъ не отвѣчалъ на эту ноту: такимъ образомъ, Пруссія въ дѣлахъ своей политики получила *полную свободу*.

Молчаніе это не могло, конечно, не встревожить Австріи; нѣсколько времени спустя, это безпокойство обнаружилось въ видѣ дружественнаго освѣдомленія, съ которымъ обратился австрійскій посланникъ въ Берлинѣ, графъ Кароли, къ Бисмарку относительно того, что̀ этотъ послѣдній разумѣетъ подъ свободой политики. Бисмаркъ отвѣчалъ на это освѣдомленіе, что это значитъ, что Пруссія и Австрія становятся въ такія отношенія, въ какихъ онѣ находились до 1864 года.

Симптомы были на столько тревожны, что̀ необходимость быть готовымъ на всякій случай начала ощущаться весьма сильно, тѣмъ болѣе, что и неосторожныя слова Ламарморы въ палатѣ, 8-го марта, заставляли подозрѣвать тайное соглашеніе между Пруссіею и Италіею. Императоръ Францъ-Іосифъ собралъ въ Вѣнѣ, для совѣщаній, командировъ армій и корпусовъ и нѣкоторыхъ другихъ генераловъ. Результатомъ совѣщаній была рѣшимость приступить къ вооруженіямъ, ибо Австрія, по своей военной системѣ, нуждается въ большемъ времени для приведенія войскъ на военное положеніе, нежели Пруссія. Приготовленія къ нему были сдѣланы еще въ февралѣ 1866 года; вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ переговорамъ, въ одиночку, съ болѣе дружественными изъ второстепенныхъ германскихъ государствъ, съ тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ и ихъ содѣйствіе.

Въ мартѣ мѣсяцѣ вооруженія въ Австріи и въ мелкихъ владѣніяхъ приняли такой характеръ, что Пруссія не могла не обратить на нихъ вниманія и рѣшилась сдѣлать запросъ о томъ, какія причины побуждаютъ Австрію прибѣгать къ нимъ.

Отвѣтъ полученъ странный: вооруженія были мотивированы жестокими преслѣдованіями жидовъ чешскимъ населеніемъ; тѣмъ болѣе странный, что полки сосредоточивались къ прусской границѣ, гдѣ и помина не было о преслѣдованіи жидовъ.

Пруссія отвѣчала на мобилизацію войскъ приказомъ, опредѣлявшимъ тяжкія наказанія за всякое покушеніе къ подрыву власти въ герцогствахъ короля прусскаго и императора австрійскаго. Это подало поводъ къ новому освѣдомленію графа Кароли: не хочетъ ли Пруссія силою разорвать гаштейн-

скій трактатъ? Бисмаркъ отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что въ дѣлахъ такого рода словесныя объясненія ничего не значатъ, ибо они невѣрно понимаются и дурно истолковываются, и что если австрійскому посланнику угодно получить болѣе обстоятельное объясненіе, то не соблаговолитъ ли онъ письменно формулировать свой вопросъ. Этого сдѣлано не было, а, между тѣмъ, вооруженія принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

Дѣло, казалось, достаточно назрѣло подъ покровомъ интригъ и дипломатической тайны для того, чтобы перевести его въ область открытаго разрѣшенія, вооруженною силою. Подходило время противникамъ посчитать свои силы.

Австрія, враждебная всякому ходу впередъ, понимающая основнымъ условіемъ своего существованія безусловный консерватизмъ, совершенно удовлетворяла тенденціямъ нѣмецкихъ партикуляристовъ и, слѣдовательно, могла разсчитывать на ихъ содѣйствіе въ случаѣ борьбы. Она являлась естественной защитницей установившагося въ Германіи порядка и потому была увѣрена въ сочувствіи всѣхъ мелкихъ владѣтелей Германіи, за исключеніемъ тѣхъ только, которые находились, по географическому положенію своихъ владѣній, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Пруссіи.

И, сколько можно судить, въ разсчеты австрійскаго кабинета входило, какъ немаловажное условіе успѣха въ борьбѣ, содѣйствіе этихъ мелкихъ владѣтелей и то, что Пруссія очутится изолированною въ германской средѣ. Но Австрія ошиблась въ одномъ: эти мелкіе владѣтели, какъ непризванные ни къ какой политической роли, не были нисколько заинтересованы въ мирное время держать свои вооруженныя силы въ удовлетворительномъ состояніи; отъ этого мобилизація сказанныхъ силъ могла быть произведена не иначе, какъ съ большими проволочками. Притомъ же, эти владѣтели, даже предполагая соединеніе ихъ въ виду общей опасности, не могли совершенно отрѣшиться отъ соперничества между собою. Однимъ словомъ, разсчитывать на то, чтобы ихъ контингенты могли скоро собраться, составить что-нибудь цѣлое, представляющее одну душу и одно тѣло, было полнѣйшей иллюзіей. При этомъ можно подивиться одному только, именно тому, что австрійскіе государственные люди забыли затаенную цѣль установленія Германскаго Союза, высказанную ихъ же праотцемъ

Меттернихомъ, которому принадлежитъ и идея его созданія. „Они (члены Германскаго Союза) могутъ копошиться сколько угодно, но никогда ничего не сдѣлаютъ.“ Организація была соображена въ этомъ смыслѣ дѣйствительно превосходно: большая часть членовъ Германскаго Союза ничего сдѣлать не могли; и странно, что Австрія думала теперь найти силу тамъ, гдѣ прежде хлопотала о развитіи безсилія.

Пруссія не сомнѣвалась во враждебномъ отношеніи къ себѣ мелкихъ владѣтелей; но это ее не заботило. Бисмаркъ изъ тѣхъ людей, которые прямо смотрятъ на вещи; онъ не только не боялся этой вражды, но желалъ ее: чѣмъ открытѣе она обнаружилась бы, тѣмъ болѣе будетъ основанія не церемониться впослѣдствіи съ тѣми, кто ее обнаружитъ. Пришлось поискать союзниковъ внѣ Германіи. Въ продолжительность союза съ Австріею Бисмаркъ плохо вѣрилъ и, на случай разрыва, заранѣе озаботился, чтобы Пруссія не осталась одна противъ соединенныхъ силъ Австріи и Германіи. Союзникъ представлялся вполнѣ искренній, ибо союзъ былъ и въ его интересахъ: это была Италія. Дѣло было начато издалека: въ половинѣ 1865 года Пруссія вступила съ Италіею въ переговоры о заключеніи торговаго трактата между ею и таможеннымъ союзомъ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ переговоровъ было признаніе Итальянскаго королевства мелкими германскими владѣтелями, входившими въ составъ таможеннаго союза, и вслѣдъ затѣмъ торговый трактатъ, состоявшійся 31-го декабря 1865 года. Послѣ этого въ поводахъ къ сближенію не было недостатка; кончилось тѣмъ, что, въ случаѣ войны съ Австріею, обѣ стороны не только обязались единодушно дѣйствовать противъ общаго врага, но и положено было, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ права безъ согласія другой заключать не только отдѣльнаго мира, но даже и перемирія. Окончательно состоялось это дѣло въ мартѣ 1865 года, черезъ графа Говоне.

Между тѣмъ, благодаря иниціативѣ Австріи, Пруссіи можно было приступить къ вооруженіямъ и у себя дома. Передъ началомъ вооруженій въ Пруссіи заговорили уже совершенно открыто о томъ, къ чему она имѣетъ въ виду стремиться. Въ депешѣ отъ 24-го марта, Бисмаркъ заявилъ мелкимъ и среднимъ государствамъ о необходимости, въ которую поставлена Пруссія вооруженіями Австріи, принять и со своей стороны мѣры къ охраненію Силезіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы уяснить

положеніе, онъ спрашивалъ помянутыя государства: на что Пруссія можетъ разсчитывать съ ихъ стороны, въ виду могущихъ возникнуть столкновеній. Къ этому прибавлено было, что въ настоящемъ своемъ устройствѣ союзъ не достигаетъ цѣли; что, въ случаѣ нападенія со стороны Австріи, Пруссія можетъ разсчитывать на поддержку не союза, а отдѣльныхъ государствъ, которыя рѣшились бы оказать эту поддержку вопреки духу союза. Желая знать, отъ кого она можетъ ожидать этой поддержки, Пруссія предупреждаетъ въ то же время, что, каковъ бы ни былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, она будетъ настаивать на необходимости политической и военной реформы союза.

Капитальную часть этой депеши составляла, конечно, угроза реформы союза, немогшей нравиться мелкимъ владѣтелямъ, такъ какъ она могла имѣть только одинъ исходъ — стѣсненіе ихъ самостоятельности, въ ожиданіи полнаго ея уничтоженія.

Мелкія государства отвѣтили на этотъ запросъ 11-й статьей союзнаго акта, въ силу которой союзныя государства обязываются ни въ какомъ случаѣ не воевать другъ съ другомъ, а всѣ могущія между ними возникнуть распри повергать на рѣшеніе сейма, который принимаетъ мѣры къ соглашенію противниковъ, а въ случаѣ неудачи произноситъ приговоръ объ исключеніи виновныхъ изъ Союза.

Между тѣмъ, Пруссія, декретами 27-го и 29-го марта, предписала начать переходъ на военное положеніе. Баталіоны въ провинціяхъ, угрожаемыхъ опасностію, предписано привести въ усиленный мирный составъ. Полевая артилерія также поставлена на военную ногу и приступлено къ вооруженію крѣпостей. Это подало поводъ къ дипломатической полемикѣ, тонъ которой все менѣе и менѣе становился парламентарнымъ. Она представляетъ неизбѣжное почти явленіе передъ началомъ каждой войны и состоитъ изъ взаимныхъ упрековъ на ту тему, кто первый началъ вооружаться, изъ предложеній разоружиться, изъ возраженій въ томъ родѣ, что нельзя разоружиться, когда и не думали вооружаться, что Австрія вооружается не противъ Пруссіи, а противъ Италіи, и притомъ во имя не однихъ своихъ, но и германскихъ интересовъ, и проч., и проч. Поэтому, не останавливаясь на подробностяхъ этой переписки, которая никогда не вела къ тому, чтобы уладить дѣло, укажемъ только на главнѣйшіе фазисы ея до того времени,

когда она привела между Пруссіею и Австріею къ окончательному разрыву.

Депешей, давшей новый толчокъ развитію событій, было обращеніе Менсдорфа къ Бисмарку еще разъ серьезнѣе обдумать шлезвигъ-голштейнское дѣло, что въ переводѣ значило отдать Шлезвигъ-Голштейнъ принцу Аугустенбургскому, не дѣлая въ то же время уступокъ Пруссіи, которыхъ послѣдняя требовала въ своихъ и германскихъ интересахъ. Въ отвѣтъ на это Бисмаркъ рѣшительно заявилъ волю Пруссіи держаться вѣнскаго мира и гаштейнскаго трактата, которыми всякое вмѣшательство третьяго, а слѣдовательно и Германскаго Союза, исключается. Вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія приглашалась дѣйствовать заодно съ Пруссіею въ реформѣ союза. Отвѣтъ можно было предвидѣть.

При этомъ было прибавлено, что Пруссія готова вступить въ переговоры о томъ, на какихъ условіяхъ Австрія можетъ отказаться отъ своихъ правъ на Голштейнъ.

Предложеніе о реформѣ Союза дѣйствительно было сдѣлано 9-го апрѣля. Не буду останавливаться на немъ, ибо вскорѣ послѣдуетъ повтореніе его, только болѣе энергическое. Замѣчу только, что сеймъ сдѣлалъ попытку отдѣлаться отъ этого предложенія, пустивъ его на обсужденіе возможно длиннымъ путемъ. Довольно сказать, что комисія для его разбора назначена была только 21-го апрѣля.

Такъ какъ вооруженія продолжались, то Пруссія вслѣдъ затѣмъ обратилась къ Саксоніи, какъ къ ближайшей сосѣдкѣ, съ запросомъ: въ какомъ положеніи находятся ея вооруженія, и требовала, чтобы они были пріостановлены. Бейстъ отвѣчалъ на это предложеніе просьбою къ сейму: „не благоугодно ли будетъ ему постановить рѣшеніе о предложеніи Пруссіи, чтобы союзу былъ данъ покой на основаніи 11-й статьи союзнаго акта“. Предложеніе это было принято 24-го мая, несмотря на протестъ прусскаго посланника противъ примѣненія статьи 11-й, такъ какъ Пруссія на Саксонію не нападала; отвѣтъ на предложеніе требовался къ 1-му іюня отъ обѣихъ сторонъ.

Къ этому же времени относится попытка первостепенныхъ державъ уладить дѣло путемъ конференціи—то же явленіе, которое входитъ какъ бы въ привычку европейской дипломаціи, хотя и служитъ болѣе къ потерѣ времени, нежели къ чему-нибудь положительному.

Настало 1-е іюня; полемика, тянувшаяся уже такъ долго, повторилась еще разъ передъ лицомъ сейма.

Австрійскій посланникъ объявилъ, что Австрія зашла въ уступкахъ относительно Пруссіи такъ далеко, какъ только позволяли достоинство Австріи и право Германскаго Союза.

Пруссія становилась въ своихъ требованіяхъ все притязательнѣе и стремилась осуществить ихъ, несмотря ни на что. Подобно тому, какъ послѣ вѣнскаго мира она угрожала вынудить очищеніе герцогствъ отъ союзныхъ войскъ, въ подобномъ же духѣ она дѣйствовала и противъ Австріи въ вопросахъ о герцогствахъ, обративъ его въ вопросъ силы и опираясь на иноземную помощь. Это обнаружилось еще въ эпоху гаштейнскаго трактата и возобновилось съ той минуты, какъ Австрія отказалась управлять Голштиніей на основаніи принциповъ политики присоединительной.

Угрожаемая съ двухъ сторонъ, Австрія не могла не приступить къ вооруженіямъ, но готова прекратить ихъ противъ Пруссіи тотчасъ же, если будетъ гарантировано, что она не подвергнется нападенію ни въ своихъ земляхъ, ни въ союзныхъ.

Относительно дѣла о герцогствахъ она первая стояла за то, чтобы повергнуть его на усмотрѣніе Союза, но, несмотря на всѣ усилія, не могла склонить къ этому Пруссію. Она предписала созваніе голштейнскихъ чиновъ, дабы знать мнѣніе населенія и принять его въ уваженіе.

На это прусскій посланникъ при Союзѣ, Савиньи, возразилъ, что мобилизація прусскихъ силъ вызвана вооруженіями Австріи и что эти силы будутъ приведены на мирное положеніе только въ томъ случаѣ, если не только Австрія, но и прочіе члены Союза отмѣнятъ свои вооруженія и станутъ къ Пруссіи въ менѣе угрожающее положеніе.

„Если же, паче чаянія, сеймъ не въ состояніи гарантировать миръ, и если члены Союза будутъ сопротивляться столь необходимой и всѣми признанной реформѣ, то изъ этого факта Пруссія должна будетъ вывести то заключеніе, что устройство Союза, въ его настоящемъ видѣ, не соотвѣтствуетъ его задачѣ, и *что она будетъ поставлена въ необходимость положить это убѣжденіе въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ своихъ рѣшеній.*“ Къ этому прусскій посланникъ прибавилъ обычныя оправданія Пруссіи по вопросу о герцогствахъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ Австріи Бисмаркъ видѣлъ оконча-

тельный разрывъ гаштейнскаго трактата: онъ тотчасъ же обратился по этому предмету съ протестомъ въ Вѣну и вмѣстѣ съ тѣмъ адресовалъ ко всѣмъ уполномоченнымъ Пруссіи при европейскихъ дворахъ извѣстную депешу отъ 4-го іюня, въ которой обвиняетъ Австрію въ вызовѣ на войну, мотивируя этотъ вызовъ намѣреніемъ улучшить положеніе своихъ финансовъ или путемъ прусскихъ контрибуцій, или же почетнымъ банкротствомъ, подъ предлогомъ вынужденной будто бы войны. Едва-ли лѣтописи европейской дипломаціи представляютъ документъ болѣе рѣшительный за весь періодъ со времени Наполеона I. Въ этомъ документѣ Бисмаркъ совершенно отрѣшился отъ изворотливости и осторожности, составляющей общую черту европейскихъ дипломатовъ.

Одновременно съ этой депешей было предписано губернатору Шлезвига, какъ только Габленцъ созоветъ голштейнскіе чины, немедленно занять Голштейнъ, предоставляя австрійцамъ занять гарнизоны въ Шлезвигѣ, какъ было до гаштейнскаго трактата. На 5-е іюня Габленцъ назначилъ собраніе голштейнскихъ чиновъ, а 7-го прусаки вступили въ Голштинію, и Мантейфель обратился къ Габленцу съ предложеніемъ организовать совмѣстно съ нимъ управленіе Шлезвигъ-Голштейномъ.

Австрійцы не хотѣли возвращаться въ положеніе до-гаштейнскаго трактата, и такъ какъ со слабой бригадой Калика нельзя было и думать о сопротивленіи, то Габленцъ, сосредоточивъ войска въ юго-западномъ углу Голштиніи, отступилъ черезъ Гамбургъ въ Ганноверъ. По герцогствамъ разрывъ состоялся.

Австрія, конечно, должна была употребить старанія, чтобы свое дѣло сдѣлать общимъ германскимъ. 11-го іюня назначено было экстраординарное засѣданіе, на которомъ австрійскій посланникъ объявилъ, что поведеніемъ Пруссіи въ герцогствахъ уничтоженъ гаштейнскій трактатъ и нарушенъ союзный миръ; потребовалъ для возстановленія послѣдняго мобилизаціи союзной арміи въ теченіе 14 дней; вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ озаботиться о томъ, чтобы резервныя части были въ порядкѣ и чтобы приняты были всѣ мѣры для приведенія арміи въ возможность дѣйствовать.

Прусскій посланникъ объявилъ на это, что онъ не уполномоченъ отвѣчать на столь новое предложеніе.

*

Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскій посланникъ настаивалъ на возможно-скорѣйшемъ рѣшеніи. Въ противность обычаямъ сейма, въ силу которыхъ самое ничтожное дѣло рѣшалось не менѣе, какъ въ три засѣданія, здѣсь положено было дать Австріи отвѣтъ не позже 14-го іюня: такъ велики были опасенія, внушаемыя Пруссіей. Этого довольно было Бисмарку, чтобы и относительно Союза стать въ открытое положеніе. Еще отъ 10-го іюня онъ препроводилъ къ нѣмецкимъ правительствамъ окончательное предложеніе о реформѣ, которое было заготовлено заблаговременно, въ предвидѣніи давно желаемой и такъ ловко подготовленной минуты, для того, чтобы пустить его въ ходъ.

Первая статья этого предложенія включала въ составъ Союза всѣ до того находившіяся въ немъ земли, *за исключеніемъ императорско-австрійскихъ* и королевско-нидерландскихъ. Въ слѣдующихъ пунктахъ, кромѣ устройства дѣлъ общаго интереса, предлагалось: завести нѣмецкій флотъ съ общимъ бюджетомъ и союзными гаванями въ Килѣ и Яде, *подъ верховнымъ завѣдываніемъ Пруссіи;* сухопутныя силы раздѣлить на двѣ арміи: сѣверную и южную. Начальство надъ первой въ мирное время принадлежитъ прусскому королю; надъ второй — баварскому. Каждая изъ нихъ должна имѣть свой общій бюджетъ, опредѣляемый по соглашенію съ представителями націи. Каждая изъ армій управляется, подъ верховною властію помянутыхъ главнокомандующихъ, особымъ военнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ представителей государствъ, дающихъ контингенты въ ту либо другую армію. Этотъ совѣтъ долженъ ежегодно отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ *парламенту*. Расходы по содержанію арміи несетъ каждое изъ государствъ, пропорціонально выставляемому контингенту. Экономія въ военномъ бюджетѣ составляетъ собственность военно-союзной кассы.

Понимается само собою, что союзный, по офиціяльной редакціи, парламентъ и союзная армія должны были на практикѣ обратиться въ прусскій парламентъ, въ прусскую армію. Въ какой мѣрѣ этотъ проектъ могъ понравиться мелкимъ государямъ, изъ которыхъ всякій привыкъ считать себя самостоятельнымъ властителемъ и имѣть хотя и крошечную, но свою армію— видѣть нетрудно. Что же до отношеній Союза къ нѣмецкимъ владѣніямъ австрійскаго императора, то проектъ предлагалъ опредѣлить ихъ впослѣдствіи, по собраніи парламента.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ говоритъ, что такъ какъ предложеніе 9-го апрѣля не имѣло успѣха и настоящее положеніе переговоровъ не оставляетъ даже надежды на то, чтобы оно получило рѣшеніе, то обстоятельство это побуждаетъ Пруссію обратиться съ послѣднимъ предложеніемъ прямо къ своимъ союзникамъ и просить ихъ рѣшить разъ навсегда: расположены ли они, въ случаѣ, если война разрушитъ нынѣшнія союзныя отношенія, заключить союзъ съ Пруссіею на высказанныхъ основаніяхъ.

Роковой для Германіи день 14-го іюня наконецъ наступилъ: будетъ ли принято, или нѣтъ предложеніе Австріи? Прусскій посланникъ протестовалъ противъ всякаго дѣлопроизводства по этому предмету, ибо по формѣ и содержанію австрійское предложеніе противорѣчило всѣмъ условіямъ Союза. Пустили дѣло на голоса: большинство оказалось въ пользу Австріи.

Тогда Савиньи объявилъ, что онъ обязанъ предъявить сейму рѣшеніе Пруссіи: предложеніе Австріи противорѣчитъ устройству Союза и должно быть принято *за прекращеніе его*. Права Союза противъ членовъ простираются не далѣе экзекуціи, для которой предписаны свои формы, пренебреженныя въ австрійскомъ предложеніи. Притомъ же и поведеніе Австріи въ Голштиніи ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться состоящимъ подъ покровительствомъ союзныхъ трактатовъ.

По мнѣнію Пруссіи, сейму слѣдовало вернуть предложеніе Австріи какъ неправомѣрное, но:

„такъ какъ это не было сдѣлано,

„такъ какъ Австрія въ теченіе трехъ мѣсяцовъ вооружается и возбуждаетъ къ тому же и остальныхъ членовъ Союза,

„такъ такъ вслѣдствіе всего этого о значеніи § 2 союзнаго акта, поставляющаго цѣлію внутреннюю и внѣшнюю безопасность Союза, не можетъ быть и рѣчи,

„такъ какъ въ основаніи всѣхъ дѣйствій Австріи лежатъ тайныя соглашенія съ прочими членами Союза,

„*то Пруссіи остается признать уничтоженіе Союза за совершившійся фактъ*“.

Такого оборота дѣла австрійскіе дипломаты, по всей вѣроятности, не ожидали: возстановленіе Союза противъ Пруссіи разрѣшилось уничтоженіемъ Союза. Но это значило какъ бы идти противъ общаго отечества. Бисмаркъ слишкомъ былъ опытенъ

въ дипломатической борьбѣ, чтобы дать противникамъ этотъ шансъ. Объявленіе свое объ уничтоженіи Союза Савиньи закончилъ слѣдующимъ образомъ:

„Тѣмъ не менѣе, Пруссія не только далека отъ мысли считать разрушенными національныя основы, на которыхъ зиждется Союзъ, а, напротивъ, намѣренія ея заключаются именно въ томъ, чтобы придерживаться ихъ и единства нѣмецкой націи, стоящаго выше всѣхъ преходящихъ формъ, и объявляетъ, что она готова, на основаніи проекта реформы отъ 10-го іюня, заключить новый союзъ съ тѣми изъ нѣмецкихъ правительствъ, которыя будутъ къ тому расположены.“

Въ заключеніе прусскій посланникъ, заявивъ о неприкосновенности правъ Пруссіи на собственность ея въ Союзѣ и на распоряженія союзными суммами безъ согласія Пруссіи, оставилъ собраніе.

Дипломатическая кампанія этимъ закончилась: отъ словъ пришло время перейти къ дѣлу. Должно отдать справедливость Бисмарку: ходы были разсчитаны такъ искусно, что ни одна дипломатическая уловка Австріи и ея приверженцевъ не застала его врасплохъ. Пользуясь слабыми сторонами Союза, онъ велъ его отъ одного неразсчетливаго шага къ другому, показалъ все его безсиліе, которое вполнѣ оправдывало послѣдній ударъ его существованію.

II.

СИЛЫ ПРОТИВНИКОВЪ.

Передъ войною прусское королевство имѣло 5,094 кв. миль и 18,500,000 населенія. Ежегодные доходы его простирались до 144,000,000 талеровъ; расходы обыкновенно не превышали доходовъ. Государственный долгъ, по свѣдѣніямъ 1864 года, не превышалъ 280,000,000 талеровъ; запасный капиталъ простирался до 80,000,000. На содержаніе арміи шло 39,300,000 талеровъ; на флотъ 2,300,000 талеровъ.

Нынѣшняя прусская военная организація, получившая радикальное улучшеніе въ 1860 году, зиждется на принципахъ, возникшихъ еще послѣ погрома 1806 года. Обязательство содержать не болѣе 40,000 войскъ, импозированное Пруссіи Наполеномъ по тильзитскому миру, поставило тогдашнихъ ея государственныхъ людей въ необходимость сообразить систему

комплектованія такъ, чтобы, при столь малой постоянной арміи, имѣть въ массѣ населенія возможно-большій запасъ людей, подготовленныхъ къ военной службѣ. Задачу эту можно было разрѣшить только при томъ условіи, чтобы, сдѣлавъ сроки службы возможно менѣе продолжительными, проводить черезъ постоянную армію всю молодежь населенія. При такой системѣ организаціи, постоянныя войска являются болѣе кадромъ учителей для образованія арміи, нежели дѣйствующей вооруженной силой.

Подобная организація представляла и другую слабую сторону: постоянная армія обращалась, по самому роду своихъ обязанностей, въ сословіе школьныхъ педантовъ, въ которомъ мало могло быть военнаго духа. Это явленіе было неизбѣжно съ водвореніемъ продолжительнаго мира, вслѣдствіе котораго люди, видавшіе войну и обучавшіе молодежь военному дѣлу подъ вліяніемъ боевыхъ впечатлѣній, замѣнились мало по малу мирными личностями, которыя, естественно, стали налегать въ обученіи не на то, какъ бить врага, а на выправку, ловкое исполненіе пріемовъ и стройность движенія. Положимъ, что это вещи также необходимыя, но онѣ не только не исключительныя, но даже и не главныя въ военномъ ремеслѣ.

Послѣдствія всего этого понятны: молодой человѣкъ, едва поступивъ на службу, болѣе расположенъ былъ мечтать о томъ, скоро ли онъ изъ нея выйдетъ, нежели о томъ, чтобы изучить ее основательно; члены кадра должны были дойти до взгляда на мелочи военнаго быта и службы какъ на важнѣйшій отдѣлъ этой службы; наконецъ, люди, отслужившіе свой терминъ въ дѣйствующей арміи, расположены были думать, что они уже исполнили свой долгъ, и относиться, конечно, съ неудовольствіемъ къ тѣмъ случаямъ, вслѣдствіе которыхъ имъ снова приходилось возвращаться на службу.

Прусскіе государственные дѣятели, и въ главѣ ихъ самъ король, ясно сознавали эти недостатки организаціи арміи, вполнѣ обнаруженные мобилизаціей 1851, 1854 и 1859 годовъ. Опытъ показалъ при этомъ, что ландверы были очень тяжелы на подъемъ: неохотно разставались они съ домашнимъ очагомъ. Король, проникнутый идеею высокаго назначенія, которое по праву принадлежало Пруссіи въ германскомъ мірѣ, не могъ не быть озабоченъ тѣмъ, чтобы привести ея вооруженныя силы въ положеніе, соотвѣтствующее этому назначенію,

и достигъ своей цѣли въ 1860 году, несмотря на опозицію буржуазно-либеральной палаты депутатовъ.

До 1860 года срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ опредѣленъ былъ въ 12 лѣтъ, а именно: 3 года въ постоянной арміи, 2 года въ резервѣ, 7 лѣтъ въ ландверѣ 1-го призыва. Армія была организована такъ, что въ каждой дивизіи были одна дѣйствующая и одна ландверная бригады. Преобразованіе 1860 года заключалось въ томъ, что дѣйствующая армія увеличена на 117 баталіоновъ, 72 эскадрона, 31 артилерійскую, 18 инженерныхъ ротъ и на 9 обозныхъ баталіоновъ; ландверъ же отдѣлили отъ дѣйствующей арміи, давъ ему назначеніе ея резерва. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнены и сроки службы: всякій прусакъ теперь долженъ прослужить, начиная съ 20-лѣтняго возраста, 3 года въ дѣйствующихъ войскахъ, 4 въ резервѣ, 4 въ ландверѣ 1-го призыва и 5 лѣтъ въ ландверѣ 2-го призыва.

Итакъ, срокъ службы во всѣхъ разрядахъ арміи, которые могутъ быть обязаны подвижной службой въ случаѣ войны, увеличенъ на четыре года, и числительность постоянной арміи, въ особенности пѣхоты, доведена до той цифры, которая прежде опредѣлена была для дѣйствующихъ войскъ и для ландверныхъ 1-го зова, вмѣстѣ взятыхъ. Благодаря этой реформѣ, армія выиграла не только въ числительности, но и въ боевой годности, *ибо кадры всѣхъ частей, которыя въ Пруссіи признано за необходимое имѣть въ военное время, существуютъ и въ мирное*, такъ что, въ случаѣ мобилизаціи, остается только пополнить число рядовъ резервистами.

Прусская армія комплектуется по корпусамъ, что, впрочемъ, нисколько не ведетъ къ развитію въ войскахъ вреднаго провинціялизма.

Передъ открытіемъ кампаніи прусская армія имѣла слѣдующій составъ:

Пѣхота: 9 гвардейскихъ полковъ и 2 стрѣлковыхъ баталіона, 12 гренадерскихъ, 8 фузилерныхъ, 52 пѣхотныхъ полка и 8 стрѣлковыхъ баталіоновъ; всего 81 полкъ или 243 баталіона и 10 стрѣлковыхъ баталіоновъ.

Пруссія удержала традиціонное раздѣленіе пѣхоты на гренадеровъ, фузилеровъ и мушкетеровъ; это разнообразіе наименованій поддерживается подборомъ людей и тѣмъ, что фузилеры (равно какъ и стрѣлки) имѣютъ ружья нѣсколько короче, не-

жели другіе роды пѣхоты; притомъ стрѣлки со штыками обоюдуострыми.

Вся пѣхота въ 1858 г. была вооружена игольчатыми ружьями. Отличительное свойство ихъ—чрезвычайная быстрота заряжанія, а слѣдовательно и возможность сдѣлать въ данный промежутокъ времени большое число выстрѣловъ. *Но этою возможностію прусаки пользуются, строго придерживаясь суворовскаго принципа: „стрѣлять рѣдко, да мѣтко“.* Въ мѣткости и дальности прусскія ружья значительно уступаютъ существующимъ въ Европѣ системамъ, которыя заряжаются съ дула, что, впрочемъ, происходитъ не отъ заряжанія съ казны, а составляетъ невыгодную принадлежность прусской системы (*). Каждый солдатъ снабженъ 60 патронами; кромѣ того носитъ въ ранцѣ 30 гильзъ съ готовымъ ударнымъ приспособленіемъ, дабы можно было, въ случаѣ надобности, дѣлать патроны въ войскахъ, раздавъ имъ порохъ и пули. Полки трехбаталіоннаго состава. Въ полкахъ гвардейскихъ, гренадерскихъ и линейныхъ третьи баталіоны фузилерные. Они составляютъ нѣчто среднее между стрѣлками и линейной пѣхотой въ томъ смыслѣ, что формируются въ каждомъ полку изъ людей болѣе поворотливыхъ и здоровыхъ и употребляются для исполненія назначеній легкой пѣхоты. Такъ, напримѣръ, ихъ преимущественно передъ другими войсками посылаютъ въ авангардъ и на такія мѣста, гдѣ требуется дѣйствіе въ разсыпную.

Стрѣлковые же баталіоны собственно имѣютъ если не исключительной, то предпочтительной спеціяльностію дальнюю и мѣткую стрѣльбу. Стрѣлки раскомандировываются большею частію поротно, такъ что организація ихъ въ баталіоны обусловливается не тактическими соображеніями, а чисто потребностями хозяйства и управленія. Будучи предназначены почти исключительно для такой односторонней спеціяльности, какъ стрѣльба, они входятъ въ составъ корпусовъ въ самой незначительной соразмѣрности—одного баталіона изъ 29. Баталіоны всѣ четырехротнаго состава. Въ военное время, для каждаго полка положено формировать одинъ запасный баталіонъ, а для стрѣлковаго баталіона — роту.

Въ баталіонѣ по штату военнаго времени полагается 1,025 человѣкъ, въ томъ числѣ 22 офицера. Всего въ 253 баталіонахъ дѣйствующихъ, по штату, 260,000, въ $83\frac{1}{2}$ резервныхъ

(*) Далѣе 800 шаговъ дѣйствительность прусскаго ружья ничтожна.

85,000. Пѣхота строится въ три шеренги, за исключеніемъ стрѣлковъ, которые строятся въ двѣ. Впрочемъ, и въ пѣхотѣ трехшереножный строй удержался по формѣ болѣе, нежели по духу, ибо третья шеренга составляетъ, какъ въ нашемъ прежнемъ уставѣ, двухшереножные застрѣльщичьи взводы, и такъ какъ они въ бою почти всегда остаются сформированными, дабы быть въ готовности къ дѣйствію, то выходитъ, что прусаки, оставаясь, такъ сказать, офиціяльно при трехшереножномъ строѣ, фактически перешли къ двухшереножному. Правда, это представляетъ неудобство въ томъ отношеніи, что усложняетъ уставъ; но прусаки чрезвычайно осторожны въ своихъ нововведеніяхъ.

Въ пѣхотѣ всѣ ротные командиры верхомъ, что въ высшей степени раціонально: и потому, что ко времени полученія баталіона офицеръ пріучается быть на конѣ болѣе или менѣе хозяиномъ, и потому еще, что въ походѣ онъ менѣе утомляется, и, слѣдовательно, по приходѣ на ночлегъ или бивуакъ будетъ имѣть болѣе расположенія и возможности лишній разъ навѣдаться въ роту. Въ бою всѣ пѣхотные верховые чины баталіона спѣшиваются.

Кавалерія: гвардейской тяжелой кавалеріи 2 полка, драгунъ—2, гусаръ—1, уланъ—3; армейскихъ: кирасирскихъ—8, драгунскихъ — 8, гусарскихъ — 12, уланскихъ — 12. Итого 48 полковъ.

Всѣ полки 4-эскадроннаго состава, за исключеніемъ 4 уланскихъ и 4 гусарскихъ, которые имѣютъ по 5 эскадроновъ. Эскадронъ, по военному положенію, состоитъ изъ 5 офицеровъ и 155 нижнихъ чиновъ; кромѣ того, на каждый полкъ формируется одинъ запасный эскадронъ, въ 200 нижнихъ чиновъ въ тяжелой и 250 въ линейной кавалеріи.

Итого въ дѣйствующей кавалеріи по штатамъ военнаго времени полагается 32,000 рядовыхъ, въ резервахъ 10,750.

Артилерія по числу корпусовъ организована въ одну гвардейскую и восемь армейскихъ бригадъ, каждая изъ двухъ артилерійскихъ полковъ—полеваго и крѣпостнаго. Полевой полкъ состоитъ изъ одного коннаго и трехъ пѣшихъ отдѣленій, каждое въ четыре батареи 6-орудійнаго состава. Ко времени послѣдней войны прусаки не успѣли всѣхъ мѣдныхъ орудій прежняго образца замѣнить стальными нарѣзными, вслѣдствіе чего артилерія каждаго корпуса состояла изъ шести батарей

4-фунтовыхъ нарѣзныхъ, четырехъ батарей 6-фунтовыхъ нарѣзныхъ и шести 12-фунтовыхъ гладкихъ. Слѣдовательно, на 96 орудій корпусной артилеріи 60 было нарѣзныхъ и 36 гладкихъ; изъ нихъ 72 пѣшихъ и 24 конныхъ; послѣднія всѣ гладкія.

При приведеніи артилеріи на военное положеніе, каждый полкъ формируетъ одно запасное отдѣленіе, въ которомъ представлены всѣ роды и калибры артилеріи; именно оно состоитъ изъ одной 12-фунтовой пѣшей, 12-фунтовой конной, 6-фунтовой нарѣзной и 4-фунтовой нарѣзной батарей 4-орудійнаго состава. Это отдѣленіе остается въ мѣстѣ расположенія полка въ мирное время, подчиняется командиру крѣпостнаго полка и занимается подготовкою рекрутъ.

Инженерныя войска. Саперные баталіоны состоятъ изъ одной роты понтонеровъ, двухъ ротъ саперовъ и одной минеровъ. Въ каждой ротѣ полагается по военному положенію 150 человѣкъ, со включеніемъ унтеръ-офицеровъ. Каждая рота носитъ 80 заступовъ, 30 кирокъ, 20 большихъ и 15 малыхъ топоровъ; послѣдніе носятъ унтеръ-офицеры.

Для большихъ работъ при каждой ротѣ полагается инструментъ, перевозимый на двухъ повозкахъ, запрягаемыхъ, каждая, четырьмя лошадьми. Въ одной изъ нихъ перевозятся: столярный, плотничный и слесарный инструменты, а также инструменты для промѣровъ; въ другой, кромѣ перечисленныхъ родовъ инструмента, еще тотъ, который соотвѣтствуетъ спеціяльности роты.

Въ ротѣ минеровъ имѣется, сверхъ того, одна двухколесная телѣга для перевозки пороха и другихъ, собственно минныхъ, принадлежностей.

Тяжелый понтонный обозъ полагается состоящимъ при 1-й ротѣ. Въ немъ считается 40 повозокъ съ запряжкою въ шесть лошадей и одна двухколесная для возки офицерскихъ и запасныхъ вещей.

Изъ числа этихъ повозокъ, на 32 перевозятся: понтоны, переводины, настилка, якори и все то, что потребно для наводки моста отъ понтона до понтона; на двухъ перевозится все потребное для соединенія моста съ берегами; двѣ повозки полагаются подъ кузницу; двѣ для возки угля и желѣза; двѣ для канатовъ, запасныхъ колесъ и проч. Средства одного

тяжелаго понтоннаго парка достаточны для наводки моста длиною въ 450 рейнскихъ футовъ или $66^2/_7$ сажени.

При 2-й ротѣ состоитъ легкій понтонный паркъ, изъ 12 повозокъ: въ шести перевозятся козлы Бираго и все потребное для настилки между двумя сосѣдними козлами; въ четырехъ—по одному полупонтону Бираго, съ принадлежащей къ нимъ настилкой; въ двухъ—различныя запасныя части для козелъ и запасный лѣсъ. Средствами одного легкаго понтоннаго парка можно навести мостъ въ 180 рейнскихъ футовъ ($23^4/_7$ сажени) длиною.

Наводку этого послѣдняго моста должны знать не только понтонная, но и обѣ саперныя роты.

При 3-й ротѣ состоитъ инструментальный обозъ изъ шести фуръ, въ четыре лошади, въ которыхъ перевозится инструментъ для большихъ фортификаціонныхъ возведеній. Такъ, напримѣръ, въ немъ полагается имѣть 2,060 заступовъ, 800 кирокъ, 200 топоровъ и проч.

Обозъ въ Пруссіи не составляетъ нераздѣльной принадлежности войскъ въ мирное время, а придается имъ по мѣрѣ надобности. Преимущества этой организаціи заключаются въ томъ, что, во-первыхъ, нестроевой составъ лишенъ возможности разростаться насчетъ строеваго, что имѣетъ иногда самое неблагопріятное вліяніе на число рядовъ; во-вторыхъ, при центральныхъ мастерскихъ становится возможною экономія рукъ и труда, и, въ-третьихъ, наконецъ, производство допускаетъ участіе различныхъ механическихъ приспособленій, напримѣръ, машинъ, что немыслимо при существованіи мастерскихъ въ каждомъ полку.

Обозные баталіоны составляютъ особую организацію; въ нихъ поступаютъ рекруты, непредставляющіе требуемыхъ условій для службы въ строю; они остаются въ мирное время на службѣ въ баталіонѣ не болѣе шести мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ ихъ обучаютъ ѣздѣ, уходу за лошадьми и повозками; затѣмъ они отпускаются по домамъ, а на мѣсто ихъ поступаютъ новые. По военному положенію, каждый обозный баталіонъ состоитъ изъ 1,229 человѣкъ, при 1,566 лошадяхъ.

Обозъ—одна изъ самыхъ тяжелыхъ гирь на ногахъ арміи. Въ Пруссіи сдѣлано все, чтобы его уменьшить; несмотря на это, онъ все еще страшно великъ. Конструкція повозокъ со-

ображена весьма удобно; въ провіянтскомъ обозѣ отказались даже отъ строгаго однообразія, опредѣливъ только вмѣстимость повозокъ и предоставивъ строить ихъ сообразно съ мѣстными привычками и удобствами провинціи, въ которой извѣстный корпусъ комплектуется. Такъ, напримѣръ, въ корпусахъ V (Познань) и I (восточная Пруссія) приняты плетеные кузовы, наманеръ фурманокъ, которыя въ большомъ ходу и у насъ въ западномъ краѣ.

Одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ сокращенію обозовъ представляетъ, конечно, неослабное наблюденіе за тѣмъ, чтобы офицерскій обозъ не разростался слишкомъ сильно; но опытъ показалъ, что это неослабное наблюденіе въ дѣлѣ личнаго интереса—вещь почти невозможная, и потому прусскія военныя власти не задаются такой задачей, а рѣшаютъ ее проще, взявъ на себя перевозку офицерскаго имущества. Отъ этого выиграли и офицерство, и армія: первое въ томъ, что имѣетъ одной заботой меньше, а вторая въ томъ, что офицерскій багажъ подчиненъ по вѣсу и объему строго-опредѣленной нормѣ, изъ которой, при казенной перевозкѣ, выйти, конечно, нѣтъ возможности. Удобство отъ этого получилось громадное: весь офицерскій обозъ баталіона новаго образца состоитъ только изъ пяти двухколесныхъ повозокъ, возимыхъ, каждая, двумя лошадьми. Въ каждой изъ повозокъ помѣщается имущество офицеровъ роты и, кромѣ того, 10 паръ солдатскаго платья и 30 паръ обуви. Норма тяжести полагается весьма ограниченная; но вѣдь извѣстно, что человѣкъ существо крайне покладистое и довольствующееся малымъ, если поставленъ въ невозможность давать просторъ своимъ прихотямъ. Впрочемъ, есть еще части, въ которыхъ сохранился обозъ старой конструкціи, по одной четырехколесной фурѣ на офицеровъ баталіона: у прусаковъ дослуживаетъ свой срокъ все, что можетъ служить, но дослуживаетъ, конечно, тамъ, гдѣ это можетъ быть допущено безъ ущерба удобству, именно въ мушкетерскихъ и гренадерскихъ баталіонахъ, на роты которыхъ весьма рѣдко приходится возлагать отдѣльныя назначенія.

Первый чинъ, имѣющій право на отдѣльную казенную повозку, есть полковой командиръ; но и онъ обязанъ возить вещи чиновъ полковаго штаба. О распредѣленіи казеннаго обоза будетъ сказано ниже.

Матеріяльная часть обоза во время кампаніи находилась

въ отличномъ соостояніи: лошади здоровыя, въ тѣлѣ; упряжь изъ свѣжей, надежной кожи; повозки въ полной исправности.

Ландверъ перваго призыва представляетъ силу: 1) въ 116 баталіоновъ, организованныхъ въ трехбаталіонные полки (исключая двухъ отдѣльныхъ баталіоновъ)—118,900, 2) въ 48 эскадроновъ (12 полковъ)—7,000 коней.

Пѣхотный ландверъ не входилъ въ составъ дѣйствующей богемской арміи; но кавалерійскій служилъ наравнѣ съ кавалерійскими дѣйствующими полками.

Ландверъ втораго призыва состоитъ также изъ 116 баталіоновъ, въ 800 человѣкъ, что даетъ силу въ 92,000; кромѣ того, въ случаѣ надобности, на каждый баталіонъ можетъ быть сформировано по эскадрону въ 100 коней.

Подобная организація мыслима только при одномъ условіи—при самомъ точномъ веденіи списковъ какъ людямъ, обязаннымъ поступать въ ряды, такъ и тѣмъ, которые должны поставить лошадей по реквизиціи. И эти списки ведутся исправно.

Изъ этого очерка видно, что въ Пруссіи съумѣли сочетать двѣ, повидимому, несовмѣстимыя вещи: высокую цивилизацію и военную систему, свойственную только низшимъ степенямъ цивилизаціи, при которой не только человѣкъ, но и имущество его, для военныхъ цѣлей пригодное, употребляется, въ потребную минуту, для сформированія вооруженной силы. Осуществленіе этой системы въ народѣ цивилизованномъ возможно было именно только при самой строгой законности и при изумительномъ единодушіи всѣхъ органовъ высшей администраціи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Пруссія представляетъ явленіе исключительное: въ ней различныя вѣдомства поставлены другъ къ другу въ такія отношенія, которыя во всякомъ другомъ мѣстѣ повели бы къ нескончаемымъ контрамъ и пререканіямъ. А тамъ это сливается какъ бы въ дружный стройный хоръ, направленный къ преуспѣянію общаго отечественнаго дѣла.

Для примѣра укажу на организацію военнаго министерства: управленіе вооруженными силами представляетъ въ Пруссіи три совершенно независимыя другъ отъ друга отрасли: собственно *военное министерство*, завѣдывающее хозяйствомъ, комплектованіемъ, однимъ словомъ—всѣмъ касающимся до матеріяльнаго благосостоянія войскъ, въ обширномъ значеніи этого слова;

кабинетъ короля, завѣдывающій производствомъ въ чины, наградами, переводомъ офицеровъ и т. п.; наконецъ, часть *генеральнаго штаба*—передвиженіе войскъ, ихъ образованіе, историческій и статистическій отдѣлъ, и т. п.

Начальники помянутыхъ частей независимы другъ отъ друга, каждый изъ нихъ имѣетъ особый докладъ у короля; а, между тѣмъ, ни о какихъ столкновеніяхъ слышно не было. Рядомъ съ этимъ, между военнымъ вѣдомствомъ и администраціею желѣзныхъ дорогъ существуетъ самая тѣсная связь; но изъ этого опять не выходило никакихъ недоумѣній.

Замѣчанія о духѣ арміи и о характерѣ ея образованія.

Чувство долга и исполнительность въ служебныхъ обязанностяхъ, до послѣднихъ мелочей, составляютъ отличительныя черты пруской арміи, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ степеней военной іерархіи. Съ перваго взгляда кажется, что эта исполнительность доходитъ до мелочнаго и ненужнаго педантизма; но стоитъ нѣсколько ближе вглядѣться въ отправленія воинскаго организма, и тогда обнаружится, что это педантизмъ не безжизненный, что онъ у прусаковъ дѣла не душитъ.

Въ солдатахъ прусской арміи нѣтъ живости, отличающей француза, не столько, можетъ быть, личной находчивости, порыва, способности къ увлеченію; но внутренняго порядка и упорства, стойкости даже и въ тяжелыхъ положеніяхъ, пожалуй, будетъ больше.

Первое, что поражаетъ въ прусской арміи, это единство воззрѣній офицеровъ на всѣ вопросы, касающіеся воинской нравственности. Что вамъ скажетъ одинъ насчетъ даннаго вопроса дисциплины или извѣстной служебной обязанности, то повторятъ десятки офицеровъ чуть не въ тѣхъ же самыхъ словахъ. Едва-ли можно подмѣтить въ прусской арміи прискорбное явленіе, которое иногда встрѣчается въ другихъ арміяхъ, что офицеръ, добровольно оставаясь на службѣ, въ то же время какъ будто тяготится ею. О различіи взглядовъ вслѣдствіе различія національностей нѣтъ и рѣчи, несмотря на попытки католическихъ проповѣдниковъ произвести его (*). Всякій офицеръ, изъ какой бы провинціи онъ ни происходилъ, есть прежде

(*) Такъ, уже къ концу войны узнали, что нѣкоторые изъ нихъ убѣждали солдатъ-католиковъ не стрѣлять въ единовѣрныхъ австрійцевъ и подавали другіе совѣты въ томъ же родѣ.

всего офицеръ, для котораго, пока онъ остается на службѣ, воинскій долгъ стоитъ выше національныхъ или какихъ бы то ни было воззрѣній. Въ прусской арміи не встрѣчается также господъ, которые полагаютъ, что должны служить только на число получаемыхъ талеровъ, предоставляя, конечно, себѣ право опредѣлять то количество работы, которое они могутъ дать за это число талеровъ. Всякій понимаетъ очень хорошо, что есть вещи, которыя не подлежатъ оцѣнкѣ на талеры, или если и подлежатъ, то въ вербовочныхъ, а не въ національныхъ арміяхъ.

Въ эпоху 1848 года, въ прусской арміи начали появляться офицеры и солдаты, которые, нося военный мундиръ, въ то же время относились съ презрѣніемъ къ военному сословію; но тогдашній начальникъ кабинета короля, генералъ Мантейфель, вовремя подмѣтилъ эту заразу и пресѣкъ ее вначалѣ. Съ тѣхъ поръ о подобныхъ явленіяхъ въ прусской арміи нѣтъ и помина. Если и бываютъ исключенія, то они крайне рѣдки, да и не существуютъ продолжительно, благодаря офицерскимъ судамъ, которые вошли въ нравы и способствуютъ поддержанію единства взглядовъ и убѣжденій въ офицерскихъ обществахъ.

Не мало способствуетъ этому и порядокъ производства въ первый офицерскій чинъ. Могущій претендовать на производство по образованію и по общественному положенію своего семейства заявляетъ желаніе конкурировать на производство, по поступленію въ часть. Если по собраннымъ справкамъ окажется, что онъ представляетъ достаточныя ручательства на то, чтобы быть порядочнымъ офицеромъ, его помѣщаютъ отдѣльно отъ солдатъ и даютъ возможность приготовиться къ экзамену. По выдержаніи экзамена, офицеры рѣшаютъ вопросъ: можно ли претендента принять въ ихъ общество? Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія и если вакансіи есть, его представляютъ къ производству.

Прусскій офицеръ, какъ я уже сказалъ, исполняетъ мелочную формалистику службы безъ малѣйшаго отступленія; но въ то же время онъ не упускаетъ изъ вида и существенныхъ обязанностей: слѣдовательно, обрядъ не убиваетъ дѣла, по той простой причинѣ, *что этотъ обрядъ въ Пруссіи у себя дома, что онъ есть произведеніе прусскаго національнаго духа.* Здѣсь разгадка того, на первый взглядъ, страннаго явленія, что въ

Пруссіи педантизмъ никого не возмущаетъ, что онъ не поглощаетъ тамъ всего человѣка до такой степени, что за обрядомъ совершенно забывается дѣло. Разсматриваемый съ этой стороны, прусскій формализмъ является не чѣмъ-то напускнымъ, взятымъ извнѣ, а просто формой проявленія закона въ національномъ костюмѣ, если можно такъ выразиться. Всякій прусакъ въ душѣ педантъ, но педантъ послѣдовательный, педантъ относительно не только другихъ, но и себя, не только въ томъ, что́ ему пріятно, но и въ томъ, что́ его лично стѣсняетъ.

Въ Пруссіи и кондукторъ желѣзной дороги педантъ—то же знаніе дѣла, та же исполнительность и тѣ же угловатые отрывочные пріемы; и интендантскій чиновникъ педантъ, ибо онъ... не пользуется; и властный человѣкъ тоже педантъ, ибо, разъ получивъ убѣжденіе о вредѣ произвола, онъ не даетъ разгуляться и своему произволу въ такихъ даже случаяхъ, въ какихъ французъ, напримѣръ, считалъ бы его совершенно естественнымъ и даже необходимымъ.

Для примѣра приведу случай съ генераломъ Б. Генералъ Б. — человѣкъ весьма способный, особенно на моментальныя вдохновенія во время боя: качество громадное — найтись что дѣлать, когда большинство теряетъ голову; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ человѣкъ впечатлительный, экспансивный, неотличающійся сдержанностію. Изъ Меришъ-Трюбау онъ написалъ женѣ письмо такого содержанія, что онъ-молъ жизненный принципъ и этой войны, какъ былъ и въ шлезвигъ-голштейнскую, что Мольтке человѣкъ геніяльный, но непрактическій и не имѣетъ понятія о подробностяхъ направленія большихъ силъ на театрѣ войны; что у кронпринца прекрасный симпатичный характеръ—совсѣмъ не то, что у принца Фридриха-Карла, и прочее въ томъ же родѣ. Австрійцы перехватили письмо и напечатали со своими коментаріями. Ну, разумѣется, скандалъ. Послѣдствія этого скандала, случись онъ въ другой арміи, для генерала Б. понятны. Посмотримъ, какъ отнеслись къ нему въ Пруссіи. Генералъ Мольтке рѣшилъ, что письмо это — частное; частная кореспонденція—дѣло неприкосновенное, и что если австрійцы сдѣлали нескромность, напечатавъ упомянутое письмо, то онъ не послѣдуетъ ихъ примѣру и не станетъ читать его. Тѣмъ и кончилось. Б. остался на своемъ посту до конца кампаніи и получилъ гогенцоллернскую звѣзду, которую прусскій король даетъ чрезвычайно рѣдко. Въ разсказанномъ случаѣ генералъ

Мольтке поступилъ, какъ видите, тоже педантически: принявъ извѣстный принципъ за истину, онъ не допустилъ отъ него даже такого отступленія, которое большинство людей оправдало бы всѣми возможными благовидными предлогами, начиная съ дисциплинарнаго.

Еще примѣръ:

Генералъ Штейнмецъ имѣлъ прекрасную привычку пропускать мимо себя корпусъ на каждомъ переходѣ. Проходили мимо него, кто съ цвѣткомъ за гербомъ, кто въ петлицѣ, нѣкоторые офицеры въ плэдахъ—на это вниманія не обращалось; но замѣтитъ разстегнутый погонъ—сдѣластъ замѣчаніе, и довольно внушительное. Это педантизмъ не безжизненный: почему не позволить солдату или офицеру отступленія отъ формы въ томъ, что его веселитъ или происходитъ по необходимости? Но въ то же время нельзя и не должно оставлять незамѣченными такихъ отступленій, которыя обнаруживаютъ только небрежность. Другіе въ свободномъ отношеніи къ формальной сторонѣ дѣла пошли дальше. Такъ въ корпусахъ 1-й арміи, вмѣсто касокъ, ходили въ фуражкахъ, а каски носили на тесакѣ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ есть представитель новой школы генераловъ прусской арміи: онъ оказалъ ей громадныя услуги въ смыслѣ освобожденія отъ стѣснительныхъ мелочей и распространенія раціональныхъ боевыхъ взглядовъ.

Этотъ педантизмъ, который, послѣ сказаннаго, я позволю себѣ назвать уже *добросовѣстнымъ отношеніемъ къ закону, отлившемуся въ форму, сообразную съ національными особенностями*, отражается на всемъ: и на довольствіи солдата, и на производствѣ офицера, и на отношеніяхъ всѣхъ степеней военной іерархіи между собою.

Производство въ прусской арміи крайне туго; производства за отличіе нѣтъ; въ полковники попадаютъ, среднимъ счетомъ, черезъ 32 года службы. А, между тѣмъ, всѣ довольны своимъ положеніемъ, находя, что иначе и быть не можетъ. Дѣло объясняется совершенно просто: *въ прусской арміи изъ показанной 32-лѣтней нормы исключеній почти не бываетъ*. Для достиженія этого уравниваютъ переводами изъ одной части въ другую число чиновъ, вакансіи которыхъ слишкомъ скоро почему-либо очистились. При этомъ соблюдается еще, что вакансія, очистившаяся за смертію, составляетъ въ большей части случаевъ принадлежность полка, но очистившаяся вслѣдствіе какой-либо исторіи—

непремѣнно замѣщается переводомъ, по распоряженію кабинета короля. Послѣдняя мѣра заслуживаетъ особеннаго вниманія и потому, что составляетъ какъ бы наказаніе тому обществу офицеровъ, которое не имѣло надъ своимъ членомъ на столько нравственнаго авторитета, чтобы не допустить его до проступка, и потому еще, что дѣлаетъ невозможнымъ поползновенія на очистку вакансій путемъ интриги.

Привычка къ соблюденію строгой справедливости, основанной на законѣ, не только въ производствѣ, но даже въ назначеніяхъ, укоренилась до такой степени, что даже и то возбуждаетъ говоръ, если, напримѣръ, кто-нибудь получитъ бригаду, не прокомандовавъ полкомъ. Черезъ роту же, баталіонъ (или эскадронъ) всякій долженъ пройти; даже офицеры генеральнаго штаба не составляютъ исключенія въ этомъ отношеніи: они, поперемѣнно, исполняютъ службу то въ генеральномъ штабѣ, то, получивъ соотвѣтствующій чинъ, назначаются командовать ротой, баталіономъ, полкомъ и частями, болѣе крупными.

Отношенія офицеровъ различныхъ ранговъ между собою поражаютъ тономъ братства внѣ службы и глубокимъ сознаніемъ подчиненности на службѣ. Штабъ генерала Штейнмеца всегда обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ: въ разговорѣ всѣ чины штаба принимали одинаковое и совершенно свободное участіе; но стоило кому-нибудь изъ присутствующихъ начальниковъ обратиться со служебнымъ приказаніемъ къ офицеру, который сидѣлъ рядомъ и за минуту передъ тѣмъ иногда и спорилъ съ этимъ начальникомъ—собесѣдникъ исчезалъ и являлся подчиненный.

Черту, не менѣе заслуживающую вниманія и свойственную, впрочемъ, не однимъ офицерамъ, но всѣмъ вообще прусакамъ, составляетъ умѣренность вкусовъ: она составляетъ весьма важное подспорье хорошему нравственному состоянію войска, ибо всякій доволенъ тѣмъ, что получаетъ, а доволенъ потому, что получаемаго достаетъ на жизнь.

Манера обращенія прусскаго офицера съ неносящими военнаго мундира и съ солдатами несимпатична, ибо запечатлѣна значительной долей высокомѣрія. Съ обыкновенными смертными прусскій офицеръ говоритъ странно: какая-то отрывочная, командная рѣчь изъ отдѣльныхъ словъ, произносимыхъ скороговоркою и рѣзкимъ тономъ. Нисколько не оправдывая этой черты, все же позволяю себѣ представить въ извиненіе ея одно облегчающее обстоятельство: именно то, что члены всякаго обще-

ства, отличающагося единствомъ духа, неизбѣжно имѣютъ свои рѣзкія, иногда непріятныя даже, особенности. Должно, впрочемъ, замѣтить, что и эта особенность составляетъ преимущественную принадлежность пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ, и притомъ прусскаго происхожденія. У артилеристовъ и инженеровъ, равно у офицеровъ не чисто-прусскаго происхожденія, сказанная рѣзкость замѣчается въ степени несравненно меньшей.

Въ сношеніяхъ съ солдатомъ офицеръ рѣзокъ, даже грубъ; случалось замѣчать иногда и ручную расправу, хотя весьма рѣдко.

Другая характеристическая черта отношеній къ солдату— это нескончаемыя поученія: на всякой перекличкѣ читается длинная наставительная рѣчь. Это опять національный пріемъ, который въ прусской арміи даетъ прекрасные результаты, ибо знакомитъ съ дѣломъ молодаго солдата и никого не тяготитъ, потому что это свое, родное. Нѣмецъ не можетъ говорить не длинно, безъ всѣхъ возможныхъ „потому что“ и „если“; понятно, что онъ долженъ оставаться такимъ и въ военной службѣ. Въ примѣненіи къ намъ это бы вышло пиленье; а тамъ очень хорошо. Не хочу этимъ сказать, чтобы можно было обходиться безъ поученій и толкованій у насъ, но утверждаю только, что они должны выливаться у насъ въ болѣе рѣзкую и по возможности краткую форму, въ родѣ суворовскихъ поученій.

Образованіе, воспитаніе и тактическія понятія.

Въ прусской арміи, въ основаніе организаціи которой положено условіе краткости сроковъ службы, письменныя инструкціи должны быть по необходимости полны и обстоятельны, и по качеству поступающихъ рекрутъ, которые почти всѣ умѣютъ читать, это не можетъ, конечно, никого особенно затруднить. Краткостью же сроковъ службы объясняется необходимость совершенно точныхъ и опредѣлительныхъ требованій при обученіи.

Пріученіе рекрутъ къ дисциплинѣ не представляетъ обыкновенно никакого затрудненія, какъ по отсутствію живости въ ихъ характерѣ, такъ и потому, что и всѣмъ складомъ жизни внѣ войска они подготовляются къ уваженію военныхъ постановленій самымъ дѣйствительнымъ образомъ.

Переходя къ вопросу образованія собственно, укажу: 1) на образованіе офицеровъ; 2) на образованіе нижнихъ чиновъ по стрѣльбѣ, работѣ штыкомъ, примѣненію къ мѣстности и

по строю. Долгомъ считаю замѣтить, что по краткости времени, проведеннаго мною въ Пруссіи, я не могъ видѣть на дѣлѣ хода солдатскаго образованія, и потому представляю относительно духа его только то, что удалось почерпнуть изъ распросовъ.

То единство воззрѣній въ офицерскомъ сословіи, на которое я уже указалъ выше, содѣйствуетъ наилучшимъ образомъ и къ поддержанію въ немъ стремленія къ образованію по своей спеціяльности. Въ прусской арміи нѣтъ офицеровъ, которые не имѣли бы довольно основательныхъ представленій о теоріи военнаго дѣла и которые не разбирали бы карты: нѣтъ потому, что и неслужебные разговоры зачастую касаются военныхъ предметовъ, и оказавшіеся въ подобныхъ случаяхъ слабыми не могутъ разсчитывать на снисхожденіе товарищей. При такихъ условіяхъ, то, что было усвоено передъ производствомъ, не улетучивается, а, напротивъ, поддерживается и развивается. Человѣкъ существо, въ высшей степени зависящее отъ обстановки; людей, занимающихся дѣломъ по призванію, очень мало; гораздо больше такихъ, которые занимаются имъ изъ личнаго интереса, понимаемаго, конечно, не въ тѣсномъ, денежномъ смыслѣ. Организація прусскихъ офицерскихъ обществъ тѣмъ именно и хороша, что создаетъ человѣку ту обстановку, благодаря которой онъ поставленъ въ необходимость заниматься: знанія и добросовѣстное отношеніе къ службѣ тамъ болѣе поднимаютъ офицера въ общемъ мнѣніи, нежели другія качества, хотя и блестящія, но къ военной спеціяльности неимѣющія никакого отношенія. Это распространеніе теоретическимъ путемъ понятій о военномъ дѣлѣ приноситъ весьма важный результатъ въ томъ смыслѣ, что педантически-строгія требованія въ исполненіи строеваго устава въ мирное время не производятъ того подавляющаго вліянія на дѣятельность мысли, какимъ подобныя требованія сопровождаются, когда офицерство кромѣ устава ничего не знаетъ.

Это объясняется очень просто: человѣкъ, тактически знакомый съ учебными формами строя, уже вслѣдствіе одного этого будетъ къ нимъ относиться свободнѣе, ибо тактика ему подскажетъ, что въ бою онѣ не могутъ быть примѣнены въ своемъ мирномъ видѣ и что тамъ не спасетъ отъ пораженія никакая колонна къ атакѣ или каре, если человѣкъ не дѣлаетъ

усилій личнаго соображенія и личной энергіи, чтобы сломить врага.

Въ доказательство того, что это не одно только мое предположеніе, приведу факты: генералъ Штейнмецъ принимаетъ въ своемъ корпусѣ двухротный строй, находя, что ротная колонна слишкомъ слаба сама по себѣ и что къ двухротному строю легко примѣнить баталіонный уставъ, принявъ полувзводы за взводы. Въ другихъ корпусахъ предпочитаютъ ротныя колонны въ двѣ линіи, имѣя заднія двѣ роты вмѣсгѣ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ, въ своей инструкціи, написанной передъ войною, совѣтуетъ для встрѣчи кавалерійскихъ атакъ двухъ или четырехшереножный строй; генералъ Штейнмецъ держится того убѣжденія, что каре для той же цѣли лучше, и никому не приходитъ въ голову приводить эти взгляды къ единству, устанавливать для нихъ какую-либо норму. Слѣдовательно, въ Пруссіи понимаютъ очень хорошо, что дѣло въ томъ, чтобы цѣль была достигнута, а не въ томъ, чтобы она достигалась именно въ тѣхъ формахъ, которыя составителю устава казались лучшими. Эту свободу отношенія къ формѣ, несмотря на педантическое отношеніе къ ней въ мирное время, и пониманіе того, что не она составляетъ самое важное въ бою, я не могу себѣ объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ распространенія въ массѣ офицеровъ здравыхъ тактическихъ понятій.

Офицеры спеціяльныхъ родовъ оружія отличаются, конечно, высшей степенью образованія; но и у нихъ дѣло заключается не столько въ массѣ свѣдѣній или въ глубинѣ учености, сколько въ способности примѣнять свѣдѣнія къ дѣлу службы. Особенно я могъ это замѣтить въ офицерахъ генеральнаго штаба. Они совершенно свободны отъ нѣмецкой страсти къ систематизаціи, а слѣдовательно къ теоретической односторонности воззрѣній на военное дѣло вообще. Артилеристы также чрезвычайно просто относятся къ своей спеціяльности.

Кампанія не доставила случая судить о боевой практичности инженеровъ; но организація саперныхъ баталіоновъ, со всѣми къ нимъ принадлежащими обозами, отличается той практической законченностію и обдуманностію, которой не находимъ обыкновенно тамъ, гдѣ въ спеціяльномъ родѣ оружія преобладаетъ теоретическое направленіе.

Практичность офицеровъ генеральнаго штаба проявлялась во всемъ; и въ учрежденіи марша, и въ редакціи дисдозицій,

и въ сужденіяхъ о кампаніи, которыя приводилось слышать. Причины этому коренятся въ манерѣ веденія прусскаго генеральнаго штаба, заслуга установленія которой преимущественно принадлежитъ генералу Мольтке. Выше я уже сказалъ, что тамъ офицеръ генеральнаго штаба поставленъ въ невозможность заключиться въ чисто-канцелярскую, или ученую, или, наконецъ, учено-строевую спеціяльность, ибо, сообразно прохожденію чиновъ, долженъ послѣдовательно прокомандовать ротой, баталіономъ и т. д. Независимо отъ того, въ мирное время имъ даютъ назначенія, приводящія ихъ безпрерывно въ столкновенія какъ съ военною, такъ и съ другими спеціяльностями съ практической стороны. Такъ, ни одна изъ послѣднихъ войнъ не проходила безъ того, чтобы не было въ ней прусскихъ агентовъ: они были, въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ, въ итальянскую кампанію 1859 г., были въ мексиканскую и въ сѣверо-американскія войны. Соглашеніе съ администраціей желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ войскъ возлагается также на офицеровъ генеральнаго штаба.

Школа, въ которой сильно вліяніе Клаузевица, служитъ для нихъ немалой подготовкой къ тому, чтобы остерегаться какой бы то ни было односторонней теоріи.

Практичность корпуса артилеристовъ обнаруживается и на принятіи системы оружія, заряжаемаго съ казны; и на томъ, что орудія сдѣланы изъ литой стали, ибо у пруссаковъ это свой металъ; и на томъ, что, не увлекаясь идеальнымъ совершенствомъ, они не только производили опыты, но и привели артилерію къ однообразію, весьма удовлетворительному для положенія переходнаго; наконецъ и на превосходно соображенной конструкціи обоза.

Обученіе стрѣльбѣ.

Прусаки смотрятъ, и совершенно основательно, на мѣткую стрѣльбу издали какъ на искуство, доступное немногимъ, и потому посвящаютъ ему только стрѣлковые баталіоны собственно. Въ этихъ баталіонахъ стрѣльбѣ обучаютъ на возможныя для игольчатаго ружья разстоянія со всею тщательностію. Но въ линейной пѣхотѣ, хотя она и обучается дѣйствію въ разсыпномъ строѣ, на огонь изъ этого строя смотрятъ какъ на придаточное, но далеко не первостепенное средство. Въ сомкнутомъ строѣ надѣются болѣе на залпъ, для котораго заряжаемое съ казны оружіе собственно и хорошо. Къ стрѣльбѣ

залпами дозволяется прибѣгать не далѣе, какъ за 200 или 300 шаговъ до непріятеля. На такомъ разстояніи можно, конечно, опасаться потери хладнокровія и безпорядочной стрѣльбы, къ которой заряжаемое съ казны оружіе представляетъ такія удобства. На устраненіе этого прусаками и было обращено особенное вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ введены игольчатыя ружья; при обученіи стрѣльбѣ они заботились о томъ, чтобы совершенно отдать огонь въ руки начальника едва-ли даже не болѣе, чѣмъ о мѣткости. Давно уже извѣстно, что всякое новое усовершенствованіе въ военной техникѣ не столько ведетъ къ новостямъ въ образѣ дѣйствія, сколько къ тому, чтобы уяснить свойства уже давно извѣстнаго, но дурно понятаго. То же случилось и съ оружіемъ, заряжаемымъ съ казны. Опасеніе слишкомъ частой стрѣльбы невольно притянуло вниманіе къ тому, чтобы не допускать ни въ какомъ случаѣ солдата до безтолковой трескотни, для которой быстро заряжаемое оружіе даетъ всѣ удобства. И прусаки достигли этого, благодаря тому, что въ большей части случаевъ ружье заряжается не заблаговременно, а передъ самымъ выстрѣломъ. Когда операція заряжанія требовала около $^3/_4$ минуты, этого сдѣлать было нельзя, и, разъ ружье заряжено, нельзя было, слѣдовательно, разсчитывать, чтобы не нашелся въ баталіонѣ человѣкъ настолько нехладнокровный, чтобы выстрѣлить безъ команды, а за однимъ выстрѣломъ послѣдуютъ и сотни, и огонь обращается въ ничто, да и прекратить его становится почти невозможнымъ. Но разъ ружье остается незаряженнымъ до самаго момента дѣйствія, такая случайность возможна гораздо менѣе, ибо осмѣлиться безъ команды зарядить и выстрѣлить гораздо труднѣе, чѣмъ только выстрѣлить. Такимъ образомъ, опасеніе слишкомъ большой и пустой траты патроновъ при скорострѣльномъ оружіи послужило, напротивъ, къ тому, чтобы сберечь патроны: чтобы, однимъ словомъ, *стрѣлять рѣдко, да мѣтко*. Это было сказано давно, но въ практику введено только теперь, и именно благодаря тому усовершенствованію оружія, которое, повидимому, обѣщало сдѣлать этотъ афоризмъ устарѣлымъ и несостоятельнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, скорострѣльное оружіе показало всю нерацiональность стрѣльбы рядами изъ сомкнутаго строя. Опять не новость, а только болѣе раціональное пониманіе духа сомкнутаго строя, въ которомъ ничто не должно быть исполняемо иначе, какъ по командѣ.

Правда, у прусаковъ допускается и пальба рядами, но, во-первыхъ, скорѣе какъ исключеніе, и, во-вторыхъ, не все то хорошо, что принято у прусаковъ.

Итакъ, прусаки поняли, что частая стрѣльба мыслима только за минуту, много за двѣ до свалки, и, какъ показало дѣло, добились мирнымъ обученіемъ того, что этотъ принципъ, за весьма рѣдкими исключеніями, получалъ и въ бою самое строгое примѣненіе.

Въ прусскомъ обученіи стрѣльбѣ обращаетъ на себя вниманіе и другое обстоятельство: именно пониманіе того, что боевой выстрѣлъ долженъ быть по возможности быстръ, т. е. что прицѣливаніе солдатское должно сдѣлать болѣе охотничьимъ, и терять на него времени возможно менѣе. Достигли они этой цѣли при помощи подвижныхъ и такъ называемыхъ выскакивающихъ мишеней. Мнѣ кажется, что при помощи перваго средства ускореніе прицѣливанія достигается менѣе дѣйствительно, нежели при помощи ученій съ боевыми патронами. Но раціональность употребленія выскакивающихъ мишеней въ частяхъ, въ которыхъ одиночная стрѣльба должна быть доведена до возможной степени совершенства, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Обученіе фехтованію запечатлѣно у прусаковъ сильной дозой педантизма и перевѣсомъ оборонительнаго элемента надъ наступательнымъ, и потому едва-ли можетъ представить много поучительнаго.

Примѣненіе къ мѣстности преподается по извѣстной методѣ Вальдерзее. Въ основаніе ея положены два совершенно раціональныя начала: 1) разсыпному строю слѣдуетъ обучать исключительно на мѣстности пересѣченной, ибо обученіе ему на ровной мѣстности совершенно извращаетъ вѣрныя о немъ представленія; 2) обучать слѣдуетъ одинаково и пассивному, и активному примѣненію на мѣстности, т. е. укрытію за препятствіями и ловкому ихъ преодолѣнію. Но осуществленіе этихъ началъ является опять въ національномъ костюмѣ, т. е. запечатлѣно излишней опредѣлительностію правилъ и пріемовъ. Слова нѣтъ, если солдатъ молодъ и недолго остается на службѣ, то, можетъ быть, эта точность и необходима; но едва-ли не было бы лучше полагаться въ этомъ на здравый смыслъ человѣка болѣе, нежели на совершенство выучки. Успѣхъ послѣдней кампаніи не служитъ еще этой системѣ

оправданіемъ, по той причинѣ, что если подобная регламентація отдѣла, въ высшей степени прихотливаго, и стѣснила личную предпріимчивость прусака, то это не могло обнаружиться слишкомъ вредно при столкновеніи съ непріятелемъ, неимѣвшимъ никакой предпріимчивости. Не должно забывать, что для успѣха въ борьбѣ требуется не полное отсутствіе недостатковъ въ арміи, а только меньшее число ихъ, чѣмъ у непріятеля.

Сколько могу судить, не хороша въ этой системѣ и чрезмѣрная забота объ укрытіи, ибо она въ отдѣльномъ человѣкѣ можетъ пойти гораздо дальше, чѣмъ можно и должно во время боя, если на это укрытіе слишкомъ налегать въ мирное время.

Въ способности переносить лишенія прусская пѣхота показала себя превосходно въ нравственномъ смыслѣ: солдатъ былъ бодръ и веселъ, не раскисалъ; но матеріяльно онъ не былъ къ этому достаточно подготовленъ, да и не могъ быть, ибо, по прусской системѣ организаціи, войска не дѣлаютъ большихъ передвиженій въ мирное время; притомъ же солдатъ слишкомъ молодъ.

Прусская кавалерія подготовлена преимущественно для сомкнутаго боя, но въ одиночномъ едва-ли ловка, что знаютъ и сами прусаки, хотя, конечно, прямо въ этомъ не сознаются. Въ сторожевой службѣ она показала себя недурно, въ боевой вполнѣ удовлетворительно, въ сбереженіи лошадей тоже. Правда, потери въ послѣднихъ были довольно значительны; но это произошло отчасти отъ продолжительныхъ маршей. Эскадроны въ началѣ кампаніи имѣли по 17 рядовъ; къ концу же въ линейной кавалеріи осталось по 14 и 13 рядовъ, а въ легкой 11 (*). Лошади къ концу кампаніи остались въ хорошемъ тѣлѣ, разумѣя, конечно, подъ тѣломъ не жиръ, а мускулъ и крѣпкое мясо.

Прусская *артилерія* стрѣляла мѣтко, маневрировала хорошо; матеріяльная ея часть въ превосходномъ состояніи; но есть расположеніе придавать потерѣ орудій слишкомъ большое значеніе, и убѣжденіе, что, при нынѣшней дальности и дѣйствительности, артилерія можетъ и не сопровождать другіе роды оружія безпрерывно, а оставаться самостоятельно на заднихъ позиціяхъ, содѣйствуя оттуда пѣхотѣ и кавалеріи.

(*) Впрочемъ, эти числа не даютъ вѣрнаго заключенія о потеряхъ, ибо прусаки комплектовались отчасти лошадьми, отнятыми у непріятеля и иногда забранными по реквизиціи.

Отдѣлъ образованія, въ наше время весьма важный—посадка на желѣзныя дороги — у прусаковъ находился передъ войною въ блистательномъ состояніи: достаточно сказать, что баталіонъ или эскадронъ садится и выходитъ не болѣе какъ въ четверть и самое большее въ полчаса. Для оцѣнки этой быстроты по достоинству, достаточно замѣтить, что для неумѣлой части, особенно кавалерійской, на эту операцію потребно не менѣе двухъ часовъ. Достигнуто было это тѣмъ, что и въ мирное время передвиженія войскъ дѣлались не иначе, какъ въ условіяхъ военнаго времени: отъ желѣзно-дорожнаго вѣдомства требовали, чтобы перевозка была совершаема не въ раздробъ, а цѣлыми строевыми частями; а отъ войскъ—чтобы садились и высаживались быстро.

Заблаговременныя приготовленія къ войнѣ.

Прусаки готовились къ войнѣ издавна и съ тою основательностію, которая ихъ отличаетъ во всемъ.

Второю великою мѣрой въ дѣлѣ заблаговременнаго приготовленія къ войнѣ было преобразованіе арміи и подготовка не только ея, но и всѣхъ сторонъ народной жизни къ военнымъ требованіямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія приведеніе въ полный порядокъ списковъ какъ людямъ, долженствующимъ поступить въ армію въ случаѣ приведенія ея на военное положеніе, такъ даже и лошадямъ, которыя назначены были по реквизиціи въ ландверную кавалерію и обозъ. Безполезно говорить о громадности подобной работы: успѣхъ ея можно объяснить однимъ только — прусскою пунктуальностію и настойчивостію и тѣмъ, что гражданскія вѣдомства не только не мѣшали, а, напротивъ, всѣми мѣрами содѣйствовали этому дѣлу. Спеціяльныя комисіи объѣзжали въ каждомъ округѣ всѣ мѣстности для осмотра людей и лошадей и для распредѣленія тѣхъ и другихъ соотвѣтственно качествамъ. Эта работа была окончена не болѣе, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ до войны.

Другою, тоже весьма важной, мѣрой была подготовка желѣзнодорожной администраціи къ возможно-быстрой перевозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ. Остановлюсь на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе, ибо на него въ наше время слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Въ Пруссіи съ 1861 года существуютъ: 1) инструкція о

перевозкѣ войскъ и тяжестей по желѣзнымъ дорогамъ, съ приложеніемъ о перевозкѣ больныхъ и раненыхъ; 2) правила для перевозки большихъ массъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Въ этихъ правилахъ, между прочимъ, опредѣлено, что перевозка войскъ должна быть исполняема безъ перемѣны вагоновъ въ пути; что кондукторовъ и машинистовъ слѣдуетъ употреблять на тѣхъ линіяхъ, на которыхъ они служатъ и въ мирное время. Число поѣздовъ въ сутки опредѣлено отъ восьми до двѣнадцати.

На каждомъ поѣздѣ положено помѣщать: или баталіонъ, или эскадронъ, или шестиорудійную батарею, или двѣ трети артилерійской муниціонной колонны (22 — 23 повозки), что опредѣляетъ составъ поѣзда въ 60—100 осей. Слѣдовательно, на ось приходится: около 16 человѣкъ, 3—4 лошади съ прислугою (1 или 2 человѣка), $^1/_2$ или $^2/_3$ повозки. Скорость движенія для военныхъ поѣздовъ опредѣляется отъ 3 до $3^1/_2$ миль въ часъ; черезъ каждые восемь или девять часовъ полагается остановка на часъ или на два часа, для снабженія людей пищею, лошадей фуражемъ. На пунктахъ остановокъ для войскъ должны быть устроены крытыя помѣщенія.

Всѣ соображенія по перевозкѣ войскъ возложены на центральную комисію въ Берлинѣ изъ трехъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба и трехъ членовъ отъ министерства торговли, внутреннихъ дѣлъ и отъ хозяйственнаго департамента военнаго министерства.

Одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба и членъ отъ министерства торговли образуютъ исполнительную комисію, которая въ мирное время дѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія для перевозки войскъ и имѣетъ наблюденіе за прусскими желѣзными дорогами; въ военное же наблюдаетъ и за линіями, занятыми въ непріятельской землѣ. Въ военное время можетъ быть и нѣсколько исполнительныхъ комисій.

Комисіи слѣдятъ: чтобы перевозка производилась согласно положенію; чтобы были приняты на соотвѣтствующихъ станціяхъ мѣры для нагрузки и выгрузки поѣздовъ и для продовольствія войскъ; чтобы поѣзды составлены были должнымъ образомъ и были готовы своевременно по диспозиціи перевозки; чтобы между поѣздами сохранялись должныя дистанціи.

Для исполненія всего этого, комисіи входятъ въ соглашеніе съ агентами управленія линіи и составляютъ распредѣленіе

движенія, которое, по утвержденіи центральною комисіею, сообщается всѣмъ, до кого относится.

Передъ началомъ перевозки, комисія помѣщается на пунктѣ, съ котораго отправляются болѣе значительныя массы войскъ.

На главныхъ пунктахъ нагрузки и выгрузки и въ мѣстахъ, гдѣ войска снабжаются пищею, учреждаются этапныя комисіи изъ одного штабъ-офицера и одного оберъ-офицера.

Третьей мѣрой заблаговременной подготовки было собраніе свѣдѣній о мѣстности и средствахъ австрійскихъ провинцій, сопредѣльныхъ Пруссіи. Это сдѣлано было весьма обстоятельно. Подъ предлогомъ путешествій, все было осмотрѣно и замѣчено какъ нельзя лучше. Цѣль была достигнута тѣмъ дѣйствительнѣе, что прусаки, не задаваясь обширными статистическими описаніями, отнеслись къ дѣлу спроста: сводъ донесеній рекогносцеровъ представляетъ у нихъ только слѣдующія данныя: относительно жилыхъ пунктовъ — населеніе, число церквей, богатство или бѣдность, на сколько послѣднее можно видѣть, или разузнать, къ какому племени принадлежитъ населеніе, какого исповѣданія; относительно мѣстности—качество дорогъ и состояніе мостовъ, разстояніе отъ пункта до пункта, выгодныя позиціи.

Нѣкоторыя скрытныя мѣры, предшествовавшія непосредственно войнѣ, заключались въ собраніи свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ непріятеля и въ приготовленіи картъ.

Свѣдѣнія о силахъ и расположеніи австрійцевъ достались прусакамъ чрезвычайно легко, и притомъ въ такомъ видѣ, въ которомъ рѣдко кто имѣетъ подобныя вещи передъ началомъ войны. Полная дислокація австрійскихъ силъ, въ половинѣ іюня нов. ст. (*), съ показаніемъ штабъ-квартиръ не только бригадъ, но даже отдѣльныхъ баталіоновъ, эскадроновъ и саперныхъ ротъ, досталась имъ совершенно даромъ.

Прусаки не поскупились на планы театра войны: они распространили ихъ въ арміи въ числѣ 2,000 экземпляровъ, и имѣли полное основаніе это сдѣлать, ибо нѣтъ лучшаго провожатаго, какъ хорошая карта, для того, кто умѣетъ ее читать; а, какъ я уже сказалъ, въ прусской арміи едва-ли найдется хоть одинъ офицеръ, который не понималъ бы топографической карты или плана.

Кромѣ штабныхъ чиновъ, планы были розданы: командиръ

(*) Объ этомъ было напечатано впослѣдствіи, въ австрійскихъ газетахъ.

рамъ баталіоновъ и выше въ пѣхотныхъ полкахъ, командирамъ ротъ и баталіоновъ въ стрѣлковыхъ и саперныхъ баталіонахъ, командирамъ эскадроновъ и выше въ кавалерійскихъ полкахъ и, наконецъ, командирамъ батарей и выше въ артилеріи.

Результатомъ было то, что войска во всю кампанію не нуждались въ проводникахъ. И чему же прусская армія обязана подобною независимостію отъ одной изъ самыхъ неблагопріятныхъ случайностей на войнѣ, т. е. отъ блужданія? Опять-таки той же преданности и любви къ своему дѣлу офицеровъ! Не жаль раздавать планы тысячами, когда знаешь, что они принесутъ пользу.

Получили прусаки столь огромное число экземпляровъ карты, почти топографической (въ $^1/_{144,000}$), съ австрійскаго оригинала, весьма просто. Теперь открытъ способъ перевода гравированнаго оригинала, смоченнаго въ извѣстномъ составѣ, на литографическій камень. Съ этого послѣдняго можно уже получить сколько угодно оттисковъ обыкновеннымъ литографическимъ способомъ. При этомъ оригиналъ не очень страдаетъ относительно ясности: онъ только нѣсколько рыжѣетъ.

Достоинство такого способа относительно быстраго полученія большаго числа экземпляровъ неоцѣненно: довольно сказать, что вся работа приготовленія 2,000 экземпляровъ была окончена приблизительно въ шесть недѣль, и что большая часть этого времени ушла не на печатаніе, а на наклейку картъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что нѣкоторые листы были отпечатаны въ Брюннѣ, т. е. уже во время кампаніи.

Вотъ нѣкоторое факты подготовки прусаковъ къ войнѣ. Не имѣю и въ мысли претендовать на что-либо полное въ этомъ отношеніи: что знаю, то и говорю. Но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что со стороны прусаковъ не было упущено ничего для обезпеченія успѣха.

Приведеніе войскъ на военное положеніе и раздѣленіе на арміи.

Пруссія начала вооруженія свои 15-го (27-го) марта, т. е. въ день появленія приказа объ укомплектованіи до состава въ 686 человѣкъ 5-й, 7-й, 9-й, 11-й и 12-й дивизій, расположенныхъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, въ Магдебургѣ, Глогау, Бреславлѣ и Нейссе, четырехъ гвардейскихъ полковъ и 72-го пѣхотнаго полка, и объ усиленіи состава людей и лошадей полевыхъ артилерійскихъ полковъ корпусовъ гвардейскаго, 3-го,

4-го и 6-го и одного отдѣленія 5-го корпуса. Въ то же время приступлено было къ вооруженію слѣдующихъ крѣпостей: Виттенберга, Торгау, Глатца, Нейссе и Козеля, а нѣсколько дней спустя Эрфурта и Глогау; одновременно съ этимъ усилено было заготовленіе боевыхъ запасовъ въ Шпандау, Минденѣ и Кюстринѣ.

Почти мѣсяцъ спустя, т. е. 12-го (24-го) апрѣля, послѣдовало распоряженіе о приведеніи на военную ногу всей кавалеріи и артилеріи, а равно и пѣхотныхъ частей, находившихся въ Силезіи, Познани, Бранденбургѣ, Саксоніи и рейнскихъ провинціяхъ, т. е. 6-го, 5-го, 3-го, гвардейскаго, 4-го и 8-го корпусовъ (*), о сформированіи въ 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ корпусахъ ландверныхъ баталіоновъ, силою въ 500 человѣкъ, и запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ, и о приведеніи на военное положеніе вышеупомянутыхъ крѣпостей. Наконецъ, приказомъ 25-го апрѣля (7-го мая), вся остальная армія приведена была на военную ногу, а три дня спустя приступлено къ формированію недостающихъ запасныхъ частей и пѣхотныхъ ландверныхъ баталіоновъ, равно какъ и незначительнаго числа ландверныхъ эскадроновъ, число которыхъ 5-го (17-го) мая приказано было довести до 48. Въ этотъ же день появился приказъ о формированіи по военному положенію интендантствъ, полевыхъ лазаретовъ, полевой почты и т. п., потому что мобилизація арміи уже была окончена. На приведеніе дѣйствующей арміи, благодаря богатству всякаго рода запасовъ, обилію желѣзныхъ дорогъ и другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, потребовалось не болѣе двухъ недѣль, во время которыхъ числительность одной дѣйствующей арміи удвоилась, т. е. была доведена почти до 360,000, и, сверхъ того, призвано было до 200,000 ландвера. При этомъ выказались и слабыя стороны ландверной системы, весьма тягостной для страны. Передъ началомъ войны усиленный призывъ резервистовъ и ландвера возбудилъ много неудовольствій, доходившихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до открытаго сопротивленія. Это объясняется тѣмъ, что призывъ отразился весьма вредно на ремесленной и фабричной

(*) Раздѣленіе на корпуса существуетъ въ прусской арміи и въ мирное время. Корпусъ состоитъ изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, со стрѣлковымъ и саперными баталіонами и съ кадрами для четырехъ ландверныхъ полковъ (29 баталіоновъ), одной кавалерійской дивизіи (двѣ бригады, по три полка въ каждой), артилерійской бригады и обознаго баталіона.

дѣятельности, равно какъ и на положеніи значительнаго числа семействъ, оставшихся безъ опоры.

Послѣднимъ актомъ вооруженія былъ послѣдовавшій, въ срединѣ мая, сборъ 50 ландверныхъ баталіоновъ 2-го призыва 3-го, 4-го, 5-го и 6-го корпусовъ. Формированіе это однако встрѣтило много затрудненій, вслѣдствіе недостатка въ людяхъ, потому что недостающее число резервистовъ пополнялось изъ ландвера 1-го призыва, а сей послѣдній ландверомъ 2-го призыва.

Одновременно съ мобилизаціею распущены были учебныя части, изъ которыхъ сформировали конвойную роту для королевской главной квартиры, составленную вслѣдствіе сего изъ представителей всѣхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ частей. Для увеличенія числа офицеровъ закрыли военную академію и соединенную артилерійскую и инженерную школу, обративъ во фронтъ професоровъ и слушателей, и произвели усиленный выпускъ изъ кадетскихъ корпусовъ, что доставило 450 офицеровъ.

Постоянное существованіе корпусовъ отразилось не совсѣмъ выгодно на организаціи арміи для войны, несмотря на то, что оно не было вполнѣ удержано на военное время: не всѣ корпусные командиры были въ одинаковой мѣрѣ на высотѣ своего назначенія. Мирная организація не вполнѣ была удержана въ томъ смыслѣ, что одинъ корпусъ былъ составленъ, вмѣсто двухъ, изъ трехъ дивизій, а два корпуса (3-й и 4-й), которыми командовали въ мирное время принцы, сдѣлали кампанію безъ корпусныхъ командировъ, получая всѣ распоряженія прямо изъ штаба арміи. Этотъ порядокъ не отразился вредно въ боевомъ отношеніи, благодаря удачѣ, неизмѣнно сопровождавшей прусское оружіе въ эту кампанію; но едва-ли бы это не затруднило распоряженій въ случаѣ неудачи. Во всякомъ случаѣ, недостатокъ непосредственнаго надзора въ двухъ корпусахъ отразился довольно сильно на внутреннемъ порядкѣ.

Корпусный штабъ представлялъ слѣдующій составъ: 1) командиръ корпуса; 2) начальникъ штаба (полковникъ генеральнаго штаба); при немъ два или три офицера генеральнаго штаба; 3) четыре адъютанта, для завѣдыванія различными частями, которыя у насъ сосредоточивались въ прежнихъ дежурствахъ; 4) начальникъ артилеріи съ двумя адъютантами — по личной и технической частямъ; 5) начальникъ инженеровъ съ двумя же адъютантами; 6) интендантъ съ нѣсколькими помощниками; 7) докторъ; 8) священникъ; 9) аудиторъ.

Начальникъ штаба имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи преимущественно часть генеральнаго штаба; по всѣмъ же вопросамъ, относящимся до личнаго состава, корпусный командиръ принималъ доклады непосредственно отъ адъютантовъ, изъ которыхъ старшій (въ чинѣ капитана) распредѣлялъ работу и пользовался передъ другими однимъ только преимуществомъ: его не посылали въ главную квартиру за приказаніями. Начальники артилеріи и инженеровъ, а также корпусный интендантъ получали приказанія также отъ корпуснаго командира и въ часть генеральнаго штаба обращались скорѣе за справками, нежели за распоряженіями.

Сверхъ помянутыхъ чиновъ, состояли еще три ординарца, прикомандированныхъ изъ фронта, для разсылки съ приказаніями.

При штабѣ корпуса состоятъ двѣ команды: 1) такъ называемая штабная стража (Stabs-Wache); 2) жандармы. Изъ нихъ первая состоитъ изъ конныхъ ординарцевъ, употребляемыхъ для посылки съ офицерами, отправляемыми съ какимъ-либо порученіемъ, для передачи неважныхъ приказаній и т. под.

Жандармы, набранные на время войны изъ числа жандармовъ, составляющихъ земскую полицію, исправляли военно-полицейскія обязанности. Въ суммѣ обѣ эти команды не превосходили численностію 40 человѣкъ. Охрана собственно корпуснаго штаба возлагаема была на одну изъ частей, квартировавшихъ въ одномъ съ нимъ мѣстѣ или по близости.

Дивизіонные штабы состояли изъ одного офицера генеральнаго штаба и двухъ адъютантовъ, при начальникѣ дивизіи; бригадные—изъ одного адъютанта, при командирѣ бригады.

Главное, что обращаетъ на себя вниманіе въ составѣ прусскихъ штабовъ, это ограниченность числа офицеровъ генеральнаго штаба; но она становится совершенно понятною, если взять въ разсчетъ ту преданность и любовь къ своему дѣлу, которыя проникаютъ корпусъ строевыхъ офицеровъ прусской арміи, и тотъ уровень образованія, на которомъ стоитъ большинство изъ нихъ. При такомъ условіи, конечно, составъ генеральнаго штаба можетъ быть ограниченъ, ибо и каждый строевой офицеръ есть уже, въ нѣкоторой степени, офицеръ генеральнаго штаба.

Фактъ, не менѣе заслуживающій вниманія, представляетъ ограниченность средствъ для дѣлопроизводства въ штабахъ.

Такъ, въ корпусномъ штабѣ, было всего девять писарей: изъ нихъ по одному въ отдѣленіяхъ генеральнаго штаба, артилерійскомъ и инженерномъ и шесть въ дежурствѣ. Причина та, что штабные чины пишутъ многое сами, что́, сколько могу судить, составляетъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ и къ сокращенію переписки, и къ тому, чтобы офицеры четко писали.

Дѣятельность интендантства, въ теченіе всей кампаніи, проявлялась только сборомъ реквизицій, слѣдовательно не представляла того правильнаго, основаннаго на постоянныхъ законоположеніяхъ хода, при которомъ только и можно судить о достоинствахъ и недостаткахъ этой отрасли администраціи. Все, что могу сказать о корпусѣ прусскихъ интендантовъ, это, что онъ отличается примѣрною честностію; въ нѣкоторыхъ корпусахъ ощущаемъ былъ недостатокъ расторопности со стороны интендантскихъ чиновниковъ, вслѣдствіе чего въ правой массѣ прусскихъ силъ самимъ войскамъ приходилось прибѣгать къ фуражировкамъ до конца кампаніи, между тѣмъ какъ въ тылу арміи огромные запасы пропадали даромъ. Впрочемъ, причина этого заключалась также и въ быстротѣ движенія прусской арміи, быстротѣ, при которой и самый опытный корпусъ интендантовъ едва-ли бы съумѣлъ доставить вовремя все необходимое войскамъ.

По нормѣ каждый прусскій дѣйствующій корпусъ состоитъ изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій (девяти полковъ, изъ которыхъ одинъ фузилерный), одной кавалерійской, 12 пѣшихъ, четырехъ конныхъ батарей, одного стрѣлковаго, одного сапернаго и одного обознаго баталіона, что представляетъ силу въ 29 баталіоновъ, 24 эскадрона, 72 пѣшихъ и 24 конныхъ орудія. Но этой нормѣ не отвѣчалъ, по составу пѣхоты или кавалеріи, ни одинъ корпусъ. Такъ въ пятомъ корпусѣ недоставало двухъ полковъ пѣхоты и вмѣсто шести полковъ кавалеріи было всего два; въ первомъ недоставало одного полка пѣхоты и одного кавалеріи, и т. д. Къ каждой пѣхотной дивизіи было придано отдѣленіе артилеріи (четыре батареи) и полкъ кавалеріи.

Вслѣдствіе значенія, пріобрѣтеннаго желѣзными дорогами и телеграфами, при каждой арміи учреждены желѣзно-дорожныя команды и телеграфныя отдѣленія. Первыя предназначены для исправленія и порчи желѣзныхъ дорогъ; онѣ состояли изъ одного оберъ-офицера инженернаго, одного техника, двухъ старшихъ и отъ 6 до 10 младшихъ строителей, двухъ машинныхъ масте-

ровъ и отъ 50 до 100 саперъ. Обширныя работы предполагалось производить вольнаемными рабочими; склады желѣзнодорожныхъ потребностей устроены на узлахъ желѣзныхъ дорогъ.

Телеграфныя отдѣленія служили для соединенія главныхъ квартиръ съ постоянными линіями и между собою. Ихъ было три: одно—при главной квартирѣ короля, другое—при штабѣ II-й арміи, третье—при штабѣ эльбской арміи. Каждое состояло: изъ трехъ офицеровъ, 127 нижнихъ чиновъ, изъ 12 повозокъ и 77 лошадей. Проволока и все потребное для установки телеграфа возились съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было набросить линію въ 4 мили (28 верстъ). Кромѣ того, было 2 мили (14 верстъ) запасной проволоки.

Обозъ корпуса составляютъ:

Обозъ 1-го разряда, къ которому относятся: патронные ящики при баталіонахъ (*), зарядные при батареяхъ, офицерскій обозъ при всѣхъ частяхъ и аптечные ящики.

Обозъ 2-го разряда можетъ быть подраздѣленъ на: 1) обозъ штабовъ, 2) артилерійскій, 3) инженерный и телеграфный, 4) провіянтскій, 5) лазаретный.

Обозъ корпуснаго штаба — 18 повозокъ, дивизіоннаго — 7 повозокъ, бригаднаго — одна повозка.

Артилерійскій обозъ состоитъ изъ 9 муниціонныхъ колоннъ (наши подвижные парки), каждая въ 22 — 23 повозки; всего 201 повозка. Въ нихъ перевозится: 549,450 простыхъ, 34,830 взрывчатыхъ патроновъ, 7,536 артилерійскихъ снарядовъ различнаго наименованія, что составляетъ, среднимъ числомъ, около 74 патроновъ на ружье и отъ 66 до 98 снарядовъ на орудіе.

Въ суммѣ же число патроновъ на людяхъ и перевозимыхъ будетъ: отъ 151 до 164 на ружье; зарядовъ, перевозимыхъ какъ при батареяхъ, такъ и въ паркѣ: для 12-фунтовой облегченной—215 снарядовъ, для 6-фунтовой нарѣзной батареи—218, для 4-фунтовой—237. Всѣ заряды и патроны перевозятся въ паркахъ не въ матеріялѣ, а готовыми.

Артилерійскій обозъ новаго образца состоитъ изъ четырехколесныхъ зарядныхъ ящиковъ, передки которыхъ совершенно той же конструкціи, что и передки орудій. Въ нѣкоторыхъ частяхъ остался еще обозъ стараго образца, состоящій изъ

(*) Перевозятъ: въ пѣхотномъ баталіонѣ 17, въ стрѣлковомъ 30 патроновъ на ружье.

четырехколесныхъ телѣгъ съ длинными и узкими ящиками, имѣющими двухскатную крышу.

Мѣстные парки были учреждены: въ I-й арміи въ Герлацѣ; потомъ въ Турнау; для II-й—въ Вальденбургѣ.

Провіянтскій обозъ состоитъ изъ пяти колоннъ, каждая въ 30 повозокъ; въ немъ перевозится трехдневная дача хлѣба, водки, кофе, рису и всего прочаго, исключая, конечно, говядины, на 30,000 человѣкъ. Солдатъ носилъ на себѣ тоже трехдневную дачу.

Независимо отъ провіянтскаго обоза, къ каждому корпусу было придано еще 350 повозокъ вспомогательнаго обоза, собранныхъ по реквизиціи въ прусскихъ провинціяхъ; онъ былъ также раздѣленъ на пять колоннъ. Этотъ обозъ употребляли для подвоза фуража изъ окрестностей, собираемаго по реквизиціи для перевозки раненыхъ и для другихъ случайныхъ назначеній.

Къ провіянтскому обозу должно отнести также хлѣбопекарную колонну (одинъ офицеръ, два чиновника, 110 человѣкъ, при двухъ повозкахъ).

Инженерный обозъ показанъ въ обзорѣ организаціи піонерныхъ баталіоновъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ госпитальной части въ прусской арміи. На каждую дивизію полагается одинъ легкій полевой лазаретъ со всѣми принадлежностями на 20 человѣкъ, который подраздѣляется на подвижное отдѣленіе и депо. При такомъ лазаретѣ состоятъ: 1 главный врачъ, 12 младшихъ медиковъ, 8 лазаретныхъ помощниковъ (наши фельдшера), 16 человѣкъ госпитальной прислуги, 2 фармацевта, канцелярія и обозные чины. Въ предвидѣніи боя, подвижное отдѣленіе учреждаетъ перевязочный пунктъ, куда чины санитарной (*) роты, послѣ первой необходимой помощи, сносятъ раненыхъ. На перевязочномъ пунктѣ ихъ перевязываютъ болѣе соотвѣтственно, и отправляютъ въ депо, отстоящее на 10—15 минутъ отъ перевязочнаго пункта (**). Въ депо произ-

(*) Krankenträger-Compagnie—4 офицера, 3 чиновника, 203 строевыхъ и 8 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Они обучаются обращенію съ ранеными, поданію необходимой помощи и въ случаѣ боя раскомандировываются по дивизіоннымъ лазаретамъ.

(**) Для переноски и перевозки раненыхъ имѣлось 25 носилокъ, одна повозка въ четыре лошади на 12 легко-раненыхъ и четыре повозки въ двѣ лошади для тяжело-раненыхъ, каждая на пять мѣстъ: два лежачихъ и три сидячихъ. Недостатокъ этихъ средствъ предполагалось пополнять реквизиціей.

водились уже операціи, послѣ чего раненыхъ транспортировали далѣе, въ фургонахъ корпуснаго лазарета, состоящаго изъ трехъ отдѣленій, устроенныхъ, каждое, на 200 человѣкъ. Въ этомъ госпиталѣ полагалось: 1 старшій врачъ, 13 младшихъ, 15 лазаретныхъ помощниковъ, 32 человѣка прислуги и 3 аптекаря.

Изъ корпусныхъ лазаретовъ раненые были транспортируемы, при первой возможности, въ мѣстные лазареты, этапные, военные или, наконецъ, резервные, которые были устроены въ соотвѣтствующихъ помѣщеніяхъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ общей сложности, средства всѣхъ помянутыхъ лазаретовъ были разсчитаны на 21,600 больныхъ.

Въ основаніе устройства мѣстныхъ военныхъ лазаретовъ былъ положенъ тотъ принципъ, *что огромное скопленіе раненыхъ въ одномъ пунктѣ не только вредно, но въ большинствѣ случаевъ даже смертоносно для многихъ изъ нихъ.*

Кромѣ того, для предупрежденія скопленія раненыхъ и больныхъ въ лазаретахъ, ближайшихъ къ тылу арміи, учреждено было 97 госпиталей на прусской территоріи въ слѣдующихъ провинціяхъ:

Въ Бранденбургѣ.	34	на 10,580 чел.
— Силезіи	21	— 10,280 —
— Саксоніи	12	— 3,030 —
— Познани	12	— 3,180 —
— Восточной и Западной Пруссіи	6	— 1,370 —
— Помераніи.	6	— 1,510 —
— королевствѣ Саксонскомъ . .	6	— 3,230 —
	97	на 33,340 чел.

Въ это число не включены еще постоянные госпитали, существующіе и въ мирное время.

Отправленіемъ больныхъ и раненыхъ изъ постоянныхъ военныхъ лазаретовъ въ резервные занимались больничныя транспортныя комисіи, состоявшія изъ штабъ-офицера, врача и чиновника: онѣ располагались на станціяхъ желѣзной дороги, ближайшихъ къ арміи, имѣли точныя свѣдѣнія о числѣ свободныхъ мѣстъ въ госпиталяхъ и сообразно тому направляли прибывавшихъ больныхъ и раненыхъ.

На каждыхъ 100 больныхъ полагалось отъ 13 до 15 товарныхъ вагоновъ, одинъ или два врача, два лазаретныхъ помощника и 13 человѣкъ прислуги.

Госпитальные склады были устроены: въ Бреславлѣ, Бунцлау, Губенѣ и Ютербокѣ.

Независимо отъ этихъ громадныхъ приготовленій, правительство нашло дѣйствительную и немаловажную опору въ общественной благотворительности, которая выразилась дѣятельностію ордена св. Іоанна (возобновленный Мальтійскій орденъ) и щедрыми приношеніями частныхъ лицъ.

Орденъ іоаннитовъ имѣетъ по своему новому уставу главною цѣлію всестороннее вспоможеніе больнымъ и раненымъ. Во время датской войны онъ располагалъ уже тремя миліонами талеровъ для своихъ благотворительныхъ предпріятій. Въ послѣднюю кампанію дѣятельность его особенно благодѣтельно отразилась на госпиталяхъ въ тылу арміи; забота же о раненыхъ на полѣ сраженія вошла въ программу дѣятельности ордена только въ видѣ опыта. При штабѣ II-й арміи іоанниты имѣли два большихъ фургона и нѣсколько носилокъ на колесахъ и ресорахъ. То и другое оказалось весьма практичнымъ, въ особенности носилки. Послѣднія такъ легки, что по неровному мѣсту ихъ легко несутъ два человѣка; по ровному же везетъ одинъ. Въ носилкахъ сдѣлано приспособленіе и для того также, чтобы, соединяя ихъ по нѣскольку, гуськомъ, можно было тянуть подобную цѣпь одною лошадью.

Благотворительныя частныя общества возникли передъ войною и распространились чрезвычайно быстро. Изъ нихъ берлинское центральное общество, кромѣ огромныхъ матеріяльныхъ запасовъ, собрало въ короткое время капиталъ въ 500,000 талеровъ. Пожертвованія эти центральный комитетъ собиралъ и непосредственно отъ частныхъ лицъ, но болѣе отъ провинціяльныхъ комитетовъ, число которыхъ во время войны возросло до 200.

Запасы центральнаго общества были такъ велики (*), что, несмотря на безпрерывныя и, можно сказать, громадныя отправки и въ богемскую, и въ майнцскую арміи, они далеко не были истощены.

Кромѣ того, вслѣдствіе воззванія хозяйственнаго департамента военнаго министра, отъ 15-го іюня, ко всѣмъ прусакамъ съ предложеніемъ объ устройствѣ частныхъ лазаретовъ, устрое-

(*) Отправленія были почти ежедневныя; поѣзды доходили иногда до 25 вагоновъ; цѣнность содержимаго до 70,000—80,000 талеровъ.

ны были таковые многими обществами, и нѣсколько тысячъ раненыхъ взяты были на попеченіе частныхъ лицъ.

Числительность прусской арміи.

Дѣйствующія войска состояли:

	Нижнихъ чиновъ.	Офицеровъ.	Нестроевыхъ.
Изъ 253 баталіоновъ . .	253,500	5,800	7,900
— 200 эскадроновъ . .	30,000	1,100	2,700
— 144 бат. съ 864 оруд.	25,900	800	8,000
— 9 инж. и 9 обозн. бат.	14,000	700	8,000
	323,400	8,400	26,600

Запасныя войска:

— $83^1/_2$ баталіона . . .	81,000	1,350	3,500
— 48 эскадроновъ . . .	7,200	280	600
— 36 бат., въ 144 ор.	4,400	135	1,900
	92,600	1,765	6,000

Ландверъ 1-го призыва:

116 баталіоновъ въ 600 человѣкъ — всего 70,000
48 эскадроновъ по 150 человѣкъ — всего 7,000

Ландверъ 2-го призыва:

50 баталіоновъ въ 400 человѣкъ — всего 20,000

Прусская армія, слѣдовательно, состояла изъ 557,000 человѣкъ; но изъ этого числа, для приблизительнаго опредѣленія дѣйствительной ея числительности, необходимо откинуть, покрайней мѣрѣ, 10%, потому что отъ 7 до 8% въ ней обыкновенно считается больныхъ, а положить 3% на некомплектъ и на разнаго рода командировки скорѣе мало, чѣмъ много.

Слѣдовательно, было:

Дѣйствующихъ войскъ.	По спискамъ.	Налицо.
Пѣхоты . . .	267,200	240,000
Кавалеріи . . .	38,800	30,000
Артилеріи . . .	34,700	31,000
Инженеровъ . . .	11,700	10,000
Обозныхъ. . . .	11,000	10,000
Всего	358,400	321,000

Запасныхъ войскъ:

Пѣхоты	85,358	77,000
Кавалеріи	8,080	7,000
Артилеріи	6,435	5,500
	100,365	89,500

Ландвера 1-го призыва:		
Пѣхоты	70,000	60,000
Кавалеріи. . . .	7,000	6,000
	77,000	66,000
Ландвера 2-го призыва:		
Пѣхоты	20,000	18,000
Итого	557,765	494,500

О прусскомъ флотѣ мы не упоминаемъ, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого вліянія на военныя операціи.

Сухопутныя силы Пруссіи раздѣлены были на 4 арміи, что обусловилось конфигураціею театра войны и отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что вначалѣ прусаки думали преимущественно о предохраненіи собственныхъ предѣловъ отъ вторженія.

Общее начальство надъ I и II-ю арміями предоставилъ себѣ е. в. король, при которомъ состояли: въ качествѣ начальника главнаго штаба генералъ-отъ-инфантеріи Мольтке, генералъ-инспектора артилеріи—генералъ-лейтенантъ Гиндерсенъ, и генералъ-инспектора инженеровъ—генералъ-лейтенантъ Вассершлебенъ. При главной квартирѣ во все время кампаніи находились: министръ-президентъ и военный министръ.

Первою арміею, составленною изъ 2-го, 3-го и 4-го пѣхотныхъ и одного кавалерійскаго корпусовъ, командовалъ принцъ Фридрихъ-Карлъ Прусскій; начальникомъ штаба къ нему былъ назначенъ генералъ Фогтсъ-Ретцъ. Корпусами командовали: 2-мъ—генералъ-лейтенантъ Шмидтъ, кавалерійскимъ—генералъ-отъ-кавалеріи принцъ Альбрехтъ.

Числительность этой арміи была слѣдующая:

	Бат.	Эск.	Ор.	Пѣх.	Кавал.	Артил.	Инж. обозъ.
2-го корпуса . . .	25	8	96	25,400	1,550	3,440	2,500
3-го — . . .	25	9	96	25,400	1,550	3,440	2,500
4-го — . . .	22	8	96	23,200	1,500	3,440	2,500
Кавалерійскаго корпуса	„	57	„	„	10,850	„	„
	72	82	288	74,000	15,500	10,320	7,500

107,300, а налицо 96,937

Начальство надъ второю арміею ввѣрено было наслѣдному принцу Прусскому, который имѣлъ начальникомъ штаба генералъ-маіора Блументаля. Эта армія состояла изъ гвардейскаго корпуса — генералъ-отъ-кавалеріи принцъ Августъ Вюртембергскій, 1-го корпуса—генералъ-отъ-инфантеріи Бонинъ, 5-го

корпуса—генералъ-отъ-инфантеріи Штейнмецъ, 6-го корпуса—генералъ-отъ-кавалеріи Муціусъ, и резервно-кавалерійской дивизіи генералъ-маіора Гартмана.

Числительность второй арміи:

	Бат.	Эск.	Ор.	Пѣх.	Кавал.	Артил.	Инж. обозъ.
Гвардейскаго корпуса .	26	9	96	26,500	1,550	3,440	2,500
1-го корпуса . . .	25	20	96	25,400	3,900	3,440	2,000
5-го — . . .	22	9	96	23,200	1,550	3,440	2,500
6-го — . . .	19	8	96	20,000	1,500	3,400	2,500
Рез. кавалер. дивизіи.	„	28	„	„	5,500	„	„
	93	74	384	95,100	14,000	13,720	10,000

127,800, а налицо 115,000

Эльбская армія, которою командовалъ генералъ-отъ-инфантеріи Гервардтъ фонъ-Биттенфельдтъ, состояла изъ 8-го корпуса и 14-й дивизіи 7-го корпуса.

Всего 34 баталіона, 26 эскадроновъ, 120 орудій, 35,900 человѣкъ пѣхоты, 4,656 кавалеріи, 4,500 артилеріи, 2,500 инженернаго обоза = 47,500 человѣкъ, или налицо около 41,700.

Майнцская армія, находившаяся подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Фогель-фонъ-Фалькенштейна, была составлена изъ 13-й дивизіи генералъ-лейтенанта Гебена и сводной дивизіи Бейера, сформированной изъ гарнизоновъ германскихъ крѣпостей, которыя были очищены прусаками 9-го іюня. Къ этой же арміи впослѣдствіи примкнула сводная дивизія генерала Мантейфеля, занимавшая прежде Голштинію.

Всего въ этой арміи состояло 48 баталіоновъ, 22 эскадрона и 96 орудій, т. е. 55,500 пѣхоты, 3,880 кавалеріи и 3,440 артилеріи, итого 70,000 человѣкъ по списку, что соотвѣтствуетъ наличнымъ 56,500, не считая 2 баталіоновъ кобургскихъ и 1 баталіона Липпе—около 2,200 человѣкъ.

Впослѣдствіи, т. е. въ серединѣ іюня, къ этой арміи присоединились: а) ольденбургъ-ганзейская бригада (3 баталіона, 3 эскадрона и 2 батареи ольденбургскихъ, 2 гамбургскихъ, 1 любекскій, 1 бременскій, 1 вальдекскій и 1 шварцбургскій баталіоны — по списку 6,940 человѣкъ, а налицо около 6,000 человѣкъ); б) 5 четвертыхъ баталіоновъ, вновь сформированный 9 й егерскій баталіонъ и 3 резервныхъ ландверныхъ кавалерійскихъ полка — 2,924 человѣка по спискамъ и налицо около 2,700 человѣкъ. А всего въ этой арміи по спискамъ—72,500, въ наличности же не болѣе 65,500.

Независимо отъ сихъ армій, сформированы были два резервныхъ корпуса. Первымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Мюльбе; онъ былъ составленъ изъ 24 ландверныхъ баталіоновъ, 24 ландверныхъ эскадроновъ и 1 батареи. Второй резервный корпусъ, подъ начальствомъ великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, состоялъ изъ мекленбургской дивизіи (5 баталіоновъ, 4 эскадрона и 2 бат.) и изъ одной сводной прусской дивизіи (13 прусскихъ и 2 ангальтскихъ баталіона, 1 ландверный уланскій полкъ и 8 батарей). Всего 20 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 10 батарей, около 23,000 человѣкъ.

Изъ этого перечня прусскихъ вооруженныхъ силъ видно, что правительство послало заграницу не только всѣ дѣйствующія войска, но часть запасныхъ баталіоновъ и батарей и часть ландвера какъ пѣхотнаго, такъ и кавалерійскаго. Для гарнизонной службы оставлено было только 69½ запасныхъ баталіоновъ, 48 запасныхъ эскадроновъ и часть запасныхъ батарей, 92 баталіона ландвера 1-го призыва и 50 баталіоновъ ландвера 2-го призыва.

Характеристика личностей.

Хладнокровіе въ опасности, умѣнье оцѣнивать обстоятельства и необыкновенная, идущая отъ сердца, заботливость о больныхъ и раненыхъ составляютъ отличительныя черты главнокомандующаго II-ю арміею, его высочества наслѣднаго принца прусскаго Фридриха-Вильгельма. Эти качества обнаружились въ полномъ блескѣ еще въ шлезвигъ-голштинскую войну, успѣшному окончанію которой онъ содѣйствовалъ въ весьма большой мѣрѣ. Его кроткое, привѣтливое обращеніе со всѣми подчиненными снискало ему самую горячую преданность и любовь солдатъ и офицеровъ. Кронпринцъ любитъ солдатъ и умѣетъ говорить съ солдатомъ. Сверхъ сказанныхъ свойствъ, онъ отличается еще примѣрною исполнительностію, въ благороднѣйшемъ значеніи слова: это онъ вполнѣ показалъ въ день сраженія подъ Кенигсгрецомъ, въ который какъ прибытіе на поле сраженія, такъ и направленіе войскъ въ продолженіе его представляютъ поучительный образецъ самоотверженія.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ въ настоящую эпоху безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ генераловъ въ Европѣ.

Глубоко изучивъ духъ французскаго образа дѣйствія, об-

условленнаго и народнымъ характеромъ, и богатой боевой практикой, принцъ Фридрихъ-Карлъ могущественно содѣйствовалъ проведенію въ сознаніе прусскаго военнаго общества началъ, положенныхъ въ основаніе этого образа дѣйствій. Беззавѣтная дерзость, стремленіе на выстрѣлы, стремленіе озадачить непріятеля какою-нибудь неожиданностію и проч., и проч., все это проведено и усвоено, благодаря Фридриху-Карлу.

Принцу въ 1866 г. исполнилось 38 лѣтъ. Еще въ ранней молодости онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ изучалъ дѣйствія Фридриха Великаго; въ 1848 г. участвовалъ въ шлезвигъ-голштейнской войнѣ, состоя при фельдмаршалѣ графѣ Врангелѣ; въ слѣдующемъ году, во время баденскаго похода, онъ былъ раненъ въ плечо. Во время послѣдней войны за Шлезвигъ-Голштейнъ, принцъ выказалъ военныя дарованія, выходящія изъ ряда, и твердость характера. Въ мирное время онъ командовалъ 3-мъ армейскимъ корпусомъ, на которомъ благодѣтельное вліяніе его взглядовъ на военное дѣло отразилось вполнѣ.

Бесѣды о военномъ дѣлѣ и чтеніе классическихъ военныхъ сочиненій составляютъ любимое занятіе принца Фридриха-Карла. Зимою, еженедѣльно раза два или три, собирается у него кружокъ избранныхъ, гдѣ въ совершенно непринужденной, интимной бесѣдѣ обсуждаются различные военные вопросы, или по поводу событій дня, или же по поводу какой-либо прочитанной книги, почему либо обращающей на себя вниманія.

Принцъ не изъ тѣхъ, которые пишутъ много: онъ вполнѣ сознаетъ, что кто хочетъ быть понятъ массами, тотъ долженъ быть кратокъ; но это немногое всякій военный долженъ бы былъ вполнѣ усвоить. Многіе пункты, по значенію ихъ, можно сравнить только съ инструкціями Фридриха Великаго и нашего незабвеннаго Суворова. Впрочемъ, пусть дѣло говоритъ само за себя:

„Можетъ случиться—говоритъ принцъ въ своей инструкціи—что наша армія, имѣя наступательныя цѣли, приметъ бой оборонительный, чтобы сперва воспользоваться перевѣсомъ нашимъ въ огнестрѣльномъ дѣйствіи и затѣмъ перейти въ наступленіе. Если, какъ я предполагаю, австрійцы имѣютъ намѣреніе задавить насъ порывомъ, то этотъ способъ борьбы будетъ лучшимъ.“

„Кто не знаетъ, что молодыя, необстрѣленныя войска легко теряются при первой неожиданности? А большая часть прус-

ской арміи была дѣйствительно молода. Нужно замѣтить при этомъ, что прусскіе военачальники были убѣждены вначалѣ, что имъ, по всей вѣроятности, придется не наступать, а обороняться. Приведеннымъ пунктомъ Фридрихъ-Карлъ даетъ войскамъ мысль, что даже если ихъ расположатъ, повидимому, для обороны, то это, въ дѣйствительности, будетъ сдѣлано съ наступательными цѣлями: слѣдовательно, обороны не бойтесь: она еще не есть признаніе превосходства непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подрываетъ далѣе и впечатлѣніе, которое могла бы на нихъ произвести стремительная атака въ штыки. Нѣтъ ничего разумнѣе и разсчетливѣе, какъ предупреждать о вѣроятной опасности, ибо этимъ мы отнимаемъ у нея огромную вліятельную сторону—сторону неожиданности. Австрійцы дѣйствительно думали удивить прусаковъ порывомъ, слѣдовательно въ сказанномъ обнаруживается и пониманіе духа противника, и стремленіе привить это пониманіе уму всякаго изъ своихъ солдатъ.

Но изъ этого какъ-будто слѣдуетъ, что принцъ Фридрихъ Карлъ придаетъ огню первостепенное значеніе. Посмотримъ дальше:

„Не нужно перестрѣливаться больше, чѣмъ слѣдуетъ, но ограничиваться крайне необходимымъ, *такъ какъ при продолжительной перестрѣлкѣ потеря въ людяхъ и патронахъ велика, и перестрѣлка и иногда не рѣшаетъ дѣла, а только служитъ подготовленіемъ*. Слѣдовательно, отъ 5 до 6 залповъ изъ возможно закрытой позиціи. Въ случаѣ непріятельской атаки въ колоннахъ, всего лучше ослабить ихъ одиночной стрѣльбой, затѣмъ встрѣтить ихъ залпами и, наконецъ, отбросить въ штыки. Ротныя колонны рекомендуются, какъ строй наиболѣе удобный для подобнаго рода дѣйствій.“

Здѣсь, во-первыхъ, огонь и штыкъ поставлены въ должныя отношенія; во-вторыхъ, ясно видно, что имѣлась въ виду преимущественно оборона, а, между тѣмъ, отъ солдатъ это замаскировано; въ-третьихъ, наконецъ, отдано предпочтеніе ротнымъ колоннамъ передъ сборными строями баталіона.

Остановлюсь нѣсколько на послѣднихъ, ибо принцъ Фридрихъ-Карлъ придумалъ для ихъ употребленія способъ, сколько мнѣ кажется, весьма раціональный: начинается дѣло съ разсыпнаго огня; съ приближеніемъ противника къ цѣпи шаговъ на 300, ротныя колонны первой линіи быстро вступаютъ въ

цѣпь, тамъ развертываются и открываютъ пальбу залпами; въ то же время роты второй линіи идутъ въ атаку; когда онѣ поровняются съ ротами первой линіи, всѣ должны бросаться въ штыки въ такомъ строѣ, какъ стояли. Это весьма рѣзко указываетъ на ту свободу отношенія къ формѣ строя, о которой я уже упоминалъ, такъ какъ однѣ роты бросаются въ штыки въ развернутомъ строѣ, а другія въ колоннахъ.

Далѣе слѣдуютъ чрезвычайно практическія указанія на то, что при стрѣльбѣ въ бою должно обозначать не прицѣлъ и разстояніе, а прицѣлъ и точку, и что чѣмъ ближе непріятель, тѣмъ ниже слѣдуетъ цѣлить, такъ какъ съ приближеніемъ непріятеля солдатъ будетъ стрѣлять торопливѣе и попадать выше. Послѣдняя замѣтка до такой степени важна, что, по моему мнѣнію, и въ мирное время слѣдовало бы непремѣнно обучать (конечно, съ боевыми патронами) залпамъ отъ плеча и съ положенія на руку, дабы люди, получивъ инстинктивный навыкъ давать ружью нѣкоторый уклонъ, пускали поменьше пуль на вѣтеръ.

„Если непріятель не будетъ остановленъ залпомъ и сблизится на 50—80 шаговъ, то атаковать его въ штыки, стараясь охватить всю массу, при чемъ больше забирать въ плѣнъ, нежели колоть. Легче забрать пять-шесть человѣкъ, чѣмъ заколоть одного или двухъ.“ Этотъ послѣдній совѣтъ, повидимому странный, чрезвычайно мѣтокъ: припомнимъ, что легкость сдачи въ плѣнъ составляетъ характеристическую черту австрійскихъ войскъ.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе принца Фридриха-Карла о значеніи второй линіи. Онъ ставитъ за правило, что первая линія не должна разсчитывать на смѣну второю линіею, которая имѣетъ особыя обязанности; что, слѣдовательно, войска, разъ пущенныя въ бой, должны оставаться въ немъ до послѣдней уже крайности. Въ этомъ одномъ лежитъ ручательство за сбереженіе резерва къ той минутѣ, когда приходитъ рѣшающій моментъ боя.

„Первая линія, вообще говоря, не можетъ разсчитывать на смѣну второю линіею. Во всей военной исторіи не было случая, чтобы вторая линія была такъ употреблена, какъ то дѣлается на ученьяхъ. Напротивъ, я рекомендую всѣмъ генераламъ возможно-большую стойкость въ отказахъ на просьбы о смѣнѣ первой линіи второю и даже о подкрѣпленіи первой линіи ча-

стями второй.“ Въ этомъ видно и пониманіе человѣческаго сердца, и опять свободный взглядъ на уставъ, который принцъ Фридрихъ-Карлъ не задумываясь высказываетъ войскамъ.

Очертивъ бой съ пѣхотою, принцъ переходитъ къ кавалерійской атакѣ.

„Прусская пѣхота такъ хорошо вооружена и находится на столь высокой степени боевой дисциплины, что она отобьетъ всякую кавалерійткую атаку. *Для этого всякая форма строя хороша.* Поэтому *я не придаю большаго значенія уставной формѣ, которую мы принимаемъ въ подобныхъ случаяхъ* — каре. Я предостерегаю противъ сигнала „строить колонну“, который должно давать только въ крайнемъ случаѣ, *такъ какъ бѣготня людей производитъ нехорошее нравственное впечатлѣніе на нихъ*, а непріятель подвергается отъ этого позже ея огню.“

Этотъ пунктъ прекрасно рисуетъ и взглядъ принца на уставъ—замѣтьте, взглядъ, высказываемый во всеуслышаніе, ибо эта часть инструкціи написана для войскъ вообще—и безпрерывное принятіе въ разсчетъ нравственнаго вліянія, производимаго на человѣка тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ, и, наконецъ, пониманіе столь часто забываемаго въ мирное время факта, что бѣготня въ бою при построеніяхъ, не принося никакой пользы, въ большей части случаевъ только суетитъ людей.

Слѣдуетъ затѣмъ предложеніе четырехшереножнаго развернутаго строя для встрѣчи кавалерійской атаки, употребленія вмѣсто колонны къ атакѣ колоннъ изъ середины поротно, сомкнутыхъ вмѣстѣ *(послѣднее для войскъ, которыя привыкли къ этому строю);* движенія подъ выстрѣлами артилеріи *въ развернутомъ строю, не въ ногу,* офицеры *на шагъ впереди своихъ мѣстъ;* или же повзводно рядами. И, при всемъ этомъ, неоднократное возвращеніе къ тому, что войска могутъ принимать тѣ строи, къ которымъ привыкли. Трудно найти другой болѣе поучительный образчикъ стремленія освободить умъ и солдатъ, и офицеровъ отъ рутинныхъ представленій и устремить ихъ на главную цѣль—дѣйствительнѣйшее уничтоженіе врага. Во всемъ вышесказанномъ легко видѣть, какъ принцъ становится то противъ устава, предлагая свои формы, то противъ самого себя, предоставляя войскамъ принимать формы уставныя, къ которымъ они привыкли. Но за этимъ видимымъ противорѣчіемъ скрывается высокое примиряющее его начало — начало

возможной умственной и нравственной свободы личности, ибо понятно, что только при условіи такой свободы личность и можетъ принести всего себя, и притомъ разумно, на пользу дѣла.

Относительно кавалеріи инструкція высказываетъ также весьма раціональные взгляды; но они болѣе общеизвѣстны. Сюда относятъ: необходимость резерва, быстраго сбора послѣ атаки, необходимость давать атаку, а не получать ее, т. е. предупреждать непріятельскій ударъ своимъ, и т. п. Рядомъ съ этимъ принцъ Фридрихъ-Карлъ знакомитъ со свойствами кавалеріи противника, предупреждаетъ противъ ея одиночной ловкости и умѣнья владѣть оружіемъ и совѣтуетъ противопоставлять этимъ качествамъ сомкнутость. Сколько можно судить, принцъ нѣсколько былъ озабоченъ этой встрѣчей, ибо вначалѣ останавливается на томъ, что „прусскіе 200 эскадроновъ на 1,500 коней сильнѣе австрійскихъ и что, слѣдовательно, встрѣча будетъ происходить или въ равномъ, или въ „превосходномъ со стороны прусаковъ числѣ“. Онъ слишкомъ ясно чувствуетъ дѣйствительныя основы военнаго дѣла, чтобы прибѣгать къ постановкѣ численнаго перевѣса на первый планъ тамъ, гдѣ на этотъ планъ можно бы было поставить другіе, болѣе существенные задатки на успѣхъ, которые имѣютъ громадное значеніе именно въ примѣненіи къ кавалеріи, какъ къ роду войска и наиболѣе впечатлительному, и, въ свою очередь, производящему наибольшее впечатлѣніе на противника.

Относительно артилеріи не сказано ничего особеннаго; даже не отмѣнена та мысль, что артилерія не должна опасаться плѣна.

„Нѣкоторыя указанія офицерамъ“ полны высокой поучительности въ военномъ смыслѣ. Они были даны еще передъ датской войною, но остались и въ прошлую, ибо представляютъ краткій и рельефный сводъ именно того, что есть въ военномъ дѣлѣ непреходящаго, неслучайнаго. Въ нихъ принцъ Фридрихъ-Карлъ обращается уже не къ массѣ, разнородной по развитію, а къ людямъ, съ которыми нѣтъ надобности набрасывать покровъ на щекотливыя стороны дѣла.

„Великій полководецъ сказалъ, что успѣхъ кампаніи зависитъ на $^3/_4$ отъ нравственной и на $^1/_4$ отъ физической силы. Основное правило войны, одинаково важное для генерала и солдата, состоитъ въ томъ, что нужно стараться удивить непріятеля чѣмъ-либо необыкновеннымъ, и принять мѣры, чтобы

собственныя войска не были чѣмъ-либо озадачены. Всякая стрѣльба въ тылъ и флангъ уменьшаетъ бодрость молодыхъ солдатъ и останавливаетъ наступленіе. Поэтому всегда нужно прикрывать свои фланги эшелонами, хотя незначительной силы. Такіе эшелоны берутъ во флангъ всякія атаки и дѣлаютъ ихъ безвредными. Солдатамъ должно быть объяснено, *что тотъ, кто насъ думаетъ обойти, самъ обойденъ.*

„Моральная сила, воображеніе и т. д. до того играютъ важную роль, что можно сказать, что только то сраженіе или дѣло можетъ быть потеряно, о которомъ офицеры думаютъ, что оно потеряно, и прекращаютъ усилія для выиграніе побѣды.

„Это должно убѣдить офицеровъ въ томъ, что они всѣми средствами должны стараться внушить своимъ людямъ воинскій духъ самопожертвованія, вѣры въ успѣхъ, чувства непобѣдимости.

„Театръ войны, предстоящей намъ, весьма разнообразенъ: равнины и горы, плодородныя и безплодныя мѣста, пески, луга и рѣки. Мы должны приспособить строи нашихъ войскъ къ особенностямъ страны, дабы съ меньшими потерями вредить по возможности болѣе непріятелю. Въ гористой мѣстности я рекомендую ротныя колонны. Мы хорошо обучены для дѣйствія въ этомъ порядкѣ; притомъ онъ представляетъ болѣе случаевъ для отличія ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ. На одно я обращаю особенное вниманіе, а именно: чтобы капитаны и еще болѣе штабъ-офицеры постоянно держали свои части въ рукѣ. Въ противномъ случаѣ генералы лишаются возможности управлять войсками, а съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ и одно изъ условій успѣха. Въ особенности это относится до разсыпнаго строя.

„При остановкахъ непріятель насъ видѣть не долженъ; все должно быть закрыто—мы этому хорошо обучены. Наступать примѣняясь къ мѣстности, но рѣшительно и скоро.

„Рекомендую опредѣленіе дистанцій и пробные выстрѣлы. Сбереженіе патроновъ достигается преимущественно тѣмъ, чтобы разсыпать въ цѣпь не болѣе строго-необходимаго числа людей. Иначе, расходъ патроновъ великъ, и люди выпадаютъ изъ рукъ.

„У убитыхъ, раненыхъ и больныхъ патроны отбирать. Запрещаю строжайшимъ образомъ, чтобы люди выходили изъ

фронта для относа раненыхъ, такъ какъ для этого учреждены особыя команды.

„Выходъ изъ фронта иногда разрѣжалъ ряды до того, что войско теряло способность для дальнѣйшаго боя. На пересѣченной мѣстности можно часто накладывать нѣкоторыя перевязки во время самаго боя; многіе раненые могутъ помогать сами себѣ или другъ другу. Перевязочные пункты близки, а въ случаѣ успѣха бой скоро отдаляется отъ раненыхъ.

„*Когда бой колеблется, когда войскомъ овладѣваютъ нѣкоторая унылость и непріятное чувство, располагающее къ отступленію, тогда офицеръ словомъ и примѣромъ долженъ дѣйствовать для преодолѣнія этого кризиса, почти неизбѣжнаго во всякомъ жаркомъ дѣлѣ. Въ подобныхъ случаяхъ колонна хороша, ибо въ этомъ строѣ и при барабанномъ боѣ всегда легче двигать людей впередъ.*“

Глубокая и психическая, и боевая истина! Дѣло въ томъ, что когда подобное чувство начинаетъ налегать на ваши войска, оно въ то же время работаетъ и непріятельскія: невольно приходитъ въ голову, что, кажется, уже все сдѣлано и больше не въ состояніи сдѣлать. При такомъ взаимномъ нравственномъ настроеніи, кто можетъ поручиться за то, что побѣда готова была увѣнчать ваши усилія именно въ ту минуту, когда вы сочли ее невозможною?

Войска, сдающіяся въ бою, почти всегда находятся въ положеніи пловца, который, сдѣлавъ невѣроятныя усилія, чтобы переплыть глубокую и широкую рѣку, добровольно отказывается отъ послѣдняго усилія и идетъ ко дну, когда оставалось протянуть руку, чтобы доплыть до берега.

„Такимъ образомъ, изъ критическаго момента возникнетъ благопріятное рѣшеніе. Въ разговорахъ съ солдатами, имъ должно быть растолковано, что *съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ни одна большая побѣда не была выиграна боемъ на большихъ разстояніяхъ*. Необходимо схватиться съ врагомъ, т. е. атаковать штыками, если набѣгъ стрѣлковъ недостаточенъ. Но тогда ни остановки, ни промедленія, ни стрѣльбы. Въ большей части случаевъ выраженная атакою рѣшимость схватиться въ штыки до того дѣйствуетъ на непріятеля, что онъ поворачиваетъ кругомъ до свалки.

„При рукопашномъ боѣ убивать только переднихъ, а остальнымъ приказывать бросать оружіе и сдаваться. Это практич-

нѣе, чѣмъ убивать, такъ какъ можно забрать пятерыхъ въ то время, въ которое убьешь только одного.

„Если непріятель рѣшится насъ атаковать въ штыки, то, предупредивъ людей о нашемъ намѣреніи, открыть дальнюю и частую стрѣльбу, а въ послѣдній моментъ, на разстояніи отъ 20 до 60 шаговъ, броситься впередъ.

„Войскамъ развитымъ полезно дѣлать извѣстными цѣли и намѣренія боя возможно-большему числу. Это не только увеличиваетъ интересъ къ дѣлу, но и вызываетъ каждое отдѣльное лицо быть полезнымъ достиженію цѣли непредвидѣннымъ способомъ болѣе, нежели когда его употребляютъ какъ машину.“

Этотъ пунктъ до такой степени напоминаетъ правило Суворова, что можно подумать, какъ будто списанъ съ него (*).

„Маршалъ Саксонскій находитъ тайну побѣды преимущественно въ ногахъ. Въ этомъ много правды. Когда непріятель разбитъ, его нужно преслѣдовать. Только при этомъ въ ваши руки попадетъ масса ртофеевъ и плѣнныхъ. Одна побѣда и энергическое преслѣдованіе могутъ кончить походъ. И если нужно идти такъ, что послѣ одной ночи и нѣсколькихъ дней преслѣдованія баталіоны достигаютъ цѣли съ половиннымъ числомъ людей и большое число лошадей падетъ, то это ничего не значитъ въ сравненіи съ успѣхомъ, который такимъ образомъ достигается.“

Вотъ содержаніе инструкцій принца Фридриха-Карла. Многіе не придаютъ подобнымъ документамъ особеннаго значенія: не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Инструкція, если она пишется не по заказу, не для порядка, а выливается изъ души—это самъ человѣкъ. Зная, что онъ думаетъ, вы можете предвидѣть, какъ онъ будетъ и дѣйствовать: это руководящій принципъ его поведенія на всѣ случаи, который не всегда легко подмѣтить изъ какого-либо отдѣльнаго факта, постоянно обставленнаго множествомъ случайностей, скрывающихъ руководящую мысль. Говорятъ еще, что подобныя инструкціи не всегда читаются: это справедливо, но только въ примѣненіи къ тѣмъ инструкціямъ, которыя пишутся по заказу, и потому бываютъ холодны, безжизненны и завалены бездною мелочей; или же когда онѣ относятся къ арміи, мало интересующейся

(*) См. „Лекціи тактики“ полковника Драгомирова, приложеніе II, приказъ австрійцамъ, № VII.

своимъ дѣломъ. Въ I-й прусской арміи эти инструкціи читались, чему дѣйствія ея служатъ лучшимъ подтвержденіемъ.

Генералъ *Гервардтъ*, главнокомандующій эльбскою арміею, 70 лѣтъ, на службѣ съ 1813 года. Въ 1864 году, въ Даніи, замѣнилъ принца Фридриха-Карла въ командованіи прусскимъ корпусомъ на вторую половину кампаніи, въ продолженіе которой составилъ себѣ отличную репутацію, особенно переправою черезъ Альсъ-Зундъ.

Начальникъ штаба короля, генералъ *Мольтке*, служитъ уже слишкомъ 40 лѣтъ; съ капитанскаго чина въ генеральномъ штабѣ; во время турецко-египетской войны онъ состоялъ при турецкой главной квартирѣ; во время датской войны при Фридрихѣ-Карлѣ.

Генералъ Мольтке принадлежитъ къ числу тѣхъ сильныхъ и рѣдкихъ людей, которымъ глубокое теоретическое изученіе военнаго дѣла почти замѣнило практику. Правда, изученіе теоріи не даетъ изворотливости въ преодолѣніи неожиданныхъ случайностей; но, по счастію, неподвижность австрійцевъ и исполнительность прусскихъ военачальниковъ, поведшія къ тому, что ни одинъ изъ его разсчетовъ осѣчки не далъ, избавили генерала Мольтке отъ тяжелаго положенія преодолѣвать подобныя случайности мѣропріятіями почти мгновенными. Генералъ Мольтке говоритъ мало, спокойно; но мысль облекается у него въ слово соотвѣтственно, ясно и рельефно.

Скромность и простота обращенія, изумительная способность легко отрываться отъ работы и теоретическая сила рѣшимости составляютъ отличительныя черты этого замѣчательнаго человѣка, покрайней мѣрѣ на сколько я могъ видѣть, благодаря тѣмъ рѣдкимъ и мимолетнымъ случаямъ, которые доставили мнѣ честь непосредственныхъ сношеній съ нимъ.

Генералъ *Фоитсъ-Ретцъ*, начальникъ штаба I-й арміи. Въ прусскомъ военномъ обществѣ его считаютъ военнымъ геніемъ; этотъ генералъ — вѣроятный наслѣдникъ Мольтке по управленію генеральнымъ штабомъ. Благодаря прусской системѣ, онъ имѣетъ всестороннее знакомство съ практикой военной организаціи, ибо прежде былъ директоромъ общаго департамента военнаго министерства; въ настоящую же минуту назначенъ командиромъ одного изъ вновь сформированныхъ корпусовъ. Это уже показываетъ мнѣніе о его умѣ и твердости: корпусомъ новаго формированія, и притомъ изъ мате-

ріяла, до того времени раздѣльнаго, представляющаго свои провинціяльныя особенности, командовать труднѣе, нежели сплотившимся въ одно цѣлое рядомъ многихъ десятилѣтій.

Генералъ *Штейнмецъ*, командиръ 5-го корпуса, 70 лѣтъ; сохранился такъ, какъ немногіе сохраняются и до 50-лѣтняго возраста. Въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, сѣдой какъ лунь, генералъ Штейнмецъ отличается невѣроятною дѣятельностію, исключительною энергіею и настойчивостію характера. Онъ изъ тѣхъ характеровъ, которые предпочитаютъ, чтобы ихъ боялись больше, чѣмъ любили. Нельзя этого ни хулить, ни хвалить, ибо всякая натура только тогда и даетъ все, что можетъ, когда остается вѣрна самой себѣ. И должно отдать справедливость генералу Штейнмецу: онъ дѣйствительно всего себя положилъ въ службу. Въ искуствѣ привести часть, что называется, въ чувство, подтянуть ее, генералъ Штейнмецъ не имѣетъ себѣ равнаго, что ему и составило въ мирное время репутацію человѣка строгаго и рѣзкаго. Но это происходило не изъ личнаго каприза, а просто изъ того, что онъ не выноситъ мало-мальски вялаго или небрежнаго отношенія къ службѣ. Въ военное время, какъ вскорѣ увидимъ, приписываемыя ему въ мирное время качества обратились въ неодолимую настойчивость, способную на то, чтобы вызвать въ войскахъ нечеловѣческія усилія, способную не допускать даже и мысли о возможности неудачи въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ, кромѣ гибели, ни на что, повидимому, разсчитывать было нельзя.

Строгій къ другимъ, генералъ Штейнмецъ еще болѣе строгъ къ себѣ: весь его обозъ — небольшая повозка; столъ—общій со всѣмъ штабомъ, что Богъ послалъ; весь походъ не иначе, какъ верхомъ, и каждый переходъ не иначе, какъ съ осмотромъ всего обоза.

Сноровка эта, и говорить нечего, великолѣпна, ибо послѣ фуражировокъ ни отъ чего такъ части не таютъ, ничто такъ не способствуетъ развитію мародерства, какъ обозы. Ежедневно провѣрялся чуть не каждый человѣкъ изъ строевыхъ, попавшихся при обозѣ: зачѣмъ онъ тамъ. До какой степени настойчивость въ этомъ дѣлѣ была вѣрна, довольно сказать, что, несмотря на нее, не проходило дня, чтобы не пришлось выгнать изъ обоза человѣкъ 10, 15. Другіе корпусные командиры смотрѣли на это какъ на капральство: за то у этихъ

другихъ на телѣгахъ громоздились чуть не цѣлые баталіоны; да бывали и такіе случаи, что одинъ-другой солдатъ оставался по дорогѣ въ деревнѣ для работы на себя.

Военныя воззрѣнія генерала Штейнмеца соотвѣтствуютъ его характеру и опытности. На вопросъ: „какимъ образомъ удалась атака такой сильной позиціи, какъ у Скалица?“ онъ отвѣчалъ: „Эти вещи удаются очень просто; посылаешь въ атаку; если не удалось, посылаешь еще, и такъ до тѣхъ поръ, пока не удастся“.—„Неужели не приходилось смѣнять частей?“ Признаюсь, меня чрезвычайно занималъ этотъ предметъ потому въ особенности, что хотѣлось провѣрить собственные взгляды, выработанные теоретическимъ путемъ. „Какъ смѣнять?“ былъ отвѣтъ, сдѣланный такимъ тономъ, какъ будто я сказалъ что-нибудь на неизвѣстномъ языкѣ. „Замѣнять ихъ новыми, въ случаѣ, если онѣ разстроены?“—„Нѣтъ; часть, разъ попавшая въ огонь, должна оставаться тамъ до конца дѣла.“ Это было высказано съ такимъ убѣжденіемъ, тономъ неколебимымъ и спокойнымъ, что передъ вами вставалъ разомъ человѣкъ, который способенъ вытянуть у себѣ подобнаго всѣ усилія ума, воли, физики, чтобы добиться успѣха.

На всѣ новѣйшія усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія генералъ Штейнмецъ смотритъ какъ на вещь очень хорошую, но главное все же полагаетъ въ томъ, чтобы солдатъ былъ пріученъ безостановочно идти впередъ, по бою барабана (tambour battant).

Силы Австріи.

По пространству Австрія занимаетъ 11,252 квадратныя мили; по населенію представляетъ силу въ 36,650,000, т. е. вдвое сравнительно съ Пруссіею. Но изъ этого населенія нѣмцевъ всего около 8,000,000, а между тѣмъ населеніе это считается господствующимъ; славянъ 15,000,000 слишкомъ; венгровъ до 5,000,0000; итальянцевъ до 3,800,000 и молдо-валаховъ около 2,650,000.

Финансы этого государства находятся въ положеніи неудовлетворительномъ: почти ежегодные дефициты составляютъ въ нихъ явленіе неизбѣжное, начиная съ 1781 года. За послѣднія десять лѣтъ, цифра ежегоднаго дефицита доходитъ, среднимъ числомъ, до 85,500,000 гульденовъ (около 51,500,000 р. сер.);

государственный долгъ представляетъ цифру 3,096,473,245 гульденовъ (около 1,858,000,000 руб. сер.).

Естественныя богатства Австріи весьма велики, а, между тѣмъ, состояніе ея далеко не блистательно.

Въ чемъ же коренится причина такой странной аномаліи, такого несоотвѣтствія между громадными личными и матеріяльными средствами съ одной стороны и между печальными результатами, которые даются этими средствами—съ другой? Коренится она въ системѣ внутренней политики Австріи, правительство которой положило въ основаніе этой системы недовѣріе къ народностямъ, находящимся подъ его властію.

Нетрудно видѣть, какими послѣдствіями эта система отражается на войскѣ. Солдатъ, взятый изъ подобной сферы, нравственно уже надломленъ: онъ чрезвычайно легко подчиняется всѣмъ требованіямъ; но уже это одно должно было бы показать, что личная энергія—единственная сила, которая дѣлаетъ хорошаго солдата — въ немъ подорвана. Къ несчастію, приверженцы покорности, во что бы она ни обошлась, находятъ обыкновенно, что подобный солдатъ не вполнѣ еще трупъ, и не только не останавливаютъ, но довершаютъ свое разрушительное дѣло въ военной сферѣ, полагая, что именно въ безусловномъ безмолвіи солдата, что́ бы съ нимъ ни дѣлали, и заключается идеалъ военнаго совершенства.

Отличительную черту всѣхъ жизненныхъ явленій составляетъ неумолимая логическая послѣдовательность началамъ, положеннымъ въ основаніе этихъ явленій, послѣдовательность, которую не въ человѣческихъ силахъ измѣнить безъ измѣненія самыхъ началъ. Австрійская военная система подтверждаетъ этотъ законъ съ грустною неопровержимостію. Огразился онъ и на взаимныхъ отношеніяхъ между ступенями военной іерархіи, и на системѣ производства, и, наконецъ, на образованіи войскъ и складѣ воззрѣній ихъ на военное дѣло.

Порядокъ въ австрійской арміи поддерживается, какъ свидѣтельствуетъ самъ же австріецъ, между солдатами — палкою, между офицерами — грубымъ обращеніемъ. Власть полковыхъ командировъ ничѣмъ не ограничена: на дѣйствія ихъ нѣтъ апеляціи.

Тѣлесныя наказанія въ сильномъ ходу въ австрійской арміи и по настоящее время, несмотря на то, что офиціяльно они весьма ограничены еще въ 1855 году. Въ этомъ году отмѣнено

наказаніе сквозь строй; прочія тѣлесныя наказанія ограничены: 75 палками по суду и 40 безъ суда; вмѣстѣ съ тѣмъ тюремное заключеніе постановлено преобладающей карательной мѣрой. Но къ этому прибавлено, что тѣлеснымъ наказаніемъ *можно* замѣнять тюремное.

Заключенія этой оговорки было достаточно, чтобъ въ изданномъ затѣмъ циркулярѣ, имѣющемъ силу закона, разъяснить ее слѣдующимъ образомъ: „нижнимъ чинамъ, если они сдѣлаютъ преступленіе, за которое, по уложенію, будутъ подлежать тюремному заключенію отъ 14 дней до 5 лѣтъ, должно вообще назначать *тѣлесное наказаніе*“. Но такъ какъ, по статистическимъ изслѣдованіямъ, преступленія, наказываемыя тюремнымъ заключеніемъ свыше пяти лѣтъ, составляютъ не болѣе $^1/_{100}$ всѣхъ преступленій, то и оказывается, что тѣлесное наказаніе, изъ 100 случаевъ, примѣняется 99 разъ.

Спрашивается послѣ этого: можетъ ли масса любить и знать законъ, который относительно ея кажется какъ бы ироніей? Можетъ ли въ ней возникнуть какое-либо убѣжденіе, кромѣ убѣжденія въ полномъ безправіи? Эта система принесла свои плоды: офицеръ въ расправѣ съ солдатомъ не церемонится; солдатъ не любитъ офицера и не вѣритъ ему.

Система производства наилучшимъ образомъ соображена въ томъ смыслѣ, чтобы по возможности менѣе расположить офицера къ серьезнымъ занятіямъ своей спеціяльностію и по возможности болѣе къ искательству и интригѣ.

Въ австрійской арміи по настоящее время существуютъ такъ называемые ингаберы (шефы) полковъ.

Ингаберы — установленіе средневѣковое, ведущее свое начало отъ комплектованія вербовкою и теперь утратившее всякій смыслъ, но весьма способствующее нравственному разложенію австрійской арміи. Теперь ингаберы назначаются изъ старыхъ генераловъ, зачастую несостоящихъ даже на дѣйствительной службѣ и по преклонности лѣтъ подпадающихъ вліянію своихъ адъютантовъ, которыхъ они избираютъ преимущественно въ средѣ юношей съ протекціей. Во всемъ этомъ бѣды большой не было бы, если бы ингаберство имѣло значеніе только почетное; но дѣло въ томъ, что ингаберы имѣютъ право раздавать чины, до капитана включительно, по своему усмотрѣнію, или передать это право командиру полка, а также предлагаютъ кандидатовъ на вакансіи штабъ-офицеровъ.

Правда, въ настоящее время послѣднее право ограничено только третью офицерскихъ вакансій; но законъ продолжаетъ существовать въ прежней формѣ. Да притомъ и трети, предоставленной личному произволу, вполнѣ достаточно для того, чтобы нравственно разрушить полкъ интригами и продѣлками, особенно если взять въ разсчетъ, что ингаберы такъ рѣдко видятъ свои полки, что не могутъ имѣть о составѣ офицеровъ вѣрнаго понятія.

Такое положеніе принесло естественные плоды: занятіе своею спеціяльностію возбуждаетъ не сочувствіе, а насмѣшки въ офицерскихъ обществахъ. Бываютъ случаи въ родѣ нижеприведеннаго, который я получилъ изъ довольно вѣрнаго источника: молодой офицеръ, желая поступить въ военную школу, обратился за совѣтомъ къ своему отцу, тоже военному. „Поработай, дѣло хорошее—отвѣчалъ отецъ—но приготовляйся къ поступленію такъ, чтобы этого не знали ни товарищи, ни въ особенности начальники.“ Такой взглядъ австрійскихъ офицерскихъ обществъ на желающихъ посерьезнѣе отнестись къ своимъ обязанностямъ мы считаемъ непреувеличеннымъ потому, что онъ подтверждается и другимъ, уже чисто-австрійскимъ источникомъ (*). Въ немъ неизвѣстный авторъ неудачи австрійской арміи объясняетъ: 1) отсутствіемъ способныхъ генераловъ, что составляетъ слѣдствіе протекціонной системы, особенно развитой въ кавалеріи; 2) послабленіемъ при экзаменахъ на первый офицерскій чинъ; 3) дурной системой преподаванія военныхъ наукъ въ школахъ, въ которыхъ преподаваніе ведется чисто-догматически, на военную же исторію не обращаютъ почти никакого вниманія; 4) формальнымъ только соблюденіемъ приказовъ, отданныхъ съ цѣлію поднять уровень образованія офицеровъ. Особеннаго въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаетъ судьба приказа, на основаніи котораго офицерамъ ежегодно должны быть предлагаемы для рѣшенія тактическія задачи, препровождаемыя затѣмъ на разсмотрѣніе начальства. Задачи дѣйствительно представляются; но онѣ содѣйствовали не развитію познаній офицерства, а возникновенію особой промышленности, имѣющей предметомъ поставку задачъ офицерству за извѣстную плату. Посредниками въ подобныхъ случаяхъ зачастую бываютъ факторы евреи.... Этого

(*) Oesterreichs System als die einzige wahre Ursache seiner Niederlage, vom militärischen Standpunkte aus. Von einem österreichischen Soldaten. Leipzig, 1856.

одного факта, кажется, достаточно бы было для обрисовки понятій, сложившихся, благодаря системѣ, и о собственномъ достоинствѣ, и о служебномъ дѣлѣ въ офицерскихъ обществахъ. Въ складѣ понятій, когда онъ отличаетъ цѣлыя общества, личности винить нельзя: тутъ уже виновата система... Одинъ изъ штабъ-офицеровъ долженъ читать офицерамъ лекціи зимою: лекціи дѣйствительно читаются, имѣя предметомъ буквальное повтореніе параграфовъ устава.

При такой обстановкѣ, возможно ли укорененіе чувства долга? Нѣтъ: оно невозможно тамъ, гдѣ все основано на произволѣ, а не на законѣ. Возможна ли любовь къ своему дѣлу? Нѣтъ: она невозможна тамъ, гдѣ за преданность ему надъ тобою же посмѣются. Возможно ли развитіе сметливости, предпріимчивости? онѣ немыслимы тамъ, гдѣ царитъ страхъ отвѣтственности, гдѣ быть разбитымъ въ исполненіе приказанія иногда гораздо выгоднѣе, нежели побить въ противность приказанію.

Если прибавить къ этому, что разнородныя національности, входящія въ составъ арміи, теперь уже сознаютъ вполнѣ, что австрійскіе интересы — не ихъ интересы, то характеристика духа австрійской арміи будетъ достаточно полна.

Замѣтки объ образованіи арміи.

Воспитаніе австрійскаго солдата въ пѣхотѣ составляетъ логическое послѣдствіе сказаннаго: въ немъ всего менѣе ожидаютъ отъ человѣка, всего болѣе отъ совершенства выучки. Такъ какъ солдатъ разсуждать не долженъ, то и выучить его слѣдуетъ такъ, чтобы ему никогда не приходилось разсуждать, а только исполнять заученное. Человѣкъ существо чрезвычайно странное: онъ всегда превращается въ то, за что его принимаютъ въ практическихъ отношеніяхъ къ нему. Такъ, напримѣръ, не говорите ему, что онъ человѣкъ, и не держите спичей о нравственномъ достоинствѣ, о высокомъ назначеніи и проч., но обращайтесь съ нимъ какъ съ человѣкомъ, и онъ разовьется, и умственно, и нравственно. Наоборотъ: разсказывайте ему двадцать разъ на день о человѣческомъ достоинствѣ и о всемъ прочемъ, но въ то же время обращайтесь съ нимъ, какъ съ набитымъ дуракомъ или со звѣремъ, и, какъ бы вы ни краснорѣчиво разсказывали ему о достоинствѣ человѣка и о прочемъ, онъ все-таки отупѣетъ или обратится на извѣстный процентъ въ звѣря.

На австрійскомъ солдатѣ это подтвердилось лучше всего: какихъ руководствъ для него не написано, а все-таки онъ остался ненаходчивъ и до штыка не охотникъ. Забыли составители инструкцій, что война именно тѣмъ и хороша, что не всему въ ней можно репетиціи сдѣлать; что дѣйствія, наиболѣе ошеломляющія человѣка, репетиціи не подлежатъ, и успѣхъ въ нихъ зависитъ не отъ того, на сколько солдатъ выученъ, а отъ того, на сколько онъ сохранилъ свободное распоряженіе человѣческими способностями, т. е. умомъ и волею. Тутъ и обнаруживается, у кого человѣкъ уважается дѣйствительно, т. е. дѣломъ, а не словомъ: тамъ онъ всегда будетъ развязнѣе, находчивѣе, энергичнѣе.

Чтобы показать, до какой степени въ Австріи стараются избавить отъ работы умъ солдата, привожу нѣсколько выдержекъ изъ австрійской рекрутской школы.

„Если между стрѣлкомъ и непріятелемъ есть рѣчка, ручеекъ, прудъ и т. под., то первый прикроется своимъ ранцемъ, который ему будетъ въ то же время служить и опорою для ружья.“

„Канавы, глубина которыхъ не превосходитъ $4^1/_2$ футовъ и которыхъ направленіе паралельно фронту противника, весьма выгодны.“

„Если онѣ глубже показаннаго, т. е. если, стоя на днѣ ихъ, нельзя стрѣлять, стрѣлокъ долженъ вырыть себѣ въ скатѣ, *ближайшемъ къ непріятелю*, ступеньки, чтобы можно было становиться на нихъ для выстрѣла *закрыто* и опирая ружье.“

„Для заряжанія онъ спускается на дно канавы, между тѣмъ какъ товарищъ его занимаетъ его мѣсто.“

„Если скатъ канавы отлогъ, стрѣлокъ ложится на него или присѣдаетъ на колѣни такъ, чтобы можно было стрѣлять съ опертымъ ружьемъ и не очень открываясь.“

„Сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ спускается такъ, чтобы быть совершенно *закрытымъ* во время заряжанія.“

.... „Отдѣльныя деревья составляютъ прекрасныя закрытія, смотря по большей или меньшей ихъ толстотѣ.“

„Стрѣлокъ долженъ становиться вплоть къ дереву, такимъ образомъ, чтобы касаться его лѣвой рукой!“ (!)

„Для выстрѣла онъ упретъ ружье къ правой сторонѣ дерева, равно и кисть лѣвой руки; онъ выставитъ голову не

болѣе, какъ сколько нужно для прицѣливанія, подавая по возможности корпусъ назадъ.“

Этихъ выписокъ довольно, чтобы судить о духѣ австрійской рекрутской школы. Болѣзненное стремленіе къ точности въ такихъ вещахъ, въ которыхъ она не имѣетъ смысла, невоздержное желаніе обуставить малѣйшее движеніе стрѣлка и внушить ему постоянную заботу объ укрытіи себя, заботу, которая въ бою и безъ того слишкомъ сильна—вотъ характеристическія черты австрійскаго устава. При этомъ не мѣшаетъ вообразить себѣ рекрута, только-что взятаго отъ сохи, запуганнаго, ошеломленнаго, но игравшаго въ прятки дома и, слѣдовательно, превосходно изучившаго индивидуальное примѣненіе къ мѣстности, и рядомъ съ нимъ учителя, объясняющаго ему далеко не шуточнымъ тономъ это примѣненіе къ мѣстности, въ образѣ сниманія ранца за ручьемъ, упиранія лѣваго плеча въ дерево и проч., и проч.: картина умственнаго развитія, возможнаго при этой системѣ, нарисуется сама собою.

Другія части австрійскаго устава написаны не менѣе обстоятельно, но совершенно въ томъ же духѣ. Основанія взяты прекрасныя, но осуществлены опять въ формѣ, которая признана наилучшею на всѣ случаи и которую слѣдуетъ заучить только, чтобы бить врага. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ линейное ученье, показывающее, что лучшія начала не ведутъ ни къ чему, если попадаются въ руки людямъ, непонимающимъ той простой вещи, что гдѣ человѣкъ не выработанъ, тамъ форма не поможетъ.

Въ этомъ уставѣ допущены уже:

1) Независимость баталіоновъ въ бригадѣ, бригадъ въ корпусахъ, въ томъ смыслѣ, что относительное ихъ положеніе не утверждено разъ навсегда, а перемѣняется, смотря по удобству развертыванія и другимъ обстоятельствамъ.

2) Замѣна командъ и сигналовъ при маневрированіи нѣсколькихъ баталіоновъ разсылаемыми приказаніями.

3) Возможное сбереженіе резервовъ.

Но, при педантическомъ осуществленіи этихъ началъ и при совершенномъ презрѣніи къ свойствамъ человѣка, сбереженіе резервовъ привело къ тому, что австрійцы подставляютъ подъ удары свои силы по частямъ; втираніе тактическихъ правилъ повело къ тому, что или бросаются почти безъ подготовки въ штыки, какъ было въ нынѣшнюю войну, или же, появившись

неожиданно передъ непріятелемъ, подготовляютъ атаку артилеріей, т. е. даютъ ему время опомниться (*); части, едва успѣвшія подраться, смѣняютъ, уничтожая, такимъ образомъ, свѣжесть войскъ и въ то же время не получивъ отъ нихъ всего того усилія, къ которому онѣ способны.

Общій выводъ: формы совершенныя, но мертвыя; знаніе, втертое войскамъ продолжительнымъ педантическимъ обученіемъ, и совершенная неспособность примѣнить это знаніе сообразно съ обстоятельствами; мало того: совершенное отсутствіе иниціятивы, вслѣдствіе страха отвѣтственности, и крайняя впечатлительность въ томъ смыслѣ, что малѣйшая неудача приводитъ начальниковъ къ убѣжденію, что все уже сдѣлано и что болѣе сопротивляться невозможно.

Такъ было передъ итальянской кампаніей 1859 года, и это положеніе, несмотря на преобразованія, не измѣнилось: не измѣнилось потому, что преобразованія касались той же формы, а человѣкъ, попрежнему, былъ забытъ. А тамъ, гдѣ не только не требуютъ отъ человѣка энергіи, напротивъ какъ будто боятся ея, естественно возникаетъ стремленіе замѣнить ее механическимъ совершенствомъ организаціи, хорошимъ состояніемъ матеріяльной части и т. под. При этомъ забывается одно: что средства сами не дѣйствуютъ, что они являются силою только въ рукахъ опять-таки живаго, незабитаго, разсуждающаго человѣка....

Отъ этого въ австрійской арміи мы наталкиваемся на замѣчательное явленіе: венгры, поляки, чехи, взятые отдѣльно, храбры и доказали это многими блестящими подвигами; а, между тѣмъ, австрійская армія, набранная изъ этихъ храбрыхъ племенъ, дерется не совсѣмъ устойчиво и теряетъ всегда громадное число плѣнными.

Вредныя стороны общей системы по необходимости должны сильнѣе отражаться на пѣхотѣ, какъ на родѣ войска, состоящемъ только изъ людей; въ спеціяльныхъ родахъ оружія оно будетъ слабѣе, ибо въ кавалеріи человѣкъ находитъ нѣкоторое спасеніе за лошадью, въ артилеріи—за пушкой.

Кавалерія. Образованіе кавалеріи сдѣлало со времени итальянской кампаніи громадные успѣхи. По одиночному развитію, она одна изъ первыхъ въ Европѣ въ настоящую минуту и въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше прусской кава-

(*) Сраженіе у Палестро въ 1859 г.

леріи. Снаряженіе ея тоже заслуживаетъ особеннаго вниманія: одежда чрезвычайно простая (*), свободная, никакихъ вычурныхъ украшеній.

Раціональнымъ соображеніемъ всѣхъ сказанныхъ предметовъ австрійская кавалерія обязана преимущественно барону Эдельсгейму, который былъ начальникомъ 1-й легкой дивизіи въ арміи Бенедека.

Эдельсгеймъ, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ кавалеристовъ нашей эпохи; онъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей въ австрійской арміи, которые съ бою взяли карьеру.

Подъ Сольферино онъ командовалъ полкомъ, который опрокинулъ кавалерію, прикрывавшую лѣвый флангъ Макъ-Магона. Этотъ блистательный подвигъ и выдвинулъ его. Заслуживъ затѣмъ довѣріе императора, онъ принялся за преобразованія. Строгая послѣдовательность ихъ боевымъ началамъ и свобода отъ рутины регулярныхъ кавалерій заставляютъ думать, что Эдельсгеймъ строилъ эти преобразованія не на одномъ личномъ опытѣ, но и на прочномъ опытѣ вѣковъ: однимъ словомъ, что онъ одинаково хорошо знакомъ не только съ современной рутиной, но и съ исторіей кавалерійскаго дѣла. Судьба этого человѣка поучительна какъ доказательство: что можетъ сдѣлать одна личность съ сильнымъ призваніемъ. Бывъ эскадроннымъ командиромъ, Эдельсгеймъ не разъ сидѣлъ подъ арестомъ за то, что походомъ водилъ свой эскадронъ не шагомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ настаивать на своемъ, такъ что ему посулили даже отрѣшеніе отъ командованія. Правда, налицо былъ тотъ фактъ, что эскадронъ его былъ всегда въ отличномъ состояніи.

Не знаю, благодаря чему Эдельсгеймъ попалъ наконецъ въ полковые командиры; а счастливая случайность, поставившая его въ положеніе заявить себя на сольферинскомъ полѣ, завершила его карьеру.

(*) Видѣлъ на плѣнныхъ. Простота примѣнена къ одеждѣ всѣхъ родовъ кавалеріи, кромѣ гусаръ (и венгерской пѣхоты); но тамъ тѣснота панталонъ и украшенія обусловливаются національными привычками венгровъ, привычками, которыя должны быть уважаемы безусловно въ арміяхъ, гдѣ мало-мальски понимаютъ, что такое духъ войска. Въ Австріи, въ прежніе годы, думали посягнуть и на это, для достиженія однообразія въ одеждѣ пѣхоты; но впослѣдствіи оказалось, что въ венгерскихъ полкахъ подъ казенными широкими штанами солдаты все же продолжали носить свои, узкіе. Послѣ этого въ Австріи отказались отъ посягательства на національныя привычки.

Вотъ основанія его системы:

Возможно-большее развитіе одиночной ловкости всадника.

Пріученіе къ преодолѣнію препятствій, доведенное до того, что въ мирное время онъ заставлялъ часто переправляться вплавь черезъ довольно большія рѣки.

Переходы длинные; англійская рысь, за исключеніемъ случаевъ прохожденія церемоніяльнымъ маршемъ.

Отмѣна кирасъ у кирасировъ; уничтоженіе разницы между прямыми и обратными порядками при развертываніи.

Могутъ сказать, что, въ послѣднюю кампанію, кавалерія австрійская своимъ поведеніемъ не очень поддержала раціональность системы барона Эдельсгейма: отвѣчу, что если бы даже и безусловно было такъ, то это зависѣло бы болѣе отъ общихъ нравственныхъ причинъ, неблагопріятно дѣйствовавшихъ на армію; но дѣло въ томъ, что подобное мнѣніе и не совсѣмъ вѣрно, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Не говорю уже о томъ, что приготовить кавалерію — одно дѣло; употребить же ее — совершенно другое.

Артилерія. Въ настоящую минуту, австрійская полевая артилерія находится въ превосходномъ состояніи: полевыхъ калибровъ всего два—четырехъ и восьми-фунтовый. Строевые артилеристы знаютъ тактику своего рода оружія превосходно, боевую, а не мирно-военную тактику. Въ особенности поражаютъ въ австрійскихъ артилеристахъ беззавѣтное самоотверженіе и свобода отъ двухъ предразсудковъ, которымъ подвержены многія артилеріи: 1) что потеря орудія будто равносильна потери знамени; 2) что нарѣзная артилерія должна стараться не подъѣзжать къ непріятелю ближе наибольшей дѣйствительности своего огня. Австрійскіе артилеристы понимаютъ очень хорошо, что тамъ, гдѣ люди гибнутъ тысячами, нечего жалѣть куска метала; что онъ достигаетъ высшаго своего назначенія, нанеся непріятелю возможно-большій вредъ, и что этого нельзя достигнуть артилеріи, не рискуя попасться въ плѣнъ. Кениггрецское сраженіе покажетъ все благодѣтельное значеніе для арміи подобныхъ, поистинѣ боевыхъ взглядовъ, когда ими проникнута артилерія.

Привычкою выручать артилерію въ бѣдѣ австрійская пѣхота похвалиться не можетъ.

Корпусъ австрійскаго генеральнаго штаба отличается ученымъ педантизмомъ при полномъ отсутствіи практичности.

Разсчеты кабинетные умѣютъ дѣлать, но задаваться цѣлями—нѣтъ. Диспозиціи и инструкціи составляютъ до крайности длинныя, и съ претензіею написать все такъ, чтобы начальнику приходилось въ дѣлѣ не столько думать, сколько припоминать, какой параграфъ онъ въ ту или другую минуту долженъ исполнить.

Причину такого направленія австрійскаго генеральнаго штаба позволяю себѣ объяснить такъ: будучи представителями теоретическихъ познаній въ арміи, въ которой духъ офицеровъ не располагаетъ къ пріобрѣтенію этихъ познаній, офицеры генеральнаго штаба по необходимости поставлены въ положеніе изолированное; вслѣдствіе этого, между ними, вѣроятно, много есть такихъ, которые вѣруютъ въ свое неизмѣнное превосходство надъ строевыми офицерами только потому, что съ грѣхомъ пополамъ знаютъ, положимъ, военную исторію. Въ свою очередь, нестроевые не могутъ не возмущаться подобнымъ самомнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что, при столкновеніи съ практикой дѣла, оно нисколько не оправдывается и ведетъ къ самымъ смѣшнымъ промахамъ, когда рѣчь зайдетъ о жизни войскъ. Такимъ образомъ, одни воображаютъ о себѣ больше чѣмъ стоятъ, другіе ихъ чуждаются болѣе чѣмъ тѣ заслуживаютъ, и эти двѣ силы, вмѣсто того, чтобы идти рука объ руку, подрываютъ, топятъ другъ друга, не имѣя достаточно пунктовъ соприкосновенія между собою, а слѣдовательно и взаимнаго пониманія.

Корпусъ инженеровъ отличается такимъ же ученымъ педантизмомъ въ своей спеціяльности и отсутствіемъ практическаго смысла, когда дойдетъ до дѣла. Неудавшійся взрывъ ново-маджентскаго моста въ 1859 году и педантическая тщательность отдѣлки полевыхъ укрѣпленій, которыя мнѣ привелось видѣть въ 1859 году въ Италіи и въ 1866 на кениггрецкомъ полѣ, служатъ этому достаточнымъ подтвержденіемъ, тѣмъ болѣе, что и общая идея расположенія не всегда была раціональна.

Составъ австрійской арміи.

Армія комплектуется посредствомъ конскрипціи, которой, за немногими исключеніями, подлежатъ всѣ австрійскіе подданные по достиженіи двадцатилѣтняго возраста. Ежегодный контингентъ—80,000—85,000. Но отъ конскрипціи можно откупиться. Срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ восьми, въ

резервѣ двухлѣтній. Послѣдній въ мирное время не собирается. Краткость срока службы въ резервѣ составляетъ слабую сторону австрійской организаціи, хотя должно замѣтить, что роль резерва играютъ вообще отпускные изъ числа состоящихъ на дѣйствительной службѣ болѣе, нежели собственно такъ называемый резервъ.

Всякій пѣхотный и кавалерійскій полкъ постоянно комплектуется въ извѣстномъ округѣ одной и той же провинціи; только спеціяльные роды оружія комплектуются со всѣхъ частей имперіи, а флотъ—изъ приморскихъ провинцій. Вслѣдствіе этого австрійская армія представляетъ собою амальгаму полковъ, набранныхъ изъ массы, части которой не только не связаны общими интересами, но враждебно относятся другъ къ другу, въ особенности же къ господствующему нѣмецкому племени. Это до чрезвычайности затрудняетъ командованіе арміею и усложняетъ ея приведеніе на военное положеніе: дѣйствующіе полки никогда не бываютъ расположены въ тѣхъ провинціяхъ, изъ которыхъ комплектуются, ибо располагать ихъ на родинѣ или по близости считается опаснымъ; считается не менѣе опаснымъ давать полкамъ офицеровъ не чуждой національности, вслѣдствіе чего общаго между командирами и подчиненными не можетъ быть много, ибо той и другой сторонѣ доступны для пониманія только развѣ командныя слова. При такой обстановкѣ нечего, конечно, и думать о такихъ, напримѣръ, средствахъ развитія, какъ грамотность.

Такимъ образомъ комплектуется:

	Пѣхотныхъ полковъ.	Егерскихъ баталіоновъ.	Кавалерійскихъ полковъ.
Нѣмцами	8	10	3
Славянами	34	17	25
Венграми	23	1	12
Итальянцами	8	2	„
Молдо-валахами . . .	7	2	1
	80	32	41

Кромѣ того, Военная Граница и Тироль подчинены особымъ положеніямъ. Все мужское населеніе Военной Границы, способное носить оружіе, считается на службѣ начиная съ 20 лѣтъ; граничаръ не имѣетъ собственности, землею пользуется только до тѣхъ поръ, пока на службѣ. Мало того: онъ не имѣетъ права заниматься какимъ-либо ремесломъ, не имѣютъ права купить земли — ни солдатъ, ни офицеръ. Въ военное время

граничары составляютъ 14 полковъ и 1 отдѣльный баталіонъ. Граничары представляютъ единственный иноплеменный родъ пѣхоты въ Австріи, имѣющій офицеровъ изъ соотечественниковъ.

Тироль съ Форарльбергомъ комплектуютъ только одну регулярную часть — императорскій стрѣлковый полкъ, состоящій изъ 6 баталіоновъ. Въ случаѣ войны формируетъ для мѣстной защиты особую милицію, состоящую изъ призывовъ: 1) стрѣлковыхъ ротъ—6,200 человѣкъ, 2) волонтерныхъ ротъ, 3) ландштурма.

Дѣйствующая армія имѣетъ слѣдующій составъ:

1) *Пѣхота.* 80 полковъ, изъ 4 баталіоновъ и одного запаснаго кадра каждый; изъ послѣдняго въ военное время формируются двѣ роты пятаго баталіона, назначаемыя для службы въ крѣпостяхъ. Баталіоны шестиротные. 38 баталіоновъ егерскихъ также шестиротнаго состава, считая въ томъ числѣ императорскій егерскій полкъ. При каждомъ баталіонѣ кадръ для сформированія на время войны одной запасной роты.

Граничары—8 полковъ четырехбаталіоннаго состава; 3 полка трехбаталіоннаго состава, съ прибавкою отдѣльнаго дивизіона (2 роты); 3 полка трехбаталіоннаго состава.

Четвертые баталіоны, гдѣ есть—четырехротнаго, а прочіе шестиротнаго состава.

Линейная пѣхота вооружена нарѣзными ружьями съ трехгранными, а легкая—штуцерами съ обоюдоострыми штыками; строится вся въ двѣ шеренги.

2) *Кавалерія.* 12 кирасирскихъ полковъ пятиэскадроннаго состава; 2 драгунскихъ, 14 гусарскихъ, 13 уланскихъ шестиэскадроннаго состава. Въ военное время пятые эскадроны въ тяжелыхъ и шестые въ легкихъ полкахъ отдѣляются отъ полковъ и составляютъ резервныя части для сформированія рекрутъ и выѣздки лошадей.

3) *Артилерія.* 12 полковъ десятибатарейнаго состава: изъ нихъ 9 имѣютъ 6 четырехфунтовыхъ и 2 восьмифунтовыхъ пѣшихъ, 2 четырехфунтовыхъ конныхъ батареи восьмипорудійнаго состава; одну парковую, четыре крѣпостныя роты и одну ракетную батарею. Остальные три полка представляютъ ту разницу, что имѣютъ по 1 четырехфунтовой, по 4 восьмифунтовыхъ пѣшихъ и по 5 конныхъ батарей.

Въ мирное время содержится только одна крѣпостная и одна запасная рота для обученія рекрутъ.

Вся австрійская полевая артилерія вооружена мѣдными нарѣзными орудіями, заряжаемыми съ дула.

4) *Инженерныя войска.* Два инженерныхъ полка, въ четыре баталіона каждый, четырехротнаго состава. Съ приведеніемъ на военное положеніе, для каждаго баталіона формируется одна запасная рота. Піонерныхъ баталіоновъ шесть, четырехротнаго же состава.

5) *Санитарныя роты*, числомъ 10, для подбиранія раненыхъ и устройства перевязочныхъ пунктовъ.

6) *Обозные эскадроны*, числомъ 24.

Австрія начала военныя приготовленія въ первыхъ числахъ марта: первымъ шагомъ къ нимъ было усиленіе частей войскъ, находившихся въ Богеміи и Галиціи, призывъ на службу отпускныхъ этихъ частей и приказаніе приготовить въ Адріатическомъ морѣ пять броненосныхъ фрегатовъ. Газетамъ строго было запрещено что-либо печатать объ этихъ приготовленіяхъ.

Въ серединѣ апрѣля, по старому стилю, послѣдовало распоряженіе:

1) О приведеніи на военное положеніе полковъ, занимавшихъ Венеціянскую область, а также тѣхъ, которые изъ нея комплектуются (*). Къ первымъ изъ этихъ полковъ присоединены и ихъ четвертые баталіоны, для занятія крѣпостей четыреугольника.

2) О мобилизаціи дѣйствующихъ баталіоновъ въ полкахъ граничаръ, которыми предполагалось занять Далмацію и усилить гарнизоны итальянскихъ крѣпостей.

3) О принятіи всѣхъ мѣръ для скорѣйшаго сбора отпускныхъ въ тѣхъ районахъ комплектованія, въ которыхъ это не было еще сдѣлано.

4) О закупкѣ лошадей для кавалеріи, артилеріи, обоза.

Приказъ о приведеніи всей арміи на военную ногу послѣдовалъ вскорѣ послѣ этихъ распоряженій.

Въ видахъ возможно-скораго отправленія дѣствующихъ полковъ въ Богемію и Италію, въ Вѣнѣ, Линцѣ, Грецѣ, Лембергѣ и въ прочихъ большихъ городахъ сформированы были мѣстныя бригады изъ четвертыхъ баталіоновъ; въ маѣ же мѣсяцѣ, въ районахъ комплектованія, изъ запасныхъ дивизіоновъ сформированы сначала пятые, а потомъ и шестые баталіоны, которые комплектовались частію резервистами, частію волонтерами.

(*) 8 пѣхотныхъ полковъ, 2 егер. бат.; изъ нихъ 3 находились въ Богеміи.

Только по окончаніи укомплектованія этихъ частей разрѣшено было формировать волонтерные стрѣлковые корпуса въ Вѣнѣ, Штиріи, Богеміи и Венгріи и конный легіонъ въ Галиціи.

Въ началѣ іюня объявленъ второй наборъ во всей имперіи, исключая провинцій, на особыхъ правахъ состоящихъ, и сформировано *пять* новыхъ егерскихъ баталіоновъ.

Недостатокъ врачей побудилъ правительство, при самомъ началѣ вооруженія, пригласить на службу вольнопрактикующихъ, отмѣнивъ предварительное трехмѣсячное ихъ испытаніе и опредѣливъ въ вознагражденіе 200 гульденовъ старшимъ и 100 младшимъ врачамъ, не считая подъемныхъ денегъ.

Для обезпеченія продовольствія арміи, еще въ маѣ мѣсяцѣ заключены контракты на поставку запасовъ въ Богемію и Италію.

Для призрѣнія раненыхъ, военное министерство сдѣлало распоряженіе объ устройствѣ госпиталей на главныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, на судоходныхъ рѣкахъ, вдали отъ большихъ городовъ, въ дворянскихъ замкахъ и казенныхъ зданіяхъ. Многіе госпитали были ввѣрены попеченію гражданскихъ медиковъ, городскихъ обществъ и частныхъ лицъ.

Населеніе отвѣтило на этотъ призывъ болѣе сочувственно, нежели можно было ожидать по той апатіи, къ которой оно приведено въ Австріи внутренней политикой. Чего не сдѣлали бы, можетъ быть, изъ одного расположенія къ собственному правительству, то готовы были сдѣлать изъ ненависти къ прусакамъ. Средній класъ воодушевляла злоба на зачинщиковъ войны, грозившей подорвать его, и безъ того уже шаткое, благосостояніе. Дворянство тоже готово было принести нѣкоторыя жертвы, ибо прусскія тенденціи къ объединенію Германіи грозили подорвать австрійскіе порядки, благодаря которымъ это дворянство весьма и весьма благоденствовало, не взирая на бѣдствія народа. Эти-то опасенія и имѣли слѣдствіемъ то обстоятельство, что не только въ нѣмецкихъ, но и въ прочихъ провинціяхъ развитая часть населенія была настроена передъ войною довольно благопріяно. Но особенной внутренней силы не могло быть въ подобномъ настроеніи, что и обнаружилось крайнею скромностію сдѣланныхъ въ пользу арміи пожертвованій.

Противъ итальянцевъ не существовало даже и того слабаго

возбужденія, которое вызвали прусаки: многіе между австрійскими подданными находили даже весьма естественнымъ стремленіе ихъ освободить своихъ собратій отъ чужеземнаго владычества.

Штатная сила австрійской арміи передъ войною была слѣдующая:

	Человѣкъ.
80 полковъ пѣхоты—240 баталіоновъ	258,000
80 четвертыхъ баталіоновъ—80 баталіоновъ . . .	80,000
43 егерскихъ баталіона (со включеніемъ вновь сформированныхъ)	46,000
14 пограничныхъ полковъ—42 баталіона	42,000
12 полковъ тяжелой кавалеріи—48 эскадроновъ 29 полковъ линейной кавалеріи—145 эскадроновъ	32,000
12 артилерійскихъ полковъ—120 батарей, 960 орудій.	43,000
2 инженерныхъ полка—8 баталіоновъ	7,000
6 піонерныхъ баталіоновъ—6 баталіоновъ. . . .	6,000
10 санитарныхъ ротъ.	2,000
24 обозныхъ эскадрона	24,000
Тирольское ополченіе	6.000
Волонтерные корпуса	12,000
	558,000
Запасныя войска:	
80 пятыхъ и 80 шестыхъ баталіоновъ	160.000
41 эскадронъ	7,000
8 инженерныхъ ротъ	1,000
	168,000

Должно замѣтить, впрочемъ, что разница между штатнымъ и наличнымъ числомъ, судя по слухамъ, была весьма велика. Къ сожалѣнію, относительно австрійской арміи, я много положительныхъ данныхъ собрать не могъ.

Всѣ дѣйствующія войска, за исключеніемъ 19 батарей и большей части четвертыхъ баталіоновъ, вошли въ составъ армій италіянской и богемской, кромѣ одной дивизіи, командированной въ союзный корпусъ, и войскъ, оборонявшихъ Далмацію.

Съ распредѣленіемъ этихъ силъ по арміямъ, пришлось образовать два новыхъ корпуса, что указываетъ на безполезность корпусной организаціи въ мирное время.

Сѣверная армія, ввѣренная фельдцейхмейстеру Бенедеку, состояла изъ семи корпусовъ и пяти кавалерійскихъ дивизій.

Корпусъ состоялъ: 1) изъ четырехъ бригадъ (раздѣленіе на дивизіи было отмѣнено послѣ итальянской кампаніи), силою каждая въ два полка пѣхоты, егерскій баталіонъ, батарею 4-хъ-фунтовую, эскадронъ (1) и инженерную роту.

2) Изъ артилерійскаго резерва въ 6 батарей, съ эскадрономъ въ постоянное прикрытіе.

3) Піонернаго баталіона и четырехъ инженерныхъ ротъ.

4) Одной санитарной роты.

5) Двухъ полевыхъ лазаретовъ.

6) Телеграфнаго отдѣленія. (2)

Третій корпусъ представлялъ то отличіе, что былъ силою въ пять бригадъ, изъ которыхъ одна состояла только изъ пяти баталіоновъ: полка граничаръ и двухъ четвертыхъ баталіоновъ.

Первая легкая кавалерійская дивизія состояла изъ трехъ, вторая — изъ двухъ бригадъ (3); три резервныя — каждая изъ двухъ (4).

Въ общемъ составѣ сѣверная армія представляла силу въ 199 баталіоновъ, 163 эскадрона, 648 орудій, 6 піонерныхъ баталіоновъ, 12 инженерныхъ и 5 санитарныхъ ротъ.

Къ этимъ силамъ должно причислить еще саксонскую армію, замѣчательную и своимъ превосходнымъ духомъ, и тѣмъ, что изъ мелкихъ германскихъ армій только она одна была готова вовремя. По духу и образованію офицеровъ она стоитъ довольно близко къ прусской арміи, что и обнаружилось въ дѣлѣ: не смотря на то, что саксонская армія перебывала во всѣхъ дѣлахъ противъ сѣверной массы прусскихъ силъ, она не подчинилась игольчатой паникѣ, вездѣ дралась превосходно и даже послѣ кениггрецкаго погрома отступила въ гораздо большемъ порядкѣ, нежели австрійскіе корпуса, стоявшіе въ резервѣ и принимавшіе въ бою весьма мало участія. Саксонская армія представляла корпусъ силою въ 20 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 58 орудій, состоявшій изъ двухъ пѣхотныхъ дивизіи, одной кавалерійской и изъ артилерійскаго резерва. Къ каждой пѣхотной дивизіи было прикомандировано два эскадрона.

(1) Въ III, VII и X корпусахъ было по одной бригадѣ, неимѣвшихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ.

(2) При IV корпусѣ не было инженеровъ; при VIII и X не было инженеровъ, піонеровъ, санитарной роты и полевыхъ лазаретовъ. О телеграфныхъ отдѣленіяхъ положительныхъ свѣдѣній не имѣю.

(3) Каждая изъ двухъ полковъ съ конною батареею.

(4) Въ бригадѣ три полка и одна батарея.

Артилерія состояла на половину изъ нарѣзныхъ орудій прусской системы, на половину изъ гаубицъ. Къ пѣхотнымъ дивизіямъ было прикомандировано по двѣ, къ кавалерійской одна батарея; остальныя пять батарей составляли артилерійскій резервъ.

Характеристика личностей.

Бенедекъ, сынъ небогатаго венгерскаго медика или фармацевта, достигъ своего положенія благодаря безпримѣрной личной храбрости и исключительному, при австрійскихъ порядкахъ, счастію. Ему теперь за 60 лѣтъ; сохранился хорошо. Въ 1848 году онъ со своимъ полкомъ рѣшилъ побѣду подъ Новарою; онъ же взялъ Брешію, благодаря тому, что, переодѣвшись капуциномъ, пробрался въ городъ и все высмотрѣлъ. Подъ Сольферино онъ одинъ не только не потерпѣлъ пораженія, но опрокинулъ итальянцевъ, и если отступилъ, то потому только, что отступила вся армія. Послѣ итальянской кампаніи, Бенедекъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Венеціянскую область. Солдатъ обожалъ его; Бенедекъ цѣнилъ эту любовь.

Личная его энергія не подлежитъ сомнѣнію: онъ незамѣнимый человѣкъ для того, чтобы устремить войска въ бой для достиженія указанной цѣли; *но онъ едва-ли способенъ самъ себѣ ее поставить.* Однимъ словомъ: будучи замѣчательнымъ тактикомъ, Бенедекъ нисколько не стратегъ. Неохотно отправлялся онъ въ Богемію, ибо не зналъ, какъ онъ говорилъ (*), ни театра войны, ни непріятеля, съ которымъ предстояло драться. Эти причины наводятъ на мысль, что едва-ли Бенедекъ имѣетъ теоретическую подготовку къ военному дѣлу: сила его заключается въ практической рутинѣ, пріобрѣтенной на итальянскомъ театрѣ войны. Тамъ онъ, вѣроятно, показалъ бы себя блистательно и въ эту кампанію.

Недостатокъ теоретической подготовки едва-ли не лучше всего объясняетъ нерѣшительность и слабость Бенедека въ стратегическихъ комбинаціяхъ, ибо въ практическомъ знаніи дѣла и въ личной рѣшительности у него недостатка не было. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ болѣе практики, нежели кто-либо изъ прусскихъ генераловъ: слѣдовательно, разница между ними была преимущественно въ силѣ мысли, выработанной у первыхъ путемъ почти исключительно теоретическимъ.

(*) Изъ довольно достовѣрнаго источника.

Къ этой односторонности таланта, совершенно естественной въ Бенедекѣ, какъ въ австрійскомъ строевомъ офицерѣ, присоединилось еще отсутствіе вѣры въ прочность своего положенія.....

Бенедекъ удержался въ Италіи въ мирное время и, въ предвидѣніи войны, назначенъ главнокомандующимъ въ сѣверную армію. Голосъ народа и арміи указывалъ на его назначеніе, какъ на удовлетворяющее всѣмъ симпатіямъ и надеждамъ; но это была лицевая сторона медали: оборотную же составляло шаткое положеніе его въ Вѣнѣ, недовѣріе къ себѣ и къ арміи. Это инстинктивно передалось главной квартирѣ, а отъ нея и арміи.

Говорятъ, Бенедекъ отказывался отъ назначенія въ Богемію; но его успокоили тѣмъ, что до войны, по всей вѣроятности, и не дойдетъ и что онъ получитъ самое широкое полномочіе.

Какъ не дошло до войны—это мы уже знаемъ; что же до объема полномочій, то едва-ли онъ былъ великъ на дѣлѣ, ибо въ выборѣ непосредственныхъ даже помощниковъ, не говоря о корпусныхъ командирахъ, Бенедекъ едва-ли былъ свободенъ.

Такъ, начальникъ штаба, *Геникштейнъ*, говорятъ, попалъ на это мѣсто по соображеніямъ, неимѣвшимъ ничего общаго со столь важнымъ назначеніемъ. Еще въ бытность въ Италіи, Бенедекъ, чтобы отстаивать свои интересы въ Вѣнѣ, способствовалъ назначенію Геникштейна въ начальники главнаго штаба. Выборъ для этой цѣли былъ превосходный: Геникштейнъ—человѣкъ безспорно способный, но направившій свои способности на усовершенствованіе не столько въ военной, сколько въ той спеціяльности, благодаря которой въ Австріи легче выйти въ люди. Чрезвычайно дѣятельный и притомъ саркастическій, Геникштейнъ въ непродолжительномъ времени пріобрѣлъ сильное вліяніе въ военномъ министерствѣ. (*)

При сформированіи богемской арміи устроено было назначеніе его начальникомъ штаба: Бенедекъ не могъ же утверждать, что Геникштейнъ, котораго онъ самъ передъ тѣмъ рекомендовалъ въ начальники штаба, не годится для новой своей должности. Пришлось согласиться, и на дѣлѣ не предоставлять ему ничего, кромѣ завѣдыванія походной типографіей и сноше-

(*) Kritische Bemerkungen.

ній съ иностранными кореспондентами. Въ рѣшеніи военныхъ вопросовъ преобладающій голосъ принадлежалъ *Крисманичу*, помощнику начальника штаба, который прежде никогда не служилъ подъ начальствомъ Бенедека, и потому сомнительно, чтобы былъ имъ избранъ.

Крисманичъ будучи человѣкомъ не безъ способностей, не допускаетъ чужихъ идей, а, между тѣмъ, самъ не имѣетъ нужнаго взгляда и генія, чтобы оцѣнить обстоятельства и быстро рѣшиться. Кромѣ его, никто не имѣлъ вліянія на Бенедека; да Крисманичъ и не такой человѣкъ, чтобы терпѣть рядомъ съ собою человѣка, который могъ бы его затмить.

О второмъ помощникѣ начальника штаба, *Нейперіѣ*, отзываются какъ о человѣкѣ весьма способномъ въ военномъ смыслѣ, но страдающемъ огромнымъ въ такихъ положеніяхъ недостаткомъ — слишкомъ большою скромностію.

Изъ корпусныхъ командировъ австрійской арміи болѣе выдающимися должны быть признаны Габленцъ и Раммингъ.

Габленцъ въ итальянскую войну 1859 г. командовалъ бригадой; шлезвигъ-голштейнская война выдвинула его, и какъ оказалось, это была не одна счастливая случайность: подъ Траутенау онъ оправдалъ довѣріе, которое на него возлагали. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ человѣкъ весьма тонкій и способный для тѣхъ назначеній, въ которыхъ требуются не однѣ боевыя способности, но и дипломатическая изворотливость.

Раммингъ считался военнымъ геніемъ въ австрійской арміи; онъ былъ начальникомъ штаба у Гайнау въ венгерскую войну и заявилъ себя не только изобрѣтательнымъ въ придумываніи средствъ; но и рѣшительнымъ въ исполненіи. Въ итальянскую кампанію онъ тоже обратилъ на себя вниманіе предложеніемъ отступить послѣ маджентскаго боя не на Миланъ, а къ югу, и занять фланговую позицію за Навиліо-Гранде. Это предложеніе, хотя и не было осуществлено, представляетъ, тѣмъ не менѣе, мысль замѣчательную. Но рядомъ со способностію хорошо комбинировать онъ едва-ли обладаетъ достаточнымъ упорствомъ и энергіею, необходимыми для того, чтобы бросать войска въ бой, и въ этомъ отношеніи составляетъ, по складу своихъ способностей, прямую противоположность съ Бенедекомъ.

Въ заключеніе очерка характеристики австрійской арміи, представлю краткій обзоръ инструкцій, которыя были ей даны передъ войною.

Инструкція Бенедека.

Австрійскіе военачальники, подобно прусскимъ, также дали инструкціи, хотя это была лишняя роскошь, ибо, какъ я слышалъ, инструкцій не читаютъ въ австрійской арміи даже и начальники постарше, не говоря уже объ офицерахъ — не читаютъ потому, что смотрятъ на нихъ какъ на вещь, разсылаемую только для очистки совѣсти. Этотъ фактъ, полученный изъ совершенно вѣрнаго источника, достаточно показываетъ степень апатіи, въ которую ввергнута армія и которой не можетъ расшевелить даже война. Самые любопытные освѣдомляются о томъ, „что *тамъ* написано“, отъ своихъ начальниковъ штабовъ. Да и какъ читать? Половина только инструкціи Бенедека, теперь появившаяся, занимаетъ 18 страницъ мелкой убористой печати: и съ подобными инструкціями обращаться къ людямъ, которые не имѣютъ охоты къ чтенію! Принцъ Фридрихъ-Карлъ написалъ инструкціи, которыя обѣ легко умѣщаются на трехъ большихъ почтовыхъ листахъ не очень убористаго письма. Передъ войною учить поздно, а нужно только намѣкнуть; если же приняться учить, то, пожалуй, неучившагося прежде собьешь и съ послѣдняго толку.

Должно, впрочемъ, сказать, что стоитъ только прочесть инструкцію, дабы убѣдиться, что бенедековскаго въ ней развѣ одна только подпись.

Есть въ инструкціи и дѣльныя вещи; но онѣ завалены такимъ множествомъ ненужныхъ мелочей, что въ массѣ послѣднихъ невольно стушевываются. Это скорѣе дисертація, и притомъ не изъ лучшихъ, чѣмъ инструкція для руководства войскамъ, объявляемая предводителемъ арміи въ такую торжественную минуту, какъ начало войны.

Начинается она съ характеристики образа дѣйствій прусаковъ, довольно удачной во всемъ томъ, что касается матеріяльной стороны дѣла; но ни слова о духѣ арміи. Въ этихъ пунктахъ сказано, что прусаки разсчитываютъ преимущественно на огонь, что предпочитаютъ въ боевой линіи ротныя колонны прочимъ, что они стараются всегда атаковать съ обхватомъ одного или и обоихъ фланговъ. Затѣмъ слѣдуютъ нескончаемыя подробности о томъ, когда они развертываются, когда свертываются, когда смѣняютъ линіи, однимъ словомъ — такія мелочи, которыя объ уставномъ механизмѣ все же не даютъ яснаго понятія, а, между тѣмъ, до крайности растягиваютъ

и, слѣдовательно, затемняютъ дѣло. Въ одномъ инструкція ошиблась; но это одно обращаетъ въ ничто всѣ предшествовавшія описанія: она находитъ, что желаніе найти себѣ закрытіе доведено въ прусакахъ до крайности и что *ихъ не легко вывести изъ-за закрытій для перехода въ наступленіе.* Практика не оправдала послѣдняго, покрайней мѣрѣ относительно австрійской арміи: прусакамъ чаще приходилось атаковать, чѣмъ обороняться, и результаты показали, что они вовсе не такъ не любятъ атаки, какъ то казалось составителю инструкціи.

О кавалеріи и артилеріи сказано довольно вѣрно, но опять только то, что относится до формы дѣйствій; настроеніе же человѣка упущено изъ виду, какъ и слѣдовало ожидать отъ мирно-военнаго тактика.

Переходя къ тому, какъ должны дѣйствовать австрійскія войска, инструкція впадаетъ уже совершенно въ тонъ дисертаціи, начинающейся съ того, что уставныя правила во всякомъ случаѣ сохраняютъ свою силу, ибо довѣріе къ ихъ достоинству составляетъ будто бы условіе успѣха на войнѣ. Очевидно, что здѣсь подъ „сохраненіемъ силы“ должно разумѣть рабское подчиненіе уставнымъ нормамъ, ибо примѣненіе ихъ къ дѣлу безъ отступленій невозможно. Припомнимъ отношеніе принца Фридриха-Карла къ строевымъ уставамъ, и разница взглядовъ станетъ ясна сама собою.

Далѣе начинаются общія истины, умѣстныя въ теоретическомъ руководствѣ, но странныя въ практической инструкціи, ибо изъ нихъ ничего не выжмешь. Такъ, напоминается, что и безразсудная храбрость, и большая нерѣшительность одинаково нехороши (*); что, употребляя различные роды оружія, нужно принимать въ разсчетъ особенности каждаго изъ нихъ, а если они дѣйствуютъ вмѣстѣ, то каждый слѣдуетъ употреблять своевременно, и т. п. Однимъ словомъ, мирно-военная тактическая водица, въ которой даже такія великія вещи, какъ сноровка *идти на выстрѣлы*, растворены въ массѣ словъ, мертво, безжизненно излагающихъ то, что должно у начальниковъ и солдатъ войти въ плоть и кровь.

(*) При этомъ упущено изъ виду, что человѣкъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не способенъ сохранять равновѣсіе подобнаго рода, и если его наклонять, то уже, конечно, лучше въ сторону безразсудной храбрости, ибо къ благоразумной осторожности его влечетъ и собственный инстинктъ самосохраненія. Въ бою не тѣ войска дѣлаютъ дѣло, которыя нужно подгонять, а тѣ, которыя необходимо удерживать. Дерзость всегда была и останется главнымъ божествомъ войны.

О томъ же, что значатъ въ дѣлѣ неожиданность, упорство людей и начальника, довѣріе къ послѣднему солдата—ни слова. И такимъ-то образомъ тянется повѣствованіе по пустынѣ тактическихъ совѣтовъ, и важныхъ, и неважныхъ, безъ разбора, на цѣлыя 18 страницъ.

Если и прерывается это мертвое и скучное однообразіе повѣствованія, то не словами, которыя прожигаютъ насквозь, какъ у Суворова или у Фридриха-Карла — нѣтъ: прерывается оно выходкой отчаяннаго педантизма, отъ которой становится и грустно, и смѣшно.

„У горнаго хребта, отдѣляющаго Богемію и Моравію отъ Лузаціи и Силезіи, начинается равнина, простирающаяся до Балтійскаго моря и между Вислою и Эльбою прорѣзываемая многочисленными рѣками, иногда протекающими въ болотистыхъ долинахъ“, и т. д. Такъ начинается отдѣлъ „*О дѣйствіяхъ войскъ въ нѣкоторыхъ спеціяльныхъ случаяхъ, въ зависимости отъ извѣстнаго театра войны.* Не правда ли, это начало скорѣе напоминаетъ учебникъ географіи, нежели инструкцію, долженствующую напомнить войскамъ характеристическія черты ихъ образа дѣйствій возможно болѣе рѣзко и рельефно? Но, покрайней мѣрѣ, самые совѣты чему-нибудь учатъ? Посмотримъ. Первый совѣтъ гласитъ, что на мѣстахъ пересѣченныхъ слѣдуетъ употреблять дивизіонныя (двухротныя), на открытой мѣстности баталіонныя колонны; второй, что если часть терпитъ отъ огня, то ее нужно передвинуть; третій, что при оборонѣ пѣхота должна закрываться за мѣстными предметами или ложиться и т. д. Почему все это относится къ прусской равнинѣ, а не ко всякой мѣстности — рѣшить трудно.

Еще образчикъ въ томъ же родѣ—отдѣлъ о малой войнѣ, который начинается такъ: „подъ именемъ малой войны разумѣются такія предпріятія, при которыхъ съ небольшими силами должно достигнуть болѣе или менѣе важныхъ результатовъ, а именно: обезпеченія своихъ войскъ, доставленія имъ шпіоновъ, развѣдыванія, преслѣдованія непріятеля, нападенія на отдѣльные посты, какъ въ „открытомъ полѣ, такъ и на квартирахъ“, и т. д. Одно опредѣленіе чуть не на цѣлой страницѣ.... Школьно-теоретическое отношеніе къ дѣлу писавшаго такъ и проглядываетъ изъ-за каждой буквы этого опредѣленія.

Въ общихъ замѣчаніяхъ, которыя инструкція прибавляетъ къ этимъ указаніямъ, находимъ, наконецъ, указаніе на одинъ

изъ грунтовыхъ принциповъ военнаго дѣла—на товарищество, на круговую поруку; но находимъ гдѣ же? между пунктами о порядкѣ представленія дневныхъ свѣдѣній и о томъ, что чины, которымъ полагается быть верхомъ, не должны слѣзать съ коней во время дѣла.... Не трудно видѣть, можно ли человѣку, незнающему въ чемъ сущность дѣла, ознакомиться съ нею изъ подобной инструкціи.

Дальше находимъ, что храбрость офицеровъ — вещь хорошая, но она должна выказываться въ надлежащемъ случаѣ и въ надлежащее время, ибо—прибавляетъ инструкція—„часть, потерявшая своихъ офицеровъ, теряетъ всякое значеніе въ бою“. Этого признанія довольно для того, чтобы видѣть, что австрійское начальство даже и не подозрѣваетъ о существованіи той страшной силы, которая называется личною предпріимчивостію всякаго солдата, отдѣльно взятаго. Оно и по настоящее еще время воображаетъ, что часть, потерявшая порядокъ, обращается въ толпу, которая ничего не въ состояніи сдѣлать. Съ такимъ взглядомъ далѣе параднаго совершенства не уѣдешь: въ бою безпорядокъ составляетъ неизбѣжное явленіе; слѣдовательно, нужно хлопотать и въ мирное время не столько о механическомъ порядкѣ, сколько о внутреннемъ, ибо при немъ и обращенная въ толпу часть сохраняетъ возможность исполнять возлагаемыя на нее назначенія.

Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ, необходимо упомянуть, что не совсѣмъ же забыли и о солдатѣ; подумали и объ облегченіи его....

Такъ, разрѣшено дозволять, *преимущественно въ жаркое время*, распускать галстухи и разстегивать пуговицы; разрѣшено также въ промежутки боя подкрѣплять себя пищею, не выходя, впрочемъ, изъ рядовъ.

Пѣхота *можетъ* ложиться на землю, не выходя изъ рядовъ, для укрытія отъ взоровъ непріятеля. Замѣтьте, только „можетъ“, а не должна: это скорѣе уступка человѣческой слабости, нежели мѣра, обусловливаемая необходимостію сбереженія войскъ....

И пусть не подумаютъ, чтобы это были пустячныя облегченія — нисколько: чтобы расположить начальниковъ принять ихъ къ руководству и въ то же время оправдаться въ такомъ вольнодумствѣ, составитель счелъ за нужное прибавить:

„Если эти облегченія для войскъ предписываются высшимъ

начальствомъ, то на нихъ нужно смотрѣть какъ на доказательство заботливости начальства о войскѣ, а отнюдь не какъ на нарушеніе дисциплины."

Нарушеніе дисциплины въ распущенномъ галстухѣ, или въ томъ, что подъ огнемъ начальникъ положитъ свою часть.... При такомъ складѣ понятій, результаты можно предугадать.

Сказаннаго довольно для того, чтобы видѣть духъ инструкціи и судить, могла ли она служить полезнымъ руководствомъ для начальниковъ, и могла ли она выйти изъ-подъ редакціи Бенедека. Въ ней слышится та же совершенно нота, что и въ правилѣ, вышеприведенномъ изъ „Рекрутской Школы", которымъ предписывается стрѣлку, располагаясь за деревомъ, упираться въ него лѣвой рукой и лѣвымъ плечомъ, и проч.

Одно только принадлежитъ Бенедеку въ этой инструкціи: приданіе штыку преобладающаго значенія. Но и это великое начало было понято слишкомъ буквально и, при недостаткѣ упорства какъ въ людяхъ, такъ и въ начальникахъ, повело къ тому только, что бросались въ атаку почти безъ подготовки и ни разу не довели дѣла до конца.

Инструкція эрцгерцога Альбрехта.

Отдохнемъ отъ этого тактическаго чада на работѣ дѣйствительно замѣчательной — на инструкціи тоже австрійской, но главнокомандующаго итальянской арміи. Мы не обинуясь ставимъ ее рядомъ съ инструкціей Фридриха-Карла: такъ много въ ней пониманія боеваго дѣла, духа своей и непріятельской арміи, такъ много въ ней, наконецъ, заботливости о солдатѣ. Она дорога для насъ и въ другомъ отношеніи: она разъясняетъ духъ и направленіе австрійскаго начальства. Вотъ почему рѣшаюсь представить краткій ея очеркъ, несмотря на то, что не коснусь военныхъ дѣйствій въ Италіи.

„Офицеры генеральнаго штаба не отвѣтственны за рѣшенія, принятыя начальниками.

„Этого основнаго правила начальники не должны терять изъ виду, что укрѣпитъ въ нихъ довѣріе къ собственнымъ силамъ и энергію, безъ чего они и не годятся въ начальники."

Этихъ двухъ пунктовъ, кажется, пояснять нечего: они говорятъ сами за себя.

„Даже ошибочныя диспозиціи, исполненныя энергично, нерѣдко обращали въ побѣду на половину проигранное сраже-

ніе.... Самаго храбраго генерала съ лучшимъ войскомъ можетъ постигнуть несчастіе; но главнокомандующій защититъ его, если онъ дѣйствовалъ рѣшительно и съ самоотверженіемъ, и войска, не взирая на потери, не будутъ нравственно разстроены....

„Важныя донесенія посылать дублетомъ.

„Довольствіе — одна изъ главныхъ заботъ начальника.... Для сохраненія людей и лошадей, въ особенности при форсированныхъ маршахъ, разрѣшается увеличивать порціи и дачи....“ Это уже нѣсколько больше, чѣмъ распущенный галстухъ.

„Не менѣе важно заботиться, чтобы солдаты своевременно получали теплую пищу; ничто такъ не отражается на нравственномъ состояніи войскъ, какъ когда имъ часто мѣшаютъ обѣдать, заставляя выливать котлы....“

Санитарный отдѣлъ инструкціи не менѣе замѣчателенъ: онъ весь проникнутъ той мыслію, въ которой теперь уже немногіе сомнѣваются, именно, что въ войскѣ важны не столько медицинскія, сколько гигіеническія мѣры.

Вторая часть инструкціи начинается превосходной характеристикой итальянской арміи.

„Сардинская армія послѣ послѣднихъ походовъ сдѣлала большіе успѣхи по части снаряженія, вооруженія, обученія, довольствія войскъ и управленія ими, *но въ нравственномъ отношеніи она не поднялась.*“ Это противоположеніе всѣхъ возможныхъ матеріяльныхъ совершенствъ нравственной данной въ особенности замѣчательно, ибо показываетъ въ авторѣ инструкціи глубокое пониманіе того, отъ чего зависитъ успѣхъ въ бою.

„Прежній рыцарскій и монархическій духъ офицеровъ, вслѣдствіе примѣси къ нимъ эмигрантовъ, волонтеровъ и лицъ, измѣнившихъ прежнему своему знамени, значительно ослабѣлъ. Между солдатами духъ единства и преданности, существовавшій въ пьемонтской арміи, гдѣ каждый полкъ состоялъ изъ жителей одного округа, не можетъ болѣе существовать, ибо теперь пьемонтцы въ полкахъ составляютъ меньшинство, въ смѣси со всѣми другими итальянскими племенами, изъ которыхъ многія не любятъ военной службы и значительная часть не расположена къ Пьемонту. Все это заставляетъ думать, что итальянская армія не будетъ въ состояніи выносить продолжительныя

лишенія, что въ ней проявятся разложеніе и дезертирство въ большихъ размѣрахъ и что только неоднократные успѣхи, залогомъ которыхъ можетъ служить численный перевѣсъ, послужатъ ей цементомъ и возбудятъ вѣру въ свои силы....“

Характеристика каждаго изъ родовъ оружія не менѣе мѣтка, равно какъ и выводы изъ нея объ образѣ дѣйствій австрійскихъ войскъ.

„Этой арміи отнюдь не слѣдуетъ давать возможности одерживать перевѣсъ въ началѣ войны въ небольшихъ стычкахъ, при помощи численнаго перевѣса, чѣмъ итальянцы воспользуются для укрѣпленія недостающей въ нихъ вѣры въ собственныя силы.“

Совѣтъ въ высшей степени замѣчательный: на войска впечатлительныя или по натурѣ, или потому, что они не успѣли сплотиться въ одну массу, первыя стычки производятъ громадное впечатлѣніе и надолго опредѣляютъ тонъ кампаніи. У итальянцевъ поэтому дѣйствительно есть сноровка пускать въ дѣло возможно-большія силы въ началѣ кампаніи, даже и при пустячныхъ стычкахъ. Въ инструкціи это и подмѣчено, и предупреждено.

Всѣ слѣдующіе совѣты не менѣе замѣчательны. Остановимся въ особенности на одномъ—относительно артилеріи: онъ весь проникнутъ пониманіемъ боевыхъ свойствъ артилеріи и въ высшей степени замѣчателенъ какъ полное отрицаніе мирновоенныхъ представленій объ этихъ свойствахъ.

„Благодаря значительной дальности новыхъ орудій и успѣхамъ, сдѣланнымъ нашею артилеріею относительно подвижности и умѣнья преодолѣвать препятствія, представляется возможность даже на пересѣченной мѣстности Италіи употреблять ее бо́льшими массами, чѣмъ прежде (*). *Но надобно разстаться съ укоренившимся опасеніемъ потерять орудіе.* Если артилерія исполнила свой долгъ и оставалась до послѣдней минуты на мѣстѣ при защитѣ позиціи, нѣсколько разъ опрокидывала непріятеля картечью и потеряла нѣсколько орудій, подбитыхъ или лишенныхъ прислуги, то батарейный командиръ заслуживаетъ похвалы и награды за свою храбрость и самоотверженіе; *если*

(*) У мирно-военныхъ артилеристовъ выходитъ наоборотъ: такъ какъ теперь артилерія стрѣляетъ дальше и лучше, то ее не слѣдуетъ подвозить къ непріятелю ближе наибольшей дѣйствительности ея огня. На этомъ основаніи, при пересѣченномъ театрѣ войны слѣдовало бы вовсе отказаться отъ употребленія артилеріи.

же, напротивъ, *онъ, для защиты своихъ орудій, слишкомъ рано снялся съ позиціи* и тѣмъ ослабилъ пѣхоту, *то онъ долженъ быть отданъ подъ судъ.*"

„Впрочемъ, хорошая пѣхота навѣрное донельзя будетъ отстаивать свои орудія; а въ крайнемъ случаѣ потеря вполнѣ окупится, если захваченныя непріятелемъ орудія нанесли ему чувствительный уронъ и способствовали продолжительной защитѣ позиціи."

Подобнымъ образомъ ясно сознаннаго и рѣшительно высказаннаго основнаго принципа употребленія артилеріи не находимъ нигдѣ, даже въ инструкціи Фридриха-Карла, не говоря уже объ инструкціи для сѣверной австрійской арміи. Въ послѣдней есть что-то подобное, но оно высказано такъ вяло и безжизненно, что основную мысль открыть не только трудно, а, напротивъ, скорѣе можно придти къ обратному заключенію, т. е. что артилерія прежде всего должна хлопотать о прикрытіи.

Вотъ доказательства:

„Чтобы батарея могла вполнѣ исполнить свое назначеніе— сказано въ инструкціи для сѣверной арміи—необходимо, чтобы какъ прислуга ея, такъ и лошади были всегда обезпечены постояннымъ приличнымъ прикрытіемъ отъ нападенія непріятельскихъ стрѣлковъ или кавалеріи."

Это приличное прикрытіе опредѣляется затѣмъ не менѣе какъ въ 24 стрѣлка, при четырехъ унтеръ-офицерахъ и одномъ офицерѣ, или въ полуэскадронѣ. Слѣдовательно, разъ это игрушечное прикрытіе есть, сосѣднія батареѣ пѣхотныя или кавалерійскія части могутъ считать себя необязанными относительно ея круговой порукой?

„Прислуга при орудіяхъ *должна быть пріучена* (?) считать себя подъ защитою извѣстнаго прикрытія, совершенно безопасною отъ непріятельскаго нападенія". Ну, а если нападеніе послѣдуетъ, тогда что?

„Отрядъ, разъ назначенный въ прикрытіе батареѣ, остается постоянно при ней во всѣхъ случаяхъ".

Даже батареямъ, находящимся въ резервѣ, полагается за нужное придавать болѣе или менѣе сильное, смотря по обстоятельствамъ, прикрытіе. И такъ далѣе, на страницѣ слишкомъ.

И только въ концѣ этого широковѣщательнаго отдѣла сказано, что „батарея, стоящая на позиціи, въ случаѣ непрія-

тельской атаки, должна продолжать стрѣльбу до послѣдняго момента, а прикрытіе—охранять только фланги ея“ (?).

Къ чести австрійскихъ артилеристовъ должно сказать, что они не заботились о непосредственномъ прикрытіи такъ, какъ располагала къ тому инструкція.

Сдѣлавъ посильный очеркъ духа армій, понятій, въ нихъ укоренившихся, характеристику личностей, отъ которыхъ главнѣйше зависѣлъ успѣхъ дѣла, могу перейти собственно къ военнымъ дѣйствіямъ. Приступъ, сознаюсь, былъ нѣсколько длиненъ. Извиняясь въ этомъ, не могу однакожь не оговорить въ свое оправданіе, что факты военной исторіи безъ подобнаго приступа являются мертвымъ матеріяломъ, ибо въ нихъ пропадаетъ именно то, отъ чего эти факты болѣе всего зависятъ, и безъ чего многихъ изъ нихъ нельзя осмыслить.

III.

ОЧЕРКЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ.

Въ стратегическомъ отношеніи Богемія раздѣляется Эльбою и Молдавою на двѣ половины: восточную и западную. Восточная, въ настоящемъ случаѣ, въ особенности важна для насъ. Граница этой части Богеміи по Рудному хребту и Судетамъ представляетъ протяженіе около 300 верстъ, считая отъ Эльбскихъ воротъ до Троппау. Доступы въ нее для большихъ силъ возможны: 1) отъ Дрездена черезъ проходъ Шлюкенау на Мюнхенгрецъ; 2) отъ Герлица и Циттау на Рейхенбергъ; 3) отъ Глаца черезъ Находъ и отъ Ландсгута черезъ Траутенау къ Краледвору (Кёнигингофъ).

Гичинъ составляетъ главный узелъ этихъ путей и находится переходахъ въ пяти отъ Шлюкенау, въ трехъ отъ Герлица и въ трехъ отъ границы графства Глацъ. По всѣмъ этимъ направленіямъ пролегаютъ превосходныя шоссе. Но удобныхъ поперечныхъ сообщеній между ними до рѣки Изера на сѣверѣ и до верхней Эльбы на востокѣ — мало.

Желѣзныя дороги. Въ Богеміи пролегаютъ двѣ желѣзныя дороги: одна долиною Эльбы, отъ Дрездена черезъ Терезіенштадтъ, Прагу и далѣе на Пардубицъ; другая отъ Циттау, черезъ Рейхенбергъ, Іозефштадтъ и Кралеградъ (Кёниггрецъ) тоже на Пардубицъ. Эти направленія преграждаются крѣпостями: западное—Терезіенштадтомъ, восточное—Іозефштадтомъ

и Кралеградомъ. Но поперечная вѣтвь между ними — Турнау-Кралюпъ—не упирается ни въ одну изъ крѣпостей (*), слѣдовательно, при занятіи Богеміи съ сѣвера, даетъ возможность непріятелю получить желѣзно-дорожное (хотя и ломаное) сообщеніе—Рейхенбергъ-Турнау-Кралюпъ-Пардубицъ.

Отъ Пардубица оба пути сливаются въ одинъ до Чешской Тржебовы, откуда онъ развѣтвляется на Брюннъ и Голомуцъ (Ольмюцъ); и такъ какъ ни пардубицкій, ни тржебовскій узлы ничѣмъ не обезпечены, то непріятель могъ воспользоваться желѣзной дорогой до Брюнна и далѣе до Вѣны.

Изъ этого видно, что расположеніе желѣзныхъ путей въ Богеміи и Моравіи едва-ли можно признать хорошо соображеннымъ со стратегическими условіями: устроить соединеніе богемскихъ линій у Краледвора или же начать брюннскую вѣтвь не отъ Чешской Тржебовы, а отъ Голомуца, едва-ли не было бы предпочтительнѣе.

Недостатокъ соображенія со стратегическими условіями еще ощутительнѣе въ вѣтви, идущей отъ Голомуца въ Краковъ: на протяженіи около 90 верстъ, эта линія проходитъ вдоль южно-силезской границы не далѣе, какъ въ двухъ-трехъ верстахъ отъ нея; слѣдовательно, прусакамъ, съ началомъ войны, не представлялось никакого затрудненія уничтожить эту линію, что и было сдѣлано.

Оборонительныя линіи. На сѣверномъ направленіи наступленія въ Богемію—горный хребетъ и рѣка Изеръ. Шоссе пересѣкаютъ эту рѣку у Турнау, Подола и Мюнхенгреца. На восточномъ—тоже горный хребетъ и верхняя Эльба. Удобныхъ переправъ черезъ нее много выше Іозефштадта. Часть теченія Эльбы между Іозефштадомъ и Кралеградомъ образуетъ превосходную стратегическую позицію, даже предполагая соединеніе у Гичина удавшимся. Расположеніе между этими крѣпостями, фронтомъ къ западу, прикрываясь Эльбою, вдвойнѣ выгодно, ибо составляетъ активную фланговую позицію, относительно направленія отъ Гичина на Вѣну, и притомъ угрожаетъ ближайшему источнику средствъ прусаковъ — Силезіи, такъ какъ находится въ промежуткѣ между Гичиномъ и этою провинціей.

Пространство отъ сѣверо-восточнаго угла Богеміи до Траутенау недоступно для большихъ массъ.

(*) Если не считать крѣпостію Прагу, которой австрійцы не держали.

Разсматривая чисто-мѣстныя свойства, должно признать, что Богемія представляетъ для австрійцевъ весьма большія выгоды какъ въ оборонительномъ, такъ и въ наступательномъ отношеніи.

Въ оборонительномъ — даетъ возможность, держа силы сосредоточенными на пространствѣ Гичинъ-Іозефштадтъ-Кенигрецъ, устремляться противъ непріятеля, съ которой бы стороны онъ ни появился, и встрѣчать его разрозненнаго переходомъ черезъ дефилеи.

Въ наступательномъ отношеніи выгоды положенія Богеміи еще значительнѣе: сосредоточивъ въ ней войска, можно направиться или на Берлинъ, или на Силезію, заблаговременно не обнаруживая расположеніемъ войскъ своихъ настоящихъ намѣреній.

Изъ этихъ двухъ направленій первое, безспорно, выгоднѣйшее въ особенности потому, что и Саксонія находилась на сторонѣ Австріи и что, занявъ эту страну, австрійская армія прикрывала среднегерманскихъ союзниковъ, становилась всего въ семи переходахъ отъ Берлина и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могла раздѣлить прусскія силы, которыя до начала дѣйствій поневолѣ приходилось держать въ двухъ массахъ: для прикрытія Силезіи и прямаго пути наступленія на Берлинъ. На пространствѣ отъ саксонской границы до Берлина нѣтъ неодолимыхъ мѣстныхъ преградъ; да если бы и были, то жертвы, которыя пришлось бы принести для ихъ преодолѣнія, съ лихвою окупались, въ случаѣ удачи дѣйствій, занятіемъ столицы противника.

Опасенія за свои сообщенія со стороны Силезіи, предполагая наступленіе австрійцевъ на Берлинъ, едва-ли могли быть серьезны, такъ какъ прусаки употребили бы, вѣроятно, всѣ усилія для прегражденія прямаго пути къ своей столицѣ.

Операціонное направленіе на Силезію представляло гораздо меньше выгодъ, ибо преграждалось крѣпостями Глацъ, Нейссе и лѣвыми притоками Одера.

О раздѣленіи силъ прусаковъ, дѣйствуя по этому направленію, нельзя было и думать.

Остальная часть австрійской границы, доступной прусакамъ, т. е. отъ Троппау до нашей границы, не представляетъ особенныхъ мѣстныхъ преградъ. Черезъ нее пролегаетъ ближайшее операціонное направленіе изъ Силезіи на Вѣну; но, во-

первыхъ, на этомъ направленіи находится Ольмюцъ—сильный укрѣпленный лагерь; во-вторыхъ, это направленіе все же имѣетъ протяженіе не менѣе какъ въ 11 переходовъ, и, въ-третьихъ, Вѣна, кромѣ Ольмюца, прикрыта Дунаемъ. Но въ 1866 году австрійцы, какъ кажется, боялись этого направленія, ибо оно сближало прусаковъ съ недовольной Венгріей.

Мѣстныя выгоды и невыгоды, которыя театръ войны представлялъ для прусаковъ, уже отчасти видны изъ сказаннаго.

Прямое и самое рѣшительное направленіе на Берлинъ не имѣетъ непосредственнаго обезпеченія. Этой, повидимому, непредусмотрительности не могу себѣ объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ убѣжденія въ неспособности австрійцевъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и пониманіемъ того, что въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ нѣтъ лучше обороны, какъ наступательная. Для этой послѣдней обороны, т. е. для наступательной, у нихъ все было приготовлено превосходно: по завѣту Фридриха, Берлинъ слѣдуетъ оборонять въ Силезіи, выступающее положеніе которой давало возможность угрожать тылу и флангу богемской арміи, а въ крайности поднять возстаніе и въ Венгріи. Могутъ замѣтить, что и изъ Богеміи можно угрожать Силезіи: совершенно такъ, ибо выгоды или удобства всѣхъ матеріяльныхъ данныхъ обыкновенно уравновѣшиваются; однѣ же выгоды возникаютъ, а невыгоды стушевываются только при условіи нравственныхъ и умственныхъ свойствъ того, кто этими данными пользуется. Въ Силезіи приготовлено все какъ для наступленія, такъ и для активной обороны. Для наступленія—множество сообщеній всякаго рода: естественная линія Одера, съ обезпеченными переправами въ крѣпостяхъ Глогау и Козелѣ, безчисленное множество шоссе, и, наконецъ, превосходно соображенная сѣть желѣзныхъ дорогъ; для второй цѣли, т. е. для обороны собственно—стратегическая позиція Глацъ-Нейссе, прикрытая съ фронта рѣкою послѣдняго имени. Эта позиція прикрываетъ фронтально центръ Силезіи отъ вторженія австрійцевъ и дѣлаетъ обходъ ея съ праваго фланга дѣломъ труднымъ, а съ лѣваго весьма рискованнымъ и несулящимъ никакихъ особенныхъ выгодъ.

Дороги. Расположеніе путей въ Силезіи достойно большаго вниманія и изученія: все, что только можно было сдѣлать для того, чтобы обезпечить сосредоточеніе войскъ у богемской границы и передвиженіе ихъ вдоль ея, было сдѣлано съ поучи-

тельной обдуманностію и законченностію. Вдоль всей границы, въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, отъ Герлица до Нейссе идетъ шоссе; отъ него направлено къ самой границѣ около двадцати отростковъ. Затѣмъ, паралельно же границѣ, но уже въ значительномъ разстояніи отъ нея, идетъ желѣзная дорога Кольфуртъ-Лигницъ-Бреславль-Козель-Одербергъ, тоже паралельная богемской границѣ. Она прикрыта на большей части своего протяженія позиціею Глацъ-Нейссе и крѣпостію Козель. Только въ одномъ мѣстѣ, именно у сѣверовосточнаго угла Богеміи, эта дорога пролегаетъ въ разстояніи 28 верстъ отъ границы, но и этотъ участокъ въ случаѣ перерыва замѣняется другимъ — отъ Бреславля на Глогау къ Сорау, идущимъ на большей части своего протяженія за Одеромъ.

Наконецъ, даже предполагая перерывъ и этого пути, остается еще третье желѣзное сообщеніе Силезіи съ центромъ государства — на Познань и Франкфуртъ.

Отъ дороги, разсѣкающей такимъ образомъ Силезію пополамъ и представляющей какъ бы осадную паралель относительно богемской границы, къ этой послѣдней ведутъ пять вѣтвей, въ нее упирающихся и представляющихъ какъ бы апроши. Таковы: 1) отъ Кольфурта на Гиршбергъ; 2) отъ Лигница на Франкенштейнъ; 3) отъ Бреславля на Вальденбургъ; 4) отъ Брига къ Нейссе; 5) отъ Ратибора къ Леобшюцу.

При такой подготовкѣ театра войны, понятно, что какъ оборона Силезіи, самая активная, такъ и сосредоточеніе силъ для наступленія съ этой стороны въ Богемію становились одинаково легкими.

IV.

ПЛАНЫ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ.

Какъ уже сказано, Бенедекъ могъ дѣйствовать: наступательно—на Берлинъ или Бреславль; оборонительно—для прегражденія пути въ Богемію, или на Ольмюцъ къ Вѣнѣ. Предполагая выборъ перваго плана, т. е. наступленія черезъ Саксонію на Берлинъ, можно было, въ случаѣ неудачи, перейти къ плану обороны Богеміи. Можно было наконецъ, начавъ съ обороны Богеміи, перейти, въ случаѣ удачи, въ наступленіе или въ Силезію, черезъ графство Глацъ. или же къ Берлину, черезъ Циттау. Наступленіе, какъ и оборона, на ольмюцскомъ

направленіи, не сулили результатовъ особенно рѣшительныхъ и могли только затянуть кампанію на неопредѣленное время. Тѣмъ не менѣе, вначалѣ было избрано это послѣднее направленіе, что доказывается первоначальнымъ расположеніемъ главной массы силъ Бенедека.

Передъ началомъ кампаніи, около 11-го іюня, мы застаемъ австрійскую армію въ слѣдующихъ пунктахъ:

I-й корпусъ, графа Кламъ-Галласа, главная квартира Прага; бригады: *Пошахера* въ Прагѣ, *Лейнингена* въ Терезіенштадтѣ, *Пире* въ Іозефштадтѣ, *Рингельсгейма* въ Теплицѣ.

Въ вѣдѣніи графа Клама состояла также 1-я легкая кавалерійская дивизія Эдельсгейма, бригады которой находились: *Аппеля* у Краледвора, *Валлиса* у Скалица, *Фратрицевича* въ Рейхенбергѣ. На части этой дивизіи было возложено наблюденіе горныхъ проходовъ отъ Эльбы до Скалица.

II-й корпусъ въ Гогенмаутѣ и окрестностяхъ.

III-й и X-й корпуса въ Брюннѣ и окрестностяхъ.

IV-й и VI-й — въ Ольмюцѣ и окрестностяхъ.

VIII-й — въ Ауспицѣ, въ резервѣ за остальными.

2-я легкая кавалерійская дивизія (Турнъ-Таксисъ), въ австрійской Силезіи, наблюдая границу.

1-я резервная кавалерійская дивизія принца Голштейнъ, въ Просницѣ.

2-я резервная кавалерійская дивизія Зайчека, въ Кремсирѣ.

3-я резервная кавалерійская дивизія Куденгове, въ Вишау.

Такое расположеніе указываетъ на намѣреніе преградить путь въ Моравію.

Причины этому заключались, сколько можно судить по неполнымъ даннымъ, въ томъ, что австрійская армія еще не была укомплектована и что главнокомандующему, какъ кажется, предписано было выждать съ началомъ дѣйствій, чтобы дать время вооружиться германскимъ союзникамъ. Можетъ быть также, что это расположеніе было вызвано отчасти и опасеніями, которыя внушала недовольная Венгрія.

Какъ бы то ни было, но слабое занятіе Богеміи во всякомъ случаѣ едва-ли можетъ быть оправдано: оно и имѣло слѣдствіемъ смѣлое движеніе прусаковъ въ двухъ разрозненныхъ массахъ на Краледворъ и Гичинъ. Правда, какъ увидимъ ниже, Бенедекъ успѣлъ передвинуть большую часть своихъ силъ къ Іозефштадту ко времени открытія военныхъ дѣй-

ствій; но прусаки этого не знали, ворвались въ Богемію подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что большая часть австрійскихъ силъ еще на маршѣ. Это убѣжденіе съ одной стороны, перѣшительность Бенедека съ другой сдѣлали остальное.

Прусаки имѣли вначалѣ исключительною цѣлію оборону отъ вторженія собственныхъ предѣловъ; вслѣдствіе того они расположили свои корпуса кордономъ вдоль саксонско-богемской границы, не задаваясь, какъ кажется, вначалѣ никакимъ опредѣлительнымъ планомъ для дѣйствій. Корпуса были расположены такъ: 8-й и 14-я дивизія (7-го корпуса) между Галле и Торгау; 2-й, 3-й, 4-й — отъ Торгау до Герлица; кавалерійскій корпусъ—у Котбуса; 5-й—въ Ландсгутѣ; 6-й—въ Вальденбургѣ; кавалерійская дивизія—въ Стригау; 1-й — на маршѣ въ Гиршбергъ и Шёнау. Отъ этихъ частей выдвинуты были сторожевые отряды къ границѣ. Кромѣ того отрядамъ: *Кнобельсдорфа* (пѣхотный полкъ № 62, уланскій № 2 и одна 6-фунтовая батарея), выдвинутому въ Ратиборъ, и *Штольберга* (два ландверные кавалерійскіе полка и отъ каждаго верхне-силезскаго ландвернаго баталіона по двѣ роты въ 150 человѣкъ), выдвинутому въ Николаи, была поручена оборона Верхней Силезіи. Только въ первыхъ числахъ іюня эти силы были сгруппированы въ извѣстныя уже три арміи: эльбскую—у Торгау, 1-ю — у Герлица, 2-ю — у Глаца.

Но и послѣ этого прусскіе военачальники нѣкоторое время держались мысли дѣйствовать оборонительно; кажется, между главнокомандующими первою и второю арміями было даже положено, въ случаѣ наступленія Бенедека противъ которагонибудь изъ нихъ, уклоняться отъ боя, пока другой не поспѣетъ на помощь.

Что въ вѣроятности наступленія со стороны Бенедека были убѣждены, доказательствомъ можетъ служить маневръ второй арміи передъ вторженіемъ въ Богемію: корпуса ея (1-й, 5-й, 6-й), около 11-го іюня, начали передвиженіе къ Нейссе, для прегражденія пути Бенедеку, который расположеніемъ главной массы своихъ силъ въ Моравіи дѣлалъ впечатлѣніе, будто онъ имѣетъ намѣреніе вторгнуться въ Силезію. Только одна бригада 1-го корпуса была оставлена для наблюденія горныхъ проходовъ графства Глацъ.

Къ этому же времени относится и присоединеніе гвардейскаго корпуса ко второй арміи. Его начали перевозить по же-

лѣзной дорогѣ въ Бригъ 13-го іюня и окончили эту операцію 22-го, т. е. въ десять дней (*). Начиная съ 15-го по 22 е ежедневно отправляемо было по двѣнадцати поѣздовъ.

Съ присоединеніемъ гвардейскаго корпуса, вторая армія возросла до 125,000—сила, съ которою можно было рѣшиться на бой съ противникомъ значительно сильнѣйшимъ, конечно при благопріятныхъ условіяхъ мѣстности. Позиція у Нейссе вполнѣ удовлетворяла этому.

Но всѣ эти приготовленія окончились на дѣлѣ совершенно обратно: вмѣсто обороны Силезіи, рѣшено было вторгнуться въ Богемію, такъ что передвиженіе къ Нейссе оказалось не только лишнимъ, но повело къ упущенію самой благопріятной минуты для вторженія въ Богемію.

Внутренняя причина такого поворота заключалась въ медлительности Бенедека, которая прямо наводила на предположеніе, что онъ хочетъ выиграть время, слѣдовательно къ дѣйствіямъ не готовъ. Понятно, что, даже и рѣшившись на оборону, нельзя было упускать случая заставить противника дѣйствовать ранѣе, чѣмъ то онъ считалъ для себя выгоднымъ.

Внѣшнимъ побужденіемъ къ рѣзкому переходу отъ обороны въ идеѣ къ рѣшительному наступленію въ дѣйствительности послужили слѣдующія обстоятельства:

15-го іюня, т. е. на другой день по расторженіи Германскаго Союза, Пруссія обратилась, въ числѣ прочихъ, къ Саксоніи съ предложеніемъ привести ея армію на мирное положеніе и принять прусскій проектъ реформы Союза. Сроку на размышленіе дано было двѣнадцать часовъ. Въ случаѣ согласія, Пруссія гарантировала степень независимости, сообразную проекту реформы; въ случаѣ отказа грозила войною.

Саксонія отклонила это предложеніе, и вечеромъ 15-го ей (**) объявлена война. Саксонія обратилась съ просьбою о помощи къ австрійцамъ; тогда Бенедекъ двинулъ свои войска изъ вышеуказаннаго расположенія къ Іозефштадту, 17-го.

Вотъ какимъ образомъ прусаки были приведены къ идеѣ о

(*) Въ это время перевезено всего: 1,154 офицера, 35,323 нижнихъ чина, 9,334 лошади, 115 двухколесныхъ и 827 четырехколесныхъ повозокъ. Отъ Берлина до Брига около 400 верстъ (56½ миль), т. е. 18 маршей и 6 дневокъ; слѣдовательно, перевозкою выиграно 14 дней. Должно, впрочемъ, имѣть въ виду, что эта линія въ два пути.

(**) А также Ганноверу и Куръ-Гессену.

вторженіи въ предѣлы Австріи. Планъ этого вторженія и должно признать первою стратегическою комбинаціею съ ихъ стороны. Она была основана на двухъ данныхъ: 1) Богемія занята слабо; 2) главныя силы Бенедека находятся въ такомъ отъ нея отдаленіи, что разрозненныя прусскія массы соединятся въ Богеміи ранѣе, нежели онъ успѣетъ тамъ сосредоточить свои; слѣдовательно, можно рѣшиться на вторженіе по двумъ операціоннымъ направленіямъ. Къ этимъ даннымъ, можетъ быть, присоединялось еще и убѣжденіе въ традиціонномъ свойствѣ австрійцевъ упускать удобную минуту для дѣйствія.

Такъ какъ на долю второй арміи выпадала труднѣйшая роль, ибо она должна была дебушировать вблизи вѣроятнаго пункта сосредоточенія силъ Бенедека—слѣдовательно рисковала наткнуться если не на всѣ, то на значительную часть ихъ—то и положено было, для развлеченія вниманія противника, начать наступленіе сѣверныхъ массъ нѣсколькими днями ранѣе.

V.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

Наступленіе эльбской и 1-й арміи къ границамъ Богеміи. 16-го іюня н. ст. эльбская армія вступила въ Саксонію западнѣе Эльбы тремя колоннами: на Стрела и правѣе этого пункта. Она не встрѣтила сопротивленія; саксонская армія, уничтоживъ мосты черезъ Эльбу у Риза и Мейссена, а также перепортивъ желѣзную дорогу Лебау-Циттау, предприняла отступленіе въ Богемію, на соединеніе съ I-мъ корпусомъ. Мосты на Эльбѣ были исправлены весьма скоро, благодаря тому, что о вѣроятности ихъ порчи подумали заранѣе; 17-го Гервартъ продолжаетъ наступленіе по западной части Саксоніи, занимая постепенно важнѣйшіе ея пункты и забирая въ свое распоряженіе желѣзныя дороги. 18-го занятъ Дрезденъ, между тѣмъ какъ первая армія, со своей стороны, заняла Бишофсвердъ, Бауценъ и Циттау. Занятіе Саксоніи сократило фронтъ дѣйствій прусаковъ съ 270 на 190 верстъ.

Затѣмъ Гервартъ, переправившись черезъ Эльбу у Пирны, двинулся къ горному проходу Шлюкенау.

Такимъ образомъ, двѣ сѣверныя массы прусскихъ силъ стояли уже на границѣ Богеміи около 20-го, но остались въ

бездѣйствіи до 23-го. Причину этой остановки, какъ кажется, можно объяснить тѣмъ, что хотѣли дать время II арміи, стоявшей, какъ уже сказано, у Нейссе, перейти къ богемской границѣ.

Маршъ II арміи къ Ландсгуту и въ графство Глацъ. 19-го іюня, вѣроятно вслѣдствіе полученія свѣдѣній о началѣ движенія австрійскихъ корпусовъ изъ Моравіи въ Богемію, въ главной квартирѣ II арміи получено было приказаніе короля: оставить одинъ корпусъ у Нейссе, 1-й корпусъ двинуть къ Ландсгуту, а остальные два расположить въ центральной позиціи, такъ, чтобы они могли, смотря по обстоятельствамъ, или наступать въ Богемію вмѣстѣ съ 1-мъ, или же поддержать корпусъ, оставленный у Нейссе. Это уже служило довольно яснымъ указаніемъ на то, что Бенедекъ, по всей вѣроятности, спѣшитъ въ Богемію; тогда мысль предупредить его тамъ начала облекаться мало по малу въ осязательную форму въ главной квартирѣ II прусской арміи, и всѣ послѣдующія распоряженія составляютъ уже ея осуществленіе. 6-му корпусу, оставляемому, въ исполненіе приказанія, у крѣпости Нейссе, предписано было перейти на правый берегъ Нейссе и сдѣлать демонстрацію наступленія въ Австрійскую Силезію. Вмѣстѣ съ тѣмъ послано приказаніе въ Верхнюю Силезію о заготовкѣ квартиръ на всемъ пространствѣ праваго берега Одера. Всѣ эти мѣры имѣли цѣлію скрыть истинное намѣреніе вторгнуться въ Богемію.

21-го, т. е. день спустя послѣ того, какъ войска приступили къ исполненію указанныхъ передвиженій, получено предвареніе, что поведеніе Австріи на франкфуртскомъ сеймѣ равносильно объявленію войны, съ чѣмъ прусскія войска и должны сообразоваться. То же сообщено и въ сѣверную массу. Въ тотъ же день передовыя части 6-го корпуса, достигнувъ австрійской границы, имѣли на дорогѣ въ Фрейвальдау столкновеніе съ непріятельскими аванпостами, въ которомъ одна изъ фузилерныхъ ротъ пѣхотнаго № 10-го полка отразила съ урономъ атаку австрійскихъ гусаръ.

22-го іюня изъ Берлина получена телеграма о наступленіи всѣми силами въ Богемію, на Гичинъ. Въ это время, опасеніе потерять благопріятную минуту для наступленія возросло въ главной квартирѣ II арміи уже до того, что, кронпринцъ, еще до полученія депеши, просилъ разрѣшенія начать наступ-

леніе и подвинуть 6-й корпусъ къ графству Глацъ, дабы его легче было притянуть въ Богемію. Разрѣшеніе на послѣднюю мѣру получено было 23-го, по телеграфу.

Результатомъ всѣхъ этихъ распоряженій было то, что 25-го іюня II армія подвинулась къ границѣ Богеміи и стояла въ слѣдующихъ пунктахъ:

1-я линія.

1-й корпусъ (Бонинъ) у Шёмберга.

5-й корпусъ (Штейнмецъ) между Глацомъ и Рейнерцомъ.

Резервъ.

Гвардія (принцъ Виртембергскій) у Шлегеля (къ сѣв. отъ Глаца, верстахъ въ 12).

Кавалерійская дивизія (Гартмана) у Вальденбурга.

6-й корпусъ (Муціусъ): бригада у Глацъ, остальныя силы у Пачкау, верстахъ въ 30 за Глацомъ, по линіи Нейссе.

Главная квартира—Эккерсдорфъ, между Шлегелемъ и Глацомъ.

Расположеніе это занимало по фронту, не считая горъ, около 35 верстъ; гвардейскій корпусъ находился отъ 1-го верстахъ въ 35, отъ 5-го, которому, какъ ближайшему къ австрійцамъ, угрожала и большая опасность, въ 15. Генералу Штейнмецу не случайно выпалъ на долю самый опасный постъ: на его энергію разсчитывали и, какъ вскорѣ увидимъ, не ошиблись.

Современное положеніе австрійской арміи. Просьба саксонцевъ о помощи вывела австрійскую армію изъ неподвижности: 17-го, корпуса, расположенные въ Моравіи, двинулись къ Іозефштадту и въ окрестности. Слѣдовательно, совершилась первая перемѣна операціоннаго плана, если только первоначальное расположеніе предполагало какой-либо планъ. Сосредоточеніе у Іозефштадта показывало намѣреніе Бенедека, держа свои силы въ Богеміи сосредоточенно, дѣйствовать противъ непріятеля, разрозненнаго и тактически, и стратегически, т. е. и дебушированіемъ черезъ горныя дефиле, и наступленіемъ по двумъ операціоннымъ направленіямъ.

Движеніе совершено подъ прикрытіемъ II-го корпуса, который для этой цѣли и для обезпеченія желѣзной дороги переведенъ въ Чешскую Тржебову. Принявъ въ разсчетъ разстоянія и положивъ дневку на каждые четыре перехода, окажется, что II-й

корпусъ (Тунъ) могъ прибыть къ Іозефштадту 19-го; IV-й (Фестетичъ) и VI-й (Раммингъ)—24-го; III-й (эрцгерцогъ Эрнстъ) и X-й (Габленцъ) — 25-го; наконецъ VIII-й (эрцгерцогъ Леопольдъ)—26-го или 27-го іюня. Итакъ, время для сосредоточенія австрійской арміи съ цѣлію дѣйствія противъ II прусской собственно потеряно не было.

Армія, около 25-го іюня, дѣйствительно была готова къ встрѣчѣ противника, покрайней мѣрѣ съ востока.

1-я линія.

I-й корпусъ (Клама), съ бригадою Калика, стоялъ на лѣвомъ берегу Изера, между Мюнхенгрецомъ и Турнау.

X-й въ Краледворѣ, VI-й въ Опочно.

2-я линія.

IV-й и VIII-й, съ 1-й резервной кавалерійской дивизіей, у Іозефштадта, гдѣ и главная квартира.

Резервъ.

III-й, съ двумя резервными кавалерійскими дивизіями, къ сѣверу отъ Пардубица.

II-й, со 2-й легкой кавалерійской дивизіей, на маршѣ отъ Чешской Тржебовы къ Опочно.

Расположеніе главной массы силъ (не считая I-го и II-го корпусовъ), т. е. пяти корпусовъ, занимало, слѣдовательно, около 30 верстъ по фронту и 40 въ глубину, при полномъ удобствѣ сообщеній по всѣмъ направленіямъ.

Итакъ, задавшись вопросомъ: была ли возможность подавить II прусскую армію превосходными силами, должно разрѣшить его утвердительно. Посмотримъ же, какъ австрійцы воспользовались этою возможностію.

Дѣйствія на сѣверѣ Богеміи. Продолженіе наступленія пруссаковъ. 23-го іюня I прусская армія, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, вступила въ Богемію въ двухъ колоннахъ: правая—4-й и 2-й корпуса, съ кавалерійскимъ корпусомъ—отъ Циттау черезъ Гроттау на Рейхенбергъ, имѣя въ авангардѣ 8-ю дивизію (Горна); лѣвая (3-й корпусъ) отъ Марклины и Зейденберга черезъ Фридландъ и Нейштедтль, тоже на Рейхенбергъ, имѣя въ авангардѣ часть 5-й дивизіи (Тюмплинга). Артилерійскій резервъ и обозы втягивались за колоннами въ горы въ теченіе 23-го и 24-го іюня. 24-го іюня Рейхенбергъ былъ занятъ, послѣ незначительнаго кавалерійскаго дѣла.

23-го же эльбская армія, черезъ Шлюкенау, также вступила въ Богемію въ одной колоннѣ, имѣя въ авангардѣ бригаду Шёлера (*) и направляясь на Гюннервассеръ; отъ Габеля 14-я дивизія (**) направлена влѣво, на Бёмишъ-Айха, для возстановленія связи съ I арміей; 8-й же корпусъ продолжалъ движеніе на Гюннервассеръ.

Положеніе противъ нихъ австрійцевъ. Противъ этихъ армій, представлявшихъ силу въ 138,000, стояли только I-й австрійскій корпусъ и легкая кавалерійская дивизія Эдельсгейма, т. е. никакъ не болѣе 35,000 или 40,000. Къ нимъ должны были присоединиться еще саксонцы, которые усилили бы сѣверный австрійскій отрядъ до 60,000 или 65,000. I-й корпусъ имѣлъ первоначальнымъ назначеніемъ покровительствовать отступленію саксонцевъ и замедлить, по возможности, наступленіе прусскихъ силъ. Къ тому времени, въ которое происходили описываемыя событія, большая часть I-го корпуса была сосредоточена западнѣе Мюнхенгреца; только бригада Пошахера выдвинута къ Либенау, на путь, ведущій отъ Рейхенберга къ Гичину; а бригада Рингельсгейма, съ гусарскимъ полкомъ, оставлена у Теплица, для того, чтобы скорѣе войти въ сообщеніе съ саксонской арміей. Дивизія Эдельсгейма, расположенная у Турнау, должна была, попрежнему, выслѣживать направленіе колоннъ непріятеля.

18-го іюня первыя саксонскія колонны прибыли къ богемской границѣ. Относительно саксонской арміи было уже получено приказаніе, немедленно по прибытіи, перевезти возможно скорѣе, по желѣзной дорогѣ, въ окрестности Пардубица саксонскую пѣхоту, артилерію и обозъ; кавалеріи же, вмѣстѣ съ бригадою Рингельсгейма, присоединиться къ I-му корпусу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ, тоже по желѣзной дорогѣ, переѣхать къ Кениггрецу. Это приказаніе обнаруживало намѣреніе, оставивъ почти безъ всякаго вниманія лѣвое крыло, сосредоточенными силами обрушиться на кронпринца. Но на этой рѣшимости остановились не долго. 21-го, когда уже двѣ трети саксонской арміи было перевезено въ Пршелаучъ, получено приказаніе 1-му корпусу и саксонцамъ сосредоточиться у Юнгъ-Бунцлау.

(*) 8-го корпуса: 29-й и 69-й пѣхотные полки; батарея.

(**) 7-го корпуса: гр. Мюнстеръ 16, 56, 17, 57-й пѣхотные и 7-й драгунскій полки; 4 батареи.

Къ 25-му іюня это приказаніе было исполнено: I-й корпусъ сосредоточенъ у Мюнхенгреца, саксонцы западнѣе, у Юнгъ-Бунцлау и Бакофена. Положеніе этого отряда противъ непріятеля, болѣе чѣмъ вдвое сильнѣйшаго, было критическое. Тѣмъ не менѣе, приходилось держаться, такъ какъ самый возвратъ саксонской арміи указывалъ на то, что главнокомандующій придаетъ значеніе задержанію противника съ этой стороны, хотя, судя по послѣдующимъ фактамъ, онъ и не потщился выразить опредѣлительно своихъ намѣреній на этотъ счетъ.

Продолженіе наступленія прусаковъ. 25-го авангардъ дивизіи Горна, пройдя Либенау, наткнулся на бригаду Пошахера, занимавшую позицію южнѣе этого пункта, на высотѣ у Гилловей. Послѣ довольно продолжительной перестрѣлки, австрійцы отступили на Подолъ, для сближенія со своими главными силами.

Мостъ у Подола былъ подготовленъ къ уничтоженію, но не уничтоженъ; для охраны его поставленъ слабый оборонительный постъ изъ одной роты полка Мартини (№ 30) (*). Эта рота, по австрійскому обычаю, расположилась впереди моста и заняла деревушку Подолъ.

1-я кавалерійская дивизія не могла задержать прусаковъ на мѣстности, представляющей весьма рѣдко возможность употребить кавалерію. Отступивъ отъ Либенау, Эдельсгеймъ могъ остановиться только на одной позиціи, представлявшей небольшую площадку для развертыванія. Это было у Зихрова, на половинѣ пути между Либенау и Турнау. Послѣ артилерійскаго дѣла, онъ отступилъ къ Турнау и оттуда съ большею частью своей дивизіи къ Мюнхенгрецу, куда прибылъ 26-го. Только два эскадрона, составлявшіе правый боковой отрядъ его у Эйзенброда, и двѣ егерскія роты, отдѣленныя случайностями боя, отступили черезъ Ломницъ въ Гичинъ.

Такимъ образомъ, прямая дорога на Турнау была открыта, благодаря тому, что Бенедекъ не отдалъ никакого положительнаго приказанія насчетъ цѣли, какую долженъ имѣть въ виду Кламъ; этотъ же послѣдній, какъ кажется, упустилъ самъ себѣ отдать отчетъ въ своей роли. Понятно, что, съ переходомъ Турнау въ руки прусаковъ, не только не представлялось возможности оборонять линію Изера, но даже можно было рисковать быть отрѣзаннымъ отъ Гичина.

(*) Бригады Пошахера.

Горнъ, отрядивъ въ направленіи къ Подолу фузилерный баталіонъ 72-го полка и двѣ роты стрѣлковаго баталіона, продолжалъ со своей дивизіей наступленіе къ Турнау; 26-го занялъ этотъ пунктъ и вмѣсто разрушеннаго навелъ понтонный мостъ черезъ Изеръ. Такимъ образомъ, прусаки на кратчайшемъ пути къ Гичину не имѣли болѣе серьезныхъ препятствій.

Къ этому нужно прибавить, что остальныя части первой арміи къ вечеру того же дня были у Либенау и въ окрестностяхъ, т. е. не далѣе, какъ верстахъ въ 10 отъ Турнау; 14-я дивизія достигла Бёмишъ-Айха, 8-й корпусъ стоялъ верстахъ въ 20 отъ Мюнхенгреца, за Гюннервассеромъ. Однимъ словомъ, 27-го, на линіи Мюнхенгрецъ-Турнау, прусаки, при небольшомъ усиліи, могли сосредоточить всѣ свои 135,000.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Кламъ-Галласъ получилъ 26-го (между 2—3 часами пополудни) приказаніе главнокомандующаго держать Турнау и Мюнхенгрецъ во что бы то ни стало. Обстоятельства далеко не благопріятствовали его исполненію, такъ что Турнау перешелъ въ руки прусаковъ; но приказаніе было положительное. Кламъ рѣшился попытаться его исполнить. Это и имѣло слѣдствіемъ рядъ кровопролитныхъ дѣлъ, нравственно подорвавшихъ I-й корпусъ и непринесшихъ въ общемъ смыслѣ никакой особенной выгоды австрійской арміи.

Пассивная оборона за рѣкой была признана невозможною даже въ томъ случаѣ, если бы удалось вытѣснить прусаковъ изъ Турнау: такая оборона потребовала бы разброски силъ на 14 верстъ (*), да въ добавокъ при недостаткѣ поперечныхъ сообщеній. Поэтому рѣшено было оборонять линію Изера впереди ея, именно 27-го, утромъ, двинуться на Зихровъ и занять позицію у Гилловея, ту самую, которая такъ легко была сдана 25-го.

Прежде всего предполагалось взять Турнау нечаяннымъ нападеніемъ, такъ какъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отрядами 1-й легкой кавалерійской дивизіи, этотъ пунктъ занятъ былъ прусаками слабо. Предварительныя движенія для этой цѣли назначены вечеромъ 26-го; а чтобы не встрѣтить препятствія переходу черезъ Изеръ у Подола, вознамѣрились высоты у деревни Свиганъ, прилегающія къ Подолу съ сѣвера и, слѣдо-

(*) Отъ Мюнхенгреца до Турнау.

вательно, командующія переправой, занять бригадой Пошахера. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующему было донесено о предположеніи, сдѣланномъ съ цѣлію исполнить его приказаніе „держать Турнау во что бы то ни стало“.

Стычка у Подола. Но тутъ случилась неожиданность, разстроившая всю комбинацію австрійцевъ: ничтожный отрядъ, направленный за бригадой Пошахера и состоявшій, если припомнятъ, изъ одного фузилернаго и двухъ ротъ стрѣлковаго баталіона, вечеромъ рѣшился атаковать Подолъ: онъ безъ всякаго труда, конечно, выбилъ оттуда австрійскую роту и занялъ деревню. Этого было достаточно, чтобы измѣнить первоначальное, въ сущности хорошее, распоряженіе: полкъ № 30-й и 18-й егерскій баталіонъ, вмѣсто того, чтобы направить на Свиганъ, двинули прямо на мостъ, дабы выбить прусаковъ изъ Подола фронтально. Было уже часовъ около одиннадцати вечера. Атака удалась, но не безъ большихъ потерь и не надолго: прусаки пустили въ ходъ свои игольчатыя ружья; поднявшаяся луна освѣтила мѣсто побоища, и частые залпы (*) въ упоръ по густымъ массамъ австрійцевъ, ворвавшихся въ улицу селенія, производили губительное дѣйствіе. Не смотря на то, пришлось отступить прусакамъ. Графъ Кламъ самъ присутствовалъ при этой стычкѣ и даже, говорятъ, былъ впереди, чтобы удобнѣе распоряжаться въ сумракѣ и туманѣ. Онъ притянулъ бригады Абеля (**) и Пирѐ, но, кажется, употребилъ изъ нихъ только самую незначительную часть, ибо стычка окончилась все же въ пользу прусаковъ, благодаря тому, что они усвоили себѣ важную сноровку идти на выстрѣлы. Баталіонъ 31-го и баталіонъ 71-го полка, подъ начальствомъ полковника Бозе, явились по этому боевому зову къ Турнау, безъ приказанія. Вслѣдъ за ними пришли и фузилерные баталіоны тѣхъ же полковъ, и упорный бой, длившійся три часа, т. е. до двухъ часовъ ночи, наградилъ отвагу и упорство прусаковъ. Австрійцы произвели отступленіе по всѣмъ классическимъ правиламъ, со смѣною частей: полкъ Мартини и 18-й егерскій баталіонъ отступили за баталіонъ полка Рамминга (***), который, въ свою очередь, отступилъ за мостъ. Цѣль не была достигнута, но маневръ удался, и тѣмъ легче, что прусаки даже не думали

(*) Въ 33 минуты по 22 выстрѣла на человѣка.

(**) Бывшая Калика.

(***) Бригады Абеля.

преслѣдовать: и того уже было довольно, что за ними осталось, при подобной обстановкѣ, мѣсто побоища.

Это дѣло имѣло слѣдствіемъ, что прусаки стѣснили еще болѣе расположеніе Клама, ибо, съ овладѣніемъ Подоломъ, преградили ему и другой путь на Гичинъ. Въ распоряженіи австрійцевъ осталась теперь одна только дорога, ведущая туда отъ Мюнхенгреца; но у Субботки она соединяется съ тою, которая идетъ отъ Подола.

26-го же начались дѣла и съ эльбской арміей. Незадолго до полудня, головной отрядъ бригады Шелера достигъ Нидеръ-Группей и сбилъ австрійскіе аванпосты. Въ подкрѣпленіе имъ высланы были 33-й пѣхотный полкъ и 32-й егерскій баталіонъ (*), подъ командою графа Гондрекура. Этотъ отрядъ, 27-го утромъ, оттѣснилъ прусаковъ до Гюннервассера, но здѣсь наткнулся на главныя силы бригады Шелера и принужденъ отступить. Прусаки его не преслѣдовали.

Такъ какъ вслѣдствіе ночной тревоги всѣ войска были утомлены (**), мостъ у Подола потерянъ и дѣло у Гюннервассера указывало на приближеніе непріятеля и съ этой стороны, то наступленіе на Зихровъ не могло уже состояться ни въ какомъ случаѣ; мало того: даже и у Мюнхенгреца оставаться долѣе было опасно, если хотѣли сохранить возможность попасть въ Гичинъ, и безполезно, такъ какъ, оставаясь у Мюнхенгреца, нельзя было надѣяться задержать наступленіе непріятеля.

Несмотря на то, вѣроятно изъ желанія исполнить буквально приказаніе главнокомандующаго—держать линію Изера—у Мюнхенгреца продолжали стоять. Наконецъ, 27-го, около полудня, въ отвѣтъ на посланныя предположенія о наступленіи къ Либенау, отъ главнокомандующаго получено сообщеніе, что такъ какъ непріятель наступаетъ въ значительныхъ силахъ со стороны Траутенау, то принцу Саксонскому предоставляется рѣшить — будетъ ли умѣстно, или нѣтъ, движеніе на Либенау. Конечно, можно замѣтить, что по происходившему у Траутенау легче было принимать рѣшеніе распорядителю всей операціи изъ Іозефштадта, а не частному начальнику изъ Мюнхенгреца; но въ главной квартирѣ думали объ этомъ, кажется, иначе и болѣе всего, повидимому, страшились опредѣлительныхъ распоряженій въ томъ именно, что только и можетъ быть

(*) Бригады Лейнингена.

(**) А въ дѣлѣ участвовали только пять баталіоновъ.

рѣшено въ общей главной квартирѣ. Хорошо, что у Мюнхенгреца дѣло на столько уже разъяснилось, что не допускало колебаній: нужно было отступать къ Гичину, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

8-й прусскій корпусъ шелъ отъ Гюннервассера прямо на Мюнхенгрецъ; въ долинѣ Изера, на пространствѣ отъ Подола до Турнау, виднѣлись бивуаки массъ I арміи. Наконецъ, отъ разъѣздовъ было получено донесеніе, что прусаки направили колонну по гичинской дорогѣ отъ Турнау еще 26-го вечеромъ; слѣдовательно, было болѣе нежели вѣроятно, что эта колонна будетъ усилена въ теченіе 27-го. При такомъ положеніи всякій потерянный часъ могъ привести за собою катастрофу.

Несмотря на то, хотя еще оставалось полдня впереди, рѣшились начать отступленіе не ранѣе 28-го. Только бригада Рингельсгейма отряжена была 27-го, на дорогу изъ Подола въ Субботку, къ Подкосту, въ видѣ боковаго аріергарда. Предположено было съ началомъ отступленія двинуть дивизію Эдельсгейма черезъ Субботку къ Гичину; за нею бригады Пошахера и Пире; въ аріергардѣ оставлены бригады Абеля, Лейнингена и часть бригады Пире́, которыя должны были прикрыть отступленіе, расположившись на позиціи впереди Мюнхенгреца, на горѣ Муски.

Со своей стороны, саксонская армія должна была оставить аріергардъ у Мюнхенгреца и двинуться южнѣе I-го корпуса, на Либунъ и Гичиновецъ, тоже 28-го.

Аріергардное дѣло у Мюнхенгреца, 28-го іюня.

Не вытянулись еще колонны по указаннымъ направленіямъ, какъ уже появились прусаки: аріергардамъ пришлось вступать въ бой, чтобъ дать время отступить главнымъ силамъ. Бездѣйствіе 27-го начало приносить свои плоды.

Позиція австрійцевъ была весьма сильна: ее составляла гора Муски, весьма крутая, лѣсистая и прикрытая болотистыми прудами; доступы къ ней ограничивались только тремя дефиле: 1) шоссе и желѣзная дорога отъ Подола черезъ Брезину къ Мюнхенгрецу лѣвѣе горы, подъ выстрѣлами съ нея; 2) плотина отъ Здіара къ Санта-Меріа, прямо противъ середины горы, и 3) шоссе отъ Турнау черезъ Здіаръ и Зегровъ въ Субботку, идущее правѣе горы, тоже подъ выстрѣлами.

Позиція саксонцевъ у Мюнхенгреца была не менѣе силь-

на, ибо преграждалась Изеромъ и его широкой низменной долиной. Австрійцы расположили свой аріергардъ по гребню Муски, обращенному къ Подолу; саксонцы не ограничились занятіемъ Мюнхенгреца, а заняли еще лежащій на противоположномъ командующемъ берегу Клостеръ. Между саксонской и австрійской позиціями разстояніе было не менѣе 3 верстъ.

Прусакамъ предстояло достигнуть двухъ цѣлей: соединить обѣ разрозненныя арміи и предупредить, если можно, австрійцевъ у Гичина. Вслѣдствіе этого направленіе войскамъ было дано слѣдующее, утромъ 28 го:

1-я армія: по правому берегу, на Подолъ къ Брезинѣ, дивизія Горна; по лѣвому, отъ Турнау на Здіаръ и Зегровъ, дивизія Франзецкаго и за нею 2-й корпусъ; 3 й и кавалерійскій корпуса—отъ Турнау къ Ровенско, по дорогѣ къ Гичину.

Эльбская армія: 8-й корпусъ, имѣя впереди дивизію Канштейна, черезъ Нидеръ-Группей къ Мюнхенгрецу; 14-я дивизія отъ Бёмишъ-Айха на Могельницъ.

Около восьми часовъ утра, Горнъ подступилъ къ прудамъ, прикрывающимъ гору Муски, и пріостановился, въ ожиданіи приближенія Франзецкаго. Австрійцы открыли изъ своихъ батарей огонь, который не причинилъ Горну особеннаго вреда, такъ какъ гранаты засѣдали въ болотѣ. Франзецкій, приблизившись къ горѣ и обойдя ее слѣва, взобрался по крутымъ тропинкамъ и охватилъ правый австрійскій флангъ, потерявшій при этомъ значительное число плѣнныхъ. Австрійцы начали отступать. Тогда Горнъ, пройдя Брезину, атаковалъ гору со своей стороны, и обѣ дивизіи безъ особенныхъ усилій (*), замедляемыя только пересѣченной мѣстностію, достигли противоположнаго ската и овладѣли деревнею Босинъ, стоящею у его подошвы, на шоссе изъ Мюнхенгреца въ Субботку.

Нѣсколько позже началось дѣло и противъ саксонцевъ. Подкрѣпленія ихъ аванпостовъ, занимавшія Нидеръ-Группе и Вейслейнъ, были сбиты прусаками; у Клостера завязалось жаркое артилерійское дѣло, послѣ котораго саксонцы отступили за Изеръ. Тогда авангардъ Канштейна (28-й и 40-й полки), занявъ Клостеръ, двинулся къ Изеру. Такъ какъ саксонцы успѣли разрушить мостъ, то часть людей была переправлена въ бродъ черезъ Изеръ, правѣе Мюнхенгреца, подъ покровительствомъ

(*) Что доказывается ничтожной потерей.

огня батарей, заняла нѣсколько отдѣльныхъ строеній и прикрывала наводку моста до ея окончанія (около полудня), послѣ чего вся 15-я дивизія перешла Изеръ въ этомъ пунктѣ; дивизія же Мюнстера верстахъ въ двухъ ниже, у Гашкова, у котораго мостъ, какъ кажется, не былъ уничтоженъ саксонцами; саксонцевъ начали тѣснить къ высотѣ Горка, прилегающей къ шоссе на Гичинъ, у той же деревни Босинъ. Дивизія Мюнстера (14-я) тоже достигла Могельницъ и переправилась у этого пункта послѣ незначительной перестрѣлки.

Такимъ образомъ, австрійцы и саксонцы были сбиты съ позиціи — судьба почти всѣхъ аріергардовъ — но задержали прусаковъ до четырехъ часовъ и дали спокойно отступить главнымъ силамъ; начавъ отступленіе 27-го, они могли бы его совершить безъ потерь. Кромѣ перевѣса, на этотъ разъ довольно рѣшительнаго, прусаки достигли тоже весьма важной по внѣшности цѣли: *двѣ разрозненныя сѣверныя массы ихъ наконецъ соединились.*

Прусаки потеряли въ этихъ дѣлахъ до 300 человѣкъ; потери австрійцевъ въ точности неизвѣстны, но однихъ плѣнныхъ взято до 1,500 человѣкъ. Преслѣдованіе продолжалось до Фюрстенбрюка, у котораго прекращено около четырехъ часовъ пополудни. Австрійцы отступили на ночлегъ къ Субботкѣ, саксонцы къ Унтеръ-Баупену.

Со стороны прусаковъ принимали участіе въ дѣлѣ части пяти дивизій; со стороны австрійцевъ и саксонцевъ — около $4^1/_2$ бригадъ (*).

Это было первое серьезное дѣло по вступленіи въ Богемію: со стороны прусаковъ оно обращаетъ на себя вниманіе стремленіемъ ввести въ бой возможно больше силъ. Позволяю себѣ объяснить это не столько тѣмъ, чтобы они ожидали у Мюнхенгреца упорнаго сопротивленія, сколько желаніемъ дать участвовать значительному числу частей въ дѣлѣ, успѣхъ въ которомъ былъ несомнѣненъ. Это лучшее средство дать молодымъ необстрѣленнымъ войскамъ боевую заправку и поселить въ нихъ убѣжденіе, что съ непріятелемъ справиться легко.

(*) Мнѣ не удалось нигдѣ найти положительныхъ свѣдѣній относительно того, сколько именно участвовало въ дѣлѣ со стороны саксонцевъ; но, принимая въ соображеніе, что на другой день у Гичина дралась только дивизія Штиглица, должно предположить, что у Мюнхенгреца задерживала прусаковъ другая саксонская дивизія—Шимпфа.

4-й корпусъ, соединившись у Босина, былъ оставленъ тамъ на дневку, 29-го, такъ какъ съ самаго вступленія въ Богемію онъ шелъ все время въ головѣ I арміи и нуждался въ отдыхѣ. Эльбская армія остановилась на ночлегъ правѣе 4-го корпуса, впереди Мюнхенгреца.

2-й корпусъ, дойдя за дивизіей Франзецкаго до дороги Подолъ-Субботка у Зегрова, остановился на ночлегъ, выдвинувъ авангардъ къ Косту, занятому 26-мъ егерскимъ баталіономъ бригады Рингельсгейма. Въ ночь съ 28-го на 29-е этотъ авангардъ атаковалъ австрійскій баталіонъ въ лѣсу превосходными силами, но не имѣлъ успѣха. Рингельсгеймъ удержалъ дефиле Коста и Подкоста въ своихъ рукахъ до тѣхъ поръ, пока Кламъ оставался у Субботки.

Голова 3-го корпуса дошла 28-го до Ровенско. Передовыя части его приблизились къ Гичину; но прибывшая къ этому пункту кавалерійская дивизія Эдельсгейма отбросила ихъ обратно къ Ровенско.

Вечеромъ 28-го, отъ Эдельсгейма получено въ Субботку донесеніе, что у Ровенско и Аугезда открыто 3 пѣхотныхъ полка и 8 эскадроновъ; вслѣдствіе этого бригада Пошахера тотчасъ же и значительная часть бригады Пире ночью двинуты въ Гичинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ на слѣдующій день можно было опять ожидать боя, то и штабу саксонской арміи отдано приказаніе направить дивизію Штиглица и резервную артилерію къ Подграду 29-го, въ три часа утра; кавалерійскую же дивизію присоединить къ первому австрійскому корпусу. Дивизія же Шимпфа должна была продолжать слѣдованіе по указанному прежде направленію. I-й корпусъ долженъ былъ, попрежнему, достигнуть Гичина. Этотъ переходъ, 29-го къ полудню, былъ оконченъ безпрепятственно. Вмѣстѣ съ оставленіемъ ночлега главными силами, бригада Рингельсгейма притянута отъ Подкоста тоже къ Гичину.

Заключенія. Отъ Рейхенберга до Гичина 42 версты, которыя пройдены были прусаками въ пять дней: судя по извѣстнымъ даннымъ, едва-ли это движеніе можно признать рѣшительнымъ, если взять въ разсчетъ превосходство силъ со стороны прусаковъ, имъ извѣстное. Потеря времени повела къ тому, что Кламъ предупредилъ прусаковъ у Гичина и возстановилъ тѣмъ прямое сообщеніе съ Бенедекомъ; прусаки же должны были брать 29-го Гичинъ съ боя, между тѣмъ какъ наканунѣ могли

занять его почти безъ выстрѣла. Могутъ сказать, что нужно было соединиться съ Гервартомъ; но Кламъ и не подумалъ бы оставаться у Мюнхенгреца, если бы узналъ, что Гичинъ, находящійся у него въ тылу, занятъ превосходными силами.

Задача I-го австрійскаго корпуса исполнена была неудовлетворительно: дефиле были оставлены безъ всякой обороны. Здѣсь дѣло было не въ остановкѣ, но въ задержкѣ сѣверной массы прусскихъ силъ на возможно болѣе продолжительный срокъ: этой цѣли можно было достигнуть вполнѣ съ самыми незначительными силами, при свойствахъ, представляемыхъ сѣверными дефиле, ведущими въ Богемію. Значеніе рѣшительныхъ позицій и направленій уразумѣвалось только тогда, когда онѣ почти даромъ переходили въ руки непріятеля. Примѣры: позиція у Гиловей и открытіе прямой дороги на Гичинъ черезъ Турнау; оставленіе моста у Подола неразрушеннымъ и охрана его такими ничтожными силами, которыя не могли его отстоять.

Помощь фортификаціи была совершенно упущена изъ виду: дороги въ дефиле не попорчены, важныя позиціи не укрѣплены.

Наблюденіе за флангами во время боя, повидимому, признается у австрійцевъ дѣломъ почти лишнимъ; ибо, въ противномъ случаѣ, обходъ Франзецкаго достался бы ему не такъ легко и не имѣлъ бы послѣдствіемъ взятія такого числа плѣнныхъ.

Положеніе сознавалось ясно весьма рѣдко, и оттого теряли время въ такія минуты, которыя вели за собою катастрофы.

Отступленіе съ позиціи у Мюнхенгреца предпринято слишкомъ поздно не только потому, что не было начато 27-го, но и 28-го нѣсколько часовъ потеряно совершенно даромъ. Судя по тому, что аріергардъ былъ поставленъ въ необходимость сражаться, должно допустить, что главныя силы начали отступленіе на Субботку не ранѣе восьми или девяти часовъ утра 28-го. Если же бой у Мюнхенгреца начали съ тою цѣлію, чтобы воспрепятствовать соединенію эльбской и I арміи, тогда нужно было употребить въ дѣло не часть, а всѣ силы.

Позиція у Мюнхенгреца, сильная тактически, представляла тотъ коренной стратегическій недостатокъ, что путь отступленія у нея былъ на флангѣ. Это обстоятельство болѣе нежели

что-нибудь указываетъ на ошибку оставленія прямаго пути отъ Турнау на Гичинъ.

Общій недостатокъ австрійскихъ начальниковъ—отсутствіе настойчивости и неспособность задаваться рѣшительно какою-либо цѣлію — обнаружился ясно въ сказанныхъ дѣлахъ: во время стычки у Подола поднимаютъ три бригады (21 баталіонъ), а употребляютъ въ дѣло всего четыре или пять баталіоновъ.

Графа Клама нельзя обвинять безусловно за принятыя распоряженія: главная квартира не предоставляла ему той степени самостоятельности, которою долженъ пользоваться командиръ отдѣльнаго корпуса, а своими распоряженіями, безпрерывно отмѣняемыми, только сбивала съ толку. Стремленіе руководить каждымъ шагомъ за десятки верстъ не только корпуснаго, но даже ротнаго командира ведетъ всегда къ тому, что ему больше мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ дѣлать дѣло. И рядомъ съ этимъ предоставляются на рѣшеніе такіе вопросы, которые только могутъ быть рѣшены въ главной квартирѣ, какъ, напримѣръ, держать или не держать линію Изера въ зависимости отъ того, что непріятель идетъ на Траутенау.

Въ главной австрійской квартирѣ, какъ кажется, не придавали никакого значенія единству власти и поставили графа Клама и принца Саксонскаго въ такое положеніе, что каждый изъ нихъ могъ себя считать главнымъ распорядителемъ дѣйствій и движеній.

Бой у Гичина, 29-го іюня.

Стратегическое значеніе Гичина, какъ пункта соединенія дорогъ, ведущихъ отъ сѣверныхъ и восточныхъ богемскихъ дефиле, уже извѣстно. Гичинъ лежитъ въ долинѣ, окруженной съ сѣвера довольно высокими горами. Позиція для боя и была избрана на этихъ высотахъ, отъ Зелезницы (правый флангъ) черезъ Подулышъ, горы Браду и Праховъ, откуда, подъ прямымъ угломъ, на деревню Лоховъ. Высоты Зелезницы отдѣляются отъ прочихъ оврагомъ рѣчки Цидлины, обтекающей Гичинъ съ сѣвера и юга и, слѣдовательно, находящейся въ тылу австрійской позиціи. Отъ этого оврага до Брады, на пространствѣ около тысячи шаговъ, по обѣимъ сторонамъ шоссе Турнау-Гичинъ, мѣстность довольно удобна для кавалерійскихъ атакъ, которымъ препятствуютъ только деревни Замесъ, Подулышъ, Гинолицъ — въ первой линіи, Дилецъ и

Кбельницъ—во второй. Самый Гичинъ находится къ югу отъ Брады, верстахъ въ трехъ слишкомъ. Вся позиція отъ Зелезницы до Лохова представляетъ ломаную линію около пяти верстъ.

Бригады, прибывшія ранѣе другихъ, заняли: Пире—высоту впереди Зелезницы; Пошахера—командующій пунктъ позиціи, т. е. Браду; промежутокъ между ними долженъ былъ оборонять Эдельсгеймъ со своею дивизіею, выдвинувшись въ началѣ боя къ Либуну. Изъ остальныхъ бригадъ, по мѣрѣ прибытія (около полудня), расположились: бригада Абеля лѣвѣе Пошахера на праховскихъ высотахъ; бригада Лейнингена въ резервѣ за бригадой Пошахера. Позже другихъ прибыла бригада Рингельсгейма и стала на лѣвомъ флангѣ, подъ угломъ къ нему, у Лохова, т. е. фронтомъ къ Субботкѣ, откуда ожидался 2-й прусскій корпусъ. Бригадныя батареи заняли позиціи при своихъ бригадахъ; шесть батарей резерва расположились преимущественно въ центрѣ позиціи.

Саксонскія войска, дивизія Штиглица, резервная кавалерія и артилерія, прибыли въ Подградъ около десяти часовъ утра, подвинулись, по приказанію Клама, къ Бршезинѣ и Вокищу (*) и занялись варкой. По диспозиціи, Штиглицъ долженъ былъ занять одною бригадою Дилецъ, а другую держать въ резервѣ за этой деревней.

Въ такомъ порядкѣ рѣшено было еще разъ попытаться остановить прусаковъ, тѣмъ болѣе, что такова была и воля главнокомандующаго: принцъ Саксонскій, въ теченіе утра, получилъ отъ него предложеніе оборонять Гичинъ и увѣдомленіе о прибытіи, 29-го, къ этому пункту 3-го корпуса, равно и о томъ, что 30-го на Ломницъ и Турнау, отъ Милетина, будутъ направлены еще четыре корпуса.

Слѣдовательно, утромъ 29-го Бенедекъ остановился на той мысли, чтобы, удерживая кронпринца, большею массою силъ обрушиться на I армію.

Прусаки двинули къ позиціи два корпуса двумя колоннами, раздѣленными непроходимыми горами на восемь верстъ: въ правой колоннѣ шелъ 2-й корпусъ, выступившій отъ Зегрова въ двѣнадцать часовъ, имѣя въ головѣ 3-ю дивизію (Вердера), на Субботку къ Гичину; въ лѣвой — 3-й корпусъ отъ

(*) Въ $1^1/_2$ верстѣ къ юго-западу и западу отъ Гичина.

Ровенско къ Гичину, имѣя въ авангардѣ 5-ю дивизію (Тюмплинга), выступилъ въ два часа по полудни.

Планъ атаки заключался въ томъ, чтобы, удержавъ австрійцевъ войсками 3-го корпуса съ фронта, дать время 2-му корпусу выйти имъ во флангъ или въ тылъ, со стороны Субботки — планъ рисковый противъ непріятеля, который и обороняется нападая, но непредставляющій никакого риска, если непріятель не обладаетъ предпріимчивостію.

Около $3^1/_4$ часовъ, съ батарей Эдельсгейма, выдвинутаго за Гинолицъ, открыли огонь по направленію шоссе: въ сторонѣ Либуна появилась голова 5-й дивизіи. Часомъ позже послышалась канонада и со стороны Лохова: то подходилъ Вердеръ къ расположенію Рингельсгейма. Дивизіи Штиглица и 3-му корпусу, который, согласно обѣщанію Бенедека, считали на маршѣ отъ Милетина къ Гичину, послали предложеніе ускорить движеніе.

Атака прусаковъ съ сѣвера. 5-я дивизія, достигнувъ Либуна, развернулась подъ сильнымъ гранатнымъ огнемъ и получила назначеніе двинуться побригадно на Браду и Замесъ. За бригадами, когда онѣ пройдутъ Либунъ, должна была выдвинуться дивизіонная артилерія и вступить въ неравный бой съ сильными австрійскими батареями. Браду должна была атаковать бригада Каминскаго (*). Имѣя 18-й полкъ въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи, а 12-й въ резервѣ, эта бригада начала наступленіе къ указанному пункту, черезъ Бржеска и мал. Гинолицъ. Тщетно австрійцы старались сосредоточить на ней огонь своихъ батарей, тщетно Эдельсгеймъ водилъ на нее стремительныя атаки: бригада, понеся незначительныя потери, приблизилась къ Брадѣ, около $6^1/_2$ часовъ. Этотъ первый успѣхъ, нестоившій особенныхъ пожертвованій, долженъ быть приписанъ: въ борьбѣ съ артилеріею—ротнымъ колоннамъ и умѣнью частныхъ начальниковъ пользоваться мѣстностію для укрытія своихъ частей; противъ кавалеріи — губительнымъ залпамъ съ близкаго разстоянія (**), недопустившимъ ни одной атакѣ врѣзаться въ пѣхоту, и значительному числу деревень, которыя, бывъ заняты стрѣлками, сильно затрудняли кавалерію. Послѣднія изъ произведенныхъ атакъ были встрѣчены въ развернутомъ строѣ.

(*) 12-й и 18-й полки; двѣ батареи.

(**) Которыя начинались съ разстоянія 200—250 шаговъ.

Въ то же время бригада Шиммельмана (*), пользуясь оврагомъ Цидлины для укрытія отъ выстрѣловъ, направилась на Замесъ, котораго она достигла тоже около шести часовъ. Сколько можно догадываться, эта бригада имѣла вначалѣ фузилерные баталіоны обоихъ полковъ въ боевой линіи и егерскій баталіонъ на правомъ флангѣ; остальные баталіоны 48-го и 8-го полковъ оставлены въ резервѣ. 8-й полкъ направленъ лѣвѣе Замеса, по ту сторону оврага, и вступилъ въ борьбу съ бригадою Пире; 3-й же егерскій и фузилерный баталіоны 48-го полка направились на Дилецъ и, несмотря на фланговой огонь австрійскихъ батарей, заняли этотъ пунктъ въ то время, когда резервъ 48-го полка былъ еще въ Замесѣ (**).

Но этихъ баталіоновъ не поддержали вовремя, и подвигъ ихъ остался безплоднымъ: къ Дилецу подошли наконецъ, около $6^1/_2$ часовъ, саксонцы, которые должны были оборонять этотъ пунктъ, но, по непонятной оплошности, оставались до 5 часовъ на тѣхъ мѣстахъ, куда еще утромъ передвинулись по приказанію графа Клама, т. е. верстахъ въ пяти отъ Дилеца, за Гичиномъ, у Вокшица и Брезины.

Прибытіе саксонцевъ на поле сраженія около $6^1/_2$ часовъ. Двѣ батареи Штиглица усилили австрійскія батареи; головная его бригада (5 батал.), приблизившаяся въ двухъ колоннахъ къ Дилецу, слѣва и справа его, выбила прусскій баталіонъ изъ деревни и заняла ее тремя баталіонами, оставивъ 4-й въ резервѣ; егерскій баталіонъ расположился правѣе деревни, выславъ цѣпь стрѣлковъ вдоль алеи, ведущей въ Железницу. Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось дѣло, если бы саксонцы, не ограничиваясь пассивнымъ занятіемъ Дилеца, преслѣдовали выбитыхъ прусаковъ на Замесъ; но они этого не сдѣлали и за первый успѣхъ были наказаны и своими, и чужими.

Прусаки направили противъ нихъ огонь своихъ батарей, расположенныхъ у Замеса; части бригады Пошахера, расположенныя по ту сторону Цидлины, которая протекаетъ въ тылу Дилеца въ разстояніи около 700 шаговъ, долго стрѣляли въ тылъ егерскому саксонскому баталіону, принявъ его за прусскій. Тѣмъ не менѣе, саксонцы удержались въ Дилецѣ; нѣсколь-

(*) 8-й, 48-й полки, 3-й егерскій баталіонъ, двѣ батареи.

(**) Слѣдовательно, первая линія въ этомъ мѣстѣ выдалась на версту отъ своего частнаго резерва.

ко времени спустя, на подкрѣпленіе къ нимъ прибыла и другая бригада Штиглица.

Между тѣмъ, Эдельсгеймъ, дѣлавшій усилія остановить бригаду Каминскаго, но, несмотря на отчаянныя атаки, въ этомъ неуспѣвшій, отступилъ за саксонское расположеніе, прошелъ Гичинъ и продолжалъ движеніе прямо къ югу на Смидаръ, вѣроятно вслѣдствіе отданнаго ему приказанія. Саксонская кавалерія осталась за Гичиномъ. Такимъ образомъ, австрійцы удержались на всѣхъ пунктахъ своего расположенія: первыя попытки Каминскаго противъ Брады не удались; Шиммельманъ также былъ удержанъ Пире и саксонцами. Но оставаться на позиціи долѣе было бы опасно, ибо въ это время 2-й прусскій корпусъ сталъ уже въ такое положеніе на лѣвомъ флангѣ, что легко могъ отрѣзать путь отступленія большей части силъ графа Клама.

Наступленіе 2-го прусскаго корпуса. Въ то время, когда четыре австрійскія и двѣ саксонскія бригады, съ болѣе нежели ста орудіями, какъ бы ожидали, когда наконецъ двѣ прусскія бригады овладѣютъ ихъ позиціей, предоставляя имъ полную иниціятиву атакъ, въ то время бригада Рингельсгейма, съ одной батареей и полкомъ саксонской кавалеріи, расположившись за лоховскимъ оврагомъ, должна была выдерживать одна атаки 3-й прусской дивизіи.

Около $4^1/_2$ пополудни Вердеръ подошелъ къ расположенію австрійцевъ, расположивъ головную свою бригаду (*), головы баталіоновъ на линіи, каждый въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ. 42-й полкъ и егеря должны были атаковать Лоховъ и пространство вправо; 2-й полкъ направленъ лѣвѣе шоссе, на Праховскія высоты.

Шестая бригада (**) составила резервъ.

Рингельсгеймъ оборонялся упорно. Отъ него зависѣла участь пути отступленія на Гичинъ другихъ войскъ, и, несмотря на неравенство силъ, онъ рѣшился сдѣлать все, лишь бы задержать прусаковъ. Охваченный съ лѣваго фланга резервной прусской бригадой, онъ выдвинулъ противъ нея вторую свою линію, расположивъ ее фронтомъ къ югу, подъ острымъ угломъ къ первой своей линіи. Внушенный отчаяннымъ положеніемъ,

(*) 5-я бр. Янушковскаго: два егерскихъ баталіона, полки—2-й и 42-й, двѣ батареи.

(**) Винтерфельдъ, полки 14-й и 54-й.

этотъ боевой порядокъ, конечно, былъ лучшее, что можно было сдѣлать при подобной обстановкѣ; но долго въ немъ продержаться было нельзя. Рингельсгеймъ началъ отступленіе шагъ за шагомъ, нанося чувствительныя потери прусакамъ.

Въ то же время 2-й полкъ, посланный на Праховскія высоты, успѣлъ утвердиться на нихъ и вошелъ въ связь съ 18-мъ полкомъ, атаковавшимъ Браду съ фронта.

Положеніе австрійцевъ было затруднительно: пути отступленія грозила опасность; свѣжихъ силъ осталось мало; обѣщанный III-й корпусъ не прибывалъ, а между тѣмъ прусскія колонны подвигалась все болѣе и болѣе. День уже склонялся къ вечеру.

При такихъ обстоятельствахъ становилось все болѣе и болѣе сомнительнымъ, чтобы можно было удержаться собственными силами; но на отступленіе еще не рѣшались: съ минуты на минуту могъ придти обѣщанный III-й корпусъ.

Въ соображенія Бенедека входило удержаніе гичинской позиціи: въ случаѣ потери ея, предположенное движеніе четырехъ корпусовъ на Ломницъ и Турнау станетъ затруднительнѣе. Это раздумье, тяжкое для отвѣтственнаго лица, наконецъ получило разрѣшеніе: около $7^1/_2$ прибылъ изъ главной квартиры маіоръ графъ Штернбергъ съ увѣдомленіемъ, что обѣщаннаго III-го корпуса не будетъ, что Кламъ и принцъ Саксонскій должны отступать на Горзицъ и Милетинъ, *избѣгая боя съ превосходными силами*, и что маневръ трехъ корпусовъ не состоится, ибо они получили другое назначеніе.

Въ сумерки началось отступленіе. Для прикрытія его саксонская лейбъ-бригада, съ нарѣзной батареей, получила приказаніе занять гору Магдалины, находящуюся за Цидлиною прямо въ тылу у Дилецъ. Четыре саксонскихъ и три австрійскихъ батареи были выдвинуты на линію Кбельницъ-Голинъ. На лѣвомъ флангѣ Рингельсгеймъ пока самъ держался у Вохавеца, который пылалъ.

Около $8^1/_2$ часовъ саксонцы заняли гору Магдалины и пропустили за себя свою первую бригаду, направленную по смидарской дорогѣ, и бригаду Пире, отступившую къ Милетину. Отъ Брады, черезъ выставленныя батареи, должны были отступить на Гичинъ бригады, занимавшія гору. При этомъ бригада Абеля, охваченная 2-мъ прусскимъ полкомъ съ тыла, потеряла много плѣнныхъ. Бригада Лейнингена, какъ свѣ-

жая, получила приказаніе занять Гичинъ съ сѣвера. Между тѣмъ, стемнѣло: батареи не могли дѣйствовать; имъ приказано было тоже отступить. Все успокоилось. Прусаки нѣсколько пріостановились, чтобы отдохнуть, дать собраться войскамъ и, можетъ быть, тоже для того, чтобы дать австрійцамъ успокоиться въ Гичинѣ и затѣмъ напасть на нихъ неожиданно. Эта остановка, какъ кажется, дѣйствительно показалась австрійцамъ за прекращеніе боя, и они не стали торопиться съ отступленіемъ: штабъ засѣлъ въ одномъ изъ домовъ Гичина сочинять письменныя приказанія для отступленія.

Около $10^1/_2$ часовъ вечера, саксонцы оставили гору Магдалины и отступили къ Гичину, куда прибыли около $11^1/_2$ часовъ, намѣреваясь начать отступленіе за первой своей бригадой, на присоединеніе къ дивизіи Шимпфа. Но такъ какъ бригада Лейнингена еще не прибыла, то саксонцы получили приказаніе пріостановиться и занять Гичинъ. И было время: бригада Лейнингена, какъ кажется, сбилась съ дороги въ темнотѣ и бродила наудачу у сѣверной части Гичина, какъ вдругъ у выходовъ въ городъ раздались выстрѣлы: то были прусаки, которые, собравшись и отдохнувъ, двинулись на городъ съ сѣвера и запада. Первое вторженіе было произведено 12-мъ полкомъ (*) съ сѣверо-запада. Штабъ, занятый, какъ уже сказано, писаніемъ распоряженій для отступленія, едва не попался въ плѣнъ; по счастію для него, 14-й саксонскій баталіонъ смѣло ударилъ въ штыки на голову 12-го полка и выбилъ его изъ города. Штабъ поспѣшно перевели за Милетинскую заставу, для продолженія письменныхъ занятій. Нѣсколько времени спустя, 14-й, 54-й полки съ запада, 12-й съ сѣверо-запада, 8-й и 18-й съ сѣвера вторгнулись въ городъ, и на улицахъ закипѣлъ ночной бой. 33-й австрійскій полкъ (**), притиснутый къ пруду, въ болото, потерялъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Въ невообразимомъ безпорядкѣ тянулось дѣло далеко за полночь: стрѣляли и въ своихъ, и въ чужихъ обѣ стороны; 18-й стрѣлковый баталіонъ дѣйствовалъ въ теченіе чуть не цѣлаго часа по полку № 34-й своей же бригады (***); саксонцамъ опять досталось отъ австрійцевъ. Бой то замолкалъ, то опять загорался, смотря по

(*) Бригады Каминскаго.
(**) Бригады Лейнингена.
(***) Оба бригады Пошахера.

тому, признавали ли за своихъ, или за чужихъ тѣхъ, кого противъ себя имѣли.

Послѣднія австрійскія войска отступили кому куда пришлось. Приказанія были написаны, но, какъ и слѣдовало ожидать, не попали по назначенію. Отчасти выбитыя, отчасти вышедшія къ юго-западу, разсѣянныя толпы бригады Пошахера и Лейнингена вмѣсто Милетина, куда предполагалось направить весь I-й корпусъ, отступили на Горицъ, при чемъ встрѣтили новое препятствіе—въ отысканіи переправъ черезъ Цидлину.

Отступленіе саксонцевъ было прикрыто ихъ кавалеріею; отступленіе австрійцевъ должна была прикрывать пѣхота, такъ какъ кавалерія еще раньше отступила на Смидаръ.

Прусаки не преслѣдовали; только полкъ № 38-й (*), прикрывавшій отступленіе австрійцевъ на горицской дорогѣ, былъ настигнутъ прусской кавалеріей на слѣдующій день у Конецъ-Хлума (**) и нѣсколько обезпокоенъ.

Переночевавъ у Милетина и Горица, австрійцы отступили на соединеніе со своими главными силами, на кениггрецскую позицію. 2-го іюня I-й корпусъ и дивизія Эдельсгейма стояли у Куклена, а саксонцы у Неханица.

Хотя Бенедекъ отказался отъ наступленія черезъ Милетинъ, еще не зная исхода гичинскаго боя, однако, несмотря на то, онъ выставилъ причиною своего отступленія неудачу у Гичина и состояніе I-го корпуса. Вслѣдствіе этого, утромъ 3-го іюня, графъ Кламъ былъ отозванъ въ Вѣну, чтобы представить оправданіе, а начальство надъ корпусомъ принялъ помощникъ его, графъ Гондрекуръ.

Прусскія арміи въ теченіе 1-го и 2-го іюля достигли: эльбская—Смидара, 1-я—Горица, имѣя главную квартиру въ Каменицъ (***).

Заключеніе. Австрійцы дрались храбро, но совершенно пассивно, чѣмъ и объясняется то, что прусаки могли обойтись такимъ ничтожнымъ числомъ войскъ, введенныхъ въ дѣло: судя по потерямъ, большую часть дѣла сдѣлали четыре полка. Значеніе лѣваго фланга едва-ли было оцѣнено вполнѣ: для австрійцевъ было счастливою случайностію, что Рингельсгеймъ

(*) Бригады Лейнингена.

(**) Верстахъ въ 10 отъ Гичина, по горицской дорогѣ.

(***) Верстахъ въ 9 отъ Гичина по горицской дорогѣ.

отстоялъ этотъ флангъ съ одной бригадой. Это наводитъ на мысль, что едва-ли Вердеръ дѣйствовалъ съ той рѣшительностію, какой въ его положеніи можно было ожидать.

Прусскія части лѣзли впередъ замѣчательно смѣло и безъ смѣны: незначительныя части выдавались иногда на нѣсколько сотъ шаговъ; пасивность австрійцевъ сразу показала имъ всѣ преимущества наступленія очертя-голову. Но нельзя не замѣтить, что боевая ихъ линія обыкновенно была слишкомъ слаба и едва-ли не потерпѣла бы неудачи при условіи хотя нѣкоторой предпріимчивости со стороны противника.

Самое сраженіе начато прусаками слишкомъ поздно: 3-й корпусъ выступилъ отъ Ровенско не ранѣе $12^1/_2$, 2-й отъ Зегрова не ранѣе 10 часовъ утра. Слѣдовательно, потеряно не менѣе 5 часовъ. Благодаря этому, австрійцы спокойно заняли позицію у Гичина, бой окончился ночью, свалка въ Гичинѣ повела къ потерямъ отъ своихъ, преслѣдованіе было невозможно.

Планъ атаки у прусаковъ безразлично одинъ и тотъ же—охватъ одного или и обоихъ фланговъ. При неподвижномъ противникѣ, лучше ничего придумать нельзя; но активный—легко бьетъ за это по частямъ.

Несмотря на силу австрійскихъ батарей, прусаки потеряли всего 1,300 человѣкъ убитыми, ранеными, безъ вѣсти пропавшими. Такая ничтожная потеря объясняется употребленіемъ строевъ, представляющихъ малую цѣль, и умѣньемъ офицеровъ примѣнять къ мѣстности свои части, *ибо на этомъ, а не на укрытіи отдѣльныхъ людей, держится преимущественно уменьшеніе потерь отъ огня.* Потери австрійцевъ выведенными изъ строя въ точности неизвѣстны; но плѣнныхъ взято до 2,000. Подобныя цифры ясно свидѣтельствуютъ о состояніи духа войскъ.

Назначать кавалерію для встрѣчи неразстроенной боемъ пѣхоты, какъ то было сдѣлано австрійцами, едва-ли можно признать раціональнымъ, особенно взявъ въ разсчетъ, что въ разбираемомъ случаѣ употребить подобнымъ образомъ кавалерію не настояло ни малѣйшей необходимости.

Разница употребленія скорострѣльнаго и обыкновеннаго оружія противъ кавалеріи обнаружилась тѣмъ, что при первомъ возможно нѣсколько залповъ вмѣсто одного, что ихъ можно начинать шаговъ съ 200, *но только съ войсками спокойными и пріученными не пускать пуль на вѣтеръ;* если же есть

хотя малѣйшее сомнѣніе въ этихъ качествахъ, то и при скорострѣльномъ оружіи лучше ограничиваться однимъ залпомъ въ упоръ (*).

Форма строя оказалась при этомъ дѣломъ второстепеннымъ; даже и употребленія развернутаго строя нельзя признать особенною новостію, если припомнить, что еще Сенъ-Сиръ, при тогдашнемъ даже оружіи, считалъ, что неразстроенная пѣхота всегда можетъ отбить кавалерійскую атаку въ развернутомъ строѣ. Это не новость ни для кого изъ тѣхъ, которые понимаютъ, что даже на совершенно открытой мѣстности отношенія пѣхоты и кавалеріи опредѣляются не матеріяльными данными, а степенью взаимнаго ихъ нравственнаго достоинства: та изъ нихъ сдаетъ, которая легче подчиняется чувству страха.

Примѣчаніе. Боевые порядки различныхъ частей прусской арміи возстановлены приблизительно, основываясь на цифрѣ потерь различныхъ частей и на инструкціи принца Фридриха-Карла.

(*) Т. е. въ разстоянія отъ 50 до 80 шаговъ. Для такой цѣли, какъ кавалерія, это будетъ въ упоръ.

VI.

НАСТУПЛЕНІЕ ПРУСАКОВЪ СЪ ВОСТОКА. (*)

Какъ извѣстно, 22-го іюня кронпринцъ получилъ приказаніе наступать всѣми силами на Гичинъ; 25-го, 1-й, 5-й и гвардейскій корпуса уже стояли на границѣ Богеміи въ Шембергѣ, Рейнерцѣ и Шлегелѣ.

Извѣстно также, что во II прусской арміи были убѣждены, что австрійцы еще не успѣли стянуться въ Богемію и что, слѣдовательно, чѣмъ скорѣе въ нее вторгнуться, тѣмъ лучше. Планъ вторженія рѣшено было сообразить такъ, чтобы, пройдя дефиле, сосредоточиться сначала у Краледвора и затѣмъ уже искать сообщенія съ 1-ю арміею, о которой знали, что она притянула на себя I-й австрійскій и саксонскій корпуса; слѣдовательно, опасаться ихъ было нечего.

На основаніи этихъ данныхъ рѣшено было войти въ Богемію, прикрываясь къ сторонѣ Іозефштадта, т. е. произвести относительно этого вѣроятнаго пункта сосредоточенія австрійцевъ смѣлое фланговое движеніе.

Общій планъ марша заключался въ слѣдующемъ:

1) Лѣвая колонна, генерала Штейнмеца (5-й корпусъ и бригада 6-го), назначенная прикрывать движеніе, должна была направиться черезъ Находъ, Скалицъ къ Краледвору.

2) Правая, генерала Бонина (1-й корпусъ и кавалерійская дивизія) отъ Шемберга черезъ Траутенау къ Краледвору.

(*) Для всѣхъ движеній и дѣлъ II прусской арміи, см. планъ № 2; на немъ зачерчены ситуаціей только тѣ мѣста, гдѣ происходили дѣла; но вся мѣстность въ промежуткѣ между этими участками тоже гористая.

3) Средняя, принца Виртембергскаго (гвардія), отъ Браунау черезъ Эйпель къ Краледвору, съ назначеніемъ поддержать или Штейнмеца, или Бонина, смотря по обстоятельствамъ.

6-му корпусу приказано двинуться по дорогѣ 5-го.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и генералу Кнобельсдорфу приказано сдѣлать вторженіе въ австрійскіе предѣлы изъ Верхней Силезіи и испортить желѣзную дорогу.

Гвардія вступила въ предѣлы Богеміи, 26-го іюня, въ графствѣ Браунау и стала на ночлегъ на пространствѣ между Браунау и Полицемъ. При этомъ произошла только незначительная кавалерійская стычка. Въ Браунау была переведена и главная квартира кронпринца. Авангардъ 5-го корпуса достигъ, 26-го, Шланей, откуда вытѣснилъ оборонительный австрійскій постъ, который отступилъ, отстрѣливаясь, къ Находу. Начальнику авангарда, генералъ-лейтенанту Левенфельду, приказано сдѣлать рекогносцировку къ Находу, въ случаѣ порчи моста черезъ Метаву исправить его и затѣмъ занять частію силъ противоположный гористый берегъ для прикрытія находскаго подъема съ юга, откуда, по свѣдѣніямъ, можно было ожидать непріятеля. Какъ уже сказано, въ этой сторонѣ, именно у Опочно, дѣйствительно находился VI австрійскій корпусъ.

Генералъ Левенфельдъ двинулся, для исполненія этого порученія, къ Находу съ частію авангарда (двѣ роты стрѣлковъ, 37-й пѣхотный полкъ, батарея и два эскадрона драгунъ № 4-го). Мостъ найдетъ попорченнымъ. По исправленіи его, эта головная часть авангарда прошла черезъ Находъ и къ вечеру заняла позицію у Венцельсберга, фронтомъ къ Нейштадту. На слѣдующій день предстояло дебушировать 5-му корпусу, для чего была отдана слѣдующая диспозиція:

„Корпусъ наступаетъ на Находъ и далѣе къ западу.

„Авангардъ, главныя силы, резервныя колонны (*) и отрядъ 6-го корпуса выступаютъ въ пять часовъ съ бивуаковъ или квартиръ.

„Первая конная батарея прикомандировывается къ главнымъ силамъ, гдѣ ей состоять при 1-мъ уланскомъ полку.

1, 2 и 3-я муниціонныя колонны слѣдуютъ непосредственно за резервомъ.

4, 5, 6, 7, 8, 9-я колонны на первый разъ идутъ только до Рейнерца, гдѣ выстраиваются въ сторонѣ отъ дороги и ждутъ приказаній.

Корпусный обозъ идетъ до Левина, по старой дорогѣ, которая

(*) Раздѣленіе на главныя силы и резервъ на походѣ было чисто-формальное.

выходитъ на шоссе къ югу отъ Рейнерца. Обозъ располагается тамъ, въ сторонѣ отъ дороги.

Понтонный паркъ присоединяется къ послѣднимъ шести муниціоннымъ колоннамъ.

Корпусный лазаретъ слѣдуетъ до Рейнерца и ждетъ приказаній.

Провіантскія колонны проходятъ Рюккертсъ, выстраиваются по сю сторону этого пункта, въ сторонѣ отъ дороги.

Часть 6-го корпуса (бригада Гофмана съ кавалерійскимъ полкомъ) сегодня же, т. е. 26-го, вечеромъ, отдѣляетъ драгунскій полкъ № 8-го къ главнымъ силамъ, оставивъ при себѣ два взвода. Главныя силы должны тотчасъ же заготовить все нужное для бивуачнаго расположенія этого полка.

Остальныя войска генерала Гофмана прикрываютъ движеніе обоза, муниціонныхъ и провіантскихъ колоннъ съ лѣваго фланга къ Гисгюбелю.

Приказанія этому отряду будутъ посланы въ Левинъ, гдѣ долженъ находиться офицеръ съ нужнымъ числомъ ординарцевъ для передачи этихъ приказаній.

Обозъ сего отряда долженъ остаться подъ надлежащимъ прикрытіемъ при Вильмсдорфѣ и Оберъ-Шведельдорфѣ.

Генералу Внуку поручается командованіе уланскимъ № 1, драгунскимъ № 8 полками и прикомандированной къ нимъ конною батареею. Если въ теченіе дня потребуется совокупное дѣйствіе всей кавалеріи, то 4-му драгунскому полку также поступить подъ его команду.

Я буду въ головѣ колонны главныхъ силъ, куда прислать по одному офицеру отъ 1-го уланскаго и 4-го драгунскаго полковъ, для исполненія должности ординарцевъ.

Корпусный штабъ Рейнерцъ. 26-го іюня, часъ пополудни.

Г. Штейнмецъ.

Часть авангарда, остававшаяся у Гелленау, выступила по диспозиціи въ пять часовъ, но она не достигла еще Венцельсберга, какъ загорѣлся бой: VI корпусъ (Раммингъ) (*) появился на полѣ сраженія со стороны Нейштадта, исполняя данное ему приказаніе преградить прусакамъ путь къ Скалицу.

Фланговое движеніе Раммінга отъ Опочно къ Скалицу.

До 26-го іюня Бенедекъ стоялъ на той мысли, чтобы съ главными силами обрушиться на сѣверную прусскую массу.

Вслѣдствіе этого, Раммингъ получилъ, 26-го, диспозицію для движенія мимо Іозефштадта на Горицъ, въ два перехода, сообразно которой и сдѣлалъ всѣ распоряженія. Но къ вечеру 26-го сказанный планъ былъ оставленъ, вслѣдствіе вторженія прусаковъ съ востока: 27-го, въ часъ съ половиною пополуночи,

(*) Бригады: Вальдштетена, Гертвега, Розенцвейга, Іонака, артилерійскій резервъ = 28 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 80 орудій.

Раммингу пришло приказаніе двинуться, въ три часа утра, къ Скалицу, занять тамъ позицію и выдвинуть авангардъ къ Находу. 1-я резервная кавалерійская дивизія (принца Гольштейна), наблюдавшая границу по сторонамъ Находа, прикомандировывалась къ VI корпусу.

Къ этой отмѣнѣ первоначальной диспозиціи было прибавлено: „послѣднее распоряженіе имѣетъ цѣлію прикрыть *неисполненное еще развертываніе арміи*, что ни въ какомъ случаѣ не должно препятствовать рѣшительно двинуться на непріятеля, гдѣ бы онъ ни показался. Преслѣдованіе противника должно быть однако производимо въ предѣлахъ возложеннаго порученія и не должно заходить слишкомъ далеко“.

На основаніи этого распоряженія, войска были направлены слѣдующимъ образомъ:

1) Бригада *Гертвега* черезъ Нейштадтъ, Врхонинъ къ Высокову; 2) бригада *Іонака* за нею по той же дорогѣ, въ Клени; 3) бригада *Розенцвейга* лѣвѣе Нейштадта на Нагоранъ, Лота, Спита, Скалицъ; 4) бригада *Вальдштеттена* еще лѣвѣе, черезъ Іезеницъ въ Скалицъ; 5) *артилерійскій резервъ* за послѣдней бригадой, въ Рыковъ; 6) санитарная рота и корпусный лазаретъ на Заѣздъ, западнѣе Скалица. Всѣ эти части должны были выступить въ три часа, кромѣ бригады Іонака, которому, чтобы пропустить Гертвега, приказано начать движеніе получасомъ позже.

Вслѣдствіе поздняго полученія приказанія, все движеніе началось получасомъ позже показаннаго.

Въ три съ половиной часа двинулась бригада Гертвега (*), имѣя въ авангардѣ егерскій баталіонъ, два орудія и эскадронъ уланъ и въ правомъ боковомъ отрядѣ, для прикрытія себя со стороны лѣсистыхъ высотъ, баталіонъ 56-го и роту 41-го полка. Изъ послѣдняго отряда вскорѣ донесли о присутствіи непріятельской кавалеріи; а часа черезъ два съ половиною (**) по

(*) 25-й егерскій баталіонъ, полки: Кельнера и Горицутти (41-й и 56-й), эскадронъ уланъ № 10-й, 4-хъ-ф. батарея.

(**) Т. е. около 6 часовъ, такъ какъ отъ Добруски, откуда вышла эта бригада, до Врхонина не болѣе 9 верстъ. По австрійской реляціи, бригада достигла Врхонина только въ $7^1/_2$ часовъ. Тогда должно предположить, или что часъ выступленія показанъ въ той же реляціи невѣрно, или же что войска наступали слишкомъ осторожно, если употребили 4 часа времени на то, чтобы пройти 9 верстъ. Но, сличая съ показаніями прусаковъ, должно признать болѣе вѣроятнымъ, что дѣло началось около 6 часовъ.

начатіи движенія, достигнувъ Врхонина, и авангардъ бригады наткнулся на непріятеля: то были прусскіе стрѣлки, занимавшіе перелѣски, которые начинаются за Врхонинымъ.

Поле, на которомъ разыгрался бой у Находа, состоитъ: 1) изъ плато, сѣвернѣе шоссе Находъ-Скалицъ, весьма пересѣченнаго и круто спускающагося къ западу и къ востоку; южнѣе этого плато лежитъ деревня Высоково; 2) изъ небольшаго хребта, который, начинаясь южнѣе Высокова, тянется до Нейштадта; онъ разрѣзывается вдоль дорогою Нейштадтъ-Находъ. Скатъ къ западу отъ дороги отлогъ и покрытъ перелѣсками, которые тянутся отъ Врхонина за Венцельсбергъ и прекращаются не доходя шаговъ 800 до Высокова. Пространство къ востоку отъ дороги заключаетъ въ себѣ командующія точки хребта и крутой скатъ къ Метавѣ, покрытые сплошнымъ лѣсомъ. Перелѣски и деревня Венцельсбергъ представляютъ хорошіе пункты для того, чтобы затянуть бой и выиграть время.

Эту позицію прусакамъ необходимо было удержать во что бы то ни стало, ибо съ потерею ея дебушированіе 5-го корпуса по весьма трудному подъему у Альтштадта стало бы невозможнымъ.

Бой у Находа.

Выстрѣлы заставили Гертвега перейти въ боевой порядокъ, пристроивъ главныя свои силы къ егерскому баталіону. Вышло двѣ линіи, по три баталіона въ каждой, первая въ дивизіонныхъ, вторая въ баталіонныхъ колоннахъ. Баталіонъ, прикрывавшій правый флангъ движенія, какъ кажется, запутался въ лѣсу и участія въ дѣлѣ не принималъ; покрайней мѣрѣ, въ реляціи о немъ уже болѣе не говорится. Батарея въ двухъ мѣстахъ: два орудія между дивизіонными колоннами стрѣлковаго баталіона, шесть—правѣе этого баталіона.

За перелѣсками ничего открыть было нельзя, кромѣ того, что уже дѣйствовало, т. е. стрѣлковъ и батареи. Минута выпадала австрійцамъ счастливая: на $3^1/_2$ прусскихъ баталіона они имѣли 7 и не менѣе полутора часовъ времени передъ собою, ибо ближайшее подкрѣпленіе прусскаго авангарда стояло у Гелленау, т. е. не ближе, какъ верстахъ въ десяти отъ Венцельсберга, между тѣмъ какъ ближайшее подкрѣпленіе Гертвега—бригада Іонака—слѣдовало непосредственно за нимъ.

Ничтожныя силы прусаковъ были расположены слѣдующимъ образомъ: ближайшіе къ Врхонину перелѣски занимали стрѣл-

ки; лѣсокъ у Венцельсберга, эту деревню и пространство влѣво, въ направленіи на Бразецъ, должны были оборонять: батарея и пять полубаталіоновъ 37-го полка, подъ командою храбраго и настойчиваго своего командира, полковника Бѣлова; шестой полубаталіонъ пришлось отдѣлить на плато сѣвернѣе Высокова, для наблюденія шоссе на Скалицъ, откуда тоже ожидали непріятеля.

Итакъ, трехтысячный отрядъ поставленъ былъ въ необходимость оборонять позицію въ 2,000 шаговъ по фронту. Кажется, о возможности удержаться нельзя было и помышлять; но методически вялое и не всегда соображенное съ мѣстностію наступленіе австрійцевъ спасло все.

Завязалась перестрѣлка, длившаяся около часа, послѣ которой Гертвегъ рѣшился идти въ атаку, усиливъ предварительно правый флангъ первой своей линіи баталіономъ изъ второй. Двинулись, прошли почти безпрепятственно нѣсколько перелѣсковъ, лежащихъ лѣвѣе дороги; но, не доходя шаговъ 500 до Венцельсберга, Гертвегъ, вслѣдствіе убійственнаго огня, счелъ за нужное пріостановиться, хотя, судя по мѣстности, отъ этого огня было гдѣ укрыться и на ходу. Впрочемъ, была и другая причина остановки: войска были чрезвычайно утомлены (*), какъ реляція упоминаетъ, да вдобавокъ подведены подъ фланговый огонь, о чемъ она умалчиваетъ, но что видно изъ того, что одному баталіону приказано занять опушку лѣса, другому же, *для прикрытія праваго фланга, подать лѣвое плечо впередъ;* третьему предписано заняться приведеніемъ въ оборонительное положеніе фермы, находившейся покрайней мѣрѣ шагахъ въ 1,000 въ тылу занятаго перелѣска. Но болѣе всего странно то, что въ то время, когда бригадный командиръ останавливалъ бригаду, находя, что она утомлена и рискуетъ своимъ путемъ отступленія, егерскій баталіонъ достигъ Венцельсберга, выбилъ оттуда прусаковъ, преслѣдовалъ ихъ до рощи, находящейся сѣвернѣе Венцельсберга, и только тамъ, наткнувшись на превосходныя силы, получилъ отпоръ. Этотъ баталіонъ лучше всего показалъ, что страхи, которые себѣ составлялъ командиръ бригады и противъ которыхъ счелъ за нужное даже укрѣпляться въ тылу, были воображаемые: эффектъ этотъ былъ произведенъ на него лишь нѣсколькими десятками стрѣлковъ, которые, засѣвъ въ лѣсу восточнѣе дороги, сдѣлали залпъ

(*) Отъ Добруски до Врхонина не болѣе 9 верстъ.

или два по правофланговымъ частямъ австрійцевъ, шедшихъ мимо лѣса, не позаботившись не только занять, но даже и осмотрѣть его.

Итакъ, благодаря благоговѣнію передъ обходомъ и передъ необходимостію обезпечить себѣ путь отступленія, изъ шести баталіоновъ Венцельсберга достигъ всего одинъ.

Прусаки получили, между тѣмъ, первое подкрѣпленіе: около восьми часовъ отъ Гелленау прибылъ 58-й полкъ съ батареей.

Около семи съ половиною часовъ, прибыла наконецъ и бригада Іонака (*) въ Домковъ. Такъ какъ она проходила Врхонинъ уже тогда, когда Гертвегъ началъ дѣло, то невольно рождается недоумѣніе: отчего она за нимъ не послѣдовала? Но, какъ кажется, сочтено было за лучшее исполнить диспозицію, а не идти на выстрѣлы, хотя въ диспозиціи распоряженій къ бою никакихъ не было. Только достигнувъ Домкова, т. е. сдѣлавъ влѣво отъ прямаго направленія версты три слишкомъ, генералъ Іонакъ, вѣрно оцѣнивъ положеніе, какъ сказано въ реляціи, выстроилъ свою бригаду фронтомъ къ Венцельсбергу и, расположивъ батарею и уланскій полкъ № 10-го на лѣвомъ флангѣ, двинулся, оріентируясь на колокольню Венцельсберга. Несмотря на сильный огонь (**), Іонакъ, остановившись на самое короткое время у Проводова, чтобы дать вздохнуть утомленнымъ войскамъ, въ порядкѣ поднялся на высоты и, невзирая на утомленіе войскъ и ружейный огонь прусаковъ, стрѣлявшихъ на своей позиціи изъ-за закрытій (рвовъ и лѣса), выбилъ ихъ изъ опушки венцельсбергской рощи. *Полкъ Ваза, составлявшій до сего первую линію, былъ смѣненъ полкомъ № 20-го*, т. е. послѣ первой схватки, и притомъ удачной. Понятно, что при этомъ къ концу боя свѣжихъ силъ остаться не можетъ.

Завязался бой въ рощѣ, окончившійся тѣмъ, что прусаковъ около девяти часовъ выбили изъ него и оттѣснили къ послѣдней опорѣ на пути къ Альтштадту—къ лѣсу за шоссе; въ то же время

(*) 14-й егерскій баталіонъ, полки 20-й и 60-й (короля прусскаго и Вазы), 4-фунтовая батарея. Къ этой бригадѣ былъ прикомандированъ на время марша и 10-й уланскій полкъ, эскадроны котораго по нормальной организаціи были распредѣлены по бригадамъ VI корпуса.

(**) Который едва-ли могъ ему вредить на пространствѣ отъ Домкова до Проводова, ибо именно около этого времени прусаки заняты были 25-мъ егерскимъ баталіономъ, выбившимъ ихъ изъ Венцельсбера.

и Гертвегъ нашелъ наконецъ возможнымъ подвинуться впередъ. Еще усиліе, еще двѣ версты преслѣдованія—и Альтштадтъ въ рукахъ австрійцевъ, и находскій подъемъ прусакамъ закрытъ..... Но пока австрійцы устраивались въ лѣсу, части 37-го полка, собравшись, снова бросились противъ него въ атаку; послѣ залпа, ворвались въ опушку и потѣснили австрійцевъ. Въ то же время отбиты были и части бригады Гертвега, наступавшія восточнѣе рощи въ дивизіонныхъ колоннахъ, благодаря тому, что озадачены были неожиданностію: изъ опушки лѣса правѣе шоссе выскочили противъ нихъ двѣ прусскія роты, дали залпъ или два въ упоръ, положили много народа и бросились въ штыки. Части опрокинуты и не возвращались болѣе къ мѣсту побоища, понеся большія потери и отъ неожиданной атаки, и еще больше при отступленіи, ибо при этомъ скорость стрѣльбы еще полезнѣе, нежели противъ непріятеля, который не потерялъ способности возвращать наносимый ему вредъ.

Небольшія части прусскихъ войскъ, преслѣдовавшія части бригады Гертвега, ворвались въ Венцельсбергъ и утвердились въ сѣверной части его. Южная осталась за австрійцами. Было около десяти часовъ: критическій періодъ боя для прусаковъ приходилъ къ концу; начали появляться подкрѣпленія.

Первымъ прибылъ на поле сраженія генералъ Внукъ со своей импровизованной бригадой. Отдѣлившись отъ главныхъ силъ, достигшихъ Гелленау около $8^1/_2$ часовъ, онъ прибылъ на поле сраженія къ тому времени, когда лѣсокъ перешелъ въ руки прусаковъ, и построился между нимъ и Высоковымъ, имѣя уланскій полкъ въ переднемъ уступѣ, а драгунскій, лѣвѣе его, въ заднемъ. Нѣсколько позже присоединился сюда же одинъ полуэскадронъ 4-го драгунскаго полка, ставшій уступомъ на лѣвомъ флангѣ.

Съ своей стороны, Раммингъ еще ранѣе распорядился подкрѣпленіемъ австрійскихъ бригадъ, начавшихъ дѣло, и которыя едва-ли могли сами что-либо предпринять послѣ сдѣланныхъ усилій, особенно если взять въ разсчетъ привычку къ смѣнѣ.

Распоряженія его, сдѣланныя около $9^1/_4$ часовъ, по прибытіи въ Скалицъ, заключались въ слѣдующемъ:

1) Бригадѣ Розенцвейга (*) приказано идти отъ Скалица на

(*) 17-й егерскій баталіонъ, полки 4-й и 55-й (Дейчмейстера и Гондрекура), 4-хъ-фунтовая батарея.

Проводовъ и Соновъ, выстроившись у которыхъ она должна была атаковать высоты Венцельсберга.

2) Бригадѣ Сольмса (*), стоявшей позади Клени, подняться на плато, между Высоковымъ и Венцельсбергомъ, и поддержать бригаду Розенцвейга.

3) Бригадѣ Шиндлеккера (**), стоявшей верстахъ въ семи къ западу отъ Скалица, у Долана, идти черезъ Скалицъ къ Клени.

Нѣсколько позже десяти часовъ, построившись за Проводовымъ и Соновымъ, бригада Розенцвейга, имѣя впереди 17-й егерскій баталіонъ и за нимъ полкъ Гондрекура въ первой линіи, полкъ Дейчмейстера во второй, двинулась на рощу лѣвѣе Венцельсберга. Атака удалась: прусаки были изъ него выбиты войсками первой линіи, которыя сильно потерпѣли при этомъ отъ ихъ огня и съ фронта, т. е. отъ рощи, и съ фланга—отъ Венцельсберга.

Только это послѣднее обстоятельство побудило Розенцвейга распорядиться атакою Венцельсберга, направивъ туда свою вторую линію. И эта атака удалась: часть полка Дейчмейстера тотчасъ же употреблена на приведеніе окраинъ деревни и церкви въ оборонительное положеніе, между тѣмъ какъ другая выдвинулась за деревню и огнемъ разсыпнаго строя дѣйствовала по отступавшимъ прусакамъ. О содѣйствіи Іонака и Гертвега усиліямъ Розенцвейга нигдѣ не говорится, слѣдовательно должно предположить, что они считали себя смѣненными этою бригадою.

Одновременно съ атакою Розенцвейга, въ промежутокъ между Высоковомъ и лѣсомъ, отъ Клени двинулся Сольмсъ съ пятью эскадронами, рысью, во взводныхъ колоннахъ, достигъ подошвы высоты и, развернувшись, сталъ подниматься вверхъ. Произошло кратковременное, но блистательное кавалерійское дѣло, равно славное для обѣихъ сторонъ, хотя и несчастное для австрійцевъ: пять кирасирскихъ эскадроновъ атаковали съ фронта и въ обхватъ лѣваго фланга прусскій уланскій полкъ; съ фронта завязалась сѣча: охваченная часть, ошеломленная, дала тылъ и помчалась къ Находу съ пристроившимися къ

(*) Дивизіи принца Гольштейна. Кирасирскіе полки 4-й и 6-й, 8-фунтовая кавалерійская батарея, уланскій 8-й полкъ, бывшій на аванпостахъ.

(**) Той же дивизіи: кирасирскіе полки 9-й и 11-й, уланскій № 4-й, 8-фунтовая конная батарея.

ней неизвѣстно какимъ образомъ двумя орудіями. Но еще мгновеніе,—и кирасиры атакованы во флангъ прусскими драгунами, смяты въ свою очередь ими и поворачиваютъ назадъ, преслѣдуемые уланами и драгунами. Въ свалкѣ оба штандартные унтеръ-офицера были убиты и штандарты потеряны въ высокой травѣ. Въ это время кирасирскій эскадронъ, временно прикомандированный къ бригадѣ Іонака и стоявшій безъ дѣла впереди Проводова, улучилъ минуту и атаковалъ прусскихъ драгунъ, выручивъ, такимъ образомъ, свою преслѣдуемую линію. Прусскіе полки возвратились на мѣсто, изрубивъ на дорогѣ два дивизіона полка Гондрекура, которые, по взятіи рощи, наступали изъ нея далѣе.

Наконецъ пѣхота главныхъ силъ 5-го корпуса, предводимая генераломъ Штейнмецомъ, появилась на полѣ сраженія часовъ около одиннадцати, сдѣлавъ отъ Рейнерца почти безъ привала 21 версту. То была голова дивизіи Кирхбаха — 19-я бригада (*).

Двинутая Штейнмецомъ на Венцельсбергъ, она штурмомъ взяла эту деревню около двѣнадцати часовъ. Австрійцы начали отступать, подъ прикрытіемъ бригады Розенцвейга, которая сдѣлала при этомъ классическій переходъ въ наступленіе. Прусаки не преслѣдовали австрійцевъ, ибо и были утомлены, и, вдобавокъ, не всѣ еще силы поднялись на высоты, отстоять которыя противъ трехъ австрійскихъ бригадъ одной прусской стоило такихъ усилій. Говоримъ: *одной*, потому, что собственно 17-я бригада, и преимущественно 37-й полкъ, съ двумя егерскими ротами, вынесли на себѣ всю тяжесть боя, а 19-я бригада только довершила дѣло, ими подготовленное.

Около двѣнадцати часовъ австрійцы сдѣлали послѣднюю попытку противъ прусаковъ: атаковали плато Высоково-Старкочь бригадой Вальдштеттена, что было уже совершенно безполезно послѣ неудачи у Венцельсберга. 20-я прусская бригада (Виттиха) (**), поднимавшаяся вслѣдъ за Тидеманомъ, бѣгомъ заняла это плато. Атаку свою австрійцы подготовили огнемъ одной бригадной и трехъ батарей корпуснаго резерва, выдвинутыхъ на высоту сѣвернѣе Клени.

И въ этомъ пунктѣ какъ австрійцы, такъ и прусаки оста-

(*) Генералъ Тидеманъ: 6-й и 46-й пѣхотные полки; двѣ батареи.
(**) 47-й и 52-й полки; двѣ батареи.

лись вѣрны себѣ: первые пускали бригаду въ атаку по частямъ, вторые же встрѣчали эти атаки всѣмъ что было, начиная съ залповъ и затѣмъ бросаясь въ штыки. Въ реляціи австрійцевъ, описанія всѣхъ этихъ раздробленныхъ атакъ безразлично оканчиваются однимъ и тѣмъ же: атаковали храбро и въ порядкѣ, но, встрѣченные огнемъ „превосходныхъ“ прусскихъ ружей, дальше не пошли, а предпочли отойти назадъ, что и было совершено, тоже въ полномъ порядкѣ.

Наконецъ, около $12^1/_2$ часовъ, корпусный командиръ, принимая въ соображеніе, что „прусаки все усиливаются, что отъ разъѣздовъ, посланныхъ на Костелецъ, получено донесеніе о появленіи непріятеля и у этого пункта, что всѣ войска были уже введены въ дѣло и подкрѣпленія ни откуда ожидать было нельзя, рѣшился отказаться отъ пріобрѣтенныхъ выгодъ и отступить на позицію къ Скалицу. Такъ какъ предписанная ему цѣль заключалась не въ наступленіи, а въ прикрытіи Скалица, то онъ не посмѣлъ допустить, чтобы его опрокинули съ высотъ и преслѣдовали, ибо въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы совершить отступленія спокойно и въ порядкѣ“.

Отступленіе на скалицскую позицію лѣваго фланга было исполнено подъ закрытіемъ артилерійскаго резерва корпуса и кавалерійской бригады Шлидлеккера, прибывшей къ концу боя, со спокойствіемъ и въ порядкѣ.

У опушки лѣса, близъ Дубно, оставленъ передовой постъ изъ баталіона, четырехъ орудій и двухъ эскадроновъ; къ западу отъ Клени стала вся кавалерія.

Позиція у Скалица занята бригадами Іонака, Розенцвейга, Вальдштеттена, считая отъ праваго до лѣваго фланга; Розенцвейгъ занялъ однимъ баталіономъ воксалъ желѣзной дороги; Гертвегъ сталъ въ резервѣ; изъ артилерійскаго резерва три батареи стали въ боевыхъ линіяхъ, двѣ въ резервѣ, на площади Скалица; сильные кавалерійскіе патрули прикрывали фронтъ и фланги.

Со своей стороны прусаки стянулись на плато Высокова и Венцельсберга; генералъ Штейнмецъ, на полѣ же сраженія, продиктовалъ диспозицію для расположенія на ночлегъ и для движенія на слѣдующій день.

20-й бригадѣ предписано смѣнить прежній авангардъ и выставить линію аванпостовъ на линіи Студницъ-Высоково-Нейштадтъ. Главныя силы расположились на бивуакѣ между

дорогами въ Скалицъ и Студницъ, т. е. тыломъ къ оврагу. Патроны приказано пополнить изъ баталіонныхъ патронныхъ повозокъ къ девяти часамъ вечера. Всѣ эти распоряженія и диспозиція для марша были разосланы въ войска уже въ $4^1/_2$ часа пополудни, слѣдовательно часа два спустя по окончаніи боя. Отмѣнъ не было; войска, слѣдовательно, были успокоены во всѣхъ отношеніяхъ такъ скоро, какъ только было возможно.

Кронпринцъ, прибывшій на поле сраженія нѣсколько прежде того, какъ появились главныя силы, и оставшійся до его окончанія, поблагодарилъ войска именемъ короля, приказалъ генералу Штейнмецу продолжать свое прикрывающее движеніе и на слѣдующій день на Градлицъ и, обѣщавъ одну гвардейскую дивизію въ подкрѣпленіе, отправился въ Хроновъ, куда къ вечеру перенесена главная его квартира.

Раммингъ донесъ штабу арміи объ исходѣ дѣла, прибавивъ, что VI корпусъ, въ предвидимомъ на слѣдующій день бою, *настойчиво* можетъ оборонять позицію, но что, по важности пункта и вслѣдствіе утомленія войскъ, необходимо подкрѣпленіе, или *желательно*, *чтобы корпусъ былъ смѣненъ*. Просьба была уважена: 28-го, въ $7^1/_2$ часовъ утра, VIII корпусъ и два четвертыхъ баталіона изъ Іозефштадта прибыли на смѣну VI. Вмѣстѣ съ тѣмъ IV корпусъ выдвинутъ къ Долану, въ семи верстахъ западнѣе Скалица.

Заключенія. Трудно понять, что разумѣли въ австрійской главной квартирѣ подъ прикрытіемъ развертыванія арміи у Іозефштадта, если взять въ разсчетъ, что это, во-первыхъ, крѣпость, слѣдовательно достаточно опорный пунктъ; во-вторыхъ, это приказаніе было отдано Раммингу съ 26-го на 27-е, т. е. когда ближайшія прусскія войска (разумѣя главныя силы) были отъ Іозефштадта не ближе, какъ въ двухъ переходахъ, и притомъ за горными дефиле. Любопытно было бы также знать, чего боялись въ главной квартирѣ отъ прусаковъ, которые вначалѣ думали объ одномъ только — чтобы ихъ не разбили по частямъ, слѣдовательно не могли мѣшать „развертыванію“ арміи у Іозефштадта.

Одна бригада истощаетъ усилія трехъ австрійскихъ, благодаря не одному собственному упорству, но еще и тому, что австрійцы какъ бы добровольно торопились возможно скорѣе издержать эти усилія, смѣняя одну линію другою, оставляя

части въ тылу, для обезпеченія пути отступленія, смѣняя одну бригаду другою.

Австрійцы потеряли два штандарта, 227 офицеровъ, 7,145 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ до 2,500 плѣнныхъ, 137 лошадей, 7 орудій; прусаки — 58 офицеровъ, 1,280 рядовыхъ и 300 лошадей. Причина такой страшной несоразмѣрности лежитъ преимущественно въ томъ, что австрійскіе начальники мало подготовляли атаки огнемъ, а рядомъ съ этимъ атаковали нерѣшительно; и въ томъ еще, что они, какъ кажется, если не совсѣмъ, то весьма мало пользовались мѣстностію. Наступленіе мимо лѣса, не освѣтивъ его, въ бригадѣ Гертвега и Розенцвейга, атака рощи, мимо Венцельсберга, занятаго прусаками, тѣмъ же Розенцвейгомъ, кажется, это достаточно доказываютъ. Между тѣмъ, лѣсъ правѣе шоссе могъ прикрыть прямое наступленіе къ Альтштадту, въ обходъ Венцельсберга и лѣса, около которыхъ австрійцы понесли самыя большія потери.

Страшная потеря офицеровъ показываетъ, что если они и не совсѣмъ ловко исполняли свои боевыя обязанности, за то не задумывались передъ возможностію честно лечь въ бою. Для людей, которые были равнодушны къ мысленной работѣ по своей спеціяльности въ мирное время, но для которыхъ долгъ и честь не пустыя слова, это единственный исходъ, который примиряетъ съ ними за предшествующую ошибку. Они не послѣдовали мудрому совѣту сочинителя инструкціи, который располагалъ ихъ не очень рисковать собою.

При меньшей страсти къ разбрасыванію войскъ и смѣнѣ линій, болѣе рѣшительные результаты, несмотря на игольчатыя ружья, вѣроятно, были бы достигнуты и меньшими силами, и съ меньшими потерями.

Ошибки въ направленіи войскъ и старшихъ, и ближайшихъ начальниковъ всѣ были свалены на дѣйствительность прусскаго оружія; слѣдовательно, начальство само способствовало тому, чтобы ко времени рѣшительнаго столкновенія игольная паника охватила войска....

До десяти часовъ прусаки находились въ отчаянномъ положеніи; но австрійцы этимъ не воспользовались, понесли страшный уронъ и въ заключеніе были отражены: смѣло можно сказать, что на войнѣ ни за что такъ жестоко не бьютъ, какъ за потерю времени, ибо за минутой съ благопріятными для

васъ обстоятельствами непосредственно наступаетъ другая, столь же благопріятная противнику. Это не только улучшеніе его положенія, но въ такой же мѣрѣ ухудшеніе вашего, ибо въ борьбѣ интересы противниковъ прямо противоположны.

Прусскій авангардъ былъ и слишкомъ отдаленъ отъ главныхъ силъ и странно употребленъ: отъ Гелленау, гдѣ стояло его непосредственное подкрѣпленіе, до Венцельсберга 10 верстъ, а отъ главныхъ силъ—20 слишкомъ. Всю тяжесть боя, судя по потерямъ, вынесъ на себѣ 37-й полкъ. При нѣсколько большей рѣшительности со стороны австрійцевъ, это могло кончиться тѣмъ, что находское дефиле не удалось бы форсировать.

Отъ плато, занятаго бивуаками Штейнмеца, до Скалица всего 7 верстъ; слѣдовательно, бивуакъ примыкалъ тыломъ къ непроходимому почти препятствію, т. е. къ крутому скату: положеніе рисковое, могутъ замѣтить нѣкоторые, предполагая рѣшительный переходъ въ наступленіе со стороны австрійцевъ, т. е. предполагая ихъ такими, какими они не были. Представленія о *лучшемъ*, почерпаемыя изъ теоретически односторонніхъ соображеній, въ практикѣ стушевываются, наталкиваясь на законъ необходимости. Упущеніемъ изъ вида этого закона, мирные военные въ особенности грѣшатъ, забывая, что въ практикѣ *лучшее* есть только *возможное* въ данную минуту.

Части австрійской кавалеріи, участвовавшія въ стычкѣ, показали себя хорошо, но употреблены были непостижимо странно: въ той же реляціи, въ которой упоминается, что уланскій полкъ № 10-го построился лѣвѣе Іонака, находимъ, что этотъ уланскій полкъ не заявилъ даже о своемъ существованіи, и когда рѣшено было дать войскамъ кавалерійскую поддержку, берутъ бригаду Сольмса и употребляютъ ее именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ стоять этотъ уланскій полкъ. Изъ всей бригады Сольмса атакуетъ всего 5 эскадроновъ кирасиръ: куда дѣвались остальные три, остается совершенно необъясненнымъ.

Современное положеніе другихъ частей прусской и австрійской армій.

Въ австрійскомъ расположеніи произошла только одна существенная перемѣна: II корпусъ, 27-го, прибылъ въ Опочно и, слѣдовательно, могъ на слѣдующій день принять участіе въ дѣлѣ.

1-я гвардейская дивизія прибыла на ночлегъ въ Эйпель. Вначалѣ она предложена была въ подкрѣпленіе генералу Бонину; но тотъ отказался, не считая себя въ правѣ отклонять ее отъ прямаго направленія на Эйпель.

2-я гвардейская дивизія въ теченіе утра была двинута до Хронова, съ назначеніемъ, въ случаѣ надобности, поддержать 5-й корпусъ; къ вечеру перешла въ Костелецъ. Главная квартира переведена въ Хроновъ.

О первомъ корпусѣ въ теченіе 27-го не знали ничего положительнаго; посланный туда офицеръ вернулся только ночью съ 27-го на 28-е и донесъ, что послѣ довольно упорнаго боя у Траутенау генералъ Бонинъ потерпѣлъ неудачу.

На основаніи этого, первоначальное предположеніе о подкрѣпленіи Штейнмеца одной дивизіей было измѣнено, и весь гвардейскій корпусъ, 28-го, около трехъ часовъ пополуночи, получилъ приказаніе двинуться на Кайле и Пильникау, т. е. во флангъ и тылъ австрійскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ Бонина.

27-го же отряды Штольберга и Кнобельсдорфа имѣли удачное дѣло у Освѣцима, послѣ котораго перепортили желѣзную дорогу на Краковъ и тѣмъ прекратили прямое сообщеніе австрійцевъ съ этою крѣпостію на всю кампанію.

Бой у Траутенау, 27-го іюня. Генералъ Бонинъ, для исполненія общаго плана, предписалъ своему корпусу на 27-е число движеніе отъ Шёмберга черезъ Либау, Траутенау на Арнау. Начало движенія назначено въ 4 часа пополуночи, при чемъ авангарду (*) было предписано остановиться не доходя до Траутенау, выждать, пока главныя силы стянутся у Паршница, и затѣмъ уже продолжать движеніе. За авангардомъ, въ одной колоннѣ, слѣдовали пѣхота и артилерія; въ хвостѣ назначено идти кавалеріи тогда уже, когда дефиле Траутенау будетъ въ рукахъ прусаковъ.

Задержанныя трудной дорогой, главныя силы достигли Паршница только около десяти часовъ, послѣ чего началось дальнѣйшее движеніе. Головной отрядъ (два эскадрона драгунъ), разобравъ барикаду, которою былъ загороженъ мостъ черезъ Аупу, безпрепятственно прошелъ Траутенау; за нимъ началъ втягиваться и авангардъ, который ждала самая непріятная не-

(*) 41-й полкъ, 1-й егерскій баталіонъ, два эскадрона литовскихъ драгунъ № 1.

ожиданность: баталіоны, втянувшіеся въ городъ, встрѣчены были изъ домовъ огнемъ и чѣмъ попало. Въ то же время драгуны наткнулись за городомъ на драгунскій полкъ Виндишгреца и были имъ опрокинуты. Несмотря на то, части авангарда заняли юго-западную окраину города и гору лѣвѣе его, на которой стоитъ капелла св. Іоанна. Австрійцы не противились, ибо въ эту минуту силы ихъ состояли всего изъ одной бригады съ полкомъ кавалеріи.

То была бригада Мондля X корпуса (Габленцъ). (*)

X корпусъ 25-го іюня прибылъ на позицію между Шурцемъ и Яромиржемъ.

26-го Габленцъ выдвинулъ Мондля къ Праусницъ-Кайле. Вслѣдствіе донесеній съ аванпостовъ о наступленіи непріятеля со стороны Штаркенбаха, Траутенау, Полица и Находа (**), Габленцу приказано было двинуться, 27-го, къ Траутенау, съ тѣмъ, чтобы рѣшительно броситься оттуда на непріятеля, гдѣ бы онъ ни показался, не увлекаясь однакожь преслѣдованіемъ.

Имѣя въ виду, что, въ случаѣ наступленія противника отъ Штаркенбаха или Эйпеля, фланги его расположенія у Траутенау подвергались бы большой опасности, Габленцъ обратился въ главную квартиру съ просьбою о принятіи мѣръ для ихъ обезпеченія. Оттуда онъ получилъ разрѣшеніе обратиться за содѣйствіемъ къ IV корпусу (Фестетичъ), сдѣлалъ это и указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что желалъ бы имѣть отряды у Праусницъ-Кайле (***) и Арнау.

Получивъ увѣдомленіе, что это будетъ исполнено, Габленцъ сдѣлалъ распоряженія для движенія своего корпуса съ извѣстныхъ уже позицій къ Траутенау. Бригада Мондля должна была выступить 27-го въ 8 часовъ утра, достигнувъ Траутенау, выставить аванпосты и держаться тамъ до прибытія корпуса, которому назначено выступить также въ 8 часовъ.

На слѣдующій день, 27-го, Габленцъ, обогнавъ корпусъ, засталъ бригаду Мондля завязавшею уже съ прусаками бой. Не желая истощать силъ по частямъ, Габленцъ предпочелъ оттянуть съ боемъ эту бригаду назадъ, въ ожиданіи прибытія главныхъ

(*) 28 баталіоновъ, 72 орудія.

(**) Изъ этихъ донесеній только первое было преувеличено, ибо со стороны Штаркенбаха появились только незначительныя кавалерійскія партіи отъ I арміи для открытія сообщеній со II арміей.

(***) На дорогѣ изъ Полицъ-Эйпель въ Краледворъ.

силъ, и расположилъ ее на позиціи у Ней-Рогница, верстахъ въ $2^1/_2$ южнѣе Траутенау.

Прусаки, видя это отступленіе, все болѣе и болѣе развертывали свои силы влѣво отъ Траутенау, на высотахъ, фронтомъ къ Ней-Рогницу, встрѣчая только мѣстныя препятствія и угрожая правому флангу Мондля. Наконецъ этотъ послѣдній получилъ первое подкрѣпленіе: батарея бригады Гривичича опередила ее и прибыла на позицію.

Около 12 часовъ прусаки попытались атаковать позицію съ фронта; но это имъ не удалось, благодаря дѣйствію батарей и атакамъ кавалеріи. Къ этому времени прибыла наконецъ голова главныхъ австрійскихъ силъ—бригада Гривичича. Приказано: перейдя вправо, атаковать лѣвый флангъ прусскихъ войскъ, дабы облегчить положеніе Мондля, который продолжалъ держаться на позиціи у Ней-Рогница.

Гривичичъ, построившись въ двѣ линіи, двинулся противъ прусаковъ и послѣ непродолжительной перестрѣлки началъ тѣснить лѣвый ихъ флангъ такъ удачно, что опередилъ уже правый флангъ Мондля, когда прибыла еще одна бригада (Вимпфена) съ двумя батареями. Тогда ее расположили на позиціи у Ней-Рогница, а Мондля подвинули къ Гогенбруку. Этотъ успѣхъ побудилъ рѣшиться на атаку ключа позиціи — горы, на которой находится капелла. Огонь 32 орудій обратили противъ этого пункта, съ разстоянія около 800 саженъ, и послѣ довольно продолжительной канонады рѣшились двинуть на него Вимпфена. Это можно было сдѣлать тѣмъ болѣе, что и послѣдняя бригада (Кнебеля) наконецъ прибыла.

Около $3^1/_2$ часовъ, подъ прикрытіемъ огня батарей, двинулся Вимпфенъ отъ Гогенбрука на высоту капеллы, имѣя правѣе себя Мондля и еще правѣе Гривичича. Кнебель слѣдовалъ сзади. Его хотѣли пріостановить у Ней-Рогница; но приказаніе до него не дошло, и, благодаря этой счастливой случайности, атакующія войска получили резервъ. Позиція была трудно-доступна; прусаки защищали ее стойко: атака Вимпфена не удалась—бригада его повернула назадъ. Но не успѣли еще прусаки опомниться отъ этого столкновенія, какъ увидѣли, что на ту же гору идутъ новыя силы (Кнебель); вмѣстѣ съ тѣмъ Гривичичъ, пользуясь перелѣсками, приближался къ Паршницу, т. е. угрожалъ пути отступленія.

При такихъ обстоятельствахъ, командиръ 1-го корпуса счелъ

за лучшее предпринять отступленіе обратно къ Шембергу. Для прикрытія его пять баталіоновъ и батарея были расположены на высотахъ сѣвернѣе Траутенау, гдѣ и оставались до 9 часовъ, перестрѣливаясь съ батареей и стрѣлками Гривичича, черезъ оврагъ.

Отступленіе было совершено спокойно, такъ какъ австрійцы не преслѣдовали. Вимпфенъ занялъ Траутенау; Гривичичъ остался на ночлегѣ южнѣе Паршница, остальные за ними въ резервѣ, сѣвернѣе Ней-Рогница.

Около 8 часовъ вечера, Габленцъ получилъ донесеніе отъ Флейшгакера, командира бригады IV корпуса, отряженнаго для обезпеченія фланговъ X корпуса, что онъ одну полу-бригаду расположилъ у Нейшлосса, на дорогѣ въ Арнау, а другую у Прауснича. Какъ впослѣдствіи оказалось, онъ занялъ не Праусницъ-Кайле, за правымъ флангомъ Габленца, а Праусницъ, находящійся къ югу отъ Арнау. Это недоразумѣніе имѣло весьма важныя послѣдствія для Габленца на слѣдующій день, такъ какъ правый его флангъ, противъ котораго наступала прусская гвардія, остался обнаженнымъ.

Заключенія. Хотя въ прусскихъ описаніяхъ и говорится, что дралось всего 15 баталіоновъ противъ 28, однако едва-ли это такъ, ибо въ перечнѣ потерь прусской арміи, офиціяльно опубликованномъ, показано, что всѣ полки корпуса понесли ихъ. Слѣдовательно, въ этомъ дѣлѣ произошло то же, что мы видѣли въ находскомъ; только противники помѣнялись ролями: въ началѣ дѣла прусаки были сосредоточеннѣе австрійцевъ, къ которымъ послѣдняя бригада подошла не ранѣе трехъ часовъ, и если послѣдніе удержались, то благодаря нерѣшительности наступленія первыхъ.

Прусаки потеряли: 42 офицера, 1,250 нижнихъ чиновъ (*); австрійцы—196 офицеровъ, 5,586 нижнихъ чиновъ.

Сравненіе этихъ цифръ весьма поучительно: изъ нихъ видно, во-первыхъ, *что не всегда тотъ бьетъ, кто больше убиваетъ;* во-вторыхъ, что оружіе все-таки нужно имѣть возможно-лучшее, ибо только при этомъ условіи цѣль достигается съ наименьшими потерями.

Австрійская манера дѣйствія видна и въ этомъ дѣлѣ: Кнебеля хотѣли оставить въ резервѣ, и не пойди онъ самъ въ

(*) По другимъ источникамъ, заслуживающимъ вѣроятія, потеря прусаковъ въ этомъ дѣлѣ была около 4,000.

атаку, можетъ быть, его бы и не пустили, а назначили бы для прикрытія пути отступленія: вопросъ о томъ, кто побѣдилъ, кто побѣжденъ, за весьма рѣдкими исключеніями, виситъ на волоскѣ. Въ этомъ дѣлѣ вполнѣ ясно, хотя и случайно, обнаружилось то основное условіе успѣха атаки, что разъ на нее рѣшившись, не должно щадить ничего; не должно также давать опомниться противнику, а наносить ударъ за ударомъ, что предполагаетъ близкое расположеніе резервовъ за частями, направляемыми въ атаку.

Со стороны прусаковъ расходъ въ нѣкоторыхъ частяхъ патроновъ былъ сравнительно великъ, но все же несравненно меньше, чѣмъ было въ прежнія войны. Это наводитъ на два заключенія: при неспокойномъ состояніи духа части можно бояться тѣмъ большаго расхода патроновъ, чѣмъ оружіе будетъ совершеннѣе; большой расходъ патроновъ можно устранить раціональной системой обученія стрѣльбѣ въ мирное время: чѣмъ меньше эта система будетъ располагать людей суетиться въ строю, тѣмъ лучше.

дѣла 28-го іюня.

1) *При Бургерсдорфѣ или Соорѣ.*

Вслѣдствіе извѣстнаго уже приказанія изъ главной квартиры II арміи, голова 1-й гвардейской дивизіи (Гиллера), утромъ 28-го, въ 8 часовъ, прошла трудное дефиле Эйпель-Раачъ и была въ готовности идти на Прауснитъ-Кайле, когда получено донесеніе о появленіи сильныхъ непріятельскихъ колоннъ у Бургерсдорфа: то были бригады Габленца, стоявшія впереди Ней-Рогница и быстро передвинутыя имъ на высоты Бургерсдорфа, скатъ которыхъ, весьма пологій къ сторонѣ наступленія прусаковъ, покрытъ перелѣсками, удобными для дѣйствія пѣхоты.

Для Габленца безпрепятственное наступленіе прусаковъ съ этой стороны было неожиданностію. Бѣжавшіе передъ прусаками жители донесли первые ему объ этомъ; только тогда онъ узналъ, что Прауснитъ-Кайле, о занятіи котораго онъ просилъ, никѣмъ не занятъ. Какого рода дѣйствіе производятъ подобнаго рода разочарованія, особенно когда они неожиданны, не трудно себѣ представить; тѣмъ не менѣе, Габленцъ не долго думалъ о томъ, что ему дѣлать: расположившись съ двумя бригадами и тремя батареями на сказанной позиціи, онъ притянулъ бригаду Вимпфена въ резервъ, а Гривичичу приказалъ

направиться противъ праваго фланга прусаковъ. Едва это расположеніе было принято, какъ прусаки появились у Стауденца.

Авангардъ первой гвардейской дивизіи (4 фузилерныхъ баталіона, рота стрѣлковъ, двѣ роты піонеръ, эскадронъ гусаръ, одна 4-хъ-фунтовая пѣшая батарея), подъ командою полковника Кесселя, достигнувъ Стауденца, занялъ его и послѣ непродолжительной перестрѣлки, подъ огнемъ 24 орудій, которымъ могъ противоставить только шесть, предпринялъ атаку ближайшаго перелѣска. Атака удалась; но дальнѣйшее движеніе впередъ прусаковъ было отражено, что заставило ихъ ограничиться первымъ своимъ успѣхомъ до прибытія подкрѣпленій. Вскорѣ начали они прибывать, но понемногу, ибо колонна весьма растянулась по трудному дефиле Эйпель-Раачъ, которое тянется версты четыре. Первою прибыла 6-фунтовая батарея, за нею 1-й и 2-й баталіоны (*) фузилернаго полка, которыя направлены правѣе авангарда, по командующимъ высотамъ, тоже усѣяннымъ перелѣсками, дозволявшимъ довольно укрытое приближеніе къ лѣвому флангу бургерсдорфской позиціи; двинулись впередъ; снова загорѣлся бой; австрійцы, несмотря на утомленіе предшествовавшаго дня, отстаивали позицію шагъ за шагомъ. Батареи ихъ постепенно были усилены до 40 орудій; но съ прибытіемъ послѣднихъ частей 1-й гвардейской дивизіи, одной батареи и дивизіонной кавалеріи 2-й гвардейской дивизіи прусаки достигли наконецъ высотъ, на которыхъ стоитъ Бургерсдорфъ, и около часа съ половиной пополудни сбили австрійцевъ, начавшихъ отступленіе на Пильнитау.

Эта побѣда стоила 1-й гвардейской дивизіи большихъ усилій, такъ что дальнѣйшія дѣйствія противъ австрійцевъ возложены были на 2-ю гвардейскую дивизію, которая, между тѣмъ, вытянулась изъ дефиле и была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: восемь баталіоновъ и двѣ батареи направлены на Сооръ, два баталіона гренадерскаго полка № 2-го вправо, на Рудерсдорфъ и Альтъ-Рогницъ; два баталіона оставлены въ резервѣ. Направленіе войскъ на Рудерсдорфъ было обусловлено тѣмъ, что, во время боя у Бургерсдорфа со стороны Траутенау, по альтъ-рогницкой дорогѣ донесли о приближеніи сильной колонны. Прусаки, незнавшіе еще, что Бонинъ возвратился къ Шем-

(*) 3-й былъ уже въ авангардѣ.

бергу, полагали, что это его колонна, и отрядили сначала одинъ баталіонъ къ Рудерсдорфу, чтобы войти съ нею въ связь.

Но это была часть бригады Гривичича, котораго Габленцъ направилъ во флангъ прусакамъ. На него и наткнулся прусскій баталіонъ у Альтъ-Рогница. Сознавая всю важность назначенія, которое случайно выпало на его долю, командиръ баталіона, Годи, рѣшился не отступать и геройски исполнилъ свою задачу. Въ узкомъ оврагѣ, вдоль котораго тянется Альтъ-Рогницъ, и по сторонамъ его произошла кровавая свалка: въ короткое время командиръ баталіона, большая часть офицеровъ и больше трети людей выбыли изъ строя. Потѣснили баталіонъ; но въ южномъ концѣ деревни онъ успѣлъ удержаться до прибытія другаго баталіона своего полка. Примкнувъ къ себѣ остатки баталіона своего падшаго товарища, маіоръ Бенъ ринулся впередъ и выбилъ австрійцевъ изъ Альтъ-Рогница. Гривичичъ, вѣроятно, получивъ уже извѣстіе объ исходѣ дѣла у Бургерсдорфа, не возобновилъ атаки.

Это указало, что у Траутенау долженъ еще находиться непріятель, вслѣдствіе чего двумъ баталіонамъ, оставшимся въ резервѣ, дано направленіе на Гогенбрукъ къ Траутенау; правѣе ихъ, для связи съ сражавшимся у Альтъ-Рогница, пущены три роты фузилернаго баталіона того же гренадерскаго № 2-го полка, по лѣсистымъ высотамъ, которыя наканунѣ занималъ Бонинъ. Преслѣдованіе дало до 4,000 плѣнныхъ, два знамени и нѣсколько орудій. Прекратили его, дойдя до Траутенау на сѣверѣ и до Соора на западѣ, часовъ около пяти пополудни. Общая потеря Габленца, по прусскимъ свѣдѣніямъ, должна доходить до 8,000 человѣкъ; прусаки же потеряли 700. Такимъ образомъ, X корпусъ, такъ героически показавшій себя наканунѣ, былъ уничтоженъ наполовину, благодаря тому, что не былъ поддержанъ вовремя. Толпы, разсѣянныя, деморализованныя, съ большими усиліями направлены были на Пильникау, дабы оттуда начать кружное отступленіе къ главнымъ силамъ, на тотъ самый Оберъ-Прауснитъ, который подалъ поводъ къ такому роковому для нихъ недоразумѣнію. Прусаки, подъ предлогомъ утомленія, не преслѣдовали, забывъ заповѣдь Фридриха Великаго, что въ необыкновенные дни нужно умѣть дѣлать и необыкновенныя усилія.

Заключенія. Габленцъ отчасти самъ былъ виною катастрофы, не принявъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы убѣдиться еще

27-го, дѣйствительно ли занятъ Праусницъ-Кайле. На войнѣ мало распорядиться или попросить о распоряженіи, а необходимо еще посмотрѣть, *исполнено ли распоряженіе.*

Предполагая со стороны Габленца немедленное движеніе къ Эйпелю послѣ боя у Траутенау, *несмотря на утомленіе войскъ*, положеніе его на слѣдующій день было бы выгоднѣе. Въ горной войнѣ только тотъ и выходитъ побѣдителемъ, кто не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не все сдѣлано. Наполеонъ въ 1796 году—высокій образецъ въ этомъ смыслѣ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, посланный отъ Габленца донесъ Бенедеку о судьбѣ X корпуса, ставшаго второй искупительной жертвой за ошибку употребленія силъ по частямъ. Говорятъ, будто бы главнокомандующій, обращаясь къ Геникштейну и Кризманичу, замѣтилъ: „я вамъ говорилъ, что если будемъ употреблять свои силы по частямъ, насъ побьютъ“. Если это справедливо, то какою горечью и презрѣніемъ должно было наполниться его сердце къ невинной теоріи и къ представителямъ ея, одностороннимъ теоретикамъ, склонившимъ его отступить отъ принципа совокупнаго употребленія силъ, котораго онъ всегда держался въ бою и которому измѣнилъ, когда дошло дѣло до стратегическаго распредѣленія массъ!... И какъ безвозвратно, можетъ быть, пожалѣлъ онъ о томъ, что самъ не занимался теоріей хотя на столько, чтобы не преклоняться безусловно передъ доводами теоретиковъ, понимавшихъ ее вкривь и вкось, а найти, напротивъ, подкрѣпленіе въ ней своему личному опыту и личному здравому смыслу!... Для обширныхъ стратегическихъ комбинацій дѣйствительная практика возможна чрезвычайно рѣдко: на всю жизнь главнокомандующаго, кромѣ эпохъ исключительныхъ, придется можетъ быть одна, двѣ войны; при этомъ личный опытъ не очень выйдетъ великъ. И единственный возможный путь освоиться съ духомъ этихъ комбинацій лежитъ въ тщательномъ изученіи военной исторіи. Если его нѣтъ, поневолѣ попадешь въ руки Вейротеровъ и имъ подобныхъ, и головы летятъ тысячами безъ толку, и троны колеблются, и репутаціи, созданныя долгой трудовой, доблестной жизнію, рушатся въ прахъ....

2) *Бой у Скалица.*

Уже извѣстно, что у Скалица и въ резервѣ за нимъ стояли три австрійскихъ корпуса—IV, VI и VIII—и резервная кавалерійская дивизія принца Гольштейна, слѣдовательно не ме-

нѣе 80,000. На нихъ Штейнмецъ долженъ былъ наступать съ 35-ю, не болѣе.

Генералъ Штейнмецъ, получивъ приказаніе кронпринца продолжать наступленіе на слѣдующій день, отдалъ диспозицію, сущность которой заключалась въ томъ, что бригада Гофмана должна была выдвинуться къ Нейштадту, выслать въ пятомъ часу утра свой драгунскій полкъ на рекогносцировку въ томъ же направленіи, примѣрно на одну милю. Въ авангардъ назначенъ гренадерскій полкъ № 7-го съ 4-хъ-фунтовою батареей, 4-мъ драгунскимъ полкомъ, ротой саперъ на дорогу Высоково-Скалицъ. Главныя силы направляются за авангардомъ (10-я дивизія и 66 орудій—Кирхбахъ), имѣя въ правомъ боковомъ отрядѣ 17-ю бригаду, двѣ роты стрѣлковъ, одинъ эскадронъ, 24 орудія, которымъ итти на Скалицъ черезъ Студницъ. Обозъ на Костелецъ, подъ прикрытіемъ остальныхъ ротъ піонернаго баталіона.

Около восьми часовъ войска были готовы у Высокова и Студница, съ тою только разницею отъ диспозиціи, что бригада Гофмана не пошла на Нейштадтъ, а образовала уступъ влѣво относительно авангарда.

Генералъ Штейнмецъ рѣшился направить главное усиліе въ обхватъ лѣваго непріятельскаго фланга, дабы скорѣе имѣть въ своей власти дороги, по которымъ можно бы было войти въ связь съ гвардіей. Для начала атакъ ожидали только прибытія обѣщанной гвардейской пѣхотной дивизіи. Такъ прошло часовъ до десяти. Наконецъ было получено увѣдомленіе, что вся гвардія, вслѣдствіе неудачи 1-го корпуса, двинута черезъ эйпельскій проходъ.

Это извѣстіе совершенно измѣняло положеніе, и притомъ не въ особенно выгодную сторону. Не было сомнѣнія, что австрійцы находятся у Скалица въ превосходныхъ силахъ, между тѣмъ какъ всѣ войска генерала Штейнмеца дрались, и притомъ послѣ труднаго перехода, и только къ вечеру 27-го усилены были бригадой Гофмана.

Но командиръ 5-го корпуса, имѣя въ виду свое назначеніе прикрывать общее движеніе, рѣшилъ атаковать.

Австрійцы заняли узкую и длинную высоту, на которой стоитъ Скалицъ, а передовыя войска выдвинули въ лѣсокъ у Дубно, правѣе и лѣвѣе котораго поставили сильныя батареи.

Прусскія войска двинуты впередъ. Едва Левенфельдъ отъ

Студница выдвинулся впередъ на Шефферъ-Бергъ, какъ противъ него открыли сильную канонаду; его батареи выдвинуты на позицію и тоже начали стрѣлять. Превосходство непріятеля побудило генерала Левенфельда нѣсколько податься назадъ. Штейнмецъ, замѣтивъ это, самъ поскакалъ къ этому отряду, приказавъ авангарду лѣвой колонны и бригадѣ Гофмана рѣшительно атаковать лѣсъ у Дубно. Нѣсколько времени спустя правый боковой отрядъ также двинулся въ атаку: лѣсъ, Дубно и Клени взяты сразу, но не безъ упорнаго боя. Этотъ первый успѣхъ совершенно разстроилъ порядокъ въ передовыхъ войскахъ; части смѣшались, но это не помѣшало смѣло подаваться всей линіи впередъ. Подъ прикрытіемъ этихъ войскъ, дивизія Кирхбаха переведена вправо и фронтомъ расположилась къ Зличу, упираясь правымъ флангомъ въ рѣку Аупу. Между тѣмъ, войска, атаковавшія линіи Дубно и Клени, дошли до главной позиціи—скалицкой высоты.

Эту высоту на правомъ флангѣ усиливала еще углубленная желѣзная дорога, воксалъ которой и дома Скалица, прилегающіе къ самому скату, были заняты и приведены въ оборонительное положеніе. На нѣкоторое время все слилось въ общій гулъ отъ канонады и ружейной перестрѣлки съ обѣихъ сторонъ. Въ это время справа у Чернова появилась бригада гвардейскихъ кирасиръ; ординарцы, разосланные по войскамъ, указывая на прибытіе этого подкрѣпленія, именемъ генерала Штейнмеца отдали приказъ: всѣмъ ломить прямо передъ собою; одновременно съ фронтальной атакою Кирхбахъ долженъ былъ ударить съ лѣваго фланга. Съ фронта атака была крайне трудна, особенно у желѣзной дороги и далѣе въ Скалицѣ, гдѣ приходилось брать домъ за домомъ, и едва-ли бы она удалась, если бы не энергическое содѣйствіе Кирхбаха, который съ 20-ю бригадой опрокинулъ все стоявшее на высотахъ сѣвернѣе Скалица и взялъ баррикаду, преграждавшую входъ въ городъ съ его стороны. Послѣ этого героическаго усилія, сквозь 20-ю бригаду была проведена 19-я, которая продолжала бой въ городѣ и совмѣстно съ полкомъ авангарда (гренадерскаго № 7-го) наконецъ очистила его отъ австрійцевъ.

Прусаки заняли противоположный берегъ Аупы и преслѣдовали только огнемъ отступавшихъ къ Долану австрійцевъ, чѣмъ и законченъ бой, около четырехъ часовъ пополудни.

Пять орудій и около 2,500 плѣнныхъ попали въ руки по-

бѣдителямъ; число убитыхъ въ точности неизвѣстно. Прусаки потеряли всего: 40 офицеровъ и 1,180 нижнихъ чиновъ. Дѣло сдѣлала почти исключительно пѣхота, такъ какъ, по свойству мѣстности, артилерія могла дѣйствовать только съ дальнихъ позицій, а кавалерія и совсѣмъ не была употреблена. Изъ показанной потери на эти два послѣдніе рода войскъ приходится всего 6 человѣкъ.

Со стороны австрійцевъ въ дѣлѣ принялъ участіе одинъ только VIII корпусъ, при возможности употребить три; со стороны же прусаковъ дрались тѣ же самыя войска, что и вчера; прибавился только 38-й полкъ бригады Гофмана; другой его полкъ остался нетронутымъ.

Австрійцы остались вѣрны своему принципу смѣны, въ примѣненіи не только къ корпусамъ (такъ какъ VI-й въ этотъ день не принялъ участія въ дѣлѣ), но и къ болѣе мелкимъ единицамъ; прусаки же, напротивъ, до такой степени не допускали мысли о возможности отдыха, пока цѣль не достигнута, что и въ этотъ день, какъ и при Находѣ, тяжесть боя опять легла на доблестную 17-ю бригаду и на 7-й полкъ.

Командиръ VIII корпуса послѣ этого дѣла былъ смѣненъ, хотя невольно приходитъ въ голову такое недоумѣніе: отчего Бенедеку не выѣхать было самому для распоряженія боемъ? Отъ Іозефштата до Скалица всего одиннадцать верстъ; о важности положенія не трудно было судить изъ того, что случилось съ Раммингомъ; наконецъ, перемѣщеніе главнокомандующаго изъ главной квартиры на такое незначительное разстояніе не могло невыгодно отразиться на общемъ ходѣ стратегическихъ распоряженій, обнимавшихъ еще десятки верстъ. Если припомнятъ, графъ Кламъ былъ еще въ это время у Мюнхенгреца и Субботки; слѣдовательно, ничѣмъ не рискуя, можно было, кажется, сосредоточить все свое вниманіе на II прусской арміи.

Какъ и наканунѣ, приказъ генерала Штейнмеца насчетъ необходимыхъ распоряженій былъ готовъ черезъ часъ послѣ боя. Аванпосты предписано выставить на лѣвомъ берегу Аупы, отъ Рикова черезъ Заѣздъ отъ бригады Гофмана и отъ 20-й; штабъ-квартирѣ перейти въ Скалицъ; 7-му полку занять этотъ городъ, а остальнымъ частямъ обѣихъ дивизій стать фронтомъ къ городу, 9-й сѣвернѣе, 10-й южнѣе находскаго шоссе; артилерійскому резерву—за 10-й дивизіей, отъ которой выставить аванпосты къ сторонѣ Нейштадта. Войска предупреждены, что въ Находѣ устроенъ лазаретъ іоганнитовъ. Войскамъ приказано выдать двойную порцію; на слѣдующій день, утромъ, сдѣлать варку; обѣдъ кончить къ одиннадцати часамъ.

„*Въ случаѣ, если непріятель ранѣе этого времени произведетъ нападеніе, котлы оставить на кострахъ и отрядить къ нимъ по нѣскольку человѣкъ.*

„Обратить вниманіе, чтобы всѣ питейные запасы въ городѣ были конфискованы и распредѣлены между частями.

„Если на слѣдующій день не послѣдуетъ движенія, то войскамъ, вечеромъ, выдать еще порцію.

„Патроны пополнить къ сегоднишнему вечеру.“

Замѣтка о котлахъ говоритъ сама за себя во всѣхъ смыслахъ.

29-го іюня. Положеніе австрійцевъ. Послѣ неудачъ 28-го іюня, въ австрійской главной квартирѣ, кажется, признали, что уже достаточно сдѣлано для прикрытія *стратегическаго развертыванія арміи* и что можно было приступить наконецъ къ тому, чтобы противодѣйствовать соединенію враждебныхъ массъ. Какъ уже сказано при описаніи боя у Гичина, утромъ 29-го, рѣшено было, задержавъ I армію у этого пункта, пустить въ промежутокъ между нею и II арміею четыре корпуса черезъ Милетинъ въ направленіи къ Турнау, о чемъ и извѣщенъ былъ принцъ Саксонскій. Но эта рѣшимость, кажется, была принята за тѣмъ только, чтобы ее немедленно оставить: передъ обѣдомъ войска получили диспозицію, предписывавшую имъ слѣдующее расположеніе:

IV корпусу оставаться на позиціи у Долана, *не вступая въ неравный бой съ превосходными силами непріятеля*, въ случаѣ нападенія котораго отступать на Сальней, гдѣ и стать въ резервѣ за II корпусомъ, вмѣстѣ съ 1-й резервной кавалерійской дивизіей.

II корпусу занять высоты Сальней и Кукуса и быть въ готовности отразить нападеніе съ востока и сѣверо-востока.

VIII корпусу занять пространство лѣвѣе II, фронтомъ частію на востокъ, частію на сѣверъ.

VI корпусу стать лѣвѣе VIII, у Зибоѣда, фронтомъ на сѣверъ; X — въ резервѣ за VI, между Штерномъ и Либталемъ.

2-й и 3-й резервнымъ кавалерійскимъ дивизіямъ прикрывать лѣвый флангъ VI корпуса.

III корпусу расположиться у Милетина; артилерійскому резерву, подъ прикрытіемъ одного уланскаго полка, у Большаго Бюрглица (*).

(*) Верстахъ въ 4 слишкомъ за позиціею.

Войска, ввѣренныя принцу Саксонскому (*), должны были присоединиться къ главнымъ силамъ, избѣгая боя съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ.

Эту позицію приказано сохранять и въ теченіе 30-го іюня.

Современныя дѣйствія прусаковъ. По диспозиціи изъ главной квартиры, соединеніе корпусовъ II арміи у Краледвора должно было наконецъ состояться 29-го іюня.

Гвардейскій корпусъ, бивуакировавшій на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ окончилъ бой наканунѣ, направленъ черезъ Бургерсдорфъ и Реттендорфъ къ Краледвору. Съ началомъ движенія 3-й гвардейскій полкъ наткнулся на разсѣянныя толпы X корпуса, укрывавшіяся въ перелѣскахъ около Бургерсдорфа и, слѣдовательно, ночевавшія почти въ расположеніи прусаковъ, чего послѣдніе и не подозрѣвали. Стычка не могла быть серьезна: истощенные, потерянные, они скорѣе бросали оружіе, чѣмъ дрались: до 400 плѣнныхъ попали, такимъ образомъ, въ руки прусаковъ.

Авангардъ гвардейскаго корпуса (**), при движеніи къ Краледвору, получилъ донесеніе отъ своихъ гусаръ, что этотъ пунктъ занятъ непріятелемъ; на высотахъ по ту сторону Эльбы видны были идущія войска; занималъ Краледворъ полкъ Коронини (№ 6-го), съ двумя егерскими ротами бригады Флейшгакера, которому случайность отвела такое роковое мѣсто въ пораженіи Габленца и который теперь призванъ былъ прикрыть отступавшіе остатки его корпуса.

Гвардейскій авангардъ выстроился къ атакѣ; раздвинулись и главныя силы, дабы облегчить артилеріи выѣздъ на позицію. Послѣ непродолжительной канонады, авангардъ пошелъ въ атаку, потѣснилъ цѣпи, разсыпанныя въ поляхъ впереди города, затѣмъ ворвался въ него съ нѣсколькихъ сторонъ и, не обращая вниманія на огонь изъ домовъ, бросился къ мосту черезъ Эльбу. Прусаки достигли его ранѣе, нежели австрійцы очистили дворы. Это имѣло слѣдствіемъ полное разстройство полка Коронини: два знамени и 400 плѣнныхъ достались прусакамъ, которые съ своей стороны потеряли не болѣе 70 человѣкъ. Въ колоннѣ генерала Штейнмеца также не обошлось еще безъ одного дѣла.

(*) Т. е. его и I корпусъ,

(**) Составъ тотъ же, что и наканунѣ.

Дѣло у Швейншеделя.

Генералу Штейнмецу приказано было достигнуть, 29-го, Градлица. Съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе его колонны становилось опаснѣе, ибо она приближалась къ средоточію австрійскихъ силъ. Притомъ и войска были утомлены нечеловѣческими усиліями двухъ предшествовавшихъ дней. По счастію, австрійская диспозиція значительно уменьшала рискъ предпріятія: какъ уже извѣстно, Фестетичъ (IV корпусъ) долженъ былъ „избѣгать боя съ превосходными силами“, при чемъ всякое рѣшительное наступленіе могло показаться наступленіемъ превосходныхъ силъ. Такъ и было. Генералъ Штейнмецъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Чтобы дать отдохнуть войскамъ, онъ приказалъ выступить только въ два часа пополудни. По собраннымъ свѣдѣніямъ, значительныя непріятельскія силы были сосредоточены у Долана; вслѣдствіе чего и рѣшено, избѣгая столкновенія съ ними, пройти на Градлицъ вправо, выславъ боковой авангардъ къ Швейншеделю изъ 20-й пѣхотной бригады съ двумя батареями и драгунскимъ № 4-го полкомъ.

Главныя силы должны были переправиться выше Скалица, у Злича и Ратиборицъ и двинуться въ обходъ лѣваго непріятельскаго крыла, Мисколесъ, Хвалковицъ, Градлицъ. Авангардъ колонны главныхъ силъ составляли 19-я бригада, двѣ роты стрѣлковъ, уланы № 1-го и двѣ батареи, подъ командою генералъ-лейтейнанта Кирхбаха; за нимъ непосредственно шла гвардейская кирасирская бригада со своей батареей.

Около четырехъ часовъ, когда голова боковаго авангарда достигла Тржебезова, показались сильныя колонны со стороны Іозефштадта. 20-я бригада построилась въ двѣ линіи полубатальонныхъ колоннъ правѣе дороги, имѣя лѣвѣе ея только два полубатальона.

Въ то же время Кирхбахъ, дошедшій до Мисколеса, перешелъ здѣсь черезъ оврагъ, пристроился къ боковому авангарду, и обѣ бригады двинулись къ линіи Зебучъ-Швейншедель; тотъ и другой пункты были взяты безъ особеннаго труда у частей IV корпуса.

Австрійцы отступили непреслѣдуемые, такъ какъ 5-му корпусу нужно было идти на Градлицъ, а не на Іозефштадтъ.

Выдвинувъ всю свою кавалерію (1) за Швейншедель, генералъ Штейнмецъ стянулъ за хвалковицкій оврагъ пѣхоту и у Буковины остановилъ ее на привалъ до девяти часовъ вечера, послѣ чего безпрепятственно дошелъ до Градлица, гдѣ и расположился на ночлегъ, выдвинувъ авангардъ къ юго-западу въ направленіи къ Яромиржу, и расположивъ аванпосты по Алленбаху. Хвостъ колонны прибылъ къ мѣсту только утромъ 30-го.

29-го же корпусъ генерала Бонина возвратился отъ Шемберга, у котораго отдыхалъ въ теченіе всего 28-го, и прибылъ къ Пильникау.

6-й корпусъ (генерала Муціуса) 29-го прибылъ къ Сналицу.

Такимъ образомъ, трудная задача сосредоточенія у Краледвора, державшая цѣлые два дня II прусскую армію въ положеніи критическомъ, была рѣшена, благодаря непонятнымъ колебаніямъ Бенедека, благодаря настойчивости генерала Штейнмеца, который съ одними и тѣми же войсками три дня сряду наступалъ и дрался, по труднымъ дорогамъ и въ сильную жару (2). Половина австрійскихъ силъ (3) понесла весьма чувствительныя потери и поколеблена нравственно двумя прусскими корпусами (4). Бенедекъ дорого заплатилъ за потерю удобной минуты къ переходу въ наступленіе. Въ общемъ потери его дошли до 40,000 чел.; о нравственномъ же упадкѣ и говорить нечего. Вмѣстѣ съ тѣмъ это подняло увѣренность въ себѣ прусаковъ до той степени, на которой становится почти невозможнымъ побѣдить армію тому, кто передъ тѣмъ былъ ею побѣжденъ. Смѣло можно сказать, что, послѣ всего происшедшаго, каждый прусакъ стоилъ покрайней мѣрѣ двухъ австрійцевъ.

Потеря минуты такой грѣхъ въ военномъ дѣлѣ, за который противникъ мало-мальски искусный всегда жестоко бьетъ. Это вѣрно какъ относительно самыхъ мелкихъ боевыхъ, такъ и самыхъ крупныхъ стратегическихъ положеній. Въ началѣ кампаніи, прусской II арміи представляется превосходный случай вторгнуться въ Богемію между 21-мъ и 24-мъ іюня; она упу-

(1) Гвардейская кирасирская бригада съ батареей, драгунскій 4-й и уланскій 1-й полки.

(2) Сдѣлавъ въ три дня около 42 верстъ.

(3) VI, VIII, X, IV корпуса.

(4) 5-мъ и гвардейскимъ.

стила эту минуту, благодаря безполезному передвиженію къ Нейссе. Вслѣдствіе этого шансы перешли на сторону австрійцевъ: дни 27-го, 28-го и 29-го могли быть для нихъ самыми доблестными и самыми роковыми для прусаковъ. Силы послѣднихъ разбросаны по дефиле, растянуты трудными дорогами; Бенедекъ имѣетъ, напротивъ, свои силы сосредоточенными. Но вмѣсто того, чтобы ударить направо или налѣво, онъ колеблется между обѣими этими рѣшимостями, мучитъ войска сцѣпленіемъ приказаній и отмѣнъ ихъ, пропускаетъ минуту и кончаетъ кениггрецской катастрофой, къ чему его не привела бы самая дерзкая рѣшимость вначалѣ, но только на что-нибудь одно. (*)

Положеніе прусаковъ и австрійцевъ 30-го іюня. Въ этотъ день рѣшено было прусскимъ войскамъ дать отдыхъ. Только 6-й корпусъ притянутъ къ Градлицу. Предстояло рѣшить еще одну задачу—соединиться съ принцомъ Фридрихомъ-Карломъ, который въ это время находился въ 20 верстахъ слишкомъ.

Связь съ нимъ была уже возстановлена: отъ Гичина, 30-го, къ Нейштедтлю, гдѣ стоялъ 1-й корпусъ, прибылъ 1-й гвардейскій драгунскій полкъ отъ арміи принца Фридриха-Карла.

30-го произошла одна только незначительная тревога; трудно рѣшить даже, кто первый ее поднялъ — австрійцы или прусаки.

Рано утромъ, часовъ около четырехъ, двѣ прусскія батареи (**), выѣхавшія южнѣе Градлица, открыли огонь и нанесли нѣкоторый уронъ бригадамъ принца Виртембергскаго и Сафрана (II корпуса). Войска быстро стали въ ружье; австрійскія батареи также открыли огонь по Градлицу; нѣсколько снарядовъ попало въ бивуаки 5-го корпуса—и тамъ тревога; въ Градлицѣ зажжено нѣсколько домовъ. Прусаки думали, что австрійцы собираются что-либо предпринять, австрійцы ожидали того же со стороны прусаковъ; но ни того, ни другаго не было. Рѣдкая канонада тянулась часовъ до девяти утра, послѣ чего замолкла для того, чтобы возобновиться опять около шести часовъ, точно также безцѣльно.

30-го же іюня король прусскій прибылъ въ Рейхенбергъ и принялъ начальство надъ арміями, дѣйствовавшими въ Боге-

(*) Не даромъ говорится, что самая отчаянная изъ всѣхъ рѣшимостей это — когда человѣкъ ни на что не можетъ рѣшиться...

(**) Какъ повѣствуютъ австрійцы.

міи. 1-го іюля его главная квартира перенесена въ Турнау, 2-го—въ Гичинъ.

Между тѣмъ, въ главной австрійской квартирѣ оставили намѣреніе оборонять линію Эльбы, и къ вечеру всѣмъ корпусамъ разослано приказаніе отступить ночью въ окрестности Кениггреца (Кралеграда), оставивъ аріергарды и аванпосты до разсвѣта на занимаемыхъ позиціяхъ.

Снялись корпуса съ позиціи и потянулись; но ночное движеніе обратилось въ дневное. Чего стоило это движеніе войскамъ, достаточно свидѣтельствуетъ одинъ фактъ: II корпусъ, долженствовавшій отступить къ дер. Тротинѣ, т. е. сдѣлать всего около десяти верстъ, прибылъ туда только 1-го іюля, около полудня, задержанный столпленіемъ войскъ и обозовъ около Яромиржа. Движеніе, несмотря на эту случайность, совершено безпрепятственно—лучшее доказательство, что не было никакой надобности предпринимать его ночью.

VII.

ПОЛОЖЕНІЕ ПРОТИВНИКОВЪ ПЕРЕДЪ ВИТВОЙ ПРИ КЕНИГГРЕЦѢ.

Положеніе пруссаковъ. Хотя соединеніе обѣихъ прусскихъ массъ еще и не состоялось, но этому не было уже болѣе никакого препятствія; торопиться съ нимъ не было надобности, ибо если австрійцы не имѣли достаточно рѣшительности и подвижности, чтобы разбить отдѣльные дебуширующіе изъ горныхъ дефиле корпуса, то тѣмъ менѣе можно было опасаться какого-либо рѣшительнаго предпріятія противъ одной изъ разрозненныхъ между собою армій, изъ которыхъ каждая имѣла свои силы уже сосредоточенными. Притомъ же австрійцы такъ были потрясены предшествующими неудачами, что принимать противъ нихъ предосторожности, совѣтуемыя теоріею въ отношеніи противника предпріимчиваго, было бы только тратой времени и безполезнымъ утомленіемъ войскъ.

Къ этому присоединялось еще и то соображеніе, что, въ случаѣ соединенія прусскихъ силъ на правомъ берегу Эльбы, Бенедекъ могъ бы, переправившись на лѣвый, занять фланговую позицію Іозефштадтъ-Кениггрецъ, что заставило бы снова переправляться на лѣвый берегъ, только съ боемъ.

Вслѣдствіе этого кронпринцъ, по распоряженію свыше, не присоединилъ своей арміи къ I, а только принялъ мѣры

къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть безпрепятственный переходъ на правый берегъ Эльбы. Для этого дальнѣйшій отъ австрійцевъ корпусъ — генерала Бонина—1-го іюля перешелъ у Нейштедтля на правый берегъ Эльбы и достигъ Оберъ-Прауснца, выславъ авангарды въ Желеіовъ и Аухлеіовъ. Кавалерійская дивизія II арміи, шедшая по одной дорогѣ съ 1-мъ корпусомъ, осталась у Нейштедтля.

2-го іюля и 1-й гвардейской дивизіи, стоявшей у Краледвора, приказано выдвинуть авангардъ на правый берегъ Эльбы, въ Даубравицъ. 2-я гвардейская дивизія и тяжелая гвардейская кавалерійская бригада остались у Реттендорфа; 5-й и 6-й корпуса, попрежнему, у Градлица; главная квартира — Краледворъ.

Современно этому, корпусъ Герварта прибылъ къ Смидару и расположился въ окрестностяхъ этого пункта; 1-я же армія заняла слѣдующее расположеніе, считая отъ праваго фланга:

2-й корпусъ (Шмитъ): 4-я дивизія у Собшица и западнѣе; 3-я у Востромера.

Артилерійскій резервъ впереди 3-й дивизіи. у Домославица и Ауездъ-Сибвару.

4-й корпусъ: 8-я дивизія у Головуса, 7-я у Горица.

3-й корпусъ: 5-я дивизія у Добесъ, 6-я у Милетина.

Артилерійскій резервъ арміи (*) за 3-мъ корпусомъ у Влканова и Малаго Милетина, слѣдовательно какъ-разъ впереди авангарда 1-го корпуса у Зелеіова.

Резервный кавалерійскій корпусъ (принца Альбрехта) въ авангардѣ южнѣе Горица, у Гутвассера, Лисковица и Башница.

Аванпосты I арміи были выдвинуты на линію Пзанекъ-Кленицъ-Череквицъ.

Главная квартира въ Каменицѣ, въ 12 верстахъ за Горицемъ, по гичинской дорогѣ.

Все прусское расположеніе занимало: по фронту. отъ Смидара до Градлица, около 30 верстъ. въ глубину не болѣе 20 (**). Большая часть II арміи была притомъ отдѣлена Эльбой отъ остальной массы силъ.

Разстояніе между главными квартирами было: отъ Гичина

(*) Состоявшій изъ артилерійскихъ резервовъ 3-го и 4-го корпусовъ, которые принцъ Фридрихъ-Карлъ соединилъ въ одинъ.

(**) Считая по линіи Нейштедтель-Прауницъ-Горицъ-Башницъ.

до Каменца 9 верстъ; отъ Гичина до Краледвора около 30 слишкомъ и отъ Каменица до Смидара (*) около 14 верстъ.

Въ главной квартирѣ короля полагали, что Бенедекъ займетъ позицію на лѣвомъ берегу Эльбы, между крѣпостями, вслѣдствіе чего и рѣшено было дать 2-го іюля отдыхъ войскамъ, а 3-го приказано сдѣлать рекогносцировки: отъ I арміи къ Кениггрецу, а отъ II къ Іозефштадту. Разосланы были соотвѣтствующія приказанія; принцъ Фридрихъ-Карлъ, бывшій въ Гичинѣ, лично получилъ ихъ и около полудня отправился въ Каменицъ. Но по прибытіи туда онъ получилъ нѣсколько донесеній о томъ, что непріятель сосредоточенъ на правомъ берегу Эльбы, за Быстрицею, и что есть части, расположенныя даже по сю сторону этой рѣчки и занимающія Чернутекъ и Дубъ.

Такимъ образомъ, дѣло представилось совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ казалось въ главной квартирѣ, и естественно требовало иныхъ распоряженій. Рѣшимость непріятеля принять бой въ подобномъ положеніи была до такой степени выгодна для прусаковъ, что должна была вызвать съ ихъ стороны безотлагательную атаку, дабы не дать Бенедеку времени перемѣнить свое намѣреніе.

Главнокомандующій 1-ю арміею рѣшился поэтому, во всякомъ случаѣ, вызвать бой утромъ 3-го, и не былъ увѣренъ только въ одномъ: собираются ли австрійцы наступать, или обороняться.

Сообразно этому намѣренію, войскамъ разослано приказаніе двинуться въ ночь со 2-го на 3-е въ направленіи къ Быстрицѣ и занять позиціи, на которыхъ они могли бы обороняться до прибытія подкрѣпленій; генералу Герварту приказано выступить возможно ранѣе на Неханицъ и дѣйствовать во флангъ непріятелю, будетъ ли онъ атаковать, или обороняться. Къ кронпринцу отправленъ ординарецъ съ просьбою подкрѣпить I армію хотя однимъ корпусомъ, направивъ его въ правый флангъ австрійцевъ.

Генерала Фохтсъ-Реца принцъ послалъ къ королю съ донесеніемъ о вновь полученныхъ свѣдѣніяхъ. Фохтсъ-Рецъ прибылъ въ Гичинъ около десяти часовъ вечера и донесъ королю о распоряженіяхъ своего главнокомандующаго. Собранъ военный совѣтъ: немного употребилъ онъ времени на то, чтобы рѣ-

(*) Корпусъ Герварта былъ подчиненъ принцу Фридриху-Карлу.

шиться, но только иниціативѣ принца Фридриха-Карла далъ полное развитіе: не одному корпусу II арміи, но всей арміи приказано двинуться во флангъ предполагаемаго расположенія Бенедека. Мгновеніе выпадало драгоцѣнное, подобнаго которому могло не представиться болѣе во всю кампанію: нужно было ловить его налету, и великая заслуга прусскихъ военачальниковъ заключалась именно въ томъ, что они поняли это положеніе и быстро рѣшились. При такомъ условіи, хорошо соображенный планъ нападенія составлялъ уже если не второстепенное, то далеко не главнѣйшее условіе.

Когда судьба посылаетъ возможность напасть на противника въ минуту ошибочнаго его положенія, первою заботою должно поставить себѣ *быстро* бить; искуство удара является дѣломъ второстепеннымъ. Но прусаки не упустили изъ вида и этого послѣдняго условія; напротивъ, выполнили его хорошо, если принять въ разсчетъ пасивность австрійскихъ начальниковъ и нравственное состояніе ихъ арміи.

Общая идея плана атаки заключалась въ томъ, чтобы *употребить $4^1/_2$ корпуса принца Фридриха-Карла на атаку съ фронта, дабы, такъ сказать, придержать Бенедека на позиціи, не дать ему уйти за Эльбу, и тѣмъ выиграть время, необходимое на то, чтобы армія кронпринца ударила ему во флангъ.* Дополненіе этой основной идеи, долженствовавшее усилить для австрійцевъ послѣдствія пораженія, если бы оно состоялось (*), заключалось въ томъ, что Гервартъ получилъ приказаніе прямо устремиться къ Кениггрецу, въ обходъ лѣваго австрійскаго фланга, не очень занимаясь фронтальнымъ сбиваніемъ съ позиціи войскъ, которыя ему будутъ противупоставлены.

Король назначилъ свой выѣздъ изъ Гичина 3-го, въ пять часовъ утра, къ арміи Фридриха-Карла. Вмѣнено въ обязанность этому послѣднему не завязывать дѣла слишкомъ рано (если не послѣдуетъ нападенія со стороны противника), дабы дать время подойти II арміи. Къ кронпринцу въ Кенигингофъ посланъ съ приказаніями флигель-адъютантъ Финкенштейнъ, около часа пополуночи, 3-го іюля.

Распоряженія для осуществленія вышеизложенной идеи заключались въ слѣдующемъ:

а) Въ I-й арміи: Герварту, съ возможно-большимъ числомъ войскъ, идти по извѣстному уже направленію, отъ Смидара.

(*) А прусаки въ этомъ почти не сомнѣвались послѣ одержанныхъ успѣховъ.

Остальнымъ тремъ корпусамъ арміи быть къ двумъ часамъ утра на слѣдующихъ мѣстахъ:

2-му корпусу—въ *Бржистань* 3-й дивизіи и въ *Пзанекъ* 4-й.

4-му корпусу — 8-й въ *Миловицъ* на шоссе; 7-й по переправѣ черезъ Быстрицу у *Большаго Еричка*, въ *Череквицъ*, на лѣвомъ флангѣ расположенія.

3-му корпусу составить резервъ, расположившись къ югу отъ *Горица*.

Резервной кавалеріи съ разсвѣтомъ быть въ готовности на бивуакѣ у *Гутвассера*.

Артилерійскому резерву арміи—*сѣвернѣе и западнѣе Горица*, на милетинской и гичинской дорогахъ. Все это расположеніе заняло въ глубину и по фронту около 10 верстъ. (*)

Вмѣстѣ съ тѣмъ 2-му корпусу вмѣнено въ обязанность войти въ связь съ корпусомъ Герварта, а 7-й дивизіи съ арміей кронпринца.

б) Во II арміи:

Утромъ 3-го, въ четыре часа, прибылъ въ Краледворъ флигель-адъютантъ Финкенштейнъ, со слѣдующимъ королевскимъ приказомъ главнокомандующему:

„По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ I арміи, непріятель, въ числѣ трехъ корпусовъ, а можетъ быть и больше, перешелъ Быстрицу при Садовой, и потому можно ожидать тамъ встрѣчи съ нимъ.

„I арміи приказано 3-го, въ два часа по полудни, находиться: двумъ дивизіямъ при Горицѣ, одной при Череквицѣ, двумъ при Пзанекѣ и Бржистанѣ; кавалерійскому корпусу у Гутвассера.

„Ваше королевское высочество должны тотчасъ принять нужныя мѣры, чтобы всѣми силами подкрѣпить I армію противъ праваго фланга предполагаемаго положенія противника, и какъ можно скорѣе быть въ состояніи напасть на него. Отданныя послѣ обѣда приказанія отмѣняются.

„Главная квартира Гичинъ, 2-го іюля. Вечеръ 11 часовъ.

„Мольтке.“

На основаніи этого приказанія, войскамъ II арміи въ пять часовъ разослана слѣдующая диспозиція:

Съ полученія сего войскамъ двинуться:

(*) Всѣ изложенныя распоряженія сдѣланы изъ главной квартиры принца Фридриха-Карла.

„1) 1-му корпусу, въ двухъ колоннахъ, черезъ Большой Тротинъ и Забржесъ къ Большому Бюрглицу.

„2) Кавалерійской дивизіи за 1-мъ корпусомъ.

„3) Гвардейскому корпусу отъ Краледвора на Еричекъ и Лота.

„4) 6-му корпусу на Вельховъ, оставивъ отрядъ для наблюденія за Іозефштадтомъ; назначенная рекогносцировка къ сторонѣ этой крѣпости отмѣняется.

„5) 5-му корпусу выступить два часа спустя послѣ 6-го на Хотеборекъ.

„6) Обозъ остается на мѣстѣ, впредь до приказанія.“

Слѣдовательно, по приведеніи въ исполненіе этого передвиженія, II армія должна была сосредоточиться въ окрестностяхъ Хотеборека, на пространствѣ не болѣе семи верстъ по фронту, въ разстояніи около четырехъ верстъ отъ Гореновеса, у котораго, какъ сейчасъ увидимъ, начиналась позиція австрійцевъ.

Нѣтъ надобности разбирать приведенные документы — они говорятъ сами за себя: краткость, ясная постановка цѣли, полное предоставленіе подробностей исполненія частнымъ начальникамъ.

Положеніе австрійцевъ. Послѣ утомительнаго ночнаго движенія, австрійскія силы прибыли въ окрестности Хлума, въ теченіе утра 1-го іюля, и заняли приблизительно (*) слѣдующее расположеніе: II корпусъ—вдоль Тротины, отъ деревни того же имени, до высоты впереди Сендразипа; впереди его 2-я легкая кавалерійская дивизія, съ назначеніемъ содержать аванпосты къ сторонѣ II арміи; VIII корпусъ—между Гореновесомъ и Бенатекомъ; IV корпусъ — за Неделистомъ; VI и X корпуса — у Гнѣвцовеса, Совѣтица и Садовой, на обоихъ берегахъ Быстрицы; III корпусъ—у Дуба и Чернутекъ; саксонцы у Прима и Проблуса, имѣя авангардъ за Поповецомъ, и оборонительные посты въ Лубно, Неханицѣ и Кунчицѣ.

1-я легкая кавалерійская дивизія—съ саксонцами.

1-я, 2-я и 3-я резервныя кавалерійскія дивизіи — западнѣе Кениггреца.

Главная квартира въ Кениггрецѣ.

(*) Относительно предварительнаго расположенія всѣхъ австрійскихъ корпусовъ нѣтъ положительныхъ данныхъ; здѣсь показано приблизительное расположеніе, основанное на очеркѣ дѣйствій II корпуса, напечатанномъ уже въ Oëstetr. Militair. Zeitschrift, и на прусскомъ свидѣтельствѣ о томъ, что на правомъ берегу Быстрицы стояло три австрійскихъ корпуса.

Нравственное настроеніе австрійской арміи не трудно себѣ представить, взявъ въ разсчетъ понесенныя потери, утомленіе войскъ безцѣльными движеніями и наконецъ то, что разсказы о прусскомъ ружьѣ мало по малу возвели его на степень баснословно-могущественнаго средства.

При такихъ обстоятельствахъ, едва-ли разсчетливо было рѣшаться на бой, не давъ времени войскамъ хотя нѣсколько освободиться отъ тяжкаго впечатлѣнія неудачъ, которыя были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Но Бенедекъ, по собственному ли намѣренію, или по предписанію свыше, къ вечеру 1-го іюля, началъ рѣшаться на то, чтобы принять оборонительный бой на позиціи за Быстрицей (*). Начальнику инженеровъ арміи, полковнику барону Пидоллю, приказано построить *нѣсколько* укрѣпленій между Липой и Неделистомъ. Въ теченіе 2-го и утра 3-го іюля возведено семь горизонтныхъ батарей (**); изъ нихъ четыре занимали весьма выгодное мѣсто по обѣимъ сторонамъ Хлума, но остальныя три расположены (***) подъ выстрѣлами съ командующей Масловѣдской высоты, находящейся отъ нихъ въ разстояніи около 600 саженъ. За то отдѣлка батарей отличалась замѣчательной чистотой и изобиліемъ ломаныхъ линій, а прямолинейность общаго направленія, на которомъ батареи построены, соблюдена вполнѣ точно. Подъ мерлонами были устроены пороховые погребки, хотя и неизвѣстно для какого назначенія. Кромѣ того, на опушкѣ рощи между Хлумомъ и Липой устроены засѣки. Саксонцы также усилили свою позицію одной батареей, возведенной на высотѣ южнѣе Лубно.

Работъ, имѣющихъ цѣлію затруднить путь непріятелю къ позиціи, какъ порча дорогъ и мостовъ, австрійцами сдѣлано не было; саксонцы же приготовили къ уничтоженію мостъ у Неханица.

Кромѣ того, штабъ II корпуса распорядился исправленіемъ мостовъ черезъ Эльбу, у Лохница и Предмерица. Какъ ка-

(*) По свидѣтельству нѣкоторыхъ прусскихъ писателей, было перехвачено письмо Бенедека къ одному изъ генераловъ, въ которомъ онъ заявлялъ о своемъ намѣреніи броситься на одну изъ прусскихъ армій отдѣльно, если ему откажутъ въ перемиріи. Если это такъ, то и въ этомъ случаѣ, значитъ, дѣло не обошлось безъ колебаній.

(**) Для сооруженія каждой изъ нихъ требовалось 5 — 6 часовъ времени и 1 офицеръ, 4 унтеръ-офицера, 4 ефрейтора, 30 рядовыхъ-инженеровъ; 12 плотниковъ и 140 нижнихъ чиновъ отъ войскъ.

(***) На линіи Хлумъ-Сендразицъ.

жется, Бенедекъ остановился на томъ предположеніи, что прусскія арміи соединятся и потомъ атакуютъ его съ фронта.

Говорятъ, что отъ дивизіи Турнъ-Таксиса, вечеромъ 2-го, получено въ главную квартиру донесеніе о томъ, что прусская II армія остается, попрежнему, у Кенигингофа; но Бенедекъ нашелъ это донесеніе неосновательнымъ.

До самаго начала утра 3-го войскамъ неизвѣстны были намѣренія главнокомандующаго; только около четырехъ часовъ получены приказаніе его изготовиться къ бою и слѣдующая диспозиція:

„Въ такомъ случаѣ (т. е. предполагая бой), саксонскій корпусъ занимаетъ высоты у Поповецъ и Трезовицъ, подавъ лѣвый флангъ нѣсколько назадъ и прикрывъ его частію кавалеріи. Уступомъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, у Проблуса и Прима, *на удобной мѣстности* (*), стать 1-й легкой кавалерійской дивизіи.

„X корпусу занять позицію правѣе саксонцевъ, а правѣе X расположиться III корпусу, которому занять высоты Липы и Хлума.

„VIII корпусъ составляетъ подкрѣпленіе саксонцевъ и располагается за ними.

„Прочія войска, о которыхъ здѣсь не упоминается, остаются въ готовности къ бою, пока нападеніе будетъ произведено только на лѣвое крыло. Если нападеніе противника приметъ большіе размѣры, то вся армія становится на позицію. Тогда IV корпусу расположиться правѣе III, на высотѣ между Хлумомъ и Неделистомъ, а на крайнемъ правомъ флангѣ, возлѣ IV корпуса, стать II-му.

„2-й легкой кавалерійской дивизіи стать за Неделистомъ и находиться въ полной готовности.

„VI корпусъ собирается на высотахъ у Всестара, а I — у Росница, въ резервномъ порядкѣ.

„1-я и 3-я резервныя кавалерійскія дивизіи слѣдуютъ къ Свѣты.

„Въ случаѣ общаго непріятельскаго нападенія, I и VI корпуса, пять кавалерійскихъ дивизій и артилерійскій резервъ арміи, который становится за помянутыми двумя корпусами, составляютъ резервъ арміи.

„Если армія вынуждена будетъ отступить, то отступленіе

(*) Это писалось такому начальнику дивизіи, какъ Эдельсгеймъ.

производится по дорогѣ изъ Голица въ Гогенмаутъ, минуя Кениггрецъ.

„II и IV корпуса должны немедленно озаботиться наводкою понтонныхъ мостовъ на Эльбѣ, а именно II корпусъ двухъ, между Лохеницемъ и Предмерицемъ.

„Отъ I корпуса навести одинъ мостъ у Свинара.“ (*)

Позиція австрійцевъ. Позиція впереди Кениггреца состоитъ изъ ряда высотъ, наполняющихъ пространство между Быстрицею, Эльбою и Тротиною; послѣдняя рѣчка составляетъ границу праваго фланга позиціи. Сказанныя высоты спускаются къ Быстрицѣ и Тротинѣ гораздо круче, нежели къ Эльбѣ.

Направленіе фронта позиціи опредѣляется Быстрицею, текущею отъ Гнѣвцовеса въ юго-западномъ направленіи; слѣдовательно, II прусская армія у Краледвора находилась на прямомъ направленіи къ флангу этой позиціи.

Высоты, позицію составляющія, представляютъ на правомъ флангѣ небольшіе паралельные другъ другу хребты Гореновскій и Масловѣдскій, обращенные длинной и крутой своей стороной на сѣверо-востокъ, т. е. ко II прусской арміи, а короткими—къ Быстрицѣ и Эльбѣ; лѣвѣе Масловѣдской лежитъ Хлумская высота съ весьма пологими и длинными скатами, тянущаяся отлогимъ хребтомъ, съ различными видоизмѣніями, паралельно Быстрицѣ до самаго Лубно, гдѣ развивается въ Градекерскія высоты. Восточнѣе этихъ послѣднихъ и южнѣе перехвата Хлумскаго хребта у Стрезетица возвышается група Проблусъ. Командующіе пункты, а слѣдовательно и тактическіе ключи позиціи представлялись высотами Масловѣдскою, Хлумскою, Градекеръ и Проблусъ. Передовыми пунктами, прегражданшими доступы къ главной позиціи, могли служить всѣ деревни вдоль по лѣвому берегу Быстрицы и лѣски Гола и Скалка, расположенные правѣе и лѣвѣе шоссе. По непонятному недоразумѣнію, и Масловѣдская высота, судя по диспозиціи и укрѣпленіямъ, тоже была отнесена только къ передовымъ пунктамъ, несмотря на свое командованіе и на то, что лѣсъ и деревня Масловѣдъ, вѣнчая эту высоту, дѣлаютъ ея позиціей въ высшей степени сильной. Представляя подобныя тактическія выгоды, пунктъ этотъ въ то же время былъ важенъ въ стратегическомъ отношеніи, ибо, предполагая направленіе арміи кронпринца

(*) Черезъ Адлеръ, лѣвый притокъ Эльбы. Свинаръ находится на Адлерѣ, верстахъ въ пяти къ востоку отъ Кениггреца.

прямо на позицію, не соединяя ее предварительно съ I арміею (1), соединеніе ихъ упрочивалось только со взятіемъ Масловѣдской высоты.

Внутреннее пространство позиціи пересѣчено множествомъ лощинъ, способствующихъ укрытію войскъ, но проходимыхъ для всѣхъ родовъ оружія. На томъ же пространствѣ, дороги довольно часто представляютъ углубленную форму.

Деревни состоятъ частію изъ кирпичныхъ, частію изъ глинобитныхъ построекъ (Fachwerk). Протяженіе фронта позиціи, считая отъ Гореновеса до Нижняго Прима, около девяти верстъ.

Доступы къ позиціи. На всемъ пространствѣ отъ Неханица до Гореновеса съ прусской стороны нѣтъ позицій, особенно удобныхъ для артилеріи, ибо ширина лощины Быстрицы на этомъ протяженіи въ самомъ узкомъ мѣстѣ не менѣе пяти верстъ (2); слѣдовательно, въ этомъ отношеніи перевѣсъ былъ вполнѣ на сторонѣ обороняющагося: отъ Хлума, Масловѣда и изъ-за Гореновеса скаты представляли австрійцамъ всѣ данныя для превосходнаго обстрѣла, начиная съ самыхъ дальнихъ дистанцій (3). Только къ востоку, т. е. по лощинѣ рѣки Тротины, эти мѣстныя отношенія нѣсколько измѣняются въ пользу наступающаго: высоты у Франтова и восточнѣе Рачица давали возможность бороться прусской артилеріи съ австрійскою хотя съ нѣкоторыми вѣроятностями на успѣхъ. Берега Тротины сближаются ниже Рачица на 600 саженъ, и разница въ командованіи не такъ велика, какъ въ остальныхъ пунктахъ позиціи.

Переходы черезъ Быстрицу и Тротину, которыя обѣ протекаютъ въ болотистыхъ лощинахъ, для пѣхоты возможны почти вездѣ, для кавалеріи же и артилеріи только по мостамъ.

Въ тылу позиціи протекаетъ Эльба; но едва-ли это можно считать важнымъ неудобствомъ, принимая въ разсчетъ: 1) что отъ Лохница Эльба круто поворачиваетъ на югъ, между тѣмъ какъ позиція имѣетъ юго-западное направленіе; 2) что фронтъ

(1) Какъ оно дѣйствительно и было, но возможности чего въ австрійской главной квартирѣ не допускали.

(2) Считая между вершинами высотъ, образующихъ эту лощину.

(3) Случайности въ родѣ просѣкъ въ рощѣ Гола еще болѣе способствовали дѣйствію артилеріи. Затѣмъ вырубки цѣлыхъ лѣсныхъ участковъ, какъ то казалось нѣкоторымъ прусакамъ, и съ легкой ихъ руки нѣкоторымъ нашимъ повѣствователямъ, не было никакой, что свидѣтельствуетъ превосходный прусскій планъ поля сраженія, снятый по горячимъ слѣдамъ. Сомнительно также, чтобы разстоянія были вымѣрены и намѣчены: сомнительно по той простой причинѣ, что ни въ одномъ австрійскомъ источникѣ не говорится объ этомъ ни слова.

позиціи, считая по шоссе Садова-Краледворъ, отстоитъ отъ этой рѣки не ближе 11 верстъ, и что наконецъ на Эльбѣ было значительное число мостовъ. Путь отступленія большей части австрійской арміи лежалъ скорѣе на Пардубицъ, нежели на Кралеградъ; а по этому направленію отъ Хлума до Эльбы было, покрайней мѣрѣ, 28 верстъ. Что не положеніе Эльбы въ тылу позиціи усилило бѣдственное положеніе австрійцевъ, доказательствомъ можетъ служить и то, что, какъ увидимъ ниже, они скорѣе *были отрѣзаны отъ этой рѣки, нежели притиснуты къ ней.*

VIII.

КЕНИГГРЕЦСКАЯ БИТВА.

Отъ начала дѣла до прибытія 2-й арміи.

Расположеніе австрійцевъ на позиціи. Утромъ 3-го погода была дурна: шелъ сильный дождь. Нѣсколько позже четырехъ часовъ, австрійскія войска пришли въ движеніе, для занятія указанныхъ имъ по диспозиціи мѣстъ. Не двигались пока части, назначенныя въ резервъ, и II корпусъ, который уже стоялъ почти на своей позиціи. Начальникъ его распорядился только выслать 6-й уланскій полкъ для развѣдокъ вверхъ по Эльбѣ, такъ какъ дивизія Турнъ-Таксиса, по диспозиціи, должна была сняться съ аванпостовъ и стать за Неделистомъ. Командиру 6-го уланскаго полка приказано сообщать важныя донесенія не только корпусному штабу, но и правой фланговой бригадѣ Генрикена; послѣдній получилъ инструкцію обратить особенное вниманіе на обезпеченіе праваго фланга. Мосты, указанные по диспозиціи, наведены; положеніе ихъ и дороги, къ нимъ ведущія, сообщены войскамъ. IV-й, выдвинувъ бригаду Бранденштейна въ видѣ авангарда, въ Масловѣдъ, сталъ за Неделистомъ. III-й корпусъ занялъ бригадою лѣсъ Гола, а остальныя войска расположены сосредоточенно у Липы и Хлума. VIII перешелъ на лѣвый флангъ, къ Бору, за Проблусъ и составилъ резервъ лѣваго фланга. Слабый X корпусъ расположенъ на высотахъ впереди Лангенгофа, занимая передовыми отрядами Нижній Догалицъ, Догаличку и Мокрую Весь, и имѣя при нихъ нѣсколько орудій правѣе и лѣвѣе Догалички.

Саксонцы, найдя мѣсто, назначенное имъ по диспозиціи (*),

(*) Между Тресовицомъ и Поповцомъ.

неудобнымъ, просили и получили разрѣшеніе главнокомандующаго расположиться между Проблусомъ и Нижнимъ Примомъ, заняли это пространство дивизіей Штиглица, имѣя одну бригаду дивизіи Шимпфа въ резервѣ; другая еще наканунѣ была выслана для содержанія авангарда и оборонительныхъ постовъ по Быстрицѣ (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ, при содѣйствіи саперъ VIII корпуса, Проблусъ приведенъ въ оборонительное положеніе.

Австрійцы имѣли всего около 180,000 и 650 орудій. У прусаковъ въ обѣихъ массахъ было до часу около 120,000 и 400 орудій; а послѣ часу около 220,000, при 702 орудіяхъ (2).

Атака принца Фридриха-Карла. Такъ какъ со стороны австрійцевъ не послѣдовало нападенія, котораго прусаки ожидали, то принцъ двинулъ дивизію Горна отъ Миловица на Дубъ къ Садовой, около пяти часовъ. Одновременно съ нимъ дивизіи 2-го корпуса отъ Псанека и Бржистана направлены черезъ Лоту и Мцанъ на Догалицъ и Догаличку.

Горнъ никого не нашелъ у Дуба (слѣдовательно, предположеніе о возможности атаки со стороны австрійцевъ не осуществилось) и продолжалъ движеніе къ Садовой, имѣя въ головѣ уланъ; но у этой деревни былъ встрѣченъ артилерійскимъ огнемъ батарей, расположенныхъ правѣе лѣса Гола, на одной высотѣ съ Чистовесъ. За дождемъ ничего, или почти ничего, нельзя было разглядѣть. Убѣжденіе, что Бенедекъ не рѣшится принять боя по сю сторону Эльбы, такъ было сильно, что показавшихся австрійцевъ приняли сначала не болѣе какъ за аріергардъ, прикрывавшій отступленіе главныхъ силъ; но вскорѣ убѣдились, что передъ ними былъ не аріергардъ, а армія или, покрайней мѣрѣ, значительная ея часть.

Горнъ пріостановился и построился въ боевой порядокъ, а правѣе и нѣсколько позади расположились дивизіи 2-го корпуса; батареи этихъ частей завязали перестрѣлку. Было около восьми часовъ. Въ это время прибылъ король на поле сраженія.

Артилерія 8-й дивизіи, выѣхавъ на гору Роскосъ (3), вступила

(1) Оборонительные посты: 11-й баталіонъ у Градека, отдѣливъ двѣ роты въ Кунчицъ; 8-й баталіонъ со взводомъ кавалеріи у Стараго Неханица, по ту сторону Быстрицы; 7-й баталіонъ съ эскадрономъ у Неханица; 9-й баталіонъ въ Лубно. Авангардъ: 2-й егерскій баталіонъ въ Поповцѣ, 5-й—въ Трсовицѣ, 6-й—за ними въ резервѣ въ лѣсу, нарѣзная батарея—на высотѣ лѣвѣе Поповца; кавалерійская дивизія Фрича—у Неханица.

(2) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что у прусаковъ около 300 орудій было гладкихъ, и что въ дѣлѣ приняла участіе только половина II арміи.

(3) Западнѣе Совѣтицъ.

въ неравную борьбу съ австрійскими батареями; почти въ то же время открыли огонь батареи 3-й и 4-й дивизій, расположенныя западнѣе Мцанъ: онѣ дѣйствовали успѣшнѣе, ибо были съ австрійскими батареями въ болѣе равныхъ шансахъ.

Канонада вызвала отвѣтъ со стороны австрійцевъ; но въ какихъ силахъ они были — нельзя было вывести положительнаго заключенія. Такъ какъ и погода, и мѣстность мѣшали разглядѣть расположеніе противника, то пришлось рѣшиться на усиленную рекогносцировку, дабы вынудить его раскрыть свои силы.

Въ девять часовъ король приказалъ I-й арміи перейти Быстрицу.

8-я дивизія двинулась въ атаку по каменному мосту и утвердилась въ лѣсу Гола; одновременно съ этимъ 6-я бригада, имѣя 54-й полкъ въ первой линіи, 14-й въ частномъ резервѣ, бросилась въ бродъ на Мокрую Весь; послѣ непродолжительнаго боя фузилеры 54-го полка овладѣли этой деревней, а 1-й и 2-й баталіоны того же полка, при содѣйствіи нѣсколькихъ ротъ 14-го полка, выдвинутыхъ изъ частнаго резерва, вытѣснили австрійцевъ изъ Догалица. Піонеры немедленно исправили переправы, и за 6-ю бригадою вынеслись на позицію одна 12-фунтовая и одна 4-фунтовая нарѣзная батареи. 5-я бригада переправилась немедленно за 6-ю, оставивъ свои батареи на правомъ берегу Быстрицы, подъ прикрытіемъ дивизіонной кавалеріи. (1)

4-я дивизія не менѣе успѣшно начала дѣло: 49-й полкъ (2) безъ большаго затрудненія овладѣлъ Догалицемъ и занялъ потомъ, имѣя за собою часть 8-й дивизіи, правую часть лѣска Гола. Около одиннадцати часовъ 4-я дивизія, за исключеніемъ двухъ баталіоновъ 9-го полка (3) и дивизіонной кавалеріи, выстроилась впереди Догалица, между Быстрицею и лѣскомъ. Въ этомъ расположеніи прусаки сильно страдали отъ огня батарей Габленца, расположенныхъ на высотахъ впереди Лангенгофа, и эрцгерцога Эрнста, расположенныхъ у Липы. Тщетно нѣкоторыя части 4-й и 8-й дивизій пытались завладѣть этими батареями: войска несли огромныя потери, но не достигли ни той, ни другой цѣли. Не только пройти открытое пространство, раздѣлявшее прусаковъ и австрійцевъ, но даже оставаться на южной опушкѣ

(1) 5-й гусарскій полкъ.
(2) 7-й бригады, 4 дивизіи.
(3) 2-й баталіонъ оставленъ въ Турнау.

Гола, не было никакой возможности: благодаря просѣкамъ и тому, что лѣсъ расчищенъ, онъ легко исчерчивался австрійскими снарядами по всѣмъ направленіямъ. Со своей стороны и австрійцы, ободренные этими неудачами, пытались не одинъ разъ выбить прусаковъ изъ лѣсу, но безуспѣшно: открытый промежутокъ между имъ и австрійскими батареями становился роковымъ для того, кто отваживался его перейти.

Пришлось ограничиться обѣимъ сторонамъ удержаніемъ за собою занятыхъ мѣстъ. Прусаки достигли этого, сосредоточивъ по обѣимъ сторонамъ Догалички такое число батарей, какое только могло тамъ помѣститься. Часовъ въ одиннадцать всѣ упомянутыя войска осуждены были на пассивную роль: не отступили они назадъ, но и впередъ тоже не подались. Тѣмъ не менѣе, какъ оказалось впослѣдствіи, отчаянныя попытки ихъ въ направленіи къ Липѣ имѣли громадное послѣдствіе: бригады III корпуса всѣ были стянуты къ этой деревнѣ и къ лѣскамъ, лежащимъ правѣе ея, и *одна изъ главныхъ командующихъ точекъ позиціи—Хлумъ—осталась незанятою.*

При такихъ обстоятельствахъ прусакамъ нельзя было и думать о прорывѣ непріятельскаго центра, хотя бы и съ большими потерями, и пришлось поддерживать бой только для того, чтобы дать время подойти кронпринцу и генералу Герварту.

Въ ожиданіи ихъ, король приказалъ поддерживать бой артилеріей и лично убѣдился, дѣйствительно ли прибыли 3-й корпусъ и резервная артилерія, которые пришлось бы ввести въ дѣло, если бы непріятель перешелъ въ наступленіе до прибытія II арміи. 3-й корпусъ около одиннадцати часовъ уже стоялъ у Дуба; но, какъ послѣдній резервъ, его не рѣшались употребить на подкрѣпленіе 2-го и 4-го корпусовъ часовъ до 12, когда въ этомъ представилась настоятельная необходимость.

Атака 7-й дивизіи. (*) Дѣйствія Франзецкаго представляютъ одинъ изъ самыхъ доблестныхъ эпизодовъ кениггрецкой битвы для прусаковъ. Своими энергическими атаками на Масловѣдскія высоты онъ притянулъ на себя два австрійскихъ корпуса и тѣмъ могущественно содѣйствовалъ успѣху движе-

(*) 13 бригада—Шварцгофъ; 26-й и 66-й полки; 14-я бригада - Горнонъ; 27-й и 67-й полки. Гусарскій № 10-го полкъ, 4 батареи.

нія арміи кронпринца. Подвигъ этотъ стоилъ дивизіи около 2,500 человѣкъ.

Около шести часовъ утра авангардъ 7-й дивизіи (*), наступая на Бенатекъ. завязалъ перестрѣлку съ передовыми постами бригады Бранденштейна и около семи часовъ достигъ Бенатека. который былъ взятъ безъ большаго затрудненія, несмотря на огонь австрійскихъ батарей, поставленныхъ на плато за Гореновесомъ и по сторонамъ Масловѣда. Тогда дивизія перестроилась въ боевой порядокъ (**) лѣвѣе и правѣе Бенатека и двинута въ атаку на впереди лежащую Масловѣдскую высоту, подавая правый флангъ впередъ, дабы охватить лѣсъ съ сѣверо-запада.

14-я бригада, охвативъ лѣсъ съ запада, заняла его, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія; только у Чистовесъ первая атака была отбита частію III корпуса, расположенною въ этой деревнѣ; но вторая атака удалась. Тогда со стороны Хлума въ лѣсъ и деревню посыпался градъ снарядовъ. Чтобы парализовать сколько-нибудь дѣйствіе этого огня, пять батарей изъ артилерійскаго резерва I арміи выдвинуты западнѣе Масловѣдскаго лѣса и открыли огонь.

Не то было въ 13-й бригадѣ, которая три раза пыталась атаковать Масловѣдъ, занятый большею частію бригады Бранденштейна, и три раза была отбиваема. Чтобы не отрываться отъ 14-й бригады, она отступала послѣ отбитія на Бенатекъ, такъ что вся дивизія естественно перемѣнила фронтъ лѣвымъ флангомъ назадъ. Это случилось тѣмъ проще, что 14-я бригада, развивая свой успѣхъ, подавалась къ восточной опушкѣ, т. е. къ Масловѣду. Но и въ лѣсу не долго было суждено прусакамъ продержаться спокойно: подходила наконецъ помощь къ бригадѣ Бранденштейна. Это были остальныя бригады IV и три бригады II корпуса: *такимъ образомъ, по инстинктивному почти влеченію, австрійскія войска притянулись къ позиціи болѣе выгодной, чѣмъ та, которую они должны были занимать по диспозиціи*, и дѣйствія на правомъ флангѣ начали принимать не то направленіе, которое думалъ имъ дать главнокомандующій.

(*) Фузилерные баталіоны 27-го и 67-го полковъ.

(**) Лѣвѣе авангарда—13-я бригада въ одну линію, каждый баталіонъ въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ; правѣе, между Бенатекомъ и Гнѣвцовесъ, 1-й и 2-й баталіоны 27-го полка; два баталіона въ резервѣ.

Движеніе къ Масловѣду IV и II корпусовъ.

II корпусъ выступилъ съ мѣстъ бивуачнаго расположенія около шести часовъ, какъ только началась перестрѣлка на передовыхъ постахъ Бранденштейна: бригада Тома—на Гореновесъ, выславъ одинъ баталіонъ въ Рачицъ и оставивъ другой за Рачицомъ на высотѣ; двѣ батареи расположились на вершинѣ за Гореновесомъ и открыли огонь по прусакамъ, въ направленіи къ Врховницу. Дойдя до Гореновеса, бригада Тома, занявъ небольшими передовыми частями паркъ и деревню, расположилась въ резервѣ за паркомъ. Бригада принца Виртембергскаго стала между паркомъ и Масловѣдомъ, бригада Сафрана стала въ резервъ за Масловѣдомъ. Корпусный артилерійскій резервъ расположенъ частію на плато за Гореновесомъ, частію правѣе Масловѣда: всѣ части фронтомъ къ западу.

Бригада Генрикеца, назначенная въ резервъ, получила приказаніе оставаться пока у Тротины для прикрытія праваго фланга, и въ одиннадцать часовъ двинуться къ Сендразицу, гдѣ ждать приказаній.

Нѣсколько позже (*) начали прибывать и бригады IV корпуса, изъ-за Неделиста.

Такъ какъ Франзецкій въ это время (около девяти часовъ) занялъ уже масловѣдскій лѣсъ, то бригада Виртемберга, построившись въ двѣ линіи правѣе Масловѣда, двинулась въ атаку, но была отбита и, возвратившись на свое мѣсто правѣе Масловѣда, открыла перестрѣлку. Тогда расположеніе было усилено тремя батареями, расположенными впереди гореновесскаго парка, и четырьмя лѣвѣе Масловѣда (изъ резерва IV корпуса). Послѣ довольно продолжительной канонады, рѣшено было снова перейти въ наступленіе, около одиннадцати часовъ, при чемъ и бригадѣ Сафрана приказано дебушировать изъ Масловѣда и атаковать лѣсъ вмѣстѣ съ принцемъ Виртембергскимъ; бригады IV корпуса двинуты также въ атаку на лѣвомъ флангѣ, въ обхватъ рощи съ юга. Подготовленная сильнымъ артилерійскимъ огнемъ, атака удалась: прусаки, опрокинутые на опушкѣ, начали отступать, отстрѣливаясь. Съ цѣлію вытѣснить ихъ скорѣе изъ лѣсу, приказано было и баталіонамъ бригады Тома двинуться туда же. Но еще не успѣли исполнить этого движенія, какъ изъ рачицскаго отряда получено донесеніе, что

(*) Сколько можно догадываться, по имѣющимся источникамъ, бригады II корпуса прибыли къ Масловѣду первыми.

на него идутъ значительныя непріятельскія силы. Въ то же время (послѣ полудня) изъ штаба арміи прибылъ офицеръ съ приказаніемъ II корпусу занять позицію подъ угломъ къ общему расположенію, для встрѣчи *одного* прусскаго корпуса, который, на основаніи телеграмы коменданта Іозефштадта, ожидался со стороны Габрины.

Такимъ образомъ, атаку, сулившую вѣрный успѣхъ, нужно было прекратить, вывести цѣлыхъ двѣ бригады, углубившіяся въ лѣсъ, и начать отступленіе. Для прикрытія этого труднаго маневра употребили бригаду Тома, расположившуюся на оконечности хребта Масловѣдъ-Сендразицъ, упираясь правымъ флангомъ въ эту послѣднюю деревню; части бригадъ Виртемберга и Сафрана, по мѣрѣ того, какъ онѣ выходили изъ лѣсу, собирали у Масловѣда и направляли по дорогѣ на Неделистъ. Батарея у Гореновеса (40 орудій) пока оставалась на этой позиціи и отвѣчала на огонь вдвое сильнѣйшихъ прусскихъ батарей, бившихъ ее перекрестно отъ Франтова и изъ-за Рачица.

Между тѣмъ, въ Масловѣдскій лѣсъ вмѣсто бригадъ II корпуса пущены оттуда бригады IV, которыя выбили прусаковъ изъ лѣса и, увлекшись этимъ успѣхомъ, начали тѣснить ихъ къ Быстрицѣ, въ направленіи на Гнѣвцовесъ.

Но IV корпусъ купилъ этотъ успѣхъ дорогою цѣною: благодаря роковой случайности, смертельно раненъ командиръ его, графъ Фестетичъ; за нимъ ранены: помощникъ его, генералъ Молинари, начальникъ штаба и старшій по немъ офицеръ генеральнаго штаба. Бригады подавались впередъ каждая сама по себѣ: о соглашеніи общихъ дѣйствій некому было думать.

Итакъ, II и IV корпуса, около часу пополудни, приняли противоположныя направленія: первый къ Неделисту, на юго-востокъ, второй къ Гнѣвцовесу, на сѣверо-западъ; связь между ними пропала, и *пространство у Масловѣда осталось незанятымъ*.

Припомнивъ, что австрійцы около этого же времени сдвинулись и съ Хлума, къ Липѣ и въ рощу около этой деревни, увидимъ, что *направленіе Масловѣдъ-Хлумъ, около часа пополудни, было готово для безпрепятственнаго движенія прусаковъ*.

Обратимся къ дѣйствіямъ корпуса Герварта, на правомъ флангѣ I арміи.

Въ шесть часовъ передовыя части корпуса Герварта под-

ступили къ передовому саксонскому расположенію въ трехъ пунктахъ: у Кунчица, Стараго Неханица и Лубно, и начали обстрѣливать войска, ихъ занимавшія. 8-й саксонскій баталіонъ отъ Стараго Неханица отступилъ за Быстрицу и, уничтоживъ мостъ, занялъ Неханицъ; правѣе его сталъ 7-й баталіонъ. Эти войска оставались на занятой позиціи часовъ до восьми, благодаря содѣйствію одной конной батареи, выдвинутой отъ саксонской кавалеріи, стоявшей за Неханицомъ. Около $8^1/_2$ часовъ, вслѣдствіе полученнаго приказанія, они отступили на авангардную позицію, между Тресовецомъ и Поповцомъ, подъ прикрытіемъ 9-го баталіона, занимавшаго Лубно и отступившаго затѣмъ на главную позицію, къ своей бригадѣ (*). Саксонская кавалерійская дивизія нѣкоторое время оставалась еще южнѣе Неханица, безполезно подвергаясь выстрѣламъ непріятеля.

Выдвинувъ батарею и переправивъ часть войскъ въ Неханицъ, Гервартъ приступилъ къ наводкѣ моста; въ то же время было атаковано и Лубно. Около десяти часовъ начата переправа головною дивизіею (Мюнстера), которая направлена черезъ Лубно на Проблусъ и Примъ, между тѣмъ какъ остальныя двѣ дивизіи (Канштейна и Эцеля) и резервная артилерія двинуты на Градекъ, въ обходъ лѣваго фланга саксонцевъ.

Во время передовой перестрѣлки, саксонскій корпусъ переходилъ съ бивуаковъ на позицію: Проблусъ и Нижній Примъ заняты, каждый, тремя баталіонами изъ дивизіи Шимпфа; дивизіонная артилерія стала между деревнями; дивизія Штиглица расположилась побригадно въ резервѣ за упомянутыми деревнями; ея дивизіонная артилерія въ промежуткѣ между бригадами, артилерійскій резервъ — уступомъ влѣво относительно бригады, расположенной за Нижнимъ Примомъ. Дивизіонная кавалерія Штиглица расположена на правомъ флангѣ, для поддержанія связи съ Габленцомъ.

14-я прусская дивизія, расположившись на высотѣ у Лубно, открыла канонаду. Огонь саксонцевъ обнаружилъ сильное ихъ расположеніе, къ которому отъ Лубно доступы совершенно открыты; вслѣдствіе этого Гервартъ рѣшилъ повести глав-

(*) Саксонская пѣхота раздѣлялась на бригады, по четыре линейныхъ и одному стрѣлковому баталіону въ каждой. Дивизія Шимпфа состояла: изъ 2-й бригады — 5, 6, 7, 8-й и 2-й егерскій баталіоны; 3-й бригады—9, 10, 11, 12-й и 3-й егерскій. Дивизія Штиглица изъ лейбъ-бригады — 13, 14, 15, 16-й, и 4-й егерскій, 1-й бригады—1, 2, 3, 4-й и 1-й егерскій баталіоны.

ную атаку со стороны Градека, гдѣ мѣстность допускала болѣе скрытое приближеніе къ лѣвому флангу противника. Атака возложена на дивизію Канштейна (15-ю), который, дойдя до Градека и выставивъ тамъ сильную батарею, выбралъ два направленія для атаки Нижняго Прима: на Зехлицъ и Новый Примъ. Дивизія Эцеля оставлена пока въ резервѣ.

Со своей стороны саксонцы убрали кавалерійскую дивизію отъ Неханица въ резервъ за середину позиціи, а авангардъ, стоявшій у Поповца, въ резервъ же, за правый флангъ ея; а противъ прусскихъ батарей у Градека выставили пять батарей лѣвѣе Нижняго Прима.

Канонада съ обѣихъ сторонъ не отличалась особенною дѣйствительностію, ибо была открыта на слишкомъ большомъ разстояніи; но Канштейну она принесла ту пользу, что отвлекла вниманіе саксонцевъ отъ его пѣхоты. Пока они канонировали, прусаки, пройдя Зехлицъ, очутились въ рощѣ между этимъ пунктомъ и Нижнимъ Примомъ, и сдѣлали даже попытку атаковать эту послѣднюю деревню; впрочемъ были отражены тремя баталіонами, ее занимавшими.

Въ то же время другая часть дивизіи Канштейна, обогнувъ справа Новый Примъ, заняла лѣсъ между нимъ и Верхнимъ Примомъ.

Было около двѣнадцати часовъ. Саксонцы приняли удачу первой своей атаки и то, что прусаки все болѣе и болѣе растягивались къ востоку, за благопріятный случай къ переходу въ наступленіе.

Для этой цѣли была назначена бригада, поставленная первоначально въ резервѣ за Проблусомъ, которая, перемѣнивъ фронтъ налѣво и построившись въ боевой порядокъ, двинулась въ промежутокъ между Нижнимъ и Верхнимъ Примомъ, въ направленіи на Градекъ. Лѣвѣе ея пристроилась одна бригада VIII австрійскаго корпуса, который имѣлъ назначеніемъ поддержать саксонцевъ. Саксонцы разсчитывали, что въ то время, когда они двинутся впередъ на Зехлицъ и Новый Примъ, австрійцы займутъ лѣсъ, находящійся влѣво. Начало атаки было удачно: баталіоны, занимавшіе Нижній Примъ и пристроившіеся къ атакѣ, выбили прусаковъ изъ зехлицскаго лѣска; бригада, выдвинутая изъ резерва, достигла уже передними своими частями Новаго Прима, когда лѣвый флангъ ея въ лѣсу, который должна была занять австрійская бригада, но

этого не сдѣлала, наткнулся на прусаковъ. Неожиданность эта имѣла слѣдствіемъ отступленіе саксонцевъ.

Новая послѣдовавшая затѣмъ атака саксонцевъ, при содѣйствіи другой бригады VIII корпуса, имѣла тотъ же исходъ и отъ той же причины: австрійцы, шедшіе на лѣвомъ ихъ флангѣ, снова пришли въ смущеніе, опять вслѣдствіе атаки прусаковъ изъ того же самаго лѣса. Хотя прусаки и были остановлены въ преслѣдованіи саксонцами, однако пора было этимъ послѣднимъ подумать и о прикрытіи отступленія, ибо прусаки все болѣе и болѣе захватывали на востокъ. Вслѣдствіе этого одна изъ саксонскихъ бригадъ была отправлена для занятія лѣса, находящагося къ юго-востоку отъ деревни Боръ. Было около двухъ часовъ.

До сихъ поръ бой для австрійцевъ на большей части пунктовъ если и не сопровождался полнымъ успѣхомъ, то все же разыгрывался скорѣе къ ихъ выгодѣ, чѣмъ къ невыгодѣ. Пассивной цѣли—удержанія позиціи—они достигли вполнѣ; у Масловѣда даже перешли въ наступленіе; но этотъ временной успѣхъ послужилъ къ тому только, чтобы пораженіе обрушилось на нихъ болѣе гибельно и рѣшительно.

Наступленіе арміи кронпринца къ полю сраженія и послѣдовавшія затѣмъ дѣйствія.

Согласно диспозиціи, разосланной около пяти часовъ, части, ближайшія къ Краледвору, выступили часовъ около шести утра, подъ сильнымъ дождемъ. 6-й корпусъ выступилъ нѣсколько раньше, въ исполненіе полученнаго еще наканунѣ приказанія сдѣлать рекогносцировку къ Іозефштадту, такъ что новая диспозиція застала его уже наполовину переправившимся черезъ Эльбу. Нѣсколько раньше выступилъ также и авангардъ 1-й гвардейской дивизіи отъ Даубравица, подъ командою генерала Альвенслебена, который, получивъ отъ Франзецкаго приглашеніе ему содѣйствовать, пошелъ на гулъ канонады, начавшейся впереди Бенатека. 1-й корпусъ, какъ дальнѣйшій (*), получилъ диспозицію и выступилъ нѣсколько позже другихъ. Нѣсколько запоздала также 2-я гвардейская дивизія отъ Реттендорфа, ибо ей приказано пропустить впередъ стоявшіе за нею на бивуакѣ артилерійскій резервъ гвардіи и гвардейскую кирасирскую бригаду.

Дорога предстояла II арміи утомительная: глинистый грунтъ

(*) Отъ Оберъ-Праусница до Краледвора семь верстъ.

распустило, все проселками, да въ добавокъ съ значительнымъ числомъ спусковъ и подъемовъ.

Кронпринцъ, пропустивъ мимо себя 1-ю гвардейскую дивизію, обогналъ ее со своимъ штабомъ и поѣхалъ въ направленіе на Хотеборекъ, котораго достигъ въ $10^1/_2$ часовъ, въ ту минуту, когда авангардъ Альвенслебена спускался съ высоты, лежащей юго-западнѣе этого пункта.

Отъ Хотеборека начинается волнообразный скатъ къ рѣкѣ Тротинѣ, и потому съ помянутыхъ высотъ ясно были видны высоты противоположнаго ея берега—Гореновскій хребетъ и на немъ довольно сильная батарея; кромѣ того, такъ какъ Хотеборекъ находится какъ-разъ на направленіи колѣна Быстрицы, которое прикрывало позицію австрійцевъ съ фронта, то можно было также отдать себѣ отчетъ о положеніи боевыхъ линій противниковъ по массѣ огня и дыма отъ канонады и отъ зажженныхъ деревень. Нѣсколько времени спустя, на ближайшемъ концѣ этой линіи показалось, что прусская сторона подалась назадъ: то была 7-я дивизія, которая, истощивъ послѣднія свои усилія, дѣйствительно начала отступать въ эту минуту.

Отъ Хотеборека совершенно ясно было видно также, что II армія вышла какъ-разъ противъ фланга и даже тыла австрійцевъ; оставалось убѣдиться въ томъ, прибыли ли корпуса къ назначеннымъ имъ пунктамъ, дабы начать дальнѣйшее движеніе. Но едва, съ этою цѣлію, были разосланы ординарцы, какъ генералъ Муціусъ донесъ, что его корпусъ прибылъ въ Вельховъ и продолжаетъ путь далѣе, на выстрѣлы; вскорѣ получено донесеніе и отъ 5-го корпуса, что онъ приближается къ Хотебореку; недоставало только донесенія отъ 1-го корпуса, но знали, что онъ долженъ былъ нѣсколько отстать, вслѣдствіе болѣе поздняго выступленія; болѣе дальняго и труднаго пути. (*)

Высоты Гореновеса были первою цѣлію, которая представлялась II арміи. До нихъ отъ Еричекъ около 4 верстъ совершенно открытаго пути, слѣдовательно австрійцы могли утвер-

(*) Правой колоннѣ 1-го корпуса до Бюрглица—14 верстъ, лѣвой около—12, 1-й гвардейской дивизіи отъ Кенигингофа до Еричекъ — 10, 5-му корпусу отъ Градлица до Хотеборека — 9. Послѣднія части должны были притомъ переправиться черезъ Эльбу и взбираться на весьма крутой подъемъ праваго ея берега.

диться на этихъ высотахъ прежде, нежели прусская армія успѣла бы ихъ достигнуть, и сдѣлать овладѣніе ими въ высшей степени труднымъ. Ожидая этого сопротивленія, кронпринцъ далъ всѣмъ силамъ направленіе къ Гореновесскимъ высотамъ, приказавъ оріентироваться на два отдѣльныя высокія дерева, находящіяся на ихъ вершинѣ.

Но опасенія, что австрійцы успѣютъ утвердиться у Гореновеса до прибытія прусаковъ, были напрасны: самый внимательный розыскъ при помощи биноклей не открылъ прусакамъ *на пространствѣ между Еричкомъ и Гореновесскими высотами ни одного австрійскаго разъѣзда*; а ближайшія войска, которыя могли имъ стать наперерѣзъ (II и IV корпуса), заняты были, какъ уже знаемъ, уничтоженіемъ Франзецкаго, т. е. смотрѣли не къ арміи кронпринца, а совсѣмъ въ другую сторону.

Только батарея у Гореновеса (40 орудій) со своимъ прикрытіемъ изъ одного баталіона, постъ у Рачица и южнѣе бригада Генрикеца—вотъ все, что могло противодѣйствовать наступленію прусскихъ дивизій, составлявшихъ голову марша (1-я гвардейская, 11-я и 12-я).

Движеніе началось. Около $11^1/_2$ прусаки замѣтили, что батареи у Гореновеса поворачиваютъ въ ихъ сторону, и въ 11 часовъ 40 минутъ раздался противъ нихъ первый выстрѣлъ; но было поздно: авангардъ Альвенслебена, выступившій, какъ извѣстно, раньше и направившійся на Жижеловесъ (*) для поддержки Франзецкаго, въ $11^1/_4$ прошелъ эту деревню и нѣсколько спустя открылъ стрѣльбу по тремъ батареямъ, стоявшимъ у подошвы Масловѣдской высоты, параллельно дорогѣ изъ Врховница въ Масловѣдъ.

За авангардомъ слѣдовала 1-я гвардейская дивизія, которая, переправившись у Еричка черезъ Тротину, продолжала держаться направленія на деревья. Около 11 часовъ къ ней пристроился и гвардейскій артилерійскій резервъ.

Лѣвѣе 6-й корпусъ шелъ въ двухъ колоннахъ: 11-я дивизія (**) на Рачицъ, 12-я дивизія, Прондзинскаго (***), на Габрину и Родовъ. Только послѣдняя изъ нихъ встрѣтила на своемъ

(*) На планѣ № 2-й, по ошибкѣ, Цицеловесъ.

(**) Цастровъ: бригада Гашенфельда—10-й, 50-й полки; бригада Гоффмана—38-й, 51-й полки; драгуны № 8, четыре батареи.

(***) 22, 23-й полки; 6-й егерскій баталіонъ, гусарскій полкъ № 6-го, двѣ батареи. Другая бригада была раскомандирована въ началѣ кампаніи: одинъ полкъ для занятія Нейссе, одинъ въ отрядъ Кнобельсдорфа.

пути кавалерійскіе разъѣзды австрійцевъ, высланные, если припомнятъ, отъ II корпуса.

Гвардія выставила свои батареи у Франтова, 6-й корпусъ свои—на высотѣ между Рачицемъ и Родовымъ (1), и открыли перекрестный огонь по батареѣ, стоявшей на высотѣ у гореновесскихъ деревьевъ; къ часу пополудни она очистила позицію, а Гореновесъ и Рачицъ, послѣ короткой стычки, перешли въ руки авангардовъ: первый—гвардейскаго, второй одиннадцатой дивизіи. Одновременно, Пронздзинскій (2) приближался къ Тротинѣ и завязалъ перестрѣлку съ баталіономъ бригады Генрикеца, занимавшимъ эту деревню.

1-я гвардейская дивизія, по занятіи Гореновеса, двинулась на Масловѣдскую высоту, оставляя вправѣ деревню того же имени. Ни одинъ выстрѣлъ не встрѣтилъ ее при этомъ движеніи, ибо IV корпусъ былъ на сѣверо-западной опушкѣ лѣса, а бригады II успѣли уже отойти версты на $1^1/_2$ отъ Масловѣда къ Неделисту. Только поднявшись на хребетъ, 1-я гвардейская дивизія увидѣла эти бригады, и увидѣла также, что онѣ попадутъ подъ удары 6-го корпуса, поэтому, не заботясь о своихъ флангахъ, продолжала движеніе къ слѣдующему, рѣзко обозначающемуся на горизонтѣ пункту (3)—къ Хлумской высотѣ, т. е. на 2,700 шаговъ (4) за бывшую позицію IV корпуса.

На пути своемъ 1-я гвардейская дивизія не встрѣтила никакого сопротивленія; только авангардъ ея былъ выдвинутъ вправо, противъ австрійской бригады, появившейся со стороны Чистовеса; главныя же силы, пройдя Хлумъ, достигли Росберица около $2^3/_4$ часовъ пополудни.

Только здѣсь увидѣли прусаки, куда зашли: саженяхъ въ 600 западнѣе Всестара, въ резервномъ порядкѣ, стояли два

(1) На тридцать шаговъ интервала между орудіями для уменьшенія потерь отъ огня. Эта прекрасная сноровка не нова, но, къ сожалѣнію, въ бою часто забывается, даже когда мѣста совершенно достаточно, чтобы ее примѣнить.

(2) Дивизія, или, правильнѣе, бригада Пронздзинскаго была назначена для наблюденія за Іозефштадтомъ и, слѣдовательно для обезпеченія тыла арміи отъ вылазки со стороны гарнизона этой крѣпости; но Пронздзинскій пошелъ на выстрѣлы впередъ, взявъ на себя отвѣтственность за послѣдствія. Когда начальники одушевлены подобною рѣшимостію рисковать собою для общаго дѣла, армія можетъ испытать неудачу только при особенно несчастныхъ случайностяхъ.

(3) Только драгунскій № 2-го полкъ (дивизіи Манштейна 3-го корпуса), пристроившійся къ 1-й гвардейской дивизіи, атаковалъ хвостъ бригады Сафрана, къ юго-востоку отъ Масловѣда, но былъ отраженъ.

(4) Считая отъ Масловѣда.

австрійскіе корпуса, I и VI, т. е. не менѣе 40,000; восточнѣе Всестара стоялъ артилерійскій резервъ; далѣе, за Свѣты, массы резервной кавалеріи. Настояла необходимость возможно скорѣе поддержать 1-ю гвардейскую дивизію въ ея столь же громадномъ, сколько и неожиданномъ успѣхѣ. Были разосланы соотвѣтствующія приказанія: даже 6-му корпусу предписано, при малѣйшей возможности, идти на помощь къ Росберицу. Но все совершилось такъ быстро, что даже и 2-я гвардейская дивизія находилась позади, покрайней мѣрѣ, въ часѣ; что же касается до 1-го и 5-го корпусовъ, то, несмотря на всѣ усилія ускорить движеніе, особенно 5-го, они не ранѣе шести часовъ могли поспѣть на поле сраженія.

До какой степени это движеніе было безпрепятственно для прусаковъ, указываетъ то, что отъ Гореновеса, взятаго въ часъ пополудни, до Росберица черезъ Хлумъ — почти пять верстъ, которыя пройдены всего въ часъ и три четверти; слѣдовательно, гвардейская дивизія, шедшая въ боевомъ порядкѣ, цѣликомъ, достигла этого пункта съ такою же скоростію, съ какою производится походное движеніе утомленными войсками, при спускахъ и подъемахъ и при скользкой дорогѣ.

Со своей стороны, 6-й корпусъ тоже подвигался впередъ, но медленнѣе, ибо встрѣтилъ, и довольно упорное, сопротивленіе.

11-я дивизія (Цастрова), занявъ высоты Гореновеса, завязала перестрѣлку съ бригадой Тома, построенной лѣвымъ флангомъ къ крайней земляной батареѣ (*), а правымъ къ Сендразицу. Несмотря на невыгоду позиціи, обстрѣливаемой съ командующихъ высотъ, изъ-за Сендразица, эта бригада удержалась на ней до трехъ часовъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока бригады Сафрана и принца Виртембергскаго не отступили за нее черезъ Неделистъ, въ направленіи къ Предмерицу.

12-я дивизія (Пронздинскаго) шла на Тротину, противъ бригады Генрикеца. Генрикецъ, который долженъ былъ выступить около 11 часовъ со своей позиціи у Тротины къ Сендразицу, оставивъ тамъ егерскій баталіонъ, едва началъ это движеніе, какъ впереди Тротины у Габрина завязалась перестрѣлка съ передовыми войсками Пронздинскаго. Вслѣдствіе этого бригада возвращена къ Тротинѣ и расположена слѣдующимъ образомъ: въ первой линіи, фронтомъ къ Родову, 4 ба-

(*) Саженяхъ въ 450 сѣвернѣе Неделиста.

таліона съ бригадной батареей, правымъ флангомъ занимая Тротину и наблюдая пространство до Эльбы; пятый оставленъ въ резервѣ, а шестой отправленъ въ Лохеницъ, для прикрытія моста.

Пронзинскій, имѣя 23-й полкъ въ боевой линіи и 22-й въ резервѣ, занялъ Родовъ, открылъ канонаду и на нѣкоторое время пріостановился, находя, что противъ него превосходныя силы. Но такъ какъ Цастровъ подавался впередъ, то около трехъ часовъ и онъ рѣшился на атаку, направивъ ее на мельницу Тротины, сѣвернѣе деревни того же имени.

Итакъ, около трехъ часовъ пополудни, противники занимали слѣдующее расположеніе:

Австрійцы: II корпусъ—Тротина, Сендразицъ, Неделистъ; IV — Бенатекъ и масловѣдскій лѣсъ; III — Чистовесъ, Липу и пространство влѣво, до Лангенгофа; X — высоту впереди Лангенгофа и Стрезетица; саксонскій и VIII — въ отступленіи къ Бриза.

Прусаки: корпусъ Герварта—на линіи Проблусъ-Стезирекъ; 2-й и 4-й—на позиціяхъ, занятыхъ въ началѣ боя, кромѣ дивизіи Франзецкаго, оттѣсненной на Совѣтицъ и Гнѣвцовесъ; 3-й употребленъ по частямъ на поддержаніе 2-го и 4-го корпусовъ; кавалерійскій корпусъ 1-й арміи—на высотахъ Дуба; 1-я гвардейская дивизія—въ Хлумѣ и Росберицѣ; 2-я гвардейская—на маршѣ отъ Гореновеса, въ направленіи правѣе Хлума; 6-й корпусъ — на высотахъ Гореновеса и Родова; 1-й и 5-й — на маршѣ къ Масловѣду и Рачицу.

Бенедекъ, прибывшій на поле сраженія около десяти часовъ, стоялъ у Липы и принялъ на себя роль командира III корпуса, занимаясь подробностями расположенія войскъ въ этой деревнѣ и въ рощѣ правѣе ея, а также усиленіемъ этихъ войскъ при послѣдовавшихъ атакахъ прусаковъ. Такъ прошло время часовъ до двѣнадцати, когда получена была извѣстная уже депеша іозефштадтскаго коменданта.Ославъ ее командиру II корпуса, Бенедекъ, нѣсколько спустя, поскакалъ лично на правый флангъ и, найдя тамъ положеніе дѣлъ удовлетворительнымъ, возвратился къ Липѣ, гдѣ въ три часа получилъ донесеніе, что *Хлумъ занятъ прусаками.* Одновременно съ этимъ пришло другое донесеніе, что саксонцы очистили позицію у Проблуса и Прима и отступаютъ съ боемъ въ направленіи на Бризу.

Бенедекъ бросился къ Хлуму, не довѣряя донесенію, но встрѣченъ былъ выстрѣлами, послѣ которыхъ трудно было сомнѣваться въ истинномъ положеніи дѣлъ. Тогда онъ поскакалъ къ резерву и, направивъ одну бригаду I корпуса на подкрѣпленіе саксонцамъ, двѣ назначилъ на усиленіе *центра* (*), а четвертую для того, чтобы выбить прусаковъ изъ Хлума; VI корпусу приказано атаковать Росберицъ, а резервная артилерія, расположившись впереди Свѣты, открыла усиленную канонаду противъ Росберица и по артилерійскому резерву прусской гвардіи, который въ это время выѣхалъ на позицію восточнѣе Хлума.

Эти распоряженія имѣли слѣдствіемъ отчаянный бой у Хлума, въ которомъ австрійцы предприняли атаку командующей точки собственнаго своего расположенія, обороняемой прусаками.

Бой у Хлума и Розберица.

VI корпусъ напалъ на слабо занятый Розберицъ, выбилъ оттуда прусаковъ и продолжалъ наступленіе на Хлумъ.

Положеніе 1-й гвардейской дивизіи становилось критическимъ: ближайшія подкрѣпленія были еще довольно далеко позади; только артилерійскій резервъ подоспѣлъ и около трехъ съ половиною часовъ открылъ огонь по густымъ австрійскимъ массамъ, которыя, несмотря на это, продолжали подвигаться къ линіи Липа-Хлумъ, и отчасти въ обхватъ лѣваго фланга этого резерва. Это обстоятельство побудило начальника гвардейскаго артилерійскаго резерва, у котораго не было достаточнаго прикрытія, отступить. (**)

Въ то же время со стороны Липы и Чистовеса стали появляться массы III и IV корпусовъ, до которыхъ дошла наконецъ вѣсть о томъ, что прусаки у нихъ въ тылу. Хотя эти войска и считали себя обойденными, однако, въ соединеніи съ I и VI корпусами, наступавшими впередъ, они могли опомниться и тогда грозили бы прусакамъ, занимавшимъ Хлумъ, серьезной опасностію. Но дѣло обошлось гораздо счастливѣе для прусаковъ, чѣмъ можно было предполагать: сказанныя

(*) Въ мнѣніи Бенедека *центръ*, т. е. деревня Липа, до конца боя сохранилъ, какъ кажется, преобладающее значеніе.

(**) Вообще этотъ резервъ наступалъ весьма нерѣшительно; на немъ вполнѣ обнаружилось подчиненіе прусскихъ артилеристовъ предразсудку о важности потери орудій.

массы двигались, руководимыя собственнымъ инстинктомъ, безъ всякаго направленія отъ начальства, и думали не о томъ, чтобы атаковать прусаковъ, а о томъ, чтобы ускользнуть отъ ихъ ударовъ. Вслѣдствіе этого, наткнувшись на прусаковъ, они повернули вправо и вмѣстѣ съ X корпусомъ начали отступленіе въ направленіи къ Кениггрецу, западнѣе шоссе. А одна часть проскользнула, какъ кажется, въ тылу прусаковъ у Хлума и бросилась на Неделистъ, къ мостамъ II корпуса. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна. Фронтальная атака австрійцевъ на Хлумъ, произведенная въ густыхъ массахъ, была отражена залпами баталіоновъ 1-й гвардейской дивизіи, развернутыхъ или, правильнѣе, разсыпавшихся по сторонамъ Хлума. Послѣ этого послѣдовалъ небольшой перерывъ боя, во время котораго, около четырехъ часовъ, подошелъ наконецъ авангардъ 2-й гвардейской дивизіи. Онъ тотчасъ же направленъ на лѣсокъ правѣе Хлума и выбилъ оттуда австрійцевъ.

Нѣсколько времени спустя, около $4^1/_2$ часовъ, начали прибывать и главныя силы 2-й гвардейской дивизіи: генералъ Будрицкій съ пятью баталіонами, эскадрономъ и батареей, за которымъ почти непосредственно слѣдовалъ ген. Лёнъ съ остальными частями этой дивизіи. Первый изъ этихъ эшелоновъ сразу взялъ Липу и, соединившись со вторымъ, направился на Лангенгофъ, который около пяти часовъ тоже перешелъ въ руки прусаковъ.

Между тѣмъ, съ фронта, у Хлума, кипѣлъ ожесточенный бой. Раммингъ нѣсколько разъ возобновлялъ попытки атаки, но ни разу не дошелъ до Хлума. Впрочемъ, онѣ имѣли слѣдствіемъ полное ослабленіе 1-й гвардейской дивизіи, которая, совершенно уже разсыпавшись, продолжала держаться на позиціи, но не въ состояніи была двинуться впередъ. Для австрійцевъ атаки Раммингa и частей I корпуса были тѣмъ полезны, что дали возможность отступить частямъ III, IV и X корпусовъ.

Въ это время прибылъ авангардъ (*) I корпуса. Генералъ-лейтенантъ Гиллеръ, увидѣвъ новую помощь своей дивизіи,

(*) Этотъ авангардъ долженъ былъ оставить одинъ баталіонъ у Масловѣда, такъ какъ ко времени его прохожденія черезъ эту деревню нѣкоторые дома ея оказались занятыми австрійцами, которые вразбродъ возвращались отъ Бенатека и изъ масловѣдскаго лѣса.

употребилъ всѣ усилія, чтобы собрать части ея въ компактныя кучи и двинуть впередъ вмѣстѣ со вновь прибывшими войсками; но ему не суждено было видѣть окончательнаго успѣха дѣла, для котораго онъ, благодаря и счастливой случайности, и собственной энергіи, столько сдѣлалъ: пораженный осколкомъ гранаты, онъ палъ на томъ самомъ мѣстѣ, удержаніемъ котораго стяжалъ себѣ и своимъ боевымъ товарищамъ громкую славу. Авангардъ 1-го корпуса, пройдя Хлумъ, отбилъ шагахъ въ 200 впереди его послѣднія отчаянныя нападенія противника и продолжалъ путь на Росберицъ, между тѣмъ какъ главныя силы 1-го и 5-го корпусовъ подходили къ Хлуму. Эти силы представляли въ рукахъ кронпринца еще нетронутый резервъ по меньшей мѣрѣ въ 50,000. Почти единовременно съ авангардомъ 1-го корпуса подходила къ Росберицу съ востока и 11-я дивизія (6-го корпуса).

Мы оставили ее за Сендразицемъ, около трехъ часовъ, въ то время, когда она собиралась атаковать бригаду Тома, которая, исполнивъ свое назначеніе, начала отступать сама на Неделистъ съ боемъ, подъ сильнымъ натискомъ прусаковъ. Особенно стали насѣдать они съ приближеніемъ бригады къ Неделисту. Въ эту минуту ее выручилъ гусарскій полкъ Пальфи изъ дивизіи Турнъ-Таксиса: онъ стремительно бросился на прусскій гусарскій № 6-го полкъ, прикрывавшій лѣвый флангъ 11-й дивизіи, смялъ его и затѣмъ обратился противъ пѣхоты, но до нея не дошелъ: прусаки остановились и нѣсколькими залпами въ одно мгновеніе усѣяли поле убитыми и ранеными лошадьми и всадниками. Тѣмъ не менѣе, главная цѣль атаки была достигнута: бригада Тома, выручennая, уже безпрепятственно продолжала движеніе къ Предмерицу, у котораго, прикрывъ переправу остальныхъ двухъ бригадъ и дивизіи Турнъ-Таксиса, наконецъ переправилась и сама около $4^1/_2$ часовъ.

Цастровъ, достигнувъ Неделиста около 4 часовъ, не продолжалъ преслѣдованія австрійцевъ, ибо въ это время уже получилъ приказаніе направиться на Росберицъ, Свѣты и Всестаръ, для содѣйствія гвардіи.

Со своей стороны, Пронзинскій атаковалъ мельницу Тротины около $3^1/_2$ часовъ, взялъ ее и началъ тѣснить бригаду Генрикеца, которая предприняла отступленіе съ боемъ къ Лоценицу, гдѣ и переправилась на другой берегъ Эльбы, не безъ значительныхъ однакожь затрудненій и потерь. Пронзинскій.

преслѣдуя Генрикеца по пятамъ, достигъ Лохеница, когда переправа еще не была окончена, и атаковалъ эту деревню двумя баталіонами 23-го полка, между тѣмъ какъ фузилерный баталіонъ того же полка, по поясъ въ водѣ, обстрѣливалъ съ разстоянія 500 шаговъ переправлявшіяся по мосту войска. Лохеницъ занятъ, и понтонный паркъ попалъ въ руки прусаковъ.

Итакъ, около $4^1/_2$ часовъ, на всемъ пространствѣ отъ Хлума къ востоку, черезъ Неделистъ, Предмерицъ до Эльбы австрійскихъ войскъ болѣе не осталось; а отъ Хлума къ западу они находились въ полномъ отступленіи: X — на Клацовъ и Плачицъ, III, IV — по обѣимъ сторонамъ кениггрецкаго шоссе, подходили къ Плотисту и Цигельшлагу; части I и VI, отраженныя отъ Липы и Хлума, старались удержаться у Росница, Всестара и Свѣты.

Саксонцы встрѣтили высланную имъ бригаду Пире (I корпуса) уже у Росница, сдѣлали попытку перехода въ наступленіе, но были отражены и продолжали отступленіе въ порядкѣ, направляясь на Плачка, дабы, перейдя тамъ Эльбу, стать на дорогѣ въ Голицъ. Эдельсгеймъ прикрывалъ все время лѣвый флангъ саксонцевъ, стараясь удерживаться у Техловица и Радиковица, а къ вечеру отступилъ къ Стессеру, гдѣ и остановился на ночлегъ.

Чтобы сдѣлать отступленіе сколько-нибудь въ порядкѣ, Бенедекъ выдвинулъ свою резервную кавалерію лѣвѣе шоссе, въ направленіи къ Лангенгофу, а резервной артилеріи приказалъ держаться у Свѣты.

Высокимъ самоотверженіемъ этихъ войскъ закончился тяжелый для австрійцевъ день Кениггреца.

Преслѣдованіе австрійцевъ. Король замѣтилъ успѣхи II арміи по ослабленію огня у Липы, направленнаго противъ войскъ I арміи. Тогда онъ отдалъ приказъ къ общему переходу въ наступленіе и во главѣ резервнаго кавалерійскаго корпуса двинулся мимо Липы къ Лангенгофу. Кавалерія достигла этого пункта, когда онъ уже былъ взятъ 2-ю гвардейской дивизіей и когда съ австрійской стороны выдвинулась противъ него резервная кавалерія. Послѣдовало нѣсколько атакъ, въ которыхъ австрійская кавалерія явила подвиги отчаянной храбрости и высокаго самоотверженія, но въ результатѣ не имѣла успѣха: атаки, производившіяся съ перемѣннымъ успѣхомъ противъ прусской кавалеріи, всѣ разбивались о пѣхоту, за кото-

рою эта кавалерія находила надежное укрытіе. Тыла же австрійской кавалеріи въ это время (*) прикрывать уже было некому. Не въ лучшемъ положеніи находился и артилерійскій резервъ у Свѣты. Безъ прикрытія продолжалъ онъ оставаться на своей позиціи и поражать прусскія войска, наступавшія съ сѣвера и востока. Дѣйствіе его прекратилось только тогда, когда почти всѣ орудія перешли въ руки 11-й прусской дивизіи. Своею стойкостію и самоотверженіемъ артилерія заставила прусаковъ предполагать, что за нею стоитъ сильное прикрытіе, сохранившее порядокъ, готовое на энергическій отпоръ. Но ничего подобнаго не было: въ тылу за резервной батареей и за резервной кавалеріей, въ то время, когда онѣ обрекали себя на гибель, чтобы скрыть отъ непріятеля свою пѣхоту, развертывалась картина, которую сами австрійцы сравниваютъ съ отступленіемъ черезъ Березину. Не только части, но корпуса даже перемѣшались: густыя толпы, безсознательно придерживаясь шоссе, уткнулись въ Кениггрецъ; но имъ не открывали крѣпостныхъ воротъ, ибо, въ случаѣ отступленія, положительно было приказано не пропускать никого черезъ крѣпость. Тогда толпа раздѣлилась лѣвѣе и правѣе Кениггреца и плыла куда глаза глядѣли, пока не натыкалась на новыя толпы у переправъ, которыя ждали своей очереди, чтобы попасть на мостъ. Счастливѣе были тѣ, конечно, которые направились западнѣе Кениггреца; но такихъ было немного.

Къ довершенію бѣдствія, по взятіи батареи у Свѣты, прусаки выставили тамъ 42 орудія артилерійскаго резерва 6-го корпуса, которыя выстрѣлами своими въ направленіи къ Плотисту увеличили смятеніе и ужасъ въ австрійскихъ толпахъ. Много людей и лошадей погибло въ наводненной мѣстности впереди Кениггреца; много орудій брошено. Саксонцы, сохранившіе еще нѣкоторый порядокъ, съ приближеніемъ къ Плотисту, увлечены были общимъ потокомъ и увеличили собою толпу.

Во время отступленія, саксонцы получили приказаніе направиться на опатовицкую переправу (южнѣе Кениггреца); но это могъ исполнить только хвостъ ихъ. Этотъ пунктъ оказался, конечно, самымъ удобнымъ; но и на немъ даже столпленіе обозовъ было такъ велико, что послѣднія саксонскія части

(*) Около 6 часовъ.

переправились только 4-го іюля, между шестымъ и седьмымъ часомъ утра.

Трудно сказать, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы прусаки сдѣлали еще версты двѣ впередъ къ сторонѣ Кениггреца; но геройская стойкость кавалеріи и артилеріи была причиною, что прусаки, кажется, и не подозрѣвали, что дѣлается у Эльбы. Можетъ быть, ихъ остановило также рутинное опасеніе попасть подъ выстрѣлы съ крѣпости: никому, конечно, въ голову не могло придти, что, благодаря распоряженіямъ австрійской главной квартиры, она изъ прикрытія обратилась въ преграду войскамъ.

6-й корпусъ, какъ ближайшій къ Эльбѣ, могъ двинуться на Плотистъ легче всего; но, получивъ направленіе на Всестаръ и Свѣты, онъ удержалъ его до конца боя, захватилъ, правда, много плѣнныхъ и орудій, но этимъ самымъ былъ отвлеченъ отъ движенія къ Эльбѣ, которое одно могло повести къ еще болѣе гибельнымъ для австрійцевъ послѣдствіямъ.

„Сила непріятельскаго расположенія артилеріи и усталость собственныхъ войскъ, при наступающей темнотѣ, остановили дальнѣйшее преслѣдованіе.“ Канонада продолжалась до $8^1/_2$ часовъ.

Войска заночевали на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дрались; только 5-й корпусъ выдвинутъ южнѣе Росницъ, остальные стали: Гервартъ у Харбузицъ; 1-й и 6-й (*) — по сторонамъ Росница; гвардія — между Лангенгофомъ и Росберицемъ; кавалерійская дивизія II арміи — за Лангенгофомъ; главная квартира II арміи — въ Гореновесъ.

1-я армія нѣсколько выдвинулась передъ тѣ мѣста, на которыхъ дралась въ первую половину боя.

Результаты пораженія были страшны. Австрійцы потеряли: 16,230 убитыми и ранеными, 21,700 плѣнными и безъ вѣсти пропавшими; 174 орудія. Но это обнаружилось далеко не сразу: вечеромъ 3-го прусаки сами не подозрѣвали, что́ надѣлали. Въ депешѣ, посланной въ Берлинъ въ этотъ день, сказано о 20 взятыхъ орудіяхъ; въ письмѣ, посланномъ на слѣдующій день утромъ — о 50 орудіяхъ.

И такова странная особенность громадныхъ столкновеній человѣческихъ массъ, что между побѣдителями даже находились такіе, которые вечеромъ съ недоумѣніемъ спрашивали: кто же

(*) Бригада Ганенфельда у Бризы и Клацова.

побилъ—они, или ихъ? Должно быть, подобныя столкновенія не менѣе ошеломливаютъ побѣдителя, какъ и побѣжденнаго....

На прусскихъ бивуакахъ наконецъ все затихло; наступила холодная ночь, непринесшая покоя австрійцамъ: несчастныя толпы ихъ, объятыя паническимъ страхомъ, долго еще тѣснились у переправъ, и только къ утру слѣдующаго дня, не безъ большихъ потерь утонувшими, хвосты попали на противоположный берегъ.

Поднялось пасмурное холодное утро: комендантъ Кениггреца, Вейгль, сдѣлалъ распоряженіе о спасеніи нѣсколькихъ десятковъ орудій, увязнувшихъ въ тинѣ и брошенныхъ передъ крѣпостію. Это ему удалось вполнѣ, ибо прусаки и не думали двигаться впередъ; въ главной квартирѣ рѣшено было дать дневку, а предпріимчивость частныхъ начальниковъ замерла передъ страшнымъ зрѣлищемъ смерти и отчаянія. окружавшимъ прусскіе бивуаки: раненые и убитые люди и лошади, свои и непріятельскіе, устилали все пространство такъ далеко, какъ только могъ захватить глазъ. За остервенѣлымъ опьяненіемъ предшествующаго дня начиналось то холодное тяжкое раздумье, которое при видѣ смерти неминуемо въ войскахъ молодыхъ. отстаивающихъ дорогіе интересы родины, но непотерявшихъ еще инстинкта состраданія. Мрачно было настроеніе прусской арміи: не досчитывались многихъ изъ своихъ. Недаромъ говорится, что никогда побѣдоносная армія не бываетъ такъ близка къ пораженію, какъ на другой день послѣ побѣды.... По счастію для побѣдителей, рѣдко случаются арміи, которыя послѣ пораженія были бы способны къ наступательному возврату.

И потому-то нельзя не признать мѣрой безусловно необходимой послѣ удачнаго сраженія сдвигать, при малѣйшей возможности. войска впередъ, съ мѣста ихъ подвиговъ и ихъ гибели....

Прусаки потеряли около 9,700 человѣкъ, въ томъ числѣ около 1,800 плѣнными и безъ вѣсти пропавшими.

Бенедекъ донесъ по телеграфу изъ Гогенмаута, 4-го іюля, въ три часа утра: „Послѣ блестящаго пятичасоваго боя всей арміи и саксонцевъ на отчасти укрѣпленной позиціи впереди Кениггреца, съ центромъ у Липы, *непріятелю удалось незамѣтнымъ образомъ утвердиться въ Хлумѣ.* Дождь осадилъ дымъ къ землѣ: ничего нельзя было видѣть. Благодаря этому, про-

тивнику удалось проникнуть на нашу позицію у Хлума. Неожиданно обстрѣливаемыя съ фланга и съ тыла близъ-стоящія войска дрогнули, и, невзирая на всѣ усилія, нельзя было остановить ихъ отступленія. Сіе послѣднее сначала исполнено безъ поспѣшности, но мало по малу оно становилось быстрѣе, по мѣрѣ того, какъ тѣснилъ непріятель, пока наконецъ всѣ не отступили черезъ мосты на Эльбѣ или къ Пардубицу. Потери еще не опредѣлены; но онѣ, навѣрное, значительны".

Заключенія. Послѣ погромовъ эпохи Наполеона это самый страшный и по хорошему соображенію, и по результатамъ. По формѣ онъ напоминаетъ Бауценъ и Ватерлоо; по результатамъ — послѣдній, ибо способность къ быстрой деморализаціи, при разницѣ въ другихъ свойствахъ, была одинакова въ австрійскихъ войскахъ 1866 и во французскихъ 1815 года, хотя она происходила и не отъ одинакихъ причинъ.

Прусаки явили въ этомъ дѣлѣ: превосходное сознаніе обстоятельствъ минуты наверху, замѣчательную дерзость и самоотверженіе въ войсковыхъ массахъ. Ни одинъ баталіонъ не былъ потерянъ; все сосредоточилось къ полю битвы, благодаря распоряженіямъ свыше и иниціативѣ частныхъ начальниковъ, которые умѣли брать на себя отвѣтственность, и съ измѣненіемъ обстоятельствъ измѣняли полученныя распоряженія, когда дѣло доходило до обязанности идти на выстрѣлы. Такіе факты, какъ дерзкое движеніе 1-й гвардейской дивизіи въ промежутокъ между австрійскими войсками, на разстояніе не менѣе трехъ верстъ отъ ближайшихъ подкрѣпленій, останутся вѣчно поучительными и достойными подражанія, какъ высокое свидѣтельство и неукротимой энергіи, и полной свободы отъ того методизма, который, уменьшая рискъ, уменьшаетъ въ то же время и пріобрѣтаемый успѣхъ. Положимъ, что 1-я гвардейская дивизія была бы пріостановлена на Масловѣдской высотѣ, дабы выждать прибытіе 2-й гвардейской дивизіи и не подвергнуться опасности со стороны фланговъ: благодаря этой остановкѣ, ее могли бы замѣтить и, выдвинувъ корпусъ къ Хлуму изъ резерва, или совершенно ее остановить, или же значительно ослабить послѣдствія ея наступленія.

Это наступленіе нельзя признать основаннымъ на полномъ знаніи со стороны прусаковъ обстановки предпріятія: конечно, они не могли даже и подозрѣвать, что въ Хлумѣ никого, или

почти никого, не найдутъ; но это именно и показываетъ все значеніе дерзости на войнѣ. *Лѣзь впередъ, пока не остановятъ*— вотъ девизъ всякаго истинно военнаго въ бою; *а остановили— начинай драться; но не останавливайся* изъ-за того, что, *можетъ быть*, непріятель принялъ мѣры для противодѣйствія. Въ послѣднемъ случаѣ первымъ и главнымъ непріятелемъ является собственное воображеніе, которому не должно давать много хода, ибо и самъ того не замѣтишь, какъ его призраки примешь за дѣйствительность.

Отдавая полную справедливость прусакамъ въ умѣньи пользоваться счастливыми случайностями, не вслѣдствіе дара прозрѣнія, но именно благодаря дерзости, нельзя не признать, что на долю ихъ выпало въ бою и въ теченіе всей кампаніи такое счастіе, какое рѣдко сопровождаетъ самыя побѣдоносныя войска, предводимыя даже геніяльными полководцами. Не встрѣтить на пути отъ Краледвора не только вооруженной преграды движенію, но даже непріятельскихъ разъѣздовъ; найти главный пунктъ позиціи обнаженнымъ именно въ ту минуту, когда къ нему подходишь—не раньше и не позже; благодаря этому, безпрепятственно пройти за боевыя линіи непріятеля и достигнуть почти до самыхъ его резервовъ: этого не дастъ никакое искуство, если не помогутъ благопріятныя случайности, являющіяся въ видѣ распоряженій противника. Какихъ жертвъ и усилій генія стоило обыкновенно Наполеону разворотить непріятельскій центръ: сотни орудій сосредоточиваются, тысячи головъ летятъ, пока наконецъ цѣль не достигнута; подъ Кениггрецомъ первоначальный прорывъ центра, сравнительно говоря, ничего не стоилъ.

Нѣкоторые упрекаютъ прусаковъ за рискъ направленія ихъ армій къ позиціи непріятеля съ такихъ разстояній, на которыхъ не было возможности сохранить между ними связь и слѣдовательно единство распоряженій и дѣйствій. Этотъ упрекъ едва ли можно признать справедливымъ: *во-первыхъ*, австрійская армія была нравственно подорвана, между тѣмъ какъ прусская въ этомъ отношеніи не оставляла желать ничего болѣе, благодаря предшествовавшимъ удачамъ; *во-вторыхъ*, нѣтъ большаго риска въ подобномъ направленіи силъ, когда убѣжденъ, что войско проникнуто безусловною исполнительностію и устремляется по указанному направленію, несмотря ни на какія препятствія, съ идеальнымъ совершенствомъ пули или

гранаты, останавливаемыхъ тѣмъ только, что дѣйствительно, *а не воображаемо*, можетъ ихъ остановить: *въ-третьихъ*, прусаки знали традиціонную пасивность австрійскихъ войскъ, недостатокъ предпріимчивости, имъ присущій: при этомъ условіи, *съ какого бы дальняго разстоянія вы ни стали сосредоточивать свои войска къ позиціи противника, должна придти наконецъ минута, когда вы его охватите.* Заблаговременно сосредоточивать свои массы противъ подобнаго противника значитъ даромъ терять время, принимая тѣ предосторожности, которыя теорія совѣтуетъ только противъ непріятеля, способнаго наступательными возвратами нарушить разсчетъ марша.

Есть другой упрекъ, по моему мнѣнію, болѣе состоятельный, который можно сдѣлать прусакамъ: упрекъ въ томъ, что преслѣдованіе въ день боя не было поведено такъ далеко, какъ это можно и должно было сдѣлать. Разбитую армію гонитъ ея собственное мнѣніе, а не вооруженная сила. Прусаки забыли, что Блюхеръ гналъ послѣ Ватерлоо французовъ почти одними барабанщиками и трубачами; забыли также и то, что „въ необыкновенные дни нужно умѣть дѣлать и необыкновенныя усилія“.

Со стороны австрійцевъ обращаютъ вниманіе: недостатокъ упорства въ войскахъ, обнаруженный множествомъ плѣнныхъ; истощеніе отъ недостатка продовольствія, игольная паника, полный сумбуръ въ распоряженіяхъ, потверждаемый и тѣмъ, что къ сторонѣ арміи кронпринца не было выслано не только авангардовъ, которые могли бы ее задержать, не только кавалерійскихъ частей, которыя могли бы о ней своевременно донести, *но даже не были попорчены переправы.* Управленія общимъ ходомъ боя не было: Бенедекъ, выѣхавшій въ первый разъ послѣ начала кампаніи въ дѣло, остался въ немъ тѣмъ, чѣмъ былъ—хорошимъ корпуснымъ командиромъ. И въ этомъ смыслѣ онъ достигъ цѣли: на томъ пунктѣ, на которомъ распоряжался, т. е. у Липы, онъ дѣйствительно удержалъ прусаковъ. Говоритъ, что, съ постепеннымъ ослабленіемъ расположенія у Хлума, Раммингъ три раза предлагалъ двинуть туда свой корпусъ, но не получилъ на это разрѣшенія; говорятъ также, что Эдельсгейму положительно было запрещено предпринимать что-либо безъ приказанія. Австрійская армія подъ Кениггрецомъ представляла тѣло безъ души: при такомъ

положеніи послѣдствія могли быть только болѣе или менѣе несчастны, но счастливыми никогда не могли выйти.

Въ заключеніе этого блѣднаго описанія дня, столь многострадальнаго для австрійцевъ и вѣсть о которомъ какъ громомъ поразила всю западную Европу, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о диспозиціи. Что она показываетъ неясное сознаніе относительной важности пунктовъ позиціи, это уже объяснено. Другая особенность ея не менѣе поучительна въ отрицательномъ смыслѣ. Разумѣю параграфъ, назначающій путь отступленія черезъ Голицъ на Гогенмаутъ. Не говоря уже о томъ, что не совсѣмъ удобно говоритъ объ отступленіи въ документѣ, который дѣлается извѣстнымъ частнымъ начальникамъ, покрайней мѣрѣ до полковыхъ командировъ включительно, въ этомъ § поражаетъ и другое обстоятельство: для указанія пути отступленія выбранъ пунктъ, *находящійся не ближе, какъ верстахъ въ 17 за Кенигрецомъ, по ту сторону Эльбы.* Спрашивается: кому могло быть полезно подобное указаніе? Съ равнымъ основаніемъ и пользою можно бы было указать и Ольмюцъ. При расположеніи на позиціи массы по меньшей мѣрѣ въ 180,000 человѣкъ, важно знать не общее направленіе отступленія, а тѣ пути, по которымъ каждому корпусу непосредственно слѣдуетъ отступать съ позиціи, въ случаѣ неудачи. Частнымъ начальникамъ нечего и знать этихъ направленій: довольно, если бы знали ихъ корпусные командиры. ибо и то уже слава Богу, если бы можно было найти отдѣльный путь для движенія каждому изъ восьми корпусовъ. Такимъ образомъ, пунктъ объ отступленіи, внесенный въ диспозицію и сочиненный въ подобномъ духѣ, принесъ болѣе вреда, чѣмъ пользы: на тѣхъ, кого ему и знать не слѣдовало, онъ могъ подѣйствовать только какъ дурное предзнаменованіе; а тѣмъ, кто его долженъ былъ знать, онъ не далъ никакого полезнаго указанія. Къ этому еще нужно прибавить, что даже и сдѣланныя распоряженія не исполнялись какъ слѣдуетъ: такъ обозъ кавалерійскаго резерва оставался еще на полѣ сраженія съ началомъ его, запрудилъ переправы и не мало способствовалъ увеличенію бѣдствій отступленія.

IX.

ОТЪ КЕНИГГРЕЦА ДО ВѢНЫ.

Кениггрецкій погромъ произвелъ въ западной Европѣ впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ меньше его ожидали. Первымъ удачамъ прусаковъ плохо вѣрили, благодаря австрійскимъ и южно-германскимъ газетамъ, расписывавшимъ на всѣ лады подвиги армій Бенедека. Да и трудно было вѣрить, принявъ въ разсчетъ разницу въ боевой опытности противниковъ. По одному изъ тѣхъ странныхъ противорѣчій, которыя умъ человѣческій вмѣщаетъ въ себѣ непостижимымъ образомъ, даже самые преданные адепты мирно-военной рутины, столь отстаиваемой въ спокойное время, не надѣялись, чтобы прусская армія, которая кромѣ этой рутины, повидимому, ничего не имѣла, могла одолѣть австрійскую армію, имѣвшую недавній боевой опытъ, хотя и не совсѣмъ счастливый, но основательный (1859). На то же, что прусская мирная рутина не очень была далека отъ требованій боя (*), что между прусскими военачальниками нашлись люди на столько сильные, что даже и безъ боевой практики легко стали на точку боевой логики и сразу покончили со всѣмъ тѣмъ, что въ прусскихъ порядкахъ было для боя непригоднаго; на то, наконецъ, что у прусаковъ недостатка въ деньгахъ (**) не было—на все это какъ-то не обратили вниманія.

Первымъ послѣдствіемъ пораженія было то, что Австрія отказывалась наконецъ отъ Венеціянской области въ пользу императора Наполеона. Этимъ дипломатическимъ маневромъ,

(*) Принимая въ разсчетъ національный характеръ.

(**) Монтекукули говаривалъ, что на войнѣ нужны три вещи: деньги, деньги и деньги.... Съ нимъ нельзя не согласиться, предполагая, конечно, нравственныя и умственныя данныя войскъ и начальниковъ удовлетворяющими требованіямъ боя и войны.

вѣроятно, думали достигнуть двухъ цѣлей: обезпечить себѣ и посредничество Наполеона въ переговорахъ о мирѣ, и вліяніе его на Италію въ томъ смыслѣ, чтобы побудить ее отказаться отъ союза съ Пруссіею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Вѣнѣ были приняты мѣры, показывавшія, что тамъ и не думали о прекращеніи борьбы, слѣдовательно не имѣли еще яснаго понятія о состояніи сѣверной арміи. Министръ финансовъ уполномоченъ былъ выпустить асигнацій на 200,000,000 гульденовъ; 7-го іюля къ венграмъ обратились съ манифестомъ, выражавшимъ увѣренность, что они, вслѣдствіе старинной преданности (?), поспѣшатъ добровольно стать подъ знамена для защиты своего отечества, угрожаемаго опасностію. 10-го, подобный же манифестъ былъ адресованъ и къ прочимъ народностямъ, входящимъ въ составъ австрійскаго государства.

Но эти мѣры, за исключеніемъ первой, не имѣли ожидаемаго успѣха. Императоръ Наполеонъ дѣйствительно принялъ посредничество; но оно не подѣйствовало на первыхъ порахъ такъ, какъ, можетъ быть, разсчитывали. Предложеніе, сдѣланное Виктору-Эммануилу со стороны императора французовъ о прекращеніи войны, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ, привело къ рѣшенію продолжать войну, какъ будто не произошло никакой перемѣны въ отношеніяхъ между Австріей и Италіею. Венгры вяло отозвались на призывъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчали на него просьбою объ утвержденіи основаній, опредѣляющихъ отношенія ихъ къ габсбургскому дому; не менѣе вяло отозвались на призывъ и прочія народности.

Предложеніе о перемиріи, сдѣланное 4-го іюля черезъ Габленца, непосредственно изъ главной австрійской квартиры, также было отклонено прусаками: и потому, что они были связаны извѣстными обязательствами относительно Италіи, и потому еще, что согласиться на перемиріе значило дать время австрійцамъ собраться съ силами для возобновленія борьбы, за исходъ которой никто поручиться не можетъ, сколько ни имѣлъ бы шансовъ на своей сторонѣ.

Преслѣдованіе австрійцевъ. Недостатокъ настойчивости въ преслѣдованіи въ день боя и потеря цѣлаго дня 4-го іюля были великимъ счастіемъ для австрійцевъ. Въ эти сутки они, несмотря на полное разстройство, все же на столько успѣли

уйти, что когда, 5-го, прусаки принялись за преслѣдованіе, пришлось разыскивать, по какимъ именно направленіямъ отступленіе совершено.

Предметами дальнѣйшихъ дѣйствій прусаковъ могли быть или Ольмюцъ, или Вѣна; но первый былъ не страшенъ, такъ какъ дѣйствующая австрійская армія надолго была приведена въ неспособность переходить въ наступленіе — единственное условіе, при которомъ укрѣпленный лагерь пріобрѣтаетъ активную силу. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ неизвѣстно было направленіе, по которому Бенедекъ отступилъ, и такъ какъ, несмотря на потерянное время, нельзя было терять надежды увеличить разстройство его арміи преслѣдованіемъ, рѣшено дать такое направленіе прусскимъ силамъ, при которомъ было бы одинаково легко стать фронтомъ къ Вѣнѣ или же къ Ольмюцу.

Вслѣдствіе этого, 5-го іюля, *II армія*, по переправѣ черезъ Эльбу у Пардубица и сѣвернѣе, направлена *къ Ольмюцу*, оставивъ 6-й корпусъ для обложенія Кениггреца, который попытались, 5-го же, принудить къ сдачѣ бомбардированіемъ изъ полевыхъ орудій, но безуспѣшно; *I армія*, по переправѣ у Пршелауча, *къ Брюну*; *эльбская армія*, по переправѣ у Эльбе-Тейница, *къ Иглау*.

Такимъ образомъ, три прусскія массы приняли за Эльбой расходящееся направленіе; но эта разброска силъ, несмотря на то, что около 15-го она увеличила фронтъ дѣйствій прусаковъ верстъ до 140 (Просницъ-Люнденбургъ-Цнаймъ), составляла превосходную мѣру, ибо, не будучи опасною, между тѣмъ облегчала движенія, продовольствіе, а слѣдовательно и сбереженіе войскъ. Въ искуствѣ вовремя сосредоточить войска и вовремя ихъ разбросать лежитъ одинъ изъ великихъ залоговъ на успѣхъ въ войнѣ.

Въ тотъ же день, т. е. 5-го, гвардейская резервная дивизія, прибывшая 3-го вечеромъ къ прусской арміи, направлена для занятія Праги и вступила туда 8-го іюля. Туда же направленъ и резервный корпусъ генерала Мюльбе, выступившій изъ Дрездена 11-го іюля. Съ занятіемъ Праги, прусакамъ представилась возможность возстановить желѣзнодорожное сообщеніе съ Берлиномъ, черезъ Пардубицъ, Прагу, Кралюпъ, Турнау, Рейхенбергъ.

Отступленіе австрійцевъ. 4-го іюля перемѣшанныя части австрійскихъ и саксонскихъ войскъ отступали по направленію

на Гогенмаутъ; 2-я легкая кавалерійская дивизія, II корпусъ, менѣе другихъ пострадавшій, и впереди его IV шли сѣвернѣе главной массы, направляясь, согласно диспозиціи, тоже на Гогенмаутъ. Только 5-го, въ теченіе дня, изъ главной квартиры разослано приказаніе безъ подписи, на основаніи котораго главныя силы должны были слѣдовать на Гогенмаутъ, Цвиттау, Моравску Тржебову къ Ольмюцу, а II и IV корпуса туда же, но сѣвернѣе главныхъ силъ, составляя, слѣдовательно, относительно ихъ правую колонну.

Въ ночь съ 11-го на 12-е, правая колонна достигла наконецъ Ольмюца въ семь переходовъ, имѣвъ на пути одну только дневку. На пути эта колонна, какъ и главная, не терпѣла отъ преслѣдованія, благодаря извѣстной уже потерѣ времени прусаками.

Распредѣленіе колонны главныхъ силъ, при слѣдованіи по указанному направленію, было измѣнено въ томъ только, что по достиженіи желѣзной дороги, 7-го іюля, X корпусъ рѣшено было отправить по этой послѣдней къ Дунаю. Туда же направлены три резервныя и первая легкая кавалерійскія дивизіи; послѣдняя составляла крайній лѣвый флангъ движенія и отступала на Иглау. Около 12-го и части главной колонны также вступили въ ольмюцскій лагерь.

Прусаки подвигались по указаннымъ направленіямъ на столько быстро, на сколько то позволяли большія массы и необходимость въ каждой изъ нихъ раздѣленія на нѣсколько колоннъ, изъ которыхъ весьма немногимъ приходилось идти по шоссе. Наступленіе шло безпрепятственно. Только 7-го прусскіе кавалерійскіе отряды настигли наконецъ австрійцевъ, а 9-го въ авангардѣ II арміи произошла незначительная кавалерійская стычка.

6-го, въ Пардубицъ перенесена главная квартира короля и осталась тамъ до 9-го. 8-го прибылъ туда вторично Габленцъ, для переговоровъ о перемиріи на срокъ отъ восьми недѣль до трехъ мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы войска оставались на занимаемыхъ ими мѣстахъ и на условіи сдачи прусакамъ Іозефштата и Кралеграда, безъ гарнизона и военныхъ запасовъ. Это предложеніе также было отклонено.

9-го главная квартира короля перенесена въ Гогенмаутъ, II армія достигла Моравской Тржебовы и Цвиттау; I стояла

въ трехъ переходахъ отъ Брюнна; армія Герварта—въ одномъ переходѣ передъ Иглау. Въ тотъ же день, въ Моравской Тржебовѣ прусаки перехватили почту, въ которой нашли распоряженія Бенедека, и изъ нихъ впервые узнали, что на Брюннъ направлены только X корпусъ и четыре кавалерійскія дивизіи, а остальныя силы двинуты къ Ольмюцу.

Это обстоятельство должно было вызвать, и дѣйствительно вызвало, попытку отрѣзать главныя силы австрійской арміи отъ Вѣны, чѣмъ и обусловились дальнѣйшія движенія прусской арміи. Предположено поставить въ возможно-скоромъ времени I и II арміи въ промежутокъ между Ольмюцемъ и Вѣною. Вслѣдствіе этого II армія получила приказаніе идти на Просницъ, въ обходъ Ольмюца съ юга; I армія, занявъ Брюннъ, должна была свернуть на юго-востокъ и достигнуть возможно быстрѣе Годонина и Люнденбурга. Эльбской арміи предписано, по достиженіи Цнайма, повернуть на востокъ и слѣдовать вдоль рѣки Тайа, для содѣйствія принцу Фридриху-Карлу въ овладѣніи Люнденбургомъ.

10-го іюля главная квартира перенесена въ Цвиттау, гдѣ осталась и на слѣдующій день, вслѣдствіе прибытія французскаго посла Бенедетти, явившагося съ предложеніемъ посредничества императора Наполеона въ переговорахъ о мирѣ.

Между тѣмъ, исполняя извѣстныя уже приказанія, I армія достигла Брюнна 13-го, имѣя авангарды за нимъ въ направленіи на Годонинъ и Люнденбургъ; въ этотъ же день прибыла въ Брюннъ и главная квартира короля. Авангардъ II арміи дошелъ до Просница 14-го; эльбская армія находилась на маршѣ къ Цнайму, котораго достигла 15-го іюля.

15-го іюля Годонинъ занятъ 8-й дивизіей (Горна), между тѣмъ какъ у Ольмюца послѣдовалъ рядъ стычекъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ прегражденіе австрійцамъ прямаго пути на Вѣну.

Такъ какъ въ содѣйствіи Герварта I арміи не оказалось надобности, то его корпусъ направленъ отъ Цнайма прямо на Вѣну, черезъ Голабрюнъ и Штокерау (*). Только дивизія Этцеля отдѣлена западнѣе, на Кремсъ.

Положеніе австрійцевъ въ Ольмюцѣ и отступленіе къ Вѣнѣ.

Большая часть корпусовъ австрійской арміи прибыли въ Ольмюцъ въ весьма плохомъ положеніи: за исключеніемъ II

(*) На Дунаѣ, верстахъ въ 20 выше Вѣны.

корпуса, каждый изъ остальныхъ представлялъ силу не болѣе какъ въ 10,000—15,000 человѣкъ. Бенедекъ энергически принялся за возстановленіе ихъ устройства; но для этого необходимо было остаться въ покоѣ хотя нѣсколько дней, что имѣло весьма неблагопріятныя послѣдствія.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о кениггрецскомъ пораженіи, изъ Вѣны послали графа Менсдорфа для изслѣдованія причинъ неудачи. Неизвѣстно, открылъ ли графъ какой-либо положительный пунктъ обвиненія противъ Бенедека, но только этого послѣдняго смѣнили, потребовали въ Вѣну и предали тамъ суду.

Главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ силъ назначенъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, начальникомъ штаба—генералъ Іонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ утверждены нѣкоторыя, еще прежде состоявшіяся, назначенія: Гондрекура—командиромъ I корпуса, Вебера—командиромъ VIII, Зайчека—IV.

13-го іюля эрцгерцогъ Альбрехтъ объявилъ о вступленіи своемъ въ командованіе всѣми сухопутными силами, прибавивъ между прочимъ: „Могучѣе прежняго собирается армія, испытанная въ бояхъ и составленная изъ войскъ, славныхъ своею храбростію и упорствомъ; эта армія, воодушевленная недавно одержанною побѣдою (*) и жаждою отмстить за незаслуженную неудачу, ждетъ только случая, чтобы положить конецъ высокомѣрію врага. Исполнимъ же дружно и единодушно эту великую задачу, помня, что *успѣхъ бываетъ на сторонѣ того, у кого голова и сердце на мѣстѣ, кто умѣетъ обдумывать хладнокровно и дѣйствовать рѣшительно, и что только тотъ гибнетъ, кто не увѣренъ въ себѣ и самъ отчаивается въ успѣхѣ*“.

Слова глубоко вѣрныя; но изъ словъ они становятся дѣломъ тамъ, гдѣ ихъ помнятъ не только въ годину бѣдствій, но и при мирномъ воспитаніи арміи.... На войнѣ нельзя разомъ сдѣлаться энергическимъ и упорнымъ, когда въ мирное время добивались совершенно обратнаго.

Одною изъ первыхъ мѣръ эрцгерцога Альбрехта было приказаніе Бенедеку немедленно направить къ Вѣнѣ по желѣзной дорогѣ и по обыкновеннымъ дорогамъ всю сѣверную армію. Вслѣдствіе этого, часть саксонскаго корпуса (кромѣ кавалеріи) и III австрійскій предположено перевезти по желѣзной дорогѣ, а для прочихъ войскъ штабомъ сѣверной арміи составленъ маршрутъ для движенія черезъ Кремзиръ, Годонинъ, Штамп-

(*) Въ Италіи.

фенъ и Пресбургъ въ окрестности Вѣны, куда они должны были прибыть 24-го и 25-го іюля (*). Въ первомъ эшелонѣ назначено идти IV и II корпусамъ. 16-го іюля; за ними, во второмъ эшелонѣ — VIII и I, 17-го іюля; VI двинутъ отъ Ольмюца на востокъ, къ Вейскирхену, дабы идти оттуда къ Пресбургу вдоль Малыхъ Карпатовъ, долиною рѣки Ваагъ. Но, вслѣдствіе донесеній о приближеніи непріятеля, движеніе начали двумя днями ранѣе предположеннаго.

По желѣзной дорогѣ успѣли отправить не болѣе сорока поѣздовъ, когда авангардъ I прусской арміи, съ занятіемъ Годонина и Люнденбурга, пресѣкъ австрійцамъ это сообщеніе. Какъ уже знаемъ, первый изъ этихъ пунктовъ занятъ 15-го іюля Горномъ, который на слѣдующій день двинулся къ Люнденбургу и безъ сопротивленія также занялъ его; часть бригады Мондля, расположенная въ этомъ пунктѣ, съ приближеніемъ прусаковъ, сѣла на заранѣе приготовленный поѣздъ и уѣхала въ Пресбургъ.

16-го большая часть I арміи, черезъ Гедингъ и Люнденбургъ, направилась къ Моравѣ и, 17-го, по переправѣ чрезъ эту рѣку, прервала сообщеніе съ Ольмюцемъ и по обыкновеннымъ дорогамъ.

Дѣла у Тобичау. (См. планъ № 2-й bis.)

Въ то же время передовыя части II прусской арміи наткнулись на войска, выступавшія изъ Ольмюца.

14-го іюля двинулся отъ Ольмюца первый эшелонъ (II и IV корпуса и 16 эскадроновъ саксонской кавалеріи).

Въ этотъ день IV корпусъ долженъ былъ прибыть въ Когетейнъ (**), а II въ Тобичау. Обоимъ этимъ корпусамъ назначено слѣдовать по правому берегу Моравы, выдвинувъ въ видѣ боковыхъ авангардовъ вправо по одной бригадѣ и пустивъ тяжелый обозъ по лѣвому берегу Моравы.

IV корпусъ, слѣдовавшій впереди, безъ всякихъ случайностей достигъ Когетейна.

II корпусъ, миновавъ Ольмюцъ, достигъ Тобичау, гдѣ и расположился на бивуакѣ. Бригада Сафрана съ двумя саксонскими эскадронами, прикрывавшая маршъ съ правой стороны, дошла до Бискупицъ, гдѣ осталась въ видѣ авангарда, выставивъ аванпосты къ сторонѣ непріятеля.

(*) См. планъ театра войны.

(**) Верстахъ въ 7 сѣвернѣе Кремзира.

Еще до полудня получено было донесеніе о томъ, что Просницъ занятъ и что въ окрестностяхъ этого пункта сосредоточены значительныя непріятельскія силы. Это были передовыя части II прусской арміи.

Кавалерійская дивизія этой арміи шла въ авангардѣ, въ направленіи отъ Моравской Тржебовы на Просницъ, выславъ впередъ, для собственнаго охраненія, 1-й гусарскій полкъ. На нее, кромѣ охраненія, возложена была еще обязанность испортить желѣзную дорогу и телеграфъ отъ Ольмюца на Вѣну. Командиръ 1-го гусарскаго полка, достигнувъ Просница, 14-го, собирался выставить аванпосты и расположиться на бивуакъ, когда получилъ донесеніе, что у Враговицъ открыто нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ. Гусары двинулись впередъ, встрѣтили два саксонскихъ эскадрона бригады Сафрана, высланные на аванпосты, опрокинули ихъ и преслѣдовали до Бискупицъ, откуда, наткнувшись на эту бригаду, принуждены были отступить. Саксонцы заняли прежнюю аванпостную линію, въ подкрѣпленіе которой выдвинутъ одинъ баталіонъ, поставленный за нею въ дивизіонныхъ колоннахъ.

Въ тотъ же день, часовъ около двухъ пополудни, 1-й прусскій кирасирскій полкъ, посланный на Тобичау и Прерау, для порчи желѣзной дороги и телеграфа, потѣснилъ аванпосты, наткнулся на этотъ австрійскій баталіонъ, прорвалъ одно изъ дивизіонныхъ каре, но былъ остановленъ и возвратился къ Просницу, не исполнивъ своего назначенія.

Обо всемъ этомъ изъ штаба II корпуса послали донесеніе въ Ольмюцъ, съ прибавкою, что дальнѣйшій маршъ вдоль Моравы едва-ли будетъ возможенъ.

Это имѣло слѣдствіемъ полную перемѣну маршрута: II и IV корпусамъ предписано свернуть влѣво и, перейдя Малые Карпаты, направиться долиною Ваага къ Пресбургу; I и VIII, бывшіе еще въ Ольмюцѣ, получили приказаніе слѣдовать черезъ Прерау, въ долину Ваага, также къ Пресбургу.

На слѣдующій день IV корпусъ и за нимъ II продолжали движеніе по прежнему направленію. Послѣдній, подходя къ Кремзиру, услышалъ за собою въ сторонѣ Тобичау канонаду: то были части втораго австрійскаго эшелона, атакованныя прусскими войсками кавалерійской дивизіи и 1-го корпуса.

15-го іюля генералъ-маіору Малоткѣ, командиру 3-й прус-

ской бригады (*), приказано съ разсвѣтомъ двинуться черезъ Просницъ и Грубшицъ на Тобичау и Траубекъ, занять эти пункты и переправы и держаться на нихъ до тѣхъ поръ, пока кавалерійская дивизія не испортитъ желѣзной дороги у Прерау. Отъ Грубшица уже видно было движеніе сильныхъ колоннъ въ сторонѣ Буба, въ направленіи Ольмюцъ-Тобичау; слѣдовательно, прусаки шли какъ-разъ противъ фланга этой колонны, состоявшей изъ войскъ VIII корпуса. Боковой авангардъ этого послѣдняго (бригада Роткирха: 25-й и 71-й полки, егерскій баталіонъ, эскадронъ и четыре батареи) занялъ позиціи у Ракодау и Тобичау, для защиты мостовъ черезъ рѣчку Блатту, имѣющихся у Бискупицъ, Клопотовицъ и Виклицеръ-Гофа.

Тобичау былъ занятъ тремя ротами; лѣсокъ сѣвернѣе этого пункта—двумя; еще сѣвернѣе, шагахъ въ 1,000, на ольмюцскомъ шоссе, стояла батарея. Остальная часть бригады, съ тремя батареями, расположена впереди Ракодау.

Бригада Малотки, пройдя Грубшицъ, выстроилась въ двѣ линіи (**), фронтомъ къ Тобичау, имѣя батарею на лѣвомъ флангѣ; лѣвѣе послѣдней выстроилась подоспѣвшая кирасирская бригада дивизіи Гартмана.

Для атаки непріятеля отданы слѣдующія приказанія: 2-й баталіонъ 44-го полка направленъ на Виклицеръ-Гофъ; 3-й на Клопотовицъ; 1-й шелъ за серединою и нѣсколько позади, дабы поддержать, смотря по обстоятельствамъ, одинъ изъ переднихъ баталіоновъ.

Кирасирамъ приказано идти на Ракодау, въ случаѣ, если удастся найти переправу у Бискупицъ; батареѣ, усиленной вскорѣ двѣнадцатью конными орудіями, расположиться на возвышенномъ берегу по сю сторону Блатты, между Бискупицъ и Клопотовицъ, и содѣйствовать своимъ огнемъ наступленію пѣхоты и кавалеріи.

Австрійцы выставили впереди Ракодау три батареи и открыли огонь по прусской артилеріи съ разстоянія около трехъ верстъ. Между тѣмъ, 5-й прусскій кирасирскій полкъ, найдя мостъ у Бискупицъ разрушеннымъ, перешелъ къ Клопотовицамъ и началъ переправляться на восточный берегъ Блатты; 1-й кирасирскій полкъ оставленъ по сю сторону Блатты, у Бискупицъ; почти въ то же время 3-й и 1-й баталіоны 44-го полка

(*) 4-й и 44-й полки, 4-фунтовая батарея.

(**) 44-й полкъ въ первой линіи въ ротныхъ колоннахъ, 4-й—во второй.

начали переправу у Виклицеръ-Гофа, по имѣющимся тамъ двумъ мостамъ; туда же притянутъ и 2-й баталіонъ отъ Клопотовицъ, который по переправѣ и занялъ мѣсто между первыми двумя, построившись, какъ и они, въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, заднія роты вмѣстѣ. За 44-мъ началъ переправу 4-й полкъ въ то время, когда первый двинулся въ атаку на лѣсокъ, лежащій сѣвернѣе Тобичау. Батарея, стоявшая сѣвернѣе лѣска, наносила довольно сильный уронъ лѣвому флангу 44-го полка. Но это не особенно помогло австрійцамъ: слабый отрядъ ихъ былъ выбитъ изъ лѣса, отступилъ за шоссе и расположился во рву его, перестрѣливаясь съ прусаками, въ ожиданіи подкрѣпленій. Съ прибытіемъ этихъ послѣднихъ австрійцы сдѣлали попытку выбить прусаковъ изъ лѣса, но не имѣли удачи, и, отступивъ за шоссе, опять начали перестрѣлку.

Послѣ этого прусаки, притянувъ батарею съ западнаго берега Блатты, открыли огонь по австрійцамъ и затѣмъ сами перешли въ наступленіе; австрійцы, уклоняясь отъ атаки, начали отступать по направленію шоссе, на Вировань. Между тѣмъ, въ тылу у прусаковъ, Тобичау было занято двумя ротами отъ 4-го полка, выбившими оттуда австрійцевъ.

Одновременно съ этой атакой 5-й кирасирскій полкъ произвелъ другую—на позицію у Ракодау, гдѣ были расположены главныя силы бригады Роткирха. На плато, впереди этого пункта, стояли, какъ уже извѣстно, три батареи. Полковникъ Бредовъ, построивъ эскадроны своего полка уступами, имѣя во 2-й линіи ландверный уланскій полкъ съ одною конною батареею, пошелъ на Ракодау, покровительствуемый волнистою мѣстностію, такъ что австрійцы, не замѣтивъ его приближенія, продолжали стрѣлять по 1-му кирасирскому полку, оставшемуся за Блаттою. Благодаря этой случайности, а еще болѣе тому, что командиръ ближайшаго прикрытія австрійской батареи, принявъ прусскихъ кирасировъ за своихъ, крикнулъ артилеристамъ не стрѣлять (*), прусаки наскочили на нее безъ вы-

(*) Этотъ фактъ полученъ часа черезъ три послѣ дѣла, когда забранныя орудія прибыли въ Просницъ, отъ командира батареи, сдѣлавшейся жертвой суетливости начальника прикрытія. Трудно выразить отчаяніе и сдержанное бѣшенство этого бѣднаго батарейнаго командира, поплатившагося за чужую вину. Штабъ генерала Штейнмеца сидѣлъ за обѣдомъ въ то время, когда его ввели: вошелъ, остановился у дверей; холодный поклонъ, стиснутые зубы, слезы на глазахъ. Чувствовалось инстинктивно, что это несчастіе, достойное уваженія. „Гг. артилеристы—сказалъ генералъ Штейнмецъ—пригласите вашего австрійскаго товарища раздѣлить нашъ

стрѣла, охватили съ фронта и фланга и взяли 18 орудій почти въ комплектѣ, т. е. съ лошадьми и прислугой; кромѣ того, имъ попало въ руки семь зарядныхъ ящиковъ, также съ полной упряжкой. Успѣли ускакать только два орудія и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Кирасиры принялись заклепывать орудія. Въ это время противъ ихъ лѣваго фланга выѣхалъ изъ Ненаковицъ одинъ эскадронъ; полковникъ Бредовъ бросился противъ него съ однимъ эскадрономъ и опрокинулъ въ Ненаковицъ. Послѣ этого кирасиры, убравъ свою добычу, быстро ушли къ Клопотовицамъ, такъ какъ южнѣе, у Вировано, была открыта австрійская пѣхота, которая *могла* двинуться на выручку орудій; но ей было не до того: четыре баталіона бригады Малотки, преслѣдуя австрійцевъ, достигли Вировано и вскорѣ овладѣли имъ и Ракодау, безъ особенныхъ усилій и потерь. Прусская батарея немедленно выѣхала на позицію на высоту лѣвѣе Вировано и открыла огонь по австрійцамъ, отступавшимъ на Бубъ. Остальные два баталіона (4-го полка) съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовали на направленіи Тобичау-Траубекъ. Роты, выбившія австрійцевъ изъ Тобичау и поддержанныя остальными шестью ротами, преслѣдовали противника до Траубека, который заняли безъ затрудненій. Овладѣніе этимъ пунктомъ было весьма важно, ибо доставило прусакамъ обезпеченныя переправы черезъ Мораву и Бечву, но ко-

обѣдъ.“ Тѣ окружили его, усадили, завели разговоръ о томъ, какъ хорошо австрійская артилерія стрѣляетъ, вспомнили о градлицской канонадѣ: оказалось, что взятыя батареи въ ней участвовали. Стали распрашивать, какую высоту прицѣла нужно было брать, чтобы стрѣлять на столь огромное разстояніе. Но все напрасно: австріецъ то и дѣло возвращался къ тому, что не послушайся онъ командира прикрытія, его бы не взяли такъ легко: „а то я скомандовалъ стрѣлять — наскочилъ; „не стрѣлять! не стрѣлять! это наши!“ Я долженъ былъ повиноваться, и вотъ“.... Прусаки замолкали при этихъ жалобахъ и относились къ нимъ съ такой деликатностію, какую дай Богъ всегда встрѣчать въ побѣдителѣ. Еще не успѣли пообѣдать, какъ австріецъ всталъ, сказавъ, что онъ не смѣетъ долѣе задерживать начальника конвоя; но его усадили, попросили не безпокоиться, ибо и начальникъ конвоя тутъ, и ему молъ нужно пообѣдать. — Правда, это частный случай; но онъ, кажется, рисуетъ достаточно духъ общества австрійскихъ артилеристовъ. Не знаемъ, какою репутаціею этотъ офицеръ пользуется у себя дома, но смѣло могу сказать, что трудно было вести себя достойнѣе въ бѣдѣ, нисколько не рисуясь. И потому мы, необинуясь, позволяемъ себѣ назвать его здѣсь по фамиліи: это былъ капитанъ Кремперъ. Сомнѣваемся, чтобы дошелъ до него нашъ разсказъ; но если дойдетъ, пусть онъ послужитъ ему хотя слабымъ удовлетвореніемъ за несчастіе, которому всякая артилерійская часть можетъ подвергнуться тѣмъ легче, чѣмъ честнѣе она исполняетъ свой долгъ.

торымъ можно было провести кавалерію и двинуть ее далѣе къ Прерау. Дѣло на нѣкоторое время прекратилось.

Генералъ Бонинъ, бывшій при бригадѣ Малотки, съ началомъ дѣла послалъ приказаніе ближайшимъ частямъ своего корпуса идти къ Тобичау. Но онѣ предупредили это приказаніе, сами двинувшись на выстрѣлы, такъ что къ двумъ часамъ, когда возобновилось дѣло, къ Бискупицамъ подошла цѣлая бригада (*), она выдвинула свою батарею и открыла огонь противъ австрійской батареи, появившейся впереди Дуба. Канонада продолжалась до тѣхъ поръ, пока австрійцы, давъ время отступить хвосту колонны, не снялись съ позиціи и не начали отступать къ Ольмюцу.

Въ то же время генералъ Гартманъ съ частію своей дивизіи (**) и съ ротой фузилеровъ, посаженной на подводы, направился къ Врбовецу, у котораго есть бродъ черезъ Бечву. Перейдя Бечву и оставивъ фузилеровъ для защиты этой переправы и команду для порчи желѣзной дороги и телеграфа, онъ двинулся въ промежутокъ между Рокеницъ и Длугоницъ, выстроивъ въ линію пять эскадроновъ, назначивъ шестой въ прикрытіе батареѣ, поставленной на лѣвомъ флангѣ, и два эскадрона оставивъ въ резервѣ. Послѣ непродолжительной канонады, линія бросилась въ атаку и смяла австрійскій баталіонъ. Въ это время замѣтили, что по шоссе, ведущемъ изъ Рокеницъ въ Прерау, множество повозокъ спасались на рысяхъ. Три эскадрона, отряженные въ этомъ направленіи, принялись валить повозки въ ровъ, когда сѣвернѣе Рокеницъ снялась съ передковъ австрійская батарея и открыла огонь; западнѣе Рокеницъ появились австрійскіе кирасиры, отъ Прерау гусары. Послѣ удачной стычки къ сторонѣ Прерау, прусаки отступили за Бечву, уклоняясь отъ боя съ превосходными силами.

Это аріергардное дѣло довершило отдѣленіе Ольмюца отъ Вѣны; войска, неуспѣвшія выступить изъ перваго пункта, были отрѣзаны. 17-го іюля прусаки заняли Прерау; 15-го, если припомнятъ, войсками принца Фридриха-Карла былъ занятъ Гедингъ, 16-го Люнденбургъ; 17-го весь 2-й корпусъ стоялъ уже въ окрестностяхъ Дюрнкрута, т. е. верстахъ въ сорока отъ Вѣны; 4-й приближался къ Штампфену (см. планъ № 3-й);

(*) Г.-м. Барнековъ, 3-й и 43-й полки, батарея.

(**) Три эскадрона № 2-го гусарскаго полка, ландверный гусарскій полкъ, эскадронъ уланъ, $^1/_2$ эскадрона ландверныхъ уланъ, батарея.

3-й стоялъ за ними въ резервѣ, у Никольсбурга и Фельдсберга; Гервартъ подходилъ къ Голлабрюну. Вмѣстѣ съ тѣмъ II арміи отъ Просница и Прерау приказано двинуться въ резервъ I арміи, на линію Брюннъ-Голичъ.

18-го іюля главная квартира короля перенесена въ Брюннъ.

Положеніе въ Вѣнѣ.

Быстрое приближеніе прусаковъ къ Вѣнѣ произвело тамъ понятное впечатлѣніе. Флорисдорфскія укрѣпленія, построенныя на лѣвомъ берегу для защиты столицы Австріи, еще не были окончены; значительная часть силъ находилась еще въ Малыхъ Карпатахъ; тотъ недостатокъ упорства и хладнокровія, который обнаружился на верху арміи, теперь проявился и на верху государства и долженъ былъ показать тѣмъ, до кого это касалось, что онъ свойство общее, генерическое, а не составляющее исключительной принадлежности нѣкоторыхъ только личностей.

Флорисдорфскія укрѣпленія были видимымъ признакомъ того, чего могла ожидать Вѣна: испуганному воображенію гражданъ этой столицы ужасы въ родѣ бомбардированія, непріятельскаго занятія, казались неминуемыми; нѣкоторые симптомы въ самой столицѣ, и въ правительственныхъ при томъ сферахъ, указывали ясно на то, что бѣды не миновать. Министерства готовились къ отъѣзду; банкъ, архивы, арсеналъ переведены въ Пештъ.

При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ покорности и порабощенія, у которыхъ бы не развязался языкъ: страхъ жителей столицы выразился слѣдующимъ обращеніемъ городскаго совѣта къ правительству:

„Цвѣтущія области государства заняты непріятелемъ. Опасность грозитъ даже колыбели монархіи. Тысячи сыновъ и братій нашихъ напрасно пролили кровь свою на поляхъ сраженій. Въ такія трудныя времена представители Вѣны не желаютъ входить въ разсмотрѣніе причинъ, вызвавшихъ настоящее серьезное положеніе дѣлъ: они могутъ только сказать, что это положеніе составляетъ не столько послѣдствіе неудачъ въ бою, сколько несчастной внѣшней и внутренней политики, которой слѣдовали въ теченіе столь долгаго времени. Теперь слѣдуетъ смотрѣть впередъ и показать себя достойными словъ, что „народы Австріи лучше всего показали себя въ несчастіи“. Представители преданной столицы увѣрены, что народы Австріи исполнятъ это; они покажутъ, что они тѣ же самые, которые неоднократно, въ виду многочисленныхъ счастливыхъ противниковъ, не теряли увѣрен-

ности въ себѣ, а съ полною преданностію жертвовали всѣмъ для блага отчизны. Но они считаютъ себя вправѣ надѣяться, что, согласно основнымъ принципамъ, которые объявлены руководящими идеями управленія, будетъ принята истинно-либеральная политика, при содѣйствіи совѣтниковъ, которые въ народномъ представительствѣ видятъ прочную опору благосостоянія Австрійской имперіи. Да сочтутъ за благо довѣрить армію болѣе счастливому вождю. Дай Богъ также, чтобы пришли къ благому рѣшенію поручить завѣдываніе дѣлами такимъ людямъ, твердость и политическія убѣжденія которыхъ служили бы народу залогомъ лучшаго будущаго. Это возбудило бы въ насъ ту энергію и вѣру въ себя, которыя намъ дали бы силу бороться съ самыми страшными невзгодами и быстро заживить тяжелыя раны самой кровавой войны", и проч.

Самыя сильныя опасенія вызвало воззваніе намѣстника нижней Австріи, который *всю* свою провинцію призвалъ къ оружію, между тѣмъ какъ значительная ея часть уже занята была прусаками (*). Отозвавшихся на призывъ было мало, а броженіе получилось сильное, такъ что пришлось центральному правительству объяснять, что воззваніе обнародовано только для сбора волонтеровъ. Такъ или иначе, но разсчетъ на силы области, наполовину занятой непріятелемъ, былъ по меньшей мѣрѣ преувеличенъ. Одна надежда была на Венгрію; но съ 1849 года эта страна заключилась въ ту систему апатіи и равнодушія къ интересамъ имперіи, которую можно назвать бунтомъ на колѣняхъ. Не воспользовалась она затруднительнымъ положеніемъ центральнаго правительства для того, чтобы возстать (**), но и ни малѣйшаго расположенія не обнаружила къ тому также, чтобы признать австрійскіе интересы своими интересами. Назначенный въ Венгріи усиленный (***) наборъ, встрѣтилъ такія затрудненія, что его пришлось замѣнить сборомъ охотниковъ.

Маршъ австрійскихъ корпусовъ по долинѣ Вага. 16-го, первый эшелонъ войскъ, двигавшихся отъ Ольмюца къ Вѣнѣ, долженъ былъ направить свой маршъ по труднымъ горнымъ дорогамъ въ долину Вагъ; 18-го онъ достигъ этой рѣки у Вагъ-Нейштадтля со страшными усиліями. „Прекрасный духъ войскъ помогалъ имъ переносить всѣ трудности; безъ ропота они собирались съ послѣдними силами, *и многіе изъ храбрыхъ на са-*

(*) Что значитъ поусердствовать....

(**) Попытка вторженія, сдѣланная генераломъ Клапкою, съ венгерскимъ легіономъ, въ сѣверо-западный уголъ Венгріи, была встрѣчена полнѣйшимъ равнодушіемъ.

(***) Который можно озаглавить также и насильственнымъ.

моѣ пути отдали душу Богу". Остановка у Ольмюца принесла свои плоды.... Но это еще не все.

Въ Ваагъ-Нейштадтлѣ получено приказаніе штаба сѣверной арміи, отъ 17-го, прибыть къ Пресбургу въ пять переходовъ съ одной дневкой, слѣдовательно къ 24-му. А уже знаемъ, что 18-го, т. е. въ день полученія этого приказанія, большая часть 1-й прусской арміи, стояла отъ Пресбурга не далѣе, какъ въ полутора или двухъ небольшихъ переходахъ, имѣя противъ себя одну бригаду X корпуса (Мондля), на позиціи у Кальтенбруна и Блуменау (см. планъ № 3); слѣдовательно, головной эшелонъ войскъ, шедшихъ отъ Ольмюца, могъ придти туда по приведенному маршруту гораздо позже прусаковъ.

Къ счастію для австрійцевъ, вмѣстѣ съ приказаніемъ изъ Ольмюца получено другое—изъ Вѣны—подкрѣпить возможно скорѣе бригаду Мондля. Исполнить его выпало на долю II корпусу. Составили новый маршрутъ, съ разсчетомъ прибыть въ Пресбургъ 22-го. Сдѣлано распоряженіе по дорогѣ заготовить подводы; но это успѣли сдѣлать не ближе, какъ въ Тирнау, куда корпусъ прибылъ 20-го. Шедшая въ головѣ его бригада Генрикеца тотчасъ же отправлена оттуда на подводахъ въ Пресбургъ, куда прибыла въ тотъ же день вечеромъ, въ восемь часовъ. За нею, форсированными маршами, слѣдовали двѣ кавалерійскія батареи, подъ прикрытіемъ двухъ саксонскихъ эскадроновъ.

На слѣдующій день по желѣзно-конной дорогѣ отъ Тирнау перевезены два егерскіе баталіона, назначенные наблюдать горные проходы, ведущіе отъ Моравы къ Георгену; пришелъ уланскій полкъ № 9-й, назначенный для той же цѣли и расположенный въ окрестностяхъ Рацерсдорфа.

21-го же еще одинъ пѣхотный полкъ перевезенъ по той же дорогѣ въ Пресбургъ. между тѣмъ какъ главныя силы корпуса были на маршѣ отъ Тирнау въ Вартбергъ. Въ ночь съ 21-го на 22-е и утромъ 22-го перевезены по желѣзной дорогѣ отъ этого послѣдняго пункта бригады Виртемберга и Тома. Остальныя части корпуса (*) выступили изъ Вартберга въ два часа по полуночи, и къ восьми часамъ, т. е. къ началу боя, прибыли наконецъ къ Пресбургу, сдѣлавъ отъ Ваагъ-Нейштадтля въ теченіе трехъ сутокъ около 90 верстъ слишкомъ, а отъ Ольмюца, въ теченіе недѣли (15-го—22-го іюля)—200 слишкомъ верстъ. Подобное движеніе, стоившее жизни, по всей вѣроятности, не

(*) Бригада Сафрана, артилерійскій резервъ, два эскадрона саксонцевъ.

одной сотнѣ людей, и которое не могло быть сдѣлано безъ страшной суеты и нравственной тревоги, лучше всего показываетъ что значитъ потеря времени на войнѣ.

Современныя движенія прусаковъ и бой у Пресбурга.

21-го іюля 8-я дивизія достигла Штампфена, авангардъ ея до Бистерницъ, а 7-я расположилась правѣе Штампфена, впереди Мархегга. За ними, на правомъ берегу Моравы, стояли остальныя части I арміи; передовые посты ея къ сторонѣ Вѣны занимали линію Руссбаха, на Ваграмскомъ полѣ сраженія. Вторая армія занимала Никольсбургъ, Фельдсбергъ, Голичъ, Герхартъ сосредоточился у Штоккерау. Большая часть силъ могли быть сосредоточены къ одной изъ крайнихъ точекъ расположенія въ два перехода.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, зная, что переговоры о перемиріи значительно подвинулись и приближаются къ концу, 22-го, приказалъ произвести только усиленную рекогносцировку къ Пресбургу, разрѣшивъ дальнѣйшее наступленіе только въ томъ случаѣ, если къ тому представятся особенно выгодныя обстоятельства. Для рекогносцировки были назначены 7-я и 8-я пѣхотныя дивизіи и кавалерійская генерала Гана-фонъ-Вейерна, подъ командою генерала Франзецкаго. Неизвѣстно, чего собственно имѣлось въ виду добиться этой рекогносцировкой, но направленіе ея на Пресбургъ выбрано чрезвычайно удачно.

Пресбургъ съ окрестностями соединяетъ въ себѣ весьма важное стратегическое и тактическое значеніе. Онъ расположенъ у мѣста, въ которомъ Малые Карпаты упираются въ Дунай и тѣмъ образуютъ превосходныя позиціи для форсированія переправы на южный берегъ этой рѣки. Верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ Дуная, паралельно его теченію, отъ Мораны къ Пресбургу ведетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ проходовъ черезъ Малые Карпаты, что дѣлаетъ его, а слѣдовательно и Пресбургъ, узломъ всякихъ дорогъ, ведущихъ изъ столицы въ сѣверную часть Венгріи. Слѣдовательно, прусаки, занявъ его, отрѣзали бы большую часть Венгріи отъ Вѣны и получили бы возможность пользоваться ея средствами; мало того: они помѣшали бы соединенію четырехъ (*) или пяти корпусовъ, бывшихъ на маршѣ отъ Ольмюца къ Пресбургу, съ остальными силами Австріи, сосредоточивавшимися вокругъ Вѣны.

Но для этого нужно было попасть на Пресбургъ не 22-го,

(*) I, IV, VI, VIII, а считая со II—пять.

а 19-го или 20-го, чему, сколько можно судить по внѣшности, представлялась полная возможность. У Пресбурга до 20-го находилась только бригада Мондля съ девятью эскадронами и двумя 8-фунтовыми батареями. 21-го, вслѣдствіе донесеній о появленіи прусаковъ у Штампфена, Маріенталя и Балленштейна, полковникъ Мондль расположилъ свои войска между Кальтенбруномъ и Блюменау. Утромъ 22-го, около семи часовъ, онъ выдвинулъ на рекогносцировку два эскадрона уланъ, въ направленіи къ Нейдорфу. Они опрокинули прусскіе аванпосты, но наткнулись на 4 прусскіе эскадрона и были ими опрокинуты; тогда Мондль выдвинулъ впередъ всю свою кавалерію: этимъ и началось дѣло.

Мондль расположилъ три баталіона на высотахъ впереди Блюменау, баталіонъ — на высотахъ у Кальтенбруна; передъ правымъ флангомъ, въ верстѣ слишкомъ, занималъ передовую позицію еще одинъ баталіонъ; остальные два стояли въ резервѣ у Блюменау.

Въ открытомъ промежуткѣ между Кальтенбруномъ и Блюменау поставлены двѣ батареи, и за ними, въ соотвѣтственномъ разстояніи, два уланскіе полка.

Правый флангъ позиціи, у горы Гамзенъ и сѣвернѣе, обезпечивали три баталіона бригады Генрикеца. Остальныя части этой бригады составляли ближайшій резервъ бригады Мондля, верстахъ въ двухъ за Блюменау. Бригада Виртемберга стояла у Рацерсдорфа и впереди этого пункта; бригада Тома—у Пресбурга; егерскій баталіонъ этой бригады—на крайнемъ правомъ флангѣ, у Георгена; бригада Сафрана и корпусный артилерійскій резервъ — сѣверо-восточнѣе Пресбурга. Такимъ образомъ, австрійское расположеніе, считая по прямой линіи отъ Георгена до Кальтенбруна, занимало болѣе 14 верстъ. Самая позиція Блюменау представляетъ протяженіе около трехъ верстъ слишкомъ.

Франзецкій сообразилъ планъ для атаки этой позиціи по тому же общему типу, который представляетъ большинство боевыхъ столкновеній прусаковъ въ эту кампанію: 13-я, 14-я и часть 16-й бригады получили приказаніе, приблизившись къ позиціи съ фронта, открыть сильную канонаду, а 15-я направлена, въ пять часовъ утра, въ обходъ праваго австрійскаго фланга, отъ Бистерницъ, черезъ гору Гамзенъ къ Пресбургу.

Затѣмъ, когда обнаружится вліяніе этого обхода, предполагалось перейти въ наступленіе съ фронта.

Въ пять часовъ, генералъ Бозе (командиръ 15-й бригады), захвативъ въ Бистерницѣ нѣсколькихъ поселянъ въ проводники, углубился по указанному ему направленію въ горы, подвигаясь весьма медленно по крайне труднымъ дорогамъ. Въ шесть съ половиною часовъ головной его отрядъ наткнулся на австрійскіе разъѣзды. Между тѣмъ, съ фронта открыли весьма частую канонаду. Франзецкій, около семи съ половиною часовъ, получилъ увѣдомленіе, что въ двѣнадцать часовъ начнется перемиріе; но, разсчитывая, что ему, можетъ быть, удастся захватить до этого времени Пресбургъ въ свои руки, онъ рѣшился продолжать дѣло. Прусаки выдвинули шесть батарей дивизіонной артилеріи и вскорѣ усилили ихъ четырьмя батареями изъ артилерійскаго резерва. Со своей стороны австрійцы усилили выставленныя вначалѣ двѣ батареи еще тремя. Но канонада, открытая на слишкомъ дальнемъ разстояніи и поддерживаемая слишкомъ торопливо, повела только къ большому расходу снарядовъ, не нанеся противникамъ особеннаго вреда. Выдвинуться прусакамъ болѣе впередъ мѣшало выступающее положеніе высотъ впереди Блюменау и Кальтенбруна, занятыхъ австрійцами.

Франзецкій приказалъ ихъ атаковать. На Кальтенбрунъ направленъ былъ одинъ баталіонъ, на Блюменау другой; послѣднему придано въ резервъ два баталіона. Высоты впереди Блюменау взяты безъ особеннаго затрудненія, и войска, овладѣвшія ими, продолжали подвигаться къ Блюменау. Кальтенбрунъ былъ зажженъ, около $11^3/_4$ часовъ, и къ нему подошелъ по высотамъ направленный туда прусскій баталіонъ, въ обхватъ лѣваго австрійскаго фланга.

Между тѣмъ, Бозе достигъ наконецъ горы Гамзенъ часовъ около одиннадцати. Австрійскій баталіонъ, ее занимавшій, былъ опрокинутъ, и Бозе продолжалъ наступленіе къ Пресбургу, несмотря на то, что австрійцы направили противъ его лѣваго фланга нѣсколько баталіоновъ. Но это движеніе не повело ни къ чему: въ двѣнадцать часовъ явился австрійскій парламентеръ, съ объявленіемъ о заключеніи перемирія на пять дней. Бой прекратился. Трудно сказать, на чьей сторонѣ осталась бы побѣда. Прусаки претендуютъ, будто они отрѣзали части II корпуса отъ Пресбурга; съ равнымъ основаніемъ австрійцы могли считать, что

бригада Бозе была отрѣзана, ибо противъ нея было не менѣе 14 баталіоновъ, расположенныхъ у Пресбурга и западнѣе его; кромѣ того, сѣвернѣе, бригада Виртемберга, половина которой направлена въ обходъ на Маріенталь, а другая половина осталась у Рацерсдорфа.

Во время отдыха пришла телеграма, опредѣлявшая демаркаціонную линію. Такъ какъ прусаки стояли впереди ея, то они должны были отойти назадъ. Только бригадѣ Бозе разрѣшено было графомъ Туномъ остаться на ночлегъ на томъ мѣстѣ, до котораго она дошла.

Во время перемирія, съ 23-го по 27-е, корпуса: I, IV, VI, VIII и 2-я легкая кавалерійская дивизія достигли Пресбурга и перешли черезъ Дунай; за ними переправился и II корпусъ, уничтоживъ за собою мостъ на плотахъ. Въ полдень 27-го, съ полученіемъ извѣстія о продолженіи перемирія еще на пять дней, II корпусъ снова занялъ Пресбургъ.

—

Уже извѣстно, что французскій посолъ при берлинскомъ дворѣ, Бенедетти, прибылъ въ Цвиттау и оттуда сопровождалъ главную квартиру короля до Брюнна и Никольсбурга, употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы склонить и побѣдителей и побѣжденныхъ къ миру. Съ той же цѣлію отправился въ Италію и принцъ Наполеонъ.

Пруссія поставила необходимымъ этому условіемъ присоединеніе къ ней Эльбскихъ герцогствъ, выключеніе Австріи изъ Германскаго Союза и уничтоженіе черезполосности прусскихъ владѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовали такой демаркаціонной линіи, на время перемирія, которая весьма стѣснила бы австрійцевъ, на что послѣдніе не согласились. 15-го Бенедетти отправился въ Вѣну, куда въ то же время присланы были изъ Парижа условія перемирія, на которыя, по мнѣнію императора французовъ, Австрія могла согласиться.

Положеніе Пруссіи было щекотливо въ особенности потому, что можно было опасаться вооруженнаго вмѣшательства Франціи. Поэтому стало необходимымъ, для пользы дѣла, поступиться, хотя и немного, нѣкоторыми изъ требованій. Въ то же время и надежды Австріи на вооруженное вмѣшательство французовъ рушились; а, между тѣмъ, наступленіе прусскихъ армій къ Вѣнѣ грозило весьма близкой опасностію. Благодаря совокупному вліянію этихъ обстоятельствъ, Бенедетти удалось нако-

нецъ устроить извѣстное уже пятидневное перемиріе, данное со стороны прусаковъ для того преимущественно, чтобы имъ воспользоваться для переговоровъ о мирѣ. 22-го, въ Никольсбургъ прибыли уполномоченные австрійскіе съ этою цѣлію, и начались переговоры, приведшіе наконецъ къ миру, на условіяхъ, весьма благопріятныхъ для Пруссіи, и принятыхъ за основаніе дальнѣйшихъ переговоровъ, которые предполагалось открыть въ Прагѣ. Эти условія были: 1) уступка Венеціи Италіи; 2) выходъ Австріи изъ Германскаго Союза и признаніе того устройства, которое прусскій король заблагоразсудитъ дать территоріи, лежащей къ сѣверу отъ Майна; 3) уступка Эльбскихъ герцогствъ; 4) уплата 40,000,000 талеровъ контрибуціи (вычитая изъ этой суммы 15,000,000 за Эльбскія герцогства и 5,000,000 за пребываніе прусскихъ войскъ въ австрійскихъ провинціяхъ до окончательнаго исполненія мирныхъ условій); 5) Пруссія гарантируетъ Саксоніи неприкосновенность ея владѣній. Послѣднее условіе было далеко не понутру прусакамъ, которымъ сильно хотѣлось полнаго присоединенія Саксоніи, какъ земли завоеванной; но, волею-неволею, пришлось принять его. Эта уступка вызвана была, по всей вѣроятности, преимущественно давленіемъ со стороны Франціи.

Конференція, собравшаяся нѣсколько времени спустя въ Прагѣ, установила подробности мирныхъ условій 23-го августа, трактатъ о которыхъ ратификованъ 30-го. Саксонія сохранила независимость внѣшнюю, но должна была принять прусскіе гарнизоны въ Дрезденъ и Кенигштейнъ. Въ общемъ результатѣ Пруссія, кромѣ контрибуціи около 60,000,000 талеровъ, пріобрѣла около 1,300 квадратныхъ миль, съ 4 слишкомъ милліонами жителей, и сдѣлала весьма рѣшительный шагъ къ объединенію Германіи.

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Представивъ посильный очеркъ австро-прусскаго столкновенія, позволяю себѣ вопросъ: въ чемъ были причины столь быстраго и громаднаго успѣха прусаковъ и какая доля въ числѣ этихъ причинъ принадлежитъ игольчатому ружью, которое, въ воображеніи многихъ, сдѣлало все? Припомнивъ, съ одной стороны, однородность состава прусской арміи, высокій уровень

ея умственнаго и въ особенности нравственнаго развитія въ военномъ смыслѣ; съ другой—недостатокъ всего этого въ австрійской арміи, кажется, можно съ полной увѣренностію сказать, что не игольчатое ружье было причиной неудачъ послѣдней, а *тѣ люди, у которыхъ оно было въ рукахъ*, и въ особенности тѣ, которые руководили прусскою арміею.

Человѣкъ—существо престранное въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ тому, чтобы, при всякомъ удобномъ случаѣ, сотворить себѣ какого-либо кумира и приписывать этому послѣднему то, что онъ самъ сдѣлалъ. Для уясненія этого позволимъ себѣ такое сравненіе: дрались два человѣка, одинъ въ красной, другой въ бѣлой рубашкѣ; красный побилъ бѣлаго, и посторонній зритель выводитъ въ большей части случаевъ заключеніе, что это вышло не потому, что побившій храбрѣе, ловче, сильнѣе, а потому, что на немъ красная рубашка.... Всѣ толкуютъ о дѣйствительности прусскаго ружья, но весьма немногимъ приходитъ въ голову потолковать о спокойствіи, толковитости, самоотверженіи, чувствѣ долга прусскаго солдата: неужели это второстепенное, а то главное? Неужели кто-нибудь можетъ серьезно остановиться на томъ странномъ выводѣ, что достаточно было имѣть австрійцамъ ружья, заряжаемыя съ казны, и тогда они побили бы прусаковъ? Могутъ сказать, что хорошее оружіе, внушая къ себѣ болѣе довѣрія въ солдатѣ, уже тѣмъ самымъ поднимаетъ и его нравственную сторону. Совершенно такъ, и не я, конечно, буду возставать противъ этого вліянія; но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ: можетъ ли человѣкъ забитый, *неувѣренный прежде всего въ самомъ себѣ*, получить разомъ эту вѣру, благодаря хорошему ружью? Думаю, никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что *подобное оружіе можетъ усилить существующую уже вѣру солдата въ себя, но не можетъ разомъ вызвать ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ*. Кажется, прежде чѣмъ хлопотать о томъ, чтобы солдатъ думалъ, что его ружье лучше непріятельскаго, разумнѣе похлопотать о томъ, чтобы онъ себя-то самого считалъ выше непріятеля: если этого послѣдняго нѣтъ, самое совершенное оружіе не поможетъ.

Посмотримъ же съ этой точки на причины неудачи австрійцевъ, и онѣ намъ представятся совершенно въ другомъ свѣтѣ. Въ военное время долженъ быть битъ тотъ, кого били въ мирное время, если только онъ встрѣтится съ небитымъ; въ военное время не можетъ быть въ себѣ увѣренъ тотъ, въ

комъ эта вѣра систематически была подрываема въ мирное время обращеніемъ, основаннымъ на произволѣ, а не на законѣ—въ комъ, вслѣдствіе этой же причины, нѣтъ особеннаго развитія чувства долга, нѣтъ особеннаго расположенія считать общее дѣло своимъ до такой степени, чтобы, не задумываясь, положить за него жизнь свою. Слѣдовательно, хлопотать о совершенномъ оружіи мало; одному все приписывать странно; нужнѣе хлопотать о томъ, чтобы человѣкъ былъ по возможности совершеннымъ. И—странное дѣло!—всѣ, мало-мальски читавшіе военныя сочиненія или знающіе ихъ по наслышкѣ, съ охотою повторяютъ знаменитый принципъ: побѣда зависитъ на $^3/_4$ отъ нравственныхъ причинъ и на $^1/_4$ отъ матеріяльныхъ. А дойдетъ дѣло до его примѣненія къ частному факту, нравственная сторона забывается, и успѣхъ цѣликомъ ставятъ въ зависимость отъ оружія, отъ пудры, отъ косъ, отъ штиблетъ—однимъ словомъ, отъ красной рубашки. Это такъ было и, къ несчастію, такъ есть. Припомнимъ, что замѣтили и чему подражали изъ системы Фридриха; посмотримъ, въ чемъ стараются подражать прусакамъ теперь—и мы должны будемъ убѣдиться въ грустной неопровержимости этого факта. Возьмемъ тѣхъ же австрійцевъ, которые теперь дѣятельно принялись за реформы: у прусаковъ четыре роты, и они отказались отъ раздѣленія баталіона на шесть ротъ, несмотря на то, что, при нынѣшней сложности образованія солдата, роты должны быть слабѣе, слѣдовательно ихъ нужно имѣть больше, а не меньше въ баталіонѣ. У прусаковъ существуетъ раздѣленіе на дивизіи, и они возстановили его, уничтоживъ послѣ кампаніи 1859 года. У прусаковъ офицеры образованны, и они засадили своихъ офицеровъ чуть не въ школу, не сознавая того, что человѣкъ занимается тамъ только, гдѣ ему *выгодно* быть и *совѣстно* не быть образованнымъ, гдѣ это можетъ доставить ему ходъ, расширить и матеріяльное благосостояніе, и доставить положеніе болѣе высокое и почетное. Скажутъ, можетъ быть, что это и имѣется въ виду: на словахъ, пожалуй, но на дѣлѣ едва-ли; ибо причины, утвердившія въ Австріи производство по протекціи, посильнѣе сознанія интересовъ арміи. Можетъ быть и случится нѣсколько счастливыхъ исключеній, особенно на первыхъ порахъ, пока кровавыя и унизительныя неудачи свѣжи еще въ памяти; но вѣдь исключенія не опровергаютъ, а подтверждаютъ правило. И кто же учители въ дѣлѣ этого казеннаго образова-

нія? Штабъ-офицеры, которые и сами немного знаютъ и сами воспитаны въ тѣхъ понятіяхъ, что безъ образованія обойтись можно.

Прусаки, дѣйствительно, заслуживаютъ подражанія, *но только не во внѣшней организаціи, не во внѣшней формалистикѣ, не въ педантизмѣ, которые составляютъ всегда продуктъ извѣстной только національности, и, какъ такія, не могутъ быть примѣнены къ другой національности: они заслуживаютъ подражанія въ тѣхъ идеяхъ, которыя скрываются за этой формалистикой, за педантизмомъ, за организаціей.* Ибо только послѣднія, т. е. идеи, вѣчно истинны и безусловно-примѣнимы ко всякой національности, но должны у каждой изъ нихъ быть осуществляемы въ формѣ, соотвѣтствующей особенностямъ этой національности. Найдется ли на всемъ свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который бы не согласился съ тѣмъ, что всякій обязанъ жертвовать собою для отстаиванія интересовъ родины, что только начавъ службу съ солдата можно уразумѣть механизмъ службы и научиться управлять себѣ подобными въ тѣ торжественныя минуты, когда отъ человѣка требуется самая высшая и самая доблестная жертва—жертва жизнью? Найдется ли хоть одинъ, который бы не согласился съ тѣмъ, что въ войскѣ на строжайшей справедливости все должно быть основано: отношенія между степенями военной іерархіи, производство и проч., и проч.; что если вы хотите, чтобы ваши войска дѣлали какъ слѣдуетъ свое боевое дѣло, то необходимо и въ мирное время учить ихъ этому дѣлу, а не чему-то постороннему, неимѣющему ничего общаго съ обстановкою и требованіями боя; что побои ослабляютъ энергію человѣка, а не способствуютъ ея развитію, что только накормленный солдатъ можетъ работать какъ слѣдуетъ, и проч., и проч.?.. Нѣтъ, едва-ли найдется; а попробуйте сдѣлать попытку примѣненія — и отпоръ готовъ: что примѣнимо въ Пруссіи, то непримѣнимо въ Австріи.... Какъ-будто есть логика, особая для всякой національности; какъ-будто австріецъ, когда его подвергаютъ тѣлесному наказанію, страдаетъ менѣе, чѣмъ страдалъ бы прусакъ при соотвѣтствующей операціи....

И наоборотъ: когда зайдетъ дѣло о позаимствованіи какой-нибудь формы, внѣшняго осуществленія одной изъ этихъ мыслей, совершенно забывается, что прусская форма имѣетъ смыслъ въ примѣненіи только къ прусскому человѣку, и начи-

наютъ гнуть и ломать, для чего же? для того, чтобы по внѣшности только стать похожими на прусаковъ. Иногда это и достигается—жертвою забвенія сущности дѣла. Упускаютъ при этомъ изъ виду одно, что человѣкъ только тогда охотно работаетъ, тогда только помнитъ цѣль своего дѣла, когда его при исполненіи этого дѣла ничто не тѣснитъ, ни матеріяльно, ни нравственно. А это достигается только строгимъ соображеніемъ съ его нравственными и физическими особенностями (*).

Если обратимся къ начальственному кадру той и другой арміи, то насъ поразитъ то же самое явленіе, которое отмѣчено уже въ отношеніи къ солдату. Въ прусской арміи не было геніяльныхъ начальниковъ: дѣлались въ теченіе кампаніи ошибки весьма крупныя, въ родѣ медленнаго наступленія 1-й арміи, въ родѣ остановки послѣ Кениггреца, и т. п.; но за то всѣ начальники проникнуты безусловною любовію къ своему ремеслу—въ духѣ, а не въ формѣ его; всѣ посвящаютъ мирные досуги его теоретическому изученію; всѣ проникнуты чувствомъ долга, безусловною исполнительностію и отличаются полной свободой отъ страха отвѣтственности. Эти качества имѣли слѣдствіемъ тотъ результатъ, что даже и соображенія не вполнѣ безукоризненныя увѣнчались громаднымъ успѣхомъ. Этого мало: настойчивость въ работѣ и во всесторонней отдѣлкѣ всякаго дѣла повела къ тому, что прусаки вышли на войну приготовленными во всѣхъ отношеніяхъ: войска въ комплектѣ; всякіе припасы въ изобиліи; матеріяльная часть въ полномъ порядкѣ. Прусаки понимаютъ великую истину рим-

(*) До чего это трудно дается, примѣромъ можетъ служить недавно вышедшая превосходная брошюра „l'Armée française en 1867“, принадлежащая перу одного изъ лучшихъ французскихъ генераловъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ сѣтуетъ о томъ, что французскій солдатъ не очень акуратенъ въ соблюденіи правилъ военнаго приличія, не замѣчая, что человѣкъ съ характеромъ болѣе или менѣе живымъ—а таково большинство французовъ—не способенъ именно къ соблюденію формалистики, и что для подобныхъ натуръ ее должно стараться соображать на возможно болѣе широкихъ и нестѣснительныхъ основаніяхъ. Если это упустить изъ виду, то, пожалуй, мелочная формалистика будетъ, а дѣло пропадетъ. Викторъ-Эммануилъ, которому французскій солдатъ не отдалъ однажды чести, превосходно замѣтилъ, въ отвѣтъ на извиненіе французскаго генерала, que le soldat français ne sait pas saluer son officier:—Oui, mais il sait mourir pour lui. Противоположеніе этихъ двухъ вещей чрезвычайно характеристично, и если, въ зависимости отъ характера націи, первое болѣе или менѣе исключаетъ второе, то, кажется, не трудно понять, что чему должно быть предпочтено. Замѣчательно то, что авторъ упоминаемой брошюры вмѣстѣ съ тѣмъ настаиваетъ, что во всякой арміи все должно быть соображаемо съ національными особенностями.

лянъ: „живи въ мирѣ, готовься къ войнѣ“, и застать ихъ врасплохъ трудно, можетъ быть даже невозможно. Хотя и говорятъ, что Австрія первою начала готовиться къ войнѣ, но это не вѣрно: война застала ее врасплохъ, и вѣрнѣе сказать, что она первая подала только поводы къ тому, чтобы ее можно было обвинить въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Объ австрійскихъ начальникахъ, за рѣдкими исключеніями, всего этого далеко сказать нельзя; нельзя также поставить имъ и въ вину того, что они не представляютъ перечисленныхъ качествъ, ибо мирные порядки въ Австріи не способствуютъ, но препятствуютъ развитію этихъ качествъ, вслѣдствіе чего они проявляются только въ тѣхъ личностяхъ, которыя, благодаря врожденной силѣ, не могутъ быть вполнѣ испорчены системой. Однимъ словомъ, эти люди хороши не благодаря системѣ, а, такъ сказать, на зло ей. Къ числу ихъ безспорно должно прежде всѣхъ причислить Габленца, который такъ осязательно показалъ, что если прусаки били другихъ, то, конечно, благодаря не игольчатому ружью. Изъ остальныхъ, люди въ родѣ Эдельсгейма, вѣроятно, показали бы себя нѣсколько иначе, если бы не были связаны по рукамъ и по ногамъ. Однимъ словомъ, здѣсь тоже выступаетъ, во всей его громадной важности, вопросъ системы мирнаго воспитанія войскъ, принимая это слово въ обширномъ смыслѣ. При одной системѣ врожденныя способности развиваются, крѣпнутъ, всплываютъ наверхъ; при другой онѣ глохнутъ, а иногда и намѣренно даже уничтожаются.

И ко всему этому нужно прибавить еще, что одна изъ самыхъ вліятельныхъ на войнѣ данныхъ—именно данная случайностей — была неизмѣнно въ пользу прусаковъ. Правда, ихъ исполнительность и дерзкій порывъ впередъ давали имъ большіе шансы на преодолѣніе враждебныхъ случайностей и на то, чтобы пользоваться тѣми, которыя были имъ благопріятны; но иногда и съ порывомъ попадаютъ въ просакъ, и если этого ни разу не случилось, то благодаря уже не качествамъ прусской арміи, а именно невѣроятному счастію.

Австро-прусское столкновеніе подняло и другой вопросъ—о томъ, какія измѣненія должны произойти въ военномъ искуствѣ. Разлагается онъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) въ какія отношенія стало теперь холодное и огнестрѣльное оружіе? 2) въ какой мѣрѣ уменьшилось теперь значеніе кавалеріи на поляхъ сраженій?

Въ настоящее время многіе толкуютъ, что штыкъ потерялъ почти всякое значеніе; что скорострѣльное оружіе даетъ возможность достигнуть издали того, чего можно было прежде достигнуть только штыковой свалкой. Основывается это мнѣніе на томъ, что „какъ ни порывались австрійцы сойтись на штыкъ, но это имъ ни разу не удалось“. На это замѣчу слѣдующее: воображать, будто на готовыя къ бою войска можно бросаться въ штыки, не подготовивъ атаки огнемъ—какъ это дѣлали австрійцы—по меньшей мѣрѣ странно. Порываться и имѣть *дѣйствительное* желаніе сойтись на штыкъ—далеко не одно и то же.

Ни одна австрійская часть не была вполнѣ уничтожена прусскими залпами: что же мѣшало тѣмъ, которые оставались, довести дѣло до штыка? Мѣшалъ недостатокъ энергіи, а не дѣйствительность прусскаго ружья; мѣшало то, что не было въ австрійской арміи людей на столько рѣшительныхъ, чтобы довести до конца атаку. Не знаю, въ состояніи ли бы были прусаки встрѣтить штыкъ штыкомъ; но долженъ замѣтить, что они все же показали, болѣе нежели австрійцы, желаніе сходиться на штыкъ, ибо въ большей части случаевъ имъ, а не ихъ противникамъ приходилось атаковать.

Огонь и штыкъ не исключаютъ, но дополняютъ другъ друга; первый прокладываетъ дорогу второму, и воображать, что можно атаковать безъ подготовки огнемъ, такъ же ошибочно, какъ и воображать, будто однимъ огнемъ можно сбить противника съ позиціи.

Въ этомъ смыслѣ дѣйствительность прусскаго огня не представляетъ ничего новаго, и если она поразила такою неожиданностію, то не вслѣдствіе новизны, а вслѣдствіе легкости, съ какою человѣкъ забываетъ прошлые уроки. Кому неизвѣстно страшное вліяніе англійскихъ залповъ, послѣдуемыхъ атакою въ штыки, на французскую армію (*), прошедшую сквозь школу революціи, предводимую начальниками, которыхъ выработали великія кампаніи 1796, 1800, 1805 годовъ, представлявшую, слѣдовательно, гораздо болѣе задатковъ на успѣхъ, чѣмъ австрійская армія 1866 года? А, между тѣмъ, этотъ фактъ никому въ голову не приходитъ теперь, несмотря на аналогію съ тѣмъ, что было въ 1866 году. Къ этому нужно прибавить, что тамъ даже и разницы въ вооруженіи никакой не было; *но она была: въ умѣньи людей стрѣлять, въ полномъ спокойствіи*

(*) Въ войну на Пиренейскомъ полуостровѣ.

и отсутствіи суеты въ ихъ рядахъ. Слѣдовательно, успѣхъ огня лежитъ въ воспитаніи людей болѣе, нежели въ оружіи.

Дѣлать какіе-либо выводы о мнимомъ преобладаніи огня надъ штыкомъ по послѣдней войнѣ тѣмъ болѣе странно, что противники не были одинаково вооружены. Предполагая же эту одинаковость, станетъ ясно, что придемъ къ тому, что было и что будетъ, т. е. за перестрѣлкой, какъ бы она ни была быстра и убійственна, должно кончить штыкомъ, если противникъ мало-мальски упоренъ и если мы желаемъ достигнуть цѣли.

Итакъ, усовершенствованное огнестрѣльное оружіе не только не можетъ исключить холоднаго, но даже и не измѣнитъ своей прежней роли—оружія подготовительнаго.

Вліяніе его будетъ другое: оно потребуетъ еще большей гибкости строя, покажетъ несостоятельность въ этомъ отношеніи какихъ-либо закаменѣлыхъ нормъ; покажетъ необходимость возможно-полнаго развитія смѣтливости и находчивости всякаго военнаго человѣка, до послѣдняго чина (*); покажетъ, что нужно стрѣлять рѣдко, да мѣтко—рѣдко не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ выбора минуты для стрѣльбы; покажетъ, наконецъ, всю важность сбереженія патроновъ и такого обученія стрѣльбѣ, которое не допускало бы и мысли о суетѣ и отдавало бы огонь сомкнутаго строя въ руки начальника. Воображать, будто прусаки стрѣляли часто — крайне ошибочно; они стрѣляли толково, т. е. учащали стрѣльбу по цѣлямъ близкимъ и большимъ, и вовсе не стрѣляли, если стрѣлять въ этихъ обстоятельствахъ было нельзя: вотъ въ чемъ была ихъ сила. И что они стрѣляли не часто, доказательствомъ служитъ то, что во всю кампанію они израсходовали среднимъ счетомъ *не болѣе семи патроновъ на человѣка!* Вотъ что значитъ спокойствіе людей, достигаемое раціональнымъ ихъ воспитаніемъ и образованіемъ въ мирное время! Австрійцы, по всей вѣроятности, выпустили гораздо больше патроновъ, т. е. стрѣляли скорѣе прусаковъ, а сдѣлали меньше. Въ чемъ же разгадка? Кажется, видѣть не трудно тому, кто мало-мальски понимаетъ дѣло.

Сказанное о мнимомъ уменьшеніи значенія штыка примѣняется вполнѣ и къ видимому уменьшенію значенія кавале-

(*) Ибо при средствахъ *быстро* наносить вредъ нужно быть способнымъ *быстро* принимать и мѣры противодѣйствія.

ріи на поляхъ сраженій, или, какъ выражаются нѣкоторые, къ тому, что теперь тактика кавалеріи будто бы „на воздухѣ".

Только забвеніе боевыхъ условій могло внушить подобную мысль. Говорятъ, что теперь кавалерія не можетъ врубиться въ пѣхоту. Условимся относительно того, въ *какую* пѣхоту? Если во вполнѣ устроенную, сохранившую хладнокровіе и недоступную чувству страха, наводимому кавалерійскимъ ураганомъ, то это вѣдь и прежде было. Разсуждающимъ вышеприведеннымъ образомъ не мѣшало бы вспомнить, что и въ періодъ гладкостѣннаго оружія кавалерія никогда или почти никогда не выходила побѣдительницею изъ подобныхъ положеній, и въ то же время достигала невѣроятныхъ успѣховъ противъ потрясенныхъ пѣхотныхъ частей. Слѣдовательно, вопросъ въ томъ только, можетъ или не можетъ кавалерія взять теперь *разстроенную* пѣхоту, другими словами: на столько ли дально, и скоро-стрѣльное ружье усилило нравственную упругость пѣхоты, что она впредь никогда не будетъ приходить въ разстройство, не будетъ теряться, ошалѣвать? Вопросъ, поставленный подобнымъ образомъ, носитъ отвѣтъ въ самомъ себѣ: *усовершенствованное оружіе нѣсколько усиливаетъ человѣка, но оно не измѣняетъ его натуры*, и въ рукахъ неспокойнаго или способнаго ошалѣвать оно принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, ибо въ то время, когда при прежнемъ оружіи ошалѣвшій человѣкъ выпускалъ десять патроновъ на вѣтеръ, при нынѣшнемъ онъ выпуститъ ихъ 30, 40.

При такомъ положеніи едва-ли кто оспоритъ ту простую вещь, что кавалерійская атака противъ разстроенной пѣхотной части будетъ имѣть столько же шансовъ на успѣхъ теперь, сколько она ихъ имѣла и прежде; слѣдовательно, все приводится опять къ тому же вѣчному и самому трудному началу кавалерійскаго искуства—*къ выбору мгновенія для атаки*. Есть люди, одаренные этою способностію—кавалерія дѣлаетъ чудеса; нѣтъ ихъ — и она гибнетъ безъ славы и безъ пользы. И такъ какъ подобные люди чрезвычайно рѣдки, кавалерія видную роль и играетъ рѣдко. Дѣло тутъ въ людяхъ, а не въ оружіи.

Все это такъ, можетъ быть скажутъ; но кавалеріи никогда уже не дойти до Росбаха, Гогенъ-Фридберга, Праги. Если въ ней явятся когда-нибудь Зейдлицы, Циттены, Варнери, явятся опять и громкія дѣла. Объ этихъ дѣлахъ много толкуютъ, зная

ихъ по названіямъ больше, чѣмъ по сущности. Стоитъ нѣсколько внимательнѣе къ нимъ приглядѣться, и увидятъ, что и тутъ кавалерія обязана была своимъ успѣхомъ исключительно уловленію минуты и такой обстановкѣ, при которой успѣху не помѣшало бы никакое усовершенствованное оружіе. Дѣйствительно: подъ Россбахомъ — атака на походную колонну; подъ Прагою — атака во флангъ и въ тылъ; подъ Гогенъ-Фридбергомъ — атака баталіоновъ, занимавшихся перемѣною фронта.

И потому плохо сдѣлаетъ пѣхота, которая понадѣется на усовершенствованное оружіе и забудетъ, что прежде всего она должна надѣяться на самое себя. Представимъ себѣ пѣхотную часть, привыкшую думать, что, благодаря ружью, она никогда къ себѣ не подпуститъ кавалеріи; представимъ на нее атаку кавалерійской части, рѣшившейся ворваться, несмотря ни на какія потери: какое впечатлѣніе произведетъ на пѣхоту, когда она увидитъ, что пули не остановили врага? Впечатлѣніе самой страшной парализующей неожиданности, за которою, кромѣ гибели, ничего не будетъ. Какъ бы ни было совершенно оружіе огнестрѣльное, пѣхота не должна забывать, что какъ противъ пѣхоты, такъ и противъ кавалеріи она должна быть готова ко встрѣчѣ на дистанціи штыка, и только подобная пѣхота можетъ быть дѣйствительно страшна кавалеріи.

Средство приготовить такимъ образомъ пѣхоту и кавалерію одно: сквозныя суворовскія атаки, и если его можно было забывать при прежнемъ оружіи, то при нынѣшнемъ едва-ли это будетъ разсчетливо и безопасно.

Тѣмъ не менѣе, совершенно вѣрно, что теперь кавалерія можетъ подвергнуться при малѣйшей неловкости начальниковъ гораздо большимъ потерямъ, чѣмъ то было прежде, что обусловливается, впрочемъ, нарѣзомъ гораздо болѣе, нежели заряжаніемъ съ казны. Но это показываетъ только, что начальники должны быть ловче (*) и что основное свойство кавалеріи — быстрота движенія — должно быть развито до возможной степени. Ибо только быстрота движенія можетъ дать возможность кавалеріи уничтожать пространство, на которомъ она

(*) Разсказываютъ объ одномъ командирѣ австрійскаго кавалерійскаго полка, который большую часть кенигрецкаго дня стоялъ подъ выстрѣлами и не понесъ почти никакихъ потерь, благодаря тому, что какъ только замѣчалъ, что снаряды начинали близко ложиться къ его части, тотчасъ же переводилъ ее шаговъ на сто впередъ или назадъ.

терпитъ отъ огня, и сходиться на ту дистанцію, на которой шансы равны — на дистанцію шашки, пики. Итакъ, вліяніе усовершенствованія оружія на кавалерію, разумно понимаемое, будетъ заключаться въ томъ, въ чемъ оно всегда заключалось относительно всѣхъ родовъ оружія: оно поведетъ къ уясненію ея свойствъ, но никогда не поведетъ къ уничтоженію или уменьшенію ея значенія. На войнѣ, какъ и во всемъ, уничтожается только то, что слабо, не вѣритъ въ себя и до такой степени проникается своимъ ничтожествомъ, что, даже не побывавъ въ опасности, приходитъ въ ужасъ отъ нея, считаетъ ее неодолимою, однимъ словомъ—само себя бьетъ въ собственномъ воображеніи тогда еще, когда непріятель и не думалъ бить. Опасность отъ огня увеличилась для кавалеріи; но вѣдь она увеличилась также и для пѣхоты: неужели изъ этого слѣдуетъ, что и пѣхотѣ нѣтъ болѣе мѣста на поляхъ сраженій? Пѣхота возвращаетъ вредъ, ей наносимый; но развѣ она не покровительствуетъ этимъ самымъ и нашей кавалеріи?

Итакъ: *развитіе безумнаго безстрашія въ людяхъ; развитіе быстроты лошади и облегченіе вьюка до возможнаго предѣла; полное освобожденіе отъ педантизма въ обученіи людей, въ выѣздкѣ лошадей и въ уставныхъ требованіяхъ; развитіе одиночной ловкости и умѣнья мѣтко и сильно рубить и колоть* (*) — вотъ что вызывается усовершенствованнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и горе той кавалеріи, которая не пойметъ этого....

Относительно артилеріи кампанія 1866 года имѣла то значеніе, что утвердила за нарѣзною системою безспорное превосходство, принимая, конечно, въ разсчетъ всю сумму качествъ, а не нѣкоторыя изъ нихъ. Картечное дѣйствіе нарѣзной артилеріи слабо; но за то дальность и дѣйствительность стрѣльбы гранатою и картечною гранатою представляютъ такое превосходство передъ соотвѣтствующими видами стрѣльбы изъ гладкостѣнныхъ орудій, что послѣднія не имѣютъ почти никакихъ шансовъ на успѣшную борьбу съ первыми.

(*) Ни одна изъ регулярныхъ кавалерій не имѣетъ почти никакого понятія объ этомъ дѣлѣ; ему нельзя научить ни посредствомъ фехтованія, ни посредствомъ рубки по воздуху, а исключительно только посредствомъ рубки чучелъ, и притомъ въ намѣченную черту, и посредствомъ ударовъ пикою въ заранѣе-опредѣленную точку.

Нѣкоторые изъ прусскихъ драгунскихъ полковъ давали себѣ трудъ заниматься стрѣльбой передъ атакой въ конномъ строю: вело это къ тому, къ чему всегда будетъ вести стрѣльба съ коня—къ пусканію пуль на вѣтеръ.

Относительно полевой артилеріи выяснился еще и другой вопросъ: *она получила наконецъ возможность быть однообразною.* Сколько можно судить, это, послѣ увеличенія дальности и дѣйствительности стрѣльбы, самый громадный шагъ, сдѣланный артилеріею съ принятіемъ нарѣзной системы орудій.

Факты послѣдней войны не обнаружили никакой разницы между дѣйствительностію 4 и 6-фунтоваго калибра съ прусской, 4 и 8-фунтоваго—съ австрійской стороны. Слѣдовательно, въ интересахъ подвижности, однообразія матеріяльной части и снабженія, можно и должно ограничиться въ полевой артилеріи однимъ 4-фунтовымъ калибромъ.

Иначе и быть не могло, ибо при нарѣзной системѣ *увеличеніе калибра не ведетъ къ увеличенію дальности и дѣйствительности стрѣльбы въ ощутительной мѣрѣ* (*). Произошло это оттого, что въ продолговатомъ снарядѣ представилась возможность достигнуть такого выгоднаго отношенія между поверхностію снаряда и его вѣсомъ, о какомъ въ сферическомъ снарядѣ нельзя было и думать. Достаточно сказать, что въ нашей 4-фунтовой нарѣзной гранатѣ на единицу поверхности приходится столько метала, сколько приходится его *въ 140-фунтовомъ сферическомъ ядрѣ.*

Защитники необходимости имѣть батарейную нарѣзную артилерію опираются въ особенности на ея сильное разрывное дѣйствіе, которое *можетъ* понадобиться для разрушенія земляныхъ насыпей. Разсужденіе мирно-военное, ибо въ немъ не приняты основныя характеристическія черты современной полевой войны: быстрота и неожиданности на каждомъ шагу; первая требуетъ *возможной подвижности всей матеріяльной части* (а можно ли считать подвижнымъ, напримѣръ, орудіе, которое вѣситъ 40 пудовъ, въ сравненіи съ 4-фунтовымъ, вѣсящимъ всего 20?); вторая, т. е. неожиданность, ставитъ васъ на каждомъ шагу въ необходимость употреблять *не то, что лучше, а то, что подъ рукою.* Поэтому-то законъ простоты во всемъ касающемся войсковой организаціи и считается основнымъ закономъ; поэтому-то и глубоко вѣрна въ примѣненіи не только къ военнымъ, но и ко всѣмъ практическимъ предметамъ французская поговорка: „лучшее — врагъ хорошаго“. Этого, къ несчастію, никакъ не хотятъ понять мирные орга-

(*) При тѣхъ условіяхъ, конечно, при которыхъ случается стрѣлять въ бою, а не на мирныхъ полигонахъ.

низаторы и, думая сдѣлать добро арміи, усложняя матеріяльную часть, только затрудняютъ ее, слѣдовательно дѣлаютъ вредъ.

Говорятъ, что батарейныя нарѣзныя орудія могутъ разрушать даже бруствера: опять мирное воззрѣніе, ибо въ немъ упущено изъ виду, что выигрышъ времени на войнѣ — самое важное, и что лучше взять брустверъ штурмомъ, нежели уничтожать его подобнымъ образомъ. Это выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ: и скорѣе, да и меньше будетъ потеря въ людяхъ. На основаніи аргументовъ, приводимыхъ въ пользу батарейной нарѣзной артилеріи, можно требовать, чтобъ возились орудія всѣхъ калибровъ при арміи: это было бы еще *лучше;* но это не было бы *хорошо*, такъ что въ концѣ концовъ стремленіе къ разнообразію калибровъ въ полевой артилеріи въ настоящее время объясняется не столько яснымъ сознаніемъ нуждъ и пользъ арміи, сколько рутиннымъ желаніемъ сохранить во что бы то ни стало привычное раздѣленіе артилеріи на батарейную и на легкую.

Опасеніе бо́льшаго, сравнительно съ прежнимъ, расхода снарядовъ, вслѣдствіе увеличившихся дальностей стрѣльбы, совершенно не оправдалось: *въ продолженіе всей кампаніи прусская артилерія не израсходовала даже того комплекта снарядовъ, который возится непосредственно при батареяхъ* (*). Если и могло возникнуть подобное опасеніе, то въ мнѣніи только тѣхъ, которые не знаютъ, что большой расходъ снарядовъ обусловливается не столько дальностію дистанцій, на которыя орудія могутъ стрѣлять, сколько неспокойнымъ состояніемъ духа прислуги и офицеровъ.

Особенной разницы въ дѣйствительности между австрійской и прусской артилеріею не было замѣчено, что объясняется опять тѣмъ, что приходилось стрѣлять не съ заблаговременно отмѣренныхъ разстояній, какъ дѣлаютъ въ большей части случаевъ на мирныхъ опытахъ и упражненіяхъ.

На организацію артилеріи введеніе нарѣзныхъ орудій окажетъ, вѣроятно, еще то вліяніе, что сдѣлаетъ необходимымъ увеличеніе конскаго и личнаго состава, въ особенности перваго. На образованіи нарѣзная система отразится тѣмъ, что, вѣ-

(*) За всю кампанію изъ каждаго орудія произведено выстрѣловъ, среднимъ счетомъ: въ 1-й арміи изъ 4-фунтовыхъ 87, 6-фунтовыхъ 50, 12-фунтовыхъ 9; во 2-й арміи изъ 4-фунтовыхъ 44, 6-фунтовыхъ 24, 12-фунтовыхъ 17.

роятно, вполнѣ вытѣснитъ стрѣльбу съ отмѣренныхъ разстояній, такъ какъ, при точности стрѣльбы изъ нарѣзныхъ орудій, въ ежегодной пристрѣлкѣ ихъ нѣтъ надобности; а между тѣмъ, съ принятіемъ ударныхъ трубокъ для гранатъ, умѣнье опредѣлить разстояніе, на которомъ снаряды падаютъ отъ цѣли, пріобрѣло громадное значеніе. При отмѣренныхъ разстояніяхъ, потребность слѣдить за первыми паденіями снарядовъ возбуждается далеко не въ той степени, какъ при стрѣльбѣ съ разстояній неотмѣренныхъ.

Прусаки остались не совсѣмъ довольны своею артилеріею. Въ этомъ есть доля правды, но значительно меньшая, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Говорили, что артилерія не такъ мѣтко стрѣляла, какъ ожидали: во-первыхъ, ей приходилось стрѣлять обыкновенно съ слишкомъ дальнихъ позицій, какъ при атакѣ высотъ (*) бываетъ въ большей части случаевъ; во-вторыхъ, приходилось стрѣлять съ неотмѣренныхъ разстояній. Другой упрекъ едва-ли не болѣе имѣетъ основанія: прусская артилерія слишкомъ хлопочетъ о прикрытіи и боится попадать въ плѣнъ, что вполнѣ обнаружилось на дѣйствіи гвардейскаго артилерійскаго резерва подъ Хлумомъ. Въ свою очередь, артилеристы жалуются, что пѣхота не давала имъ довольно времени пострѣлять, скоро, по ихъ мнѣнію, бросаясь въ атаку: дай Богъ, чтобы всякая пѣхота достойна была подобнаго упрека!

Атаки прусской пѣхоты вездѣ удавались — лучшее доказательство, что она давала артилеріи подготовлять ихъ на столько, сколько то было нужно для дѣла. Подготовка болѣе продолжительная могла бы повести къ тому только, что увеличила бы потери пѣхоты отъ непріятельской канонады.

Значеніе инженерныхъ войскъ обнаружилось довольно рельефно, хотя и въ не очень большихъ, по объему, фактахъ: батареи у Хлума и Липы принесли ощутительную пользу австрійцамъ, и если, несмотря на нѣкоторую невыгоду расположенія, не принесли пользы батареи, расположенныя восточнѣе Хлума, то причиною этому было то, что ихъ совсѣмъ и не занимали, отступивъ съ самаго начала боя отъ диспозиціи. Притомъ же инженернымъ войскамъ дано было примѣненіе самое ограни-

(*) Ибо чѣмъ ближе подъѣзжать къ командующей высотѣ, тѣмъ въ худшее положеніе становишься относительно артилеріи непріятеля; иногда даже и совершенно прекращается возможность дѣйствовать.

ченное: австрійскіе начальники какъ будто забыли, что назначеніе этихъ войскъ не только *возводить*, но и *разрушать*. Уже извѣстно, что въ этомъ послѣднемъ смыслѣ инженеры и піонеры вовсе не принесли пользы австрійцамъ. Саксонцы это помнили лучше, и такія мѣры, какъ разрушеніе моста у Неханица, были имъ весьма полезны.

Нынѣшняя война, повидимому, обнаружила безполезность не однихъ слабыхъ, а даже и сильно-укрѣпленныхъ пунктовъ, но только повидимому. Дѣлая подобные выводы, опять забываютъ ту простую вещь, что значеніе всякаго неодушевленнаго предмета опредѣляется не столько его собственными свойствами, сколько свойствами человѣка, который этимъ предметомъ пользуется. Ни одна крѣпость, ни одинъ театръ войны сами себя защищать не могутъ: странно говорить, что они не годятся, когда человѣкъ не съумѣлъ ими воспользоваться. Но даже, несмотря на это послѣднее обстоятельство, должно признать, что если прусаки рано остановили преслѣдованіе 4-го іюля, то, вѣроятно, благодаря Кениггрецу; что если они такъ поздно возстановили сообщеніе по желѣзной дорогѣ съ Берлиномъ, то опять благодаря тому же Кениггрецу.

Обходъ крѣпости не доказываетъ ея полнаго ничтожества, ибо вполнѣ обусловливается силами обходящей арміи и числомъ удобныхъ дорогъ, идущихъ мимо крѣпости. Понятно, что двухсоттысячная армія можетъ не обратить вниманія на крѣпость съ десятитысячнымъ гарнизономъ; понятно также, что значеніе этой крѣпости умаляется съ увеличеніемъ числа дорогъ, мимо нея ведущихъ къ предмету дѣйствій, болѣе важному, чѣмъ она сама; понятно наконецъ, что даже и укрѣпленный лагерь не можетъ имѣть особеннаго значенія, если изъ него нельзя ожидать перехода въ наступленіе. Все это показываетъ не ничтожество крѣпостей, а зависимость ихъ, какъ и всего на войнѣ, отъ единственной живой силы, т. е. отъ арміи и отъ личностей. Армія не поколеблена, личности упорны и предпріимчивы — всякая матеріяльная преграда обращается въ трудноодолимую; армія нравственно подорвана, личности подъ гнетомъ страха отвѣтственности — и матеріяльныя преграды обращаются въ ничто, даже хуже, ибо служатъ не намъ, а непріятелю (*).

Но даже несмотря на то, что австрійская армія была подо-

(*) Какъ и случилось съ Кениггрецомъ въ день 4-го іюля, когда онъ явился не прикрытіемъ, а преградой для австрійсскихъ войскъ.

рвана, можно сказать мгновенно, крѣпости не остались безъ вліянія на военныя операціи. Въ особенности оно отразилось на путяхъ, которые такъ же рѣдки въ наше время, какъ были рѣдки, напримѣръ, обыкновенныя хорошія дороги въ XVIII столѣтіи (*): разумѣю, желѣзныя дороги на театрѣ войны.

Желѣзныя дороги. Желѣзныя дороги въ эту кампанію вполнѣ удержали на театрѣ войны значеніе, которое имъ уже приписывали давно: онѣ остались *комуникаціонными* только, *но не стали операціонными* линіями, т. е. такими, по которымъ подвозится къ арміи и увозится отъ нея все неспособное сражаться (**), но отнюдь не такими, по которымъ могла бы направляться къ непріятелю вооруженная сила.

Дѣлу сосредоточенія войскъ онѣ принесли значительныя услуги до начала войны, т. е. пока противники были въ собственныхъ предѣлахъ; но затѣмъ пришлось во всю почти кампанію не только ходить войскамъ, но и получать все необходимое по обыкновеннымъ дорогамъ. Только къ концу кампаніи прусакамъ удалось устроить кружное желѣзнодорожное сообщеніе Рейхенбергъ-Турнау-Прага-Пардубицъ-Брюннъ. Но до какой степени и оно было ненадежно, доказательствомъ можетъ служить случай, происшедшій съ этимъ сообщеніемъ уже по заключеніи перемирія: комендантъ Терезіенштадта, соблюдавшій спокойствіе въ продолженіе кампаніи, сдѣлалъ вылазку уже по заключеніи перемирія и уничтожилъ одинъ изъ мостовъ между Кралюпомъ и Турнау, послѣ чего о возстановленіи сообщенія раньше недѣли или двухъ нельзя было бы и думать, предполагая продолженіе военныхъ дѣйствій.

Этотъ случай вполнѣ показалъ капитальную слабость желѣзныхъ дорогъ: именно ту, что *онѣ*, обезпечивая до нѣкоторой степени отъ случайностей правильность сообщеній, сами *подвержены случайностямъ*.

Итакъ, въ Европѣ покрайней мѣрѣ, желѣзныя дороги могутъ быть комуникаціонными, но не операціонными линіями. Примѣръ Америки въ этомъ случаѣ не идетъ къ дѣлу, какъ по множеству тамъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и потому въ осо-

---

(*) Эта рѣдкость, въ сочетаніи съ незначительною числительностію армій, и была главной причиной громаднаго значенія даже небольшихъ крѣпостей въ XVIII столѣтіи.

(**) Т. е. припасы разнаго рода, рекруты и т. п.; а увозятся плѣнные, забранное оружіе и т. п.

бенности, что *онъ не преграждаются крѣпостями внутри территоріи Соединенныхъ Штатовъ.*

Нѣкоторые, основываясь на томъ, что желѣзныя дороги могутъ служить путями для фланговыхъ и отступательныхъ движеній (*), утверждаютъ, будто въ такихъ случаяхъ онѣ обращаются въ операціонныя линіи. Едва-ли это вѣрно, ибо помянутыя движенія, покрайней мѣрѣ въ моментъ ихъ исполненія, имѣютъ цѣлію не бой, а уклоненіе отъ боя, слѣдовательно, пути, по которымъ они исполняются, сохраняютъ вполнѣ характеръ комуникаціонныяъ линій.

Обращаясь къ передвиженію войскъ по желѣзнымъ дорогамъ въ собственной странѣ, нельзя не замѣтить громадной важности этого средства сообщенія и настойчивой необходимости возможно основательнѣе ознакомить съ нимъ войска. Отъ этого получится двойная выгода: 1) нужда въ быстромъ передвиженіи не застанетъ врасплохъ; 2) получится вѣрное, а не преувеличенное понятіе о степени ускоренія передвиженія. Въ настоящее время весьма многіе ожидаютъ отъ желѣзныхъ дорогъ гораздо болѣе, нежели онѣ дать могутъ: за этимъ таится въ будущемъ много ошибочныхъ разсчетовъ и грустныхъ разочарованій.

Какъ бы то ни было, безусловные разсчеты въ примѣненіи ко всѣмъ вообще линіямъ желѣзныхъ дорогъ совершенно невозможны: на иной есть, повидимому, всѣ средства для самой безостановочной перевозки (достаточный подвижной и личный составъ, два рельсовыхъ пути и пр.), но нѣтъ по дорогѣ достаточно воды, и всѣ разсчеты рушатся въ прахъ. Поэтому-то и необходимо ознакомиться съ перевозкою значительныхъ массъ войскъ *изъ практики*, не безусловно полагаясь на одни умозрительные разсчеты. Перевозка прусскаго гвардейскаго корпуса показала это довольно осязательно: на разстояніи въ 400 верстъ она потребовала безъ малаго десять дней, т. е. передвиженіе было ускорено не болѣе, какъ въ два съ половиною раза только противъ обыкновеннаго походнаго движенія на показанное разстояніе. Результатъ этотъ весьма далекъ отъ теоретическихъ выводовъ относительно возможнаго ускоренія движенія значительныхъ массъ при помощи желѣзныхъ дорогъ.

Этотъ примѣръ наводитъ и на другое заключеніе: *перевозкою по желѣзнымъ дорогамъ достигается въ особенности сосредо-*

(*) Силъ, находящихся не подъ непосредственнымъ натискомъ непріятеля.

точеніе значительныхъ массъ пѣхоты; кавалерію же и артилерію пр[illegible]ьйшей возможности предпочтительнѣе вести обыкновенн[illegible]одомъ, въ особенности если разстоянія не очень ве-

[illegible]*елеграфы.* О военно-походныхъ телеграфахъ можно сказать [illegible], что сказано о желѣзныхъ дорогахъ: въ дѣлѣ передачи [illegible]азаній они были болѣе комуникаціоннымъ, нежели операціоннымъ средствомъ, ибо служили для связи главныхъ кварт[illegible]съ постоянными линіями (*) гораздо болѣе, чѣмъ для передачи приказаній въ войска.

И это опять понятно, вслѣдствіе того же свойства, присущаго телеграфамъ даже въ большей мѣрѣ, нежели желѣзнымъ дорогамъ: сокращая разстоянія, обезпечивая сообщенія отъ случайностей, сами они имъ подвержены въ сильной степени. На войнѣ трудно ввѣряться средству, которое такъ чувствительно, что первый не только злонамѣренный, но даже просто невнимательный человѣкъ легко можетъ его повредить. Поэтому въ прусской арміи предпочитали придерживаться въ дѣлѣ передачи операціонныхъ приказаній стараго, сравнительно медленнаго, но вѣрнаго средства—черезъ ординарцевъ.

Итакъ, въ этомъ отношеніи война не измѣнила свойствъ перечисленныхъ элементовъ, хотя и показала, какую громадную пользу приносятъ они въ рукахъ людей, которые заблаговременно подумали о томъ, чтобы войско съ ними освоилось.

—

Мы не перечислили и малой доли тѣхъ усовершенствованій, которыя будутъ вызваны быстрыми успѣхами огнестрѣльнаго пораженія въ различныхъ родахъ оружія, но, кажется, достаточно обнаружили, что эти успѣхи не умалятъ, а увеличатъ значеніе человѣка, какъ главнаго орудія на войнѣ: ибо большія трудности въ бою могутъ быть воздвигнуты только умомъ и побѣждены только тѣмъ же умомъ, настойчивостію, энергіею, и ничѣмъ болѣе. Въ настоящее время, къ несчастію, слишкомъ сильно начинаетъ распространяться мысль, будто человѣкъ можетъ замѣнить себя машиной—опасная мысль, которая можетъ повести къ тому, [illegible]она уже повела разъ, [illegible]ча дополняетъ человѣка, [illegible], мало того: она и пользу-то

(*) Т. е. съ тыломъ.

свою всю можетъ принести только въ рукахъ человѣка, у котораго голова и сердце въ порядкѣ.

Поэтому будетъ великою ошибкою, если, увлекшись усовершенствованіями въ оружіи, забудутъ, что *лучшее* оружіе требуетъ и *лучшаго* человѣка, т. е. болѣе развитаго, болѣе упругаго, поставленнаго въ возможно-лучшія матеріяльныя условія въ содержаніи и особенно въ снаряженіи. Послѣднее положительно тяжело во всѣхъ европейскихъ арміяхъ: одинъ тотъ фактъ, что теперь почти вездѣ принято за правило снимать передъ атакою ранцы, ясно на это указываетъ. Тяжесть снаряженія въ особенности ощутительна теперь, когда та *быстрота*, которая прежде составляла особенность дѣйствій людей геніяльныхъ (Наполеонъ, Суворовъ и пр.), начинаетъ обращаться какъ бы въ методъ, ибо всѣ понимаютъ громадныя преимущества, ею даваемыя, и стараются прибѣгать къ ней.

Поэтому на облегченіе ноши солдата должно быть обращено особенное вниманіе. Нѣкоторые изъ прусскихъ офицеровъ склонялись послѣ кампаніи въ пользу того мнѣнія, что можно бы отмѣнить ранцы, и едва-ли такое мнѣніе позволительно отнести сразу къ числу парадоксальныхъ. Въ пользу его говоритъ тотъ фактъ, что нѣкоторые полки, потерявшіе свои ранцы подъ Траутенау, не ощущали отъ недостатка ихъ особеннаго лишенія въ продолженіе остальной части кампаніи. Сколько можно судить, вообще въ снаряженіи солдата слѣдовало бы избѣгать предметовъ, которые, не принося ему никакой непосредственной пользы, играютъ только одну роль—роль чехловъ для скуднаго его имущества. Въ пользу попытки отмѣнить ранцы немалое свидѣтельство представляютъ также и наши послѣднія дѣйствія въ западномъ краѣ, въ продолженіе которыхъ отряды ходили безъ ранцевъ, несмотря на то, что отправлялись въ экспедиціи иногда на довольно продолжительное время. Мнѣ кажется, что лишняя пара сапоговъ, сухари, одна или двѣ перемѣны бѣлья и еще нѣкоторыя мелочи—вовсе не такія громоздкія и дорогія вещи, чтобы для нихъ была надобность въ особомъ чемоданѣ, который самъ по себѣ вѣситъ довольно много (*) и, главное, располагаетъ къ усложненію солдатскаго снаряженія прибавкою къ нему вещей, которыя по мирному разсужденію какъ будто и необходимы, а по во-

(*) Въ тяжести, которую приходится иногда тащить по 40 верстъ въ день, и лишній золотникъ много значитъ.

енному положенію никуда негодны. Отмѣна ранца поставила бы и солдата въ невозможность таскать съ собою всякую ненужную дрянь, къ чему онъ расположенъ въ весьма сильной степени—фактъ, извѣстный всякому, кто близко съ нимъ возился.

Обратимся къ прусской арміи и укажемъ на нѣкоторыя особенности ея, невошедшія въ предшествующее изложеніе. Въ началѣ было сказано, что прусскій солдатъ несетъ лишенія бодро и съ самоотверженіемъ; но молодость и непривычка къ продолжительнымъ маршамъ берутъ свое, что и отражается большимъ процентомъ убыли. Во II арміи, напр. изъ 125,000, начавшихъ войну, дошли къ Дунаю около 95,000. Такъ какъ потеря этой арміи въ дѣлахъ не превосходитъ 9,000, то и оказывается, что 21,000 осталась въ тылу.... Вся же кампанія продолжалась съ 27-го іюня по 22-е іюля, т. е. безъ малаго мѣсяцъ. Даже и допуская, что часть этой цифры пошла на обезпеченіе тыла, все же остатокъ представитъ довольно сильный процентъ.

Отличительную черту образа дѣйствій прусаковъ въ эту кампанію составляетъ страсть къ охватываніямъ, стратегическимъ и тактическимъ. До такой степени были часты эти охватыванія, что они располагаютъ думать, не возведенъ ли у прусаковъ подобный обзоръ дѣйствій на степень *лучшаго*. Противъ австрійцевъ онъ былъ дѣйствительно таковымъ; вопросъ въ томъ, слѣдовательно, будетъ ли онъ измѣненъ съ перемѣною противника. Правда, прусскіе военачальники понимаютъ прекрасно, что „нужно мѣнять тактику каждые десять лѣтъ“ (*): но человѣкъ такъ наклоненъ считать за лучшее то, что ему разъ удалось....

Прусская армія не привычна къ бивуачнай жизни и не любитъ ея. При малѣйшей возможности предпочитались квартиры; случалось, что отряды, выдвинутые съ квартиръ на позицію, въ ожиданіи непріятеля, верстъ на 14, возвращались ночью опять на эти квартиры. Бивуачныя сноровки, въ родѣ возведенія шалашей, неизвѣстны прусакамъ; только къ концу кампаніи они начали получать къ этимъ сноровкамъ нѣкоторый навыкъ. Австрійцы, напротивъ, чрезвычайно ловки въ

(*) Выраженіе Наполеона I. который первый это сказалъ, и однако же допустилъ тактикѣ своихъ войскъ обратиться въ рутину, за что и былъ наказанъ англичанами на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ 1815 г.

бивуачныхъ возведеніяхъ: на оставленныхъ ими бивуачныхъ мѣстахъ случалось встрѣчать чуть не цѣлые соломенные города, устроенные съ замѣчательнымъ искуствомъ. Шалаши ихъ, обыкновенно общіе на цѣлую часть, въ длину иногда шаговъ до 30 или 40, представляютъ навѣсы аршина въ полтора вышины, состоящіе или изъ одной наклонной стѣны, подпертой стойками, или же изъ вертикальной и потолка. Нѣсколько жердей служатъ остовомъ подобной постройки. Солома для нея — исключительный матеріялъ: ею связываютъ жерди, ею кроютъ, и она же замѣняетъ шарниры для дверей въ шалашахъ начальниковъ. Какъ ни хороши подобныя постройки, но, не говоря уже объ истребленіи хлѣба, онѣ и тѣмъ не легки, что отнимаютъ слишкомъ много времени отъ отдыха солдата, слѣдовательно едва-ли возможны при маломальски продолжительныхъ, хотя бы и не форсированныхъ, движеніяхъ. Это прямо указываетъ на великую пользу и необходимость въ войскахъ переносныхъ шатровъ французскаго образца, при которыхъ солдатъ, по приходѣ на ночлегъ, получаетъ кровъ чрезъ двѣ, много три минуты. Принятіе ихъ будетъ однимъ изъ крупныхъ гигіеническихъ улучшеній (*).

Порядокъ сторожевой службы у прусаковъ представляетъ особенность, заслуживающую подражанія: непосредственно за цѣпью, на каждой изъ дорогъ, ведущихъ со стороны непріятеля, располагается *опрашивающій постъ*, изъ 4 или изъ 5 человѣкъ, которые поочереди препровождаютъ немедленно на пикетъ одиночныхъ людей, подходящихъ со стороны непріятеля. Пары цѣпи, стоящія не на дорогахъ, никого не подпускаютъ, направляя къ опрашивающимъ постамъ. Благодаря этому, передъ цѣпью труднѣе можетъ произойти то опасное скопленіе людей непріятельскихъ, которое нарочно иногда было устраиваемо для того, чтобы неожиданно снять цѣпь.

Въ гибкости уставныхъ формъ противники были одинаково равны: не терялись войска отъ того, если не только 3-й баталіонъ попадалъ, напримѣръ, правѣе 1-го или 2-го, но даже если въ одномъ и томъ же баталіонѣ и роты приходились не по порядку нумеровъ: не терялись потому, что были такъ пріучены и въ мирное время.

Заключаю очеркъ кампаніи тѣмъ, что не разъ говорилъ, и не разъ, вѣроятно, долженъ буду еще сказать: усовер-

(*) У насъ они приняты.

шенствованное вооруженіе, хорошій планъ, знаніе войсками техники дѣла, значатъ, конечно, очень много, но значатъ не болѣе, какъ нули, когда лѣвѣе ихъ стоитъ единица: они увеличиваютъ *количествввное, но не качественное* значеніе ея; сами же по себѣ ничего не значатъ. Эта единица въ военномъ дѣлѣ, какъ во всемъ и всегда, человѣкъ. Тамъ, гдѣ онъ энергиченъ, гдѣ онъ не находится подъ нравственнымъ гнетомъ извѣстнаго склада отношеній, или подъ умственнымъ—извѣстныхъ теорій—дѣло пойдетъ хорошо; если техника и хорошее оружіе есть — пойдетъ притомъ и легко; если то и другое не вполнѣ удовлетворительно—*пойдетъ труднѣе, съ бо̀льшими потерями, но все же пойдетъ.*

Тамъ же, гдѣ человѣкъ привыкъ всего бояться, гдѣ его энергія притуплена, нравственная самостоятельность преслѣдуется какъ нѣчто вредное, тамъ онъ по необходимости будетъ бояться и непріятеля: не на столько, можетъ быть, чтобы бѣгать отъ него при пе́рвой стычкѣ, но на столько, чтобы носить вѣчно въ себѣ язву нравственнаго убѣжденія въ невозможности его побѣдить.

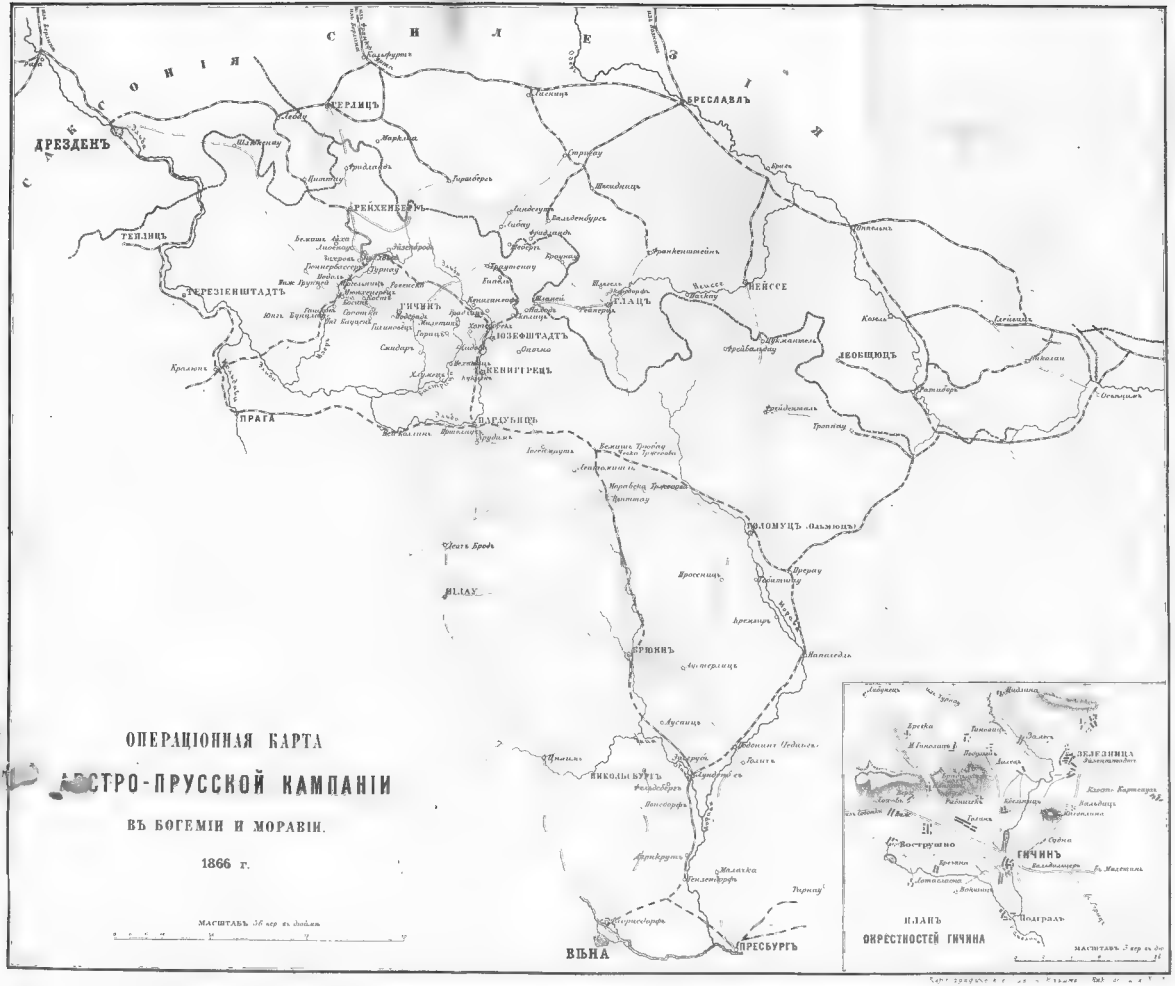
При такомъ состояніи нравственной стороны никакое совершенство оружія и техники не поможетъ, ибо то и другое *помогаетъ преодолѣвать препятствія на пути къ извѣстной цѣли, но не учитъ задаваться этою послѣднею рѣшительно и безвозвратно.* Послѣднему выучить нельзя: послѣднее дается только выработкою личной энергіи солдатъ и начальниковъ; безъ нея усовершенствованное оружіе будетъ болѣе вредно, нежели полезно, ибо поведетъ только къ тратѣ патроновъ, болѣе быстрой и безтолковой, чѣмъ при прежнемъ оружіи; совершенство въ техникѣ будетъ болѣе вредно, нежели полезно, ибо она, уча преодолѣвать препятствія, въ то же время показываетъ и всю ихъ силу, т. е. людямъ нерѣшительнымъ доставляетъ только благовидные предлоги къ оправданію недостатка рѣшимости. Мало того: она ведетъ къ истощенію силъ арміи, ибо упражненія въ формахъ дѣйствія поведутъ къ изысканію формы совершеннѣйшей, т. е. практически-нелѣпой (*); пониманіе важности хорошо соображеннаго плана—къ безпрерывнымъ измѣненіямъ разъ принятаго, т. е. къ невозможности на чемъ-либо

(*) Бригадный строй съ безпрерывной смѣной линій обратился въ такую форму у австрійцевъ.

остановиться (*). Австрійцы приготовили себѣ превосходно возможность дѣйствовать по нѣсколькимъ направленіямъ — и ни однимъ не воспользовались именно вслѣдствіе недостатка рѣшительности, находящаго себѣ такое удобное оправданіе въ стремленіи къ *лучшему*, которое, какъ уже извѣстно, всегда врагъ *хорошаго*. Прусаки рѣшались иногда неловко, но рѣшались не колеблясь—и благодаря преимущественно этому остались побѣдителями.

(*) Начало кампаніи, рѣшившее все, носитъ именно этотъ характеръ.

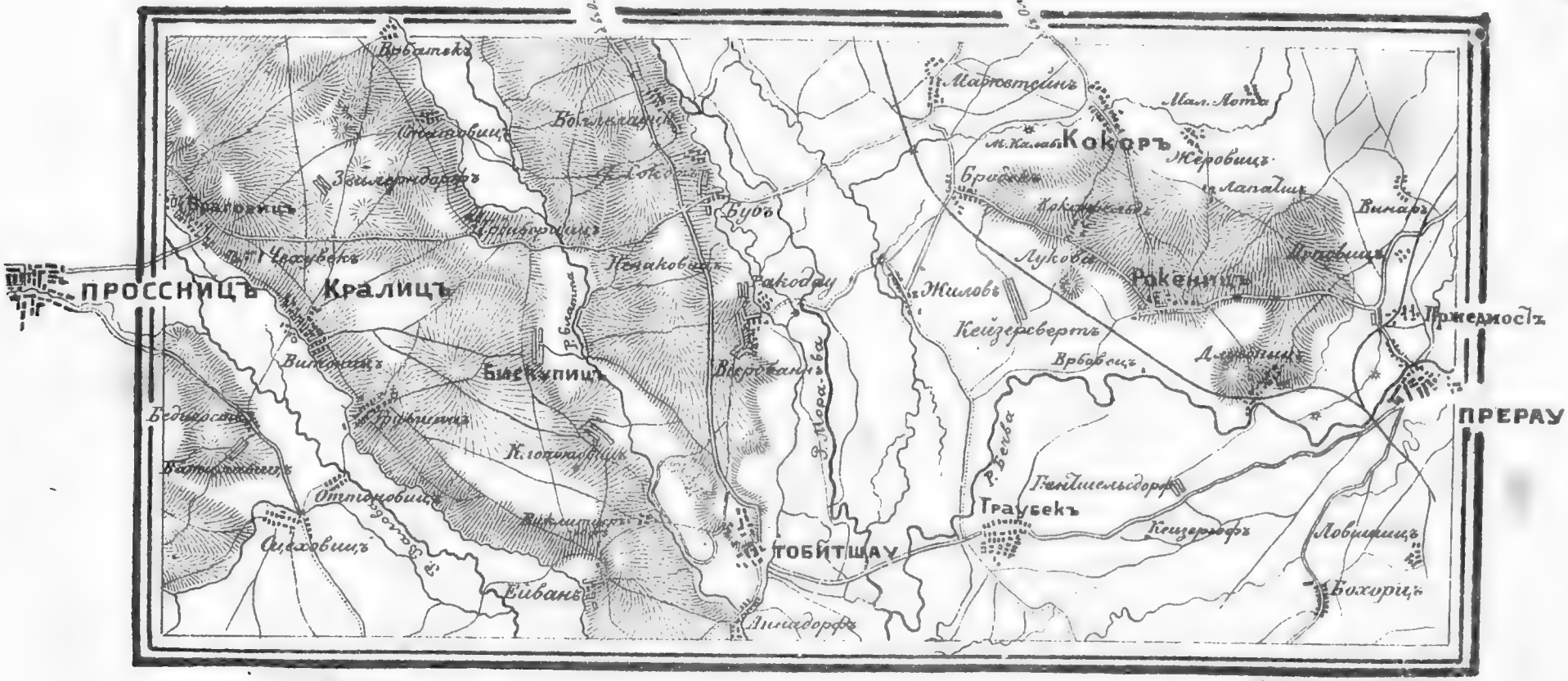
КОНЕЦЪ.


ОПЕРАЦІОННАЯ КАРТА
АВСТРО-ПРУССКОЙ КАМПАНІИ
ВЪ БОГЕМІИ И МОРАВІИ.
1866 г.
МАСШТАБЪ 36 вер. въ дюймѣ
ДРЕЗДЕНЪ
ТЕПЛИЦЪ
ТЕРЕЗІЕНШТАДТЪ
ПРАГА
ГЕРЛИЦЪ
РЕЙХЕНБЕРГЪ
ГИЧИНЪ
ЮЗЕФШТАДТЪ
КЕНИГГРЕЦЪ
ПАРДУБИЦЪ
ГЛАЦЪ
НЕЙССЕ
БРЕСЛАВЛЪ
ЛЕОБЩЮЦЪ
ОЛОМУЦЪ (Ольмюцъ)
ЯГЛАУ
БРЮННЪ
НИКОЛЬСБУРГЪ
ВѢНА
ПРЕСБУРГЪ
ПЛАНЪ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ГИЧИНА
ЖЕЛЕЗНИЦА
ГИЧИНЪ
Вострушно
Подгралъ
МАСШТАБЪ 3 вер. въ дюймѣ

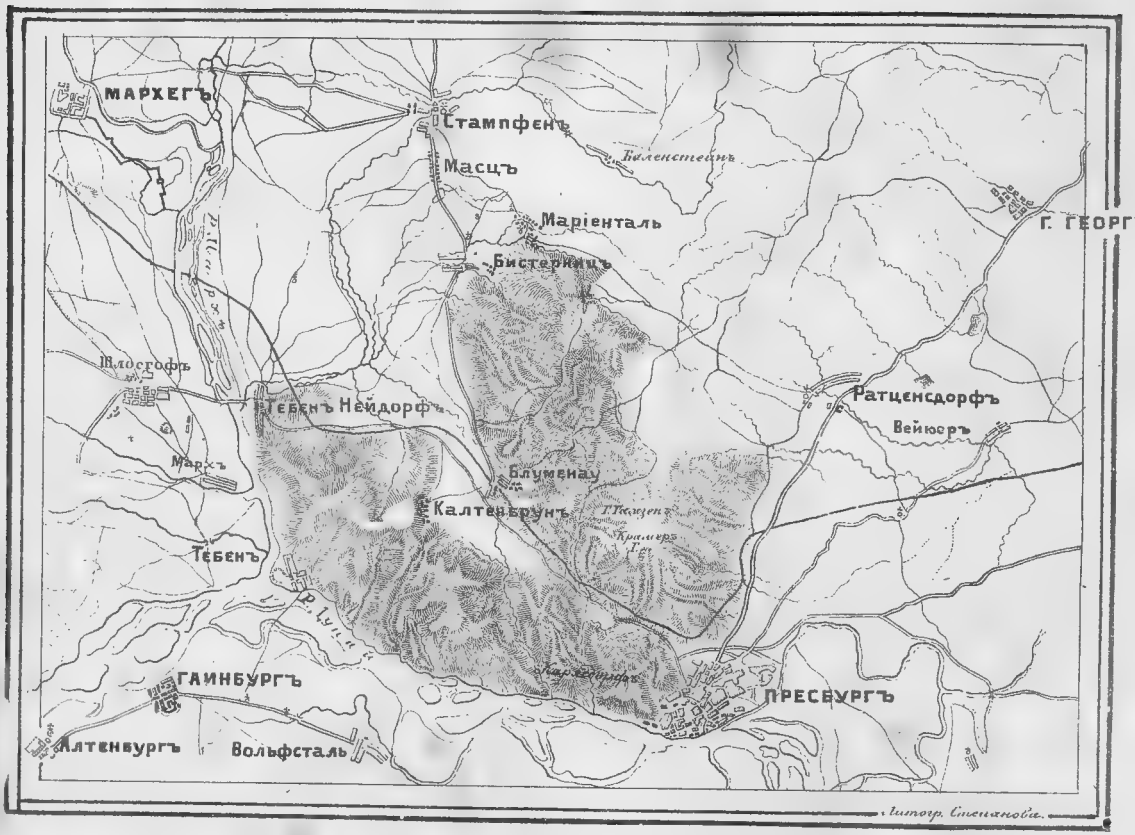
ПЛАНЪ №2.

АРНАУ
ТРОТЕНАУ
ПИЛЬНИКАУ
Маркаушъ
Старкстадъ
Гроновъ
Котцельсдорфъ
КЕНИГИНГОФЪ
Градлицъ
Шурцъ
МИЛЕТИНЪ
ГОРИЦЪ
Дубенецъ
Хвалковицъ
Студницъ
НАХОДЪ
СКАЛИЦЪ
ЯРОМЕРЪ
ІОЗЕФШТАТЪ
Кртчинъ
НЕЙШТАДТЪ
Бол Бюрглицъ
Бол.Ерицъ
Петровицъ
Смирицъ
Неханицъ
Кралеградъ.
Кениггрецъ
Масштабъ

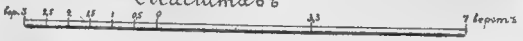
ПЛАНЪ №2 bis.


ПРОССНИЦЪ
Кралицъ
Кокоръ
ПРЕРАУ
ТОБИТЩАУ
Граубекъ
Буковъ
Рокенитцъ
Жиловъ
Прженосъ
Бискупицъ
Ржебовицъ
Ловчовицъ
Бохоричъ
Ржебева
Моравка
Масштабъ.

ПЛАНЪ №3



Масштабъ



CTS